

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

г. Оренбург, 2015 год

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала
Оренбургского государственного университета

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
И РЕЛИГИОЗНОЕ
МНОГООБРАЗИЕ
УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО
РЕГИОНА**

*Сборник материалов Всероссийской
научно-практической конференции*

Оренбург, 2015

УДК 39 (470.5)
ББК 63.521(235.55)
Э91

Ответственный за выпуск:

Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

Э91 Этнокультурное и религиозное многообразие Урало–Поволжского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – 328 с.

ISBN 978-5-4417-0614-8

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этнокультурное и религиозное многообразие Урало–Поволжского региона». Которая состоялась в г.Оренбурге 30 октября 2015 года. Книга объединяет статьи, раскрывающие формирование и расселение разнообразных этнических групп и казачества Урало–Поволжского региона, их занятия и хозяйство, традиционную обрядность, религиозную жизнь, самосознание, межкультурное взаимодействие, а также роль органов власти, системы образования и СМИ в реализации национальной политики и обеспечении толерантности. Издание адресовано широкому кругу читателей, учёных и специалистов, интересующихся этнической историей и религиозной культурой народов Урало–Поволжского региона.

УДК 39 (470.5)
ББК 63.521(235.55)

ISBN 978-5-4417-0614-8

© Коллектив авторов, 2015

© ООО ИПК «Университет», 2015

ПОЛОТЕНЦЕ В ПОДАРОК

Полотенце в славянском обществе сопровождало человека от рождения до смерти. Оно выполняло важные обрядово-бытовые функции. Обрядовая роль полотенец в народном быту была многозначной¹.

Для вытирания рук использовали предметы, которые называли: утирка, ширинка, полотенце, рукотерка², ручник-ветошка, висящая при рукомойнике – куски полотенца небольшой длины и менее украшенные по сравнению с настоящим рушником. Созвучие со словом «рука» дает повод толкования слова «рушник» как полотенца для рук.

Рушник – декоративное изделие шириной около 35–40 см имеет длину 3–5 и более метров. Он украшен вышивкой, бранным качеством, лентами, кружевом и тесьмой. Таким изделием невозможно вытирать руки.

Рушник – это единственный ритуальный предмет из языческого прошлого, который традиционно используется по своему прямому назначению – защищать своими магическими изображениями от сглаза, любой порчи.

Каждый знак, каждая точка и черточка в древнем орнаменте полотенца несли на себе определенную смысловую нагрузку, являясь своего рода тайнописью наших далеких предков. Этнографы свидетельствуют, что еще во второй половине XIX века в некоторых русских деревнях жили старушки, умевшие «читать» по вышитому орнаменту³ и во время свадебных обрядов разъяснявшие жениху с невестой значение узоров на венчальной одежде. Н. Карамзин отмечает культурную роль полотенца в Древней Руси – славяне «ветви убрूसем обвешающе и сим поклоняющимся»⁴.

Интересные сведения о полотенцах находим у выдающегося русского историка Н. И. Костомарова. В день свадьбы перед приездом жениха невесту сажали на «место», а рядом брата или родственника. На столе перед главным местом становилось блюдо с убрусами, назначенными для раздачи гостям⁵.

Свадебные полотенца – традиционные и наиболее важные предметы свадебного ритуала – составляли главную часть приданого невесты и предмет ее гордости. Они изготовлялись в большом количестве: от 30 до 80 штук. Свадебные полотенца шили из лучшего кужельного холста. Длина полотенец была от 2 до 4 метров. Ширина их – это обыч-

ная ширина русского крестьянского холста – 36–38 см. Реже делали их более узкими – 19–35 см или более широкими – 40–41 см. Холсты тщательно отбеливали. Вышивки на свадебных полотенцах украшались кружевами собственного изготовления.

Н. И. Костомаров рассматривая свадебные традиции, упоминает полотенце еще раз. Описывая подготовку брачного ложа, историк замечает: «Над постелью ставились образа и крест... Образа были задернуты убрусами...»⁶

Историко-этнографический музей Оренбургского государственного аграрного университета на протяжении многих лет создает коллекцию полотенцев, которую неоднократно демонстрировали на различных выставках в Москве, Оренбурге, Орске, Новотроицке, Сорочинске, Новосергиевке⁷. Внимание зрителей и специалистов привлекли полотенца, на которых были вышиты петухи и курицы.

Курица – одна из древнейших эмблем. В основе мифологического образа этой птицы в большинстве традиций – его связь с солнцем, подобно которому петух «отсчитывает» время, возвещая о начале дня. Будучи связан с божествами утренней зари и солнца, петух часто выступает как глашатай (вестник) солнца (света) и его проводник в суточном и годовом циклах. Согласно народным поверьям, ночные призраки исчезают с первым криком петуха. Мотив петуха, разгоняющего своим криком нечистую силу известен многим по сказкам и былинам. Как и солнце, петух бдителен и всевидящ; изображение петуха помещали на крышах домов, шестах, шпилях, флюгерах, а также на ларцах, сундуках.

Культура многих народов связана с полотенцем. Приведем несколько примеров.

В славянском мире полотенце занимает особое место. Обряды западных, южных славян схожи с традициями русских. Мы находим много общего в истории сербского полотенца. В документах средневекового Дубровника встречается слово «убрус». Им обозначали льняные, шелковые, реже хлопковые полотенца, украшенные вышивкой и кружевами. Ими украшали дома, церкви, а также носили за поясом как часть мужской и женской одежды. Полотенца для вытирания рук и тела были различной величины, в длину достигали пяти с половиной метров!

Материал, величина и вид полотенца зависели от того, какую именно функцию оно должно было выполнять. Полотенца для ежедневного употребления были самыми простыми. Льняные или хлопко-

вые, они часто не имели никакого украшения. Но если полотенце должно было служить для покрывания хлеба или корзины с едой, которую хозяйки носили своим мужьям в поле, оно обязательно украшалось вышивкой или кружевом. Народными узорами вышивалось и специальное длинное полотенце, которое размещалось по краю обеденного стола и служило для вытирания рук во время обеда. Практически до середины XX века сербы полотенцами украшали иконы, зеркала, окна, внутренние дверцы шкафов и семейные фотографии. Аналогичная традиция характерна и для русского общества. Полотенца помещали в углах комнат на специально приготовленных рамках или вешалках. В старых сербских домах вышитое полотенце обязательно вешали перед умывальником. Такое полотенце не только было украшено цветочным рисунком и кружевами, но и вышитым текстом: «Доброе утро», «Спокойного сна» и даже отрывками из стихов сербских поэтов.

Полотенце сопровождало важнейшие события в жизни серба. Его дарили за услугу или хорошо выполненную работу. Приносили в церковь как дар «за здравие» или «за упокой». Оно служило подарком на свадьбу, рождение малыша, приносилось на похороны.

Полотенца часто передавались по наследству и являлись частью приданого. Раньше в полотенце обязательно заворачивались все подарки новорожденному. Отдельное полотенце кумовья приносили на крещение.

Обрядовые полотенца в Сербии до сих пор очень ценятся и являются одним из популярных сувениров – гости Парламента, например, обязательно получают его в подарок.

В коллекции этнографического музея Оренбургского государственного аграрного университета находятся несколько татарских изделий с растительными узорами. В татарской вышивке воспроизведения конкретных растений можно определить «ботанической точностью». Растительные узоры, как правило, имеют собирательные образы. На одной ветке, на одном стебле мастерицы объединяют совершенно различные цветы, плоды и листья.

В формировании растительных мотивов особую роль сыграли привозные восточные, особенно иранские ткани. Вышивальщицы подражали изысканным узорам на шелковых, парчовых, кисейных тканях. Палитра татарской вышивки всегда стремилась к многоцветности.

Особое отношение среди татар к вышитому полотенцу закрепилось обычаями. Стало традицией вручать его в качестве награды ба-

тыру – победителю на Сабантуе, одаривать на свадьбе родственников жениха, украшать стены сельского дома. Во время праздников юноши накидывали полотенце на правое плечо и завязывали на левом боку.

Очень трепетно относились к вышивке на полотенцах в Чувашии, это было их отличительной национальной чертой.

Для вышивки использовались нити красного, синего, желтого, зеленого цветов. Чувашская вышивка использует розетки с восемью лепестками (символ солнца) и древо жизни.

При этом чувашская вышивка выполнялась без специальных приспособлений, которые могли бы облегчить работу. Девушка просто брала в руки ткань и на ней вышивала. В процессе работы использовалось большое количество швов, в сочетании которые давали интересный орнамент. Нитки приходилось окрашивать самим, поэтому сам процесс получения готового изделия довольно трудоемкий, а чувашская вышивка не такая уж и простая. В ее основе лежат самые разные геометрические фигуры, имеющие свое значение. Чаще всего вышивали простым швом, крестом, двусторонним швом.

Рушники, вышитые полотенца играли в жизни людей важную роль, были важными элементами в быту. В наши дни рушники можно встретить не только в тишине музейных залов. В последние годы возобновляется интерес к вышиванию, которое предназначено, в основном, для украшения дома.

Примечания:

¹ См.: Федорова А.В. Обрядовая роль полотенца в народном быту // Традиционная народная культура: исторический быт и пути развития: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург, 2009. С. 35–38.

² Мир музея. 2013. №9. С. 42.

³ См.: Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

⁴ Карамзин Н. История Государства Российского. СПб, 1830. Ч. 1. С. 107.

⁵ Костомаров Н. И. Домашняя жизнь русского народа. М., 2008. С. 357.

⁶ Костомаров Н.И. Там же.

⁷ Емельянова Н. Рушники – путешественники // Южный Урал. 2012. 12 декабря. С. 32; Она же. Пологняный фольклор в музейном интерьере // Южный Урал. 2013. 13 марта. С. 32; Мялова О. С. С рушниками и в пир и в мир // Вечерний Оренбург. 2012. 14 марта. С. 6.

ТАТАРЫ, МЕЩЕРЯКИ И ДРУГИЕ ИНОВЕРЦЫ КРАЯ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

В пределах северо-восточной территории бывшей Оренбургской губернии (в основном на территории нынешней Челябинском области), проживают в основном потомки сибирских татар и переселившихся сюда казанских татар, а также небольшая часть мещеряков (мишарей).¹ Предки мещеряков еще в XVII в. как служилые люди были переселены для службы на левобережье Средней Волги и в северную часть Башкирии. Часть же этих переселившихся казанских татар влилась в сословную группу тептярей, которые в конце XVIII в. также были обращены в служилое сословие. Нужно указать на еще одну этническую группу, проживающую сейчас в одноименном Нагайбакском районе Челябинской области, а именно, крещеных татар-нагайбаков, входивших в состав оренбургского казачества.

Таким образом, на территории прежнего Уфимского и Челябинских уездов находились еще две группы служилых людей кроме казаков и башкир – татары и мещеряки. История их появления на этих землях берет начало в XVII в. в связи со строительством многочисленных укреплений (Новошешминск, Кичуевск, Заинск, Мензелинск, Бирск и др.). В эти окрестности правительство и переселяло для несения службы группы татар и мещеряков. По указу от 1646 г. царя Алексея Михайловича татары, вызванные на службу в военное время, получали от казны жалованье и провиант. Поэтому иногда в документах такие иррегулярные формирования назывались «кормовыми». Следует указать, что только часть татар входила в военное сословие под названием «служилые татары». В первое время они получали денежное жалованье по 4-7 руб. С конца 50-х гг. XVII в. мещеряков перевели на службу за получение земельных наделов. Набранных на службу татарских и мещеряцких служилых людей правительство поселило на территории Осинской и северо-восточных волостей Казанской дороги. В середине XVII в. здесь числилось по 100 семей служилых татар и мещеряков. Служилые мещеряки получили поместный оклад от 100 до 130 четвертей пашенной земли, татары – по 60 четвертей и определенное количество сенокосов. Кроме того, часть мещеряков и татар пользовалась землями башкир на условиях припуска.

П.И. Небольсин полагал, что мещеряки не что иное, как «омусульманенная мещера» с давних времен осевшая на башкирских землях. Вначале, предположительно, они поселились в окрестностях Бирска, позднее переселились на земли башкир за условный оброк или ясак и платили его башкирам. С одного двора платили по кунице или по лисице или по бобру или медом; затем заменили этот ясак деньгами: полагая за куницу 40 коп.; за лисицу 75; бобра – 1 руб. 50 коп; пуд меда – 1 руб.²

Этническая группа мещеряков проделала свою эволюцию встраивания в военно-политическую организацию русского государства. О начале службы мещеряков русским царям имеются лишь скудные сведения. Так в царской грамоте 1658 г. уфимскому воеводе А.И. Головину упоминаются служилые татары-мещеряки, предки которых отправляли военную службу еще в Алатыре, Арзамасе, Кадоме, Темникове, Свияжске и других городах правобережной Волги, и поэтому как дети служилых людей освобождались от платежа ясака «за военную службу московскому государю на Уфе в течение 15 и более лет». Сами мещеряки считали, что они стали служить русскому государству намного раньше. Так, в одном из прошений мещеряков правительству констатировалось: «Мещерятской наш народ прежде других иноверцов по собственному своему желанию, переселившись из Золотой орды в Россию еще в 7001 г. (1482/1483 г. – К.В.), за верных и беспорочных предков наших российскому скиптру службы как при взятъе Казани, так и при других многих тогдашнего времени случаях, жалованы были в разных местах нагорной стороне реки Волги поместными дачами и для поселения их выгодными землями с угодья» Затем мещеряки в составе русских войск усмиряли набеги ногайцев на русские земли. Тогда мещеряки были командированы «по разряду с протчими великороссийскими войсками в их селении сперва для усмирения оных нагайцов и защищения вновь пришедших тогда в подданство башкирцов и огульских орд, а потом против сих самых башкирцов, в 1676 году взбунтовавшихся. По усмирению коих чрез трехлетнее время оставлены были предки наши между селениями их для жительства и примечания за их поступками и для безопасности города Уфимска и были разделены по волостям их башкирским с поселением на землях, занятых ими после тех бежавших ногайцев».³ То есть сами мещеряки утверждают, что их массовое расселение на территории Башкирии началось в 1679 г. В официальных документах под мещеряками понимались служилые татары, «обретающиеся» в Уфимском уезде.

Общее число переселившихся в Башкирию из Мещеры мещеряков-детей боярских и других служилых разрядов насчитывалось до 100 семей. По царской грамоте 1688 г. они должны были служить в Уфе вместе с уфимскими дворянами и иноземцами. В связи с этим мещеряки освобождались от каких-либо платежей в пользу казны. Они сопровождали царских дипломатов к сибирским татарам, калмыкам, киргиз-кайсакам, каракалпакам и другим народам. Впоследствии в Башкирию самовольно переселилось еще некоторое число мещеряков, татар, а также чуваш, мордвы, других народов, которые оседали на землях башкир на различных условиях припуска.

П.И. Рычков так определяет начало их службы государству: «Мещеряки суть сходцы из Алатырского и Синбирских уездов, которым по грамоте 7916 года (1688 г.- К.В.) повелено было служить по городу Уфе обще с тутошними дворянами и иноземцами..., которую службу они с ними и отправляли по 1734 год; а в том году оные дворяне и иноземцы определены в Оренбургский и Уфимский драгунские полки, а они, мещеряки, оставались без службы. Но с 1735 года служили они при искоренении бунтовавших воров Башкирцев, за которую их службу, и что они от Башкирцев весьма были разорены, пожалованы они всеми теми землями, на которых прежде жили...».⁴

С начала XVIII в. к военной службе были привлечены уже все мещеряки, жившие в пределах Уфимской провинции. Здесь следует привести примечательный факт: во время второго башкирского бунта в 1707 г. башкиры обратили свое возмущение и против мещеряков. Именно они стали их первой жертвой, башкиры жгли их селения, угоняли скот, а молодых людей и женщин продали в среднеазиатские ханства, что свидетельствовало о непростых и противоречивых отношениях с единоверцами.

Служебные обязанности мещеряков были подтверждены правительством в 1732 г. В 1734 г. для них была заведена особая книга, в которую заносились сведения о том, «какую они ныне по г. Уфе службу служат и поочередно ль или сколько когда наряжено бывает». Сенат приказал Уфимскому воеводе представить краткую ведомость о службе мещеряков.⁵ В 1736 г. в крае числилось 1530 дворов мещеряков.

И.К. Кирилов в 1736 г. направил в Сенат специальное донесение о верной службе мещеряков, в котором он отметил: «что Уфимской провинцы между башкирцами обретаются служилые мещеряки, которые сами своей переписью показали мужеска полу около 20000, в

том числе к службе годных 5000. И было их до Оренбурга на своем правянте и на своих лошадях 500 человек, при чем помогали лошадыми, правянтом и в розных партиях бывали, и впредь к службе нужны». Далее Кирилов просит Сенат пожаловать мещеряков во главе с Муслимом Кудабординым (Муслим Кудайбердин – К.В.) «за их службы учинить награждение на щет экспедицы» деньгами.⁶ М. Кудайбердина назначили главным старшиной над всем мещерякским населением уезда, и при этом он имел чин «мещерякского полковника».

Мещеряки активно привлекались для выполнения задач, поставленных правительством перед Оренбургской экспедицией И. Кирилова. Нам известно, что 500 мещеряков и небольшое число татар и калмыков участвовали в 1735 г. в составе экспедиционных войск И. Кирилова в походе к р. Орь для основания Оренбурга (Орска). Несмотря на противодействие мятежных башкир, экспедиционный отряд достиг р. Орь, и 15 августа 1735 г. Оренбург был основан.⁷ В документах упоминается о присутствии во время освящения крепости, кроме киргиз-кайсаков из Младшего и Среднего жузов, ташкентских купцов, и уфимских служилых мещеряков.

Примерно, в это же время башкиры напали на 20 солдат Верхояицкого гарнизона, рубивших лес вблизи пристани и в ходе этого столкновения 15 солдат были убиты, остальные ранены. Верхояицкая пристань была взята башкирами в осаду, которая продолжалась свыше месяца. Власти срочно предприняли меры: из зауральских слобод 8 августа выступила команда полковника И. Арсеньева, а И. Кирилов с реки Орь направил несколько рот Вологодского полка и нерегулярные силы.⁸ В состав отряда Арсеньева кроме солдат входили и местные татары. Эти отряды, соединившись, 15 августа нанесли у озера Уклы-Карагай поражение башкирам. Таким образом, осада пристани была снята, и продовольственный обоз в сопровождении рот Вологодского полка прибыл в Оренбург.

После основания Оренбурга Кирилов послал своего главного помощника полковника А. Тевкелева с отрядом в 700 чел. в Зауралье для наказания бунтующих башкир и организации очередного подвоза хлебного обоза из сибирских слобод в Оренбург. В Зауралье к команде Тевкелева присоединились еще 400 мещеряков и 200 верных башкир во главе со старшиной Муслимом.⁹

В начале декабря 1735 г. из Теченской слободы в Оренбург выступил новый продовольственный обоз под охраной 3-х рот драгун и пехоты, 150-ти служилых чуваш, сибирских татар и верных башкир. Уз-

нав об этом, башкиры сибирской дороги 22 декабря у реки Ай, в 60 верстах от Верхояицка напали на провиантский обоз. Драгунский полк, направленный для выручки обоза, под натиском крупных сил повстанцев был вынужден отступить обратно в сибирские слободы, потеряв в бою почти с 5 тыс. отрядом башкир 45 чел.¹⁰ Видя невозможность пробиться в Верхояицк, начальник обоза прапорщик Д.В. Гладышев приказал обозу вернуться в Теченскую слободу. Таким образом, башкиры оставили без продовольствия гарнизоны Верхояицка и Оренбурга, что привело зимой к драматическим событиям в жизни этих гарнизонов. В конце января 1736 г. крупные силы восставших башкир во главе с Юсупом Арыковым окружили Верхояицкую пристань и вынудили войска оставить крепость. Так «дипломатично» некоторые авторы сообщают об этом событии.¹¹ В.Н. Татищев об этом факте в «Лексиконе российском историческом, географическом и гражданском» сообщает так: «... но 1736 году за недостатком провианта гарнизон, учиняя договор с бунтующими башкирцы, выступил. Которые окружа, солдат всех со офицеры более ста человек порубили».¹²

В подавлении бунта башкир в 1736 г. в помощь многочисленным регулярным полкам по просьбе И. Кирилова были посланы 2000 яицких казаков, 3000 калмыков, отряд уфимских служилых мещеряков, около 3000 служилых татарских мурз и лашманов Казанской губернии. Например, в Зауралье В.Н. Татищев организовал военный поход в центр волостей, охваченных бунтом. 13 июня 1736 г. отряд, состоявший из 278 чел. регулярного войска, 1200 заводских крестьян, 200 мещеряков и служилых татар, выступил из Екатеринбурга в направлении озера Кызылташ, где Татищев основал крепость. В результате активных действий отряда Татищева, большая часть бунтовщиков приняла условия власти, и в течение лета 1399 чел. явилась к властям с повинной.¹³

11 февраля 1736 г. вышел указ на имя Казанского губернатора А.И. Румянцева и начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, в котором повелевалось мещеряков отделить от башкир и за «их верность и службу против мятежных башкир» отдать им в «вечное владение» те угодья и земли, которые они ранее нанимали у башкир за плату.¹⁴ Однако фактически этот пункта указа не было окончательно проведен в жизнь, что вызвало долголетние споры о землевладении между мещеряками и башкирами.

Служилые мещеряки в военно-административном отношении были разделены на сотни и после 1737 г. частично переселены в отдельные

от башкир деревни.¹⁵ Часть из них была обращена в казаки и поселена в Табынской крепости. Мещеряков освободили от платежа ясака. Но, в 1747 г. их вновь обязали платить ясак в размере 25 коп. со двора, замененный покупкой казенной соли по 35 коп. за пуд.¹⁶ В 1762 г. мещеряки вообще были освобождены от ясака и окончательно составили род служилых людей.¹⁷

Незадолго до своей неожиданной смерти Кирилов представил в Сенат ведомость от 14 марта 1737 г. о составе вооруженных команд, действовавших на территории Уфимского уезда против башкир.¹⁸ В ней указаны команды мещеряков, служилых мурз, крещеных и некрещеных татар, которые входили в состав армейских отрядов. Так две команды (по 500 чел.) служилых татар действовали в районе Мензелинска и по реке Ик и входили в состав войск генерала Л.Я. Соймонова. В районе Осы подле Гайны охраняли рудники 300 крещеных и некрещеных татар. В отряд уфимского воеводы С. Шемякина кроме армейских полков и казаков были направлены 500 мещеряков.

В 1740 г. по данным донесения Л.Я. Соймонова в Сенат в районе от Уфы и до Красноуфимской крепости в разных военных отрядах находились 407 кунгурских татар, 91 мещеряк. В Зауралье в состав команды полковника И. Арсеньева входило 50 служилых мещеряков и ясашных татар, и в состав команды подполковника Павлуцкого 250 мещеряков и татар. Под командой капитана Попова в форпостах в районе Сибирской дороги находились 100 драгун Казанского гарнизонного полка, по 100 чел. верных башкир и татар, 50 мещеряков. Кроме того, в отряде самого генерала Соймонова в походе кроме армейских полков числилось: 650 верных башкир, 350 мещеряков, 300 татар и черемис.¹⁹ Таким образом, правительство и оренбургская администрация, не только использовала «верных» башкир, служилых мещеряков и татар для несения службы на пограничной линии, но и для борьбы с мятежниками.

Кроме исполнения указанных функций, татары и мещеряки участвовали в военных кампаниях России. С XVII в. татары и мещеряки, как и некоторые другие инородцы: мордва, башкиры, калмыки черемисы и другие, набираемые в военные походы, расписывались в русские полки «по сотенно». Каждой сотне давалось особое знамя. В составе войск П.А. Румянцева команды татар и мещеряков участвовали в Семилетней войне (1756-1763). Так по указу Сената от 11 апреля 1756 г. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев и Казанский губернатор гр. Ф.И. Головин обязывались «нарядить и в Украину вывести

2000 вооруженных двуконных мещеряков и башкирцов, 1000 двуконных же и вооруженных казанских татар с их старшинами». И.И. Неплюев при получении указа об отправке этих команд в поход, назначил им места для сборов. Башкиры и мещеряки Сибирской и Ногайской дорог направлялись для формирования в Уфу, а с Осинской и Казанской дорог направлялись в Кичуйский фельдшанец. После сборов эти отряды по решению правительства были распущены по домам, так как этот наряд в июне был отменен. Но в августе (или в сентябре) 1756 г. из этого же наряда было приказано 500 чел. башкир и 500 мещеряков направить как можно скорее в Лифляндию. Затем туда же были отправлены 500 казанских татар.²⁰

Маршрут этих команд пролегал через Украину, и сопровождать их был назначен подполковник Московского драгунского полка Боргентрейх, которому придали в помощь обер-офицера и 20 уфимских казаков во главе с сотником. Командирами команд во время боевых действий, как и ранее, назначались армейские офицеры, которые управляли ими через их старшин. Например, в документах того времени упоминается, что в походе главным старшиной команды мещеряков был Казанской дороги старшина Алкей Муслимов.²¹

В августе 1757 г. эти формирования находились в действующей армии, и их подразделения участвовали в боевой разведке по берегам р. Прегель. Но на этом участие мишарей и татар в семилетней войне закончилось, так как в августе было принято решение об отправке башкир, мещеряков, татар и ставропольских калмыков на родину.

Команды татар и мещеряков направлялись на театр военных действий в 1788 г. Еще в декабре 1787 г. Уфимскому и Симбирскому генерал-губернатору О.А. Игельструму Екатерина II повелела составить полк из добровольно поступающих на службу башкир и мещеряков. В апреле 1788 г. Игельструму было приказано из набранного количества составить 2 полка для участия в войне со шведами. И уже 17 июня императрица потребовала от наместника выслать «тот час» эти полки в армию в район Петербурга для участия в войне. Через месяц от Игельстрома потребовали сформировать еще одну 5-сотенную команду, и держать ее пока в резерве.²² В 1790 г. под командой прапорщика И. Тарновского направили на войну еще одну команду, состоявшую из башкир и мещеряков (на театре военных действий она была разделена на две команды – К.В.). После окончания военных действий команды мещеряков и башкир вошли в состав Двинской армии, дислоцирующейся на границе Курляндии с Польшей. Они несли погранич-

ную службу по защите Прибалтики от возможного вторжения Пруссии. После того как положение нормализовалось, все иррегулярные части были отправлены обратно на территорию края.

Кроме участия в военных действиях в составе русской армии, мещеряки, татары и другие иноверческие народы края регулярно привлекались для несения службы на Оренбургской пограничной линии. Ежегодные наряды на линейную службу башкир, мещеряков, вероятно, начались с 1743 г., когда правитель края И.И. Неплюев обязал послать на службу до 2000 инородцев. Из них, по уточненному плану на летнюю службу по линии от Орска до Верхояицка в том году привлекались 1000 башкир и 500 мещеряков. В это время порядок назначения на службу был следующим: тарханы обязывались давать по 1 чел. из 5 дворов, а остальные башкиры и мещеряки по 1 чел. из 8 дворов. Например, в 1745 г. из 1531 двора мещеряков на службу отправлено 191 чел.²³ В указе от 10 декабря 1748 г. подтверждалось, «когда с киргизской стороны опасности нет», необходимо командировать на пограничную линию «тамошних» служилых татар, мещеряков и башкир для несения службы в разъездах и караулах.²⁴ В 1747 г. число наряжаемых башкир и мещеряков было определено в 1500 чел., и до конца 50-х гг., это число сохранялось. Таким образом, в середине XVIII в. военная служба иноверцев приобрела регламентированный характер.

Распределение на службу по дистанциям в 70-е гг. XVIII в. выглядело следующим образом: на Нижнеяицкой дистанции 280 башкир и мещеряков, на Красногорской – 300, на Орской – 345, на Кизильской – 355, на Верхнеуйской – 330, на Нижнеуйской – 460 и в Оренбурге – 85 иноверцев. Так, в 1778 г., для несения службы на линию были отправлены на Нижнеуральскую дистанцию 30 казаков, 112 инородцев (башкир, мещеряков, тептярей и служилых татар); в Верхнеозерную дистанцию - 50 казаков и 496 инородцев; в Орскую – 90 казаков и 460 инородцев; в Кизильскую – 50 казаков и 310 инородцев; в Верхнеуральскую - 60 казаков и 370 инородцев; в Троицкую - 50 казаков и 266 инородцев; в Звериноголовскую – 50 казаков и 266 инородцев.²⁵ Из расписания на службу видно, что основную тяжесть линейной службы несли инородцы.

Воинская служба всегда была не легкой. Несение воинской повинности мещеряков и других иноверцев края усугублялась исполнением натуральных повинностей: участием в строительстве укреплений, подводной гоньбой и др. Так, переводчик уфимской провинциальной канцелярии Ураков в 1746 г. писал в донесении, что нерусские народы

края «каждый год не меньше 5000 человек употребляются для строения города Оренбурга и для содержания форпостов».²⁶

Во второй половине 60-х гг. на основе данных ревизии 1763 г., выявившей рост населения в крае, число наряжаемых на службу иноверцев власти решили удвоить. Согласно табели 1767 г., составленной в губернской канцелярии, в Уфимской и Исетской провинциях насчитывался 16781 двор служилых иноверцев, в которых проживало 122884 чел. обоего пола (в том числе 1937 дворов и 15517 душ мещеряков; 237 дворов и 1429 чел. служилых татар).²⁷ После подавления Пугачевского бунта наряд на службу изменился. Так, по расписанию иррегулярных войск, утвержденного в 1775 г. губернатором А. Рейнсдорпом, на летнюю службу число наряжаемых башкир и мещеряков увеличилось до 2500 чел. Впоследствии число наряжаемых на службу иноверцев еще более увеличилось. Так, летом 1791 г. на линейную службу были определены 6984 башкира и 563 мещеряка.²⁸

Башкиры и мещеряки в середине века эпизодически привлекались на службу по охране и Сибирской линии. Регулярное же несение ими службы на этой линии началось с 1769 г., которая была отменена в 1800 г. и заменена этапной службой на Сибирском тракте, где они конвоировали арестантов из пределов Пермской губернии вплоть до Иркутска. В документах встречаются сведения, что мещеряки 1-го кантона несли линейную службу в 1800 г. на Сибирской линии²⁹

В 1792 г. количество иноверцев, наряжаемых на линейную службу, достигло 7447 чел. Кроме них на службу были направлены 100 кундровинских татар. Например, в состав 1-й бригады при Оренбурге в число 1090 чел. иррегулярных войск входили 66 мещеряков. Во 2-й бригаде служили: в Орской крепости 55 мещеряков, при редуте Калпацком 101, при крепости Танальцкой - 111, Уртазымской – 132, Кизильской крепости – 118. В 3-й бригаде служили: в городе Троицке 50 мещеряков и в крепости Звериноголовской 55 чел.³⁰

Особое место в истории иноверческого населения края является активное участие их в Пугачевском бунте. Например, 4 октября 1773 г., когда Пугачев с войсками расположился вблизи Оренбурга при Камышевом озере, то среди 2460 чел., входивших в его отряд, находились около 400 чел каргалинских татар и 700 башкир. Мусса Алиев командовал каргалинскими татарами, а Кинсля Арсланов – башкирами. Сборной пехотой из иноверцев командовал татарин Абдул. Следует также указать, что часть иноверцев участвовала на стороне правительства в подавлении пугачевского бунта.

В октябре 1773 г. комендант Троицкой дистанции бригадир де-Фейервар для оказания помощи осажденному Оренбургу стал формировать отряд из войск, расположенных на линии. В этот отряд он распорядился также включить команды башкир и мещеряков из Исетской провинции. Состав отряда предполагалось сформировать в 6000 чел., но много казаков и большинство иноверцев на сбор не явились. Все же ему удалось собрать довольно внушительные силы в 2800 чел., в том числе в отряде были 633 башкира и мещеряка. Можно отметить, что в начале ноября 1773 г. в правительственных войсках генерала Кара находилось 96 чел. татар, которые участвовали в бою с мятежниками у деревни Юзеево.³¹ На стороне Пугачева выступил один из предводителей мещеряков «полковник повстанческой армии» Канзафар Усаев, сосланный в Рогервик на каторгу в 1775 г. и окончивший свою жизнь в 1804 г. в тюрьме.³²

Следует заметить, что в отряде И.И. Михельсона как и в других правительственных войсках было много верных правительству иноверцев. Впоследствии за участие в борьбе с бунтовщиками 26 башкирских и мещеряцких старшин были награждены Сенатом золотыми и серебряными медалями, 7 чел. из них были возведены в офицеры армии. Другие были награждены именным оружием, деньгами, некоторые из верных иноверцев получили должности старшин волостей, сотников и есаулов.³³

В апреле 1798 г. указом императора в Оренбургском крае была введена кантонная система управления, в том числе среди башкир и мещеряков. Суть нововведения заключалась в том, что система кантонов заменяла старые племенные волости во главе с их верхушкой. Было образовано 11 башкирских, 5 мещеряцких кантонов.³⁴ Кантон в данном случае – это военно-территориальная административная единица в системе государственного управления. Кантоны создавались по территориальному принципу и подразделялись на юрты (или команды), которые состояли из групп деревень. Юрты не совпадали с прежними родоплеменными волостями. Количество юртов в кантонах было различным, от 7 до 48. Юртовые старшины утверждались начальниками кантонов из нескольких кандидатур, выбранных служилым населением от каждой команды (юрты). Кроме того, для сохранения «общего спокойствия, безопасности и порядка» в каждой деревне, выбирались свои начальники – деревенские (аульские) старосты, сотские и десятские, которые непосредственно отвечали за исполнение населением натуральных повинностей, делили земельные

участки между домохозяевами и пр. По размерам территории кантоны были неодинаковыми. Население в этих кантонах колебалось от 4 до 22 тыс. душ м.п., а в мещеряжских – от 1500 до 6600 душ м.п. Кантонами управляли чиновники из башкир и мещеряков. На них был возложен контроль над исполнением военной и земской повинностей, продажей и сдачей в аренду земель, за хозяйственной деятельностью населения. Они пользовались определенными правами в области судопроизводства. Таким образом, в кантонах сложился определенный бюрократический аппарат. В первой трети XIX века на 100-200 дворов приходились 1 юртовый старшина, 2 его помощника, 2 юртовых сотника и 2 есаула. На каждые 100 служилых, отправляемых на линейную службу назначались походный есаул, походный сотник и хорунжий, а если направляемая команда состояла из 250 чел., то еще назначался походный старшина и квартирмейстер.³⁵

Иноверческие кантоны не имели определенного названия как казачьи кантоны и различались только по номерам. Кантоны мещеряков находились: 1-й – в Троицком и Челябинском уезде (начальник кантона Махмутов), 2-й – в Бирском и Мензелинском (поручик Максюттов), 3-й – в Стерлитамакском (подпоручик Султамратов), 4-й – в Уфимском (Мавлютов) и 5-й – в Бугульминском уезде.³⁶

Введение кантонной системы управления завершило превращение башкир и мещеряков в военное сословие, во многом подобное казачеству. При переводе иноверцев края в военное сословие учитывались особенности их быта, образа жизни, а также многолетний опыт пограничной службы и участия их команд в войнах, которые вела Россия. При этом власти отмечали склонность иноверцев «к воинским упражнениям», их «сметливость, привычку к степной местности, неутомимость в степных походах».³⁷

Таким образом, основной обязанностью возложенной на кантоны указом 1798 г. стала воинская повинность. Вместе с казаками они, как и раньше несли службу на пограничных дистанциях. Срок летней службы был определен в 6 месяцев и обычно продолжался с 15 мая до 16 ноября. По истечении этого срока команды возвращались домой и на смену им приходили другие команды меньшей численности, так как зимой нападения на границу были редкими, да и киргиз-кайсаки откочевывали в южные степные области.

Хотя с переводом башкир и мещеряков в служилое сословие их жизнь была еще строже регламентирована, введение кантонной системы управления не встретило активного неприятия у иноверцев.

Примечательным является отношение самих иноверцев к службе. О том, что она не противоречила желаниям их народов, свидетельствуют прошения населения 1, 5, 7 и 9-го башкирских и 1, 3-го мещерякских кантонов, в которых их поверенные писали в 1820 г. императору Александру I об их желании остаться в военном сословии и просили не переводить их в податное состояние.

По положению башкиры и мещеряки призывались на строевую службу в возрасте от 20 до 50 лет (ранее по достижении 17 лет). После 50-летнего возраста они переводились на внутреннюю службу, где исполняли обязанности сторожей, посыльных, а также охраняли леса, угодья и др. Однако, часто на практике они служили до глубокой старости и освобождались от нее по «дряхлости или увечью». Только в 1847 г. Департамент военных поселений, которому в то время были подчинены иррегулярные войска, распространил и на Башкиро-мещерякское войско общий для всех казачьих войск 30-летний срок службы.³⁸

Если ранее иноверцы служили на линии без казенного провианта, то с 1791 по 1796 гг. они получали во время службы на линии по 50 коп. в месяц или провиант.³⁹ С 1797 г. каждому командированному на службу стали платить по 1 руб. в месяц. При этом следует заметить, что команды, выступавшие в дальние походы, переходили на содержание казны за 100 верст от сборного пункта. На этапной службе команды получали от казны провиант и фураж в натуральном виде. Расходы на подготовку к военной службе иноверцев были возложены на них самих.

Служилых башкир в это время насчитывалось около 28000, а мещеряков около 8000 чел.⁴⁰ Например, в 1798 г. на линейную службу было отправлено 5416 башкир и 1103 мещеряка, всего – 6519 чел. Несложные расчеты показывают, что в среднем в этом году наряжали одного служилого от 4 ? дворов. Следовательно, очередность службы в мирное время наступала в среднем через 4-5 лет. Если финансовых средств для подготовки к службе не хватало, то у иноверцев вступал в действие институт общественной «подмоги». Эти средства использовались для снабжения, наряжаемого на службу оружием, лошадьми и провиантом. В начале XIX в. размеры общественной «подмоги» колебались в пределах от 25 до 37 коп. сер. с души. В дальнейшем размеры сбора доходили до 40-75 коп., и даже до 1-1,5 руб. в 1839 г., что позволяло расходовать от 4 до 6 руб. на каждого человека, назначенного на службу.⁴¹ При выезде в командировку на линию каждый башкир и

мещеряк по распоряжению властей должен был получить от общины 8 пудов муки и 1 пуд крупы.⁴² Помимо этого члены общины обязывались помогать по хозяйству семьям башкир, несущих службу.

После введения кантонной системы отвод команд на службу производился особыми походными старшинами и дистанчными начальниками, утвержденными военным губернатором на 3 года. Например, походным старшиной в 1-м Мещерякском кантоне с 1816 по 1819 гг. был Ш. Диваев, который в эти годы отводил команду на службу в Верхнеуральскую крепость.⁴³ При осмотре личного состава команды особое внимание обращалось на то, чтобы прибывшие на службу были очередными, соответствовали возрасту и имели исправных лошадей, вооружение и снаряжение. Иногда такие смотры инспектировали губернские чины, и даже военные губернаторы края. Так в 1818 году военный губернатор П.К. Эссен за хорошую подготовку к службе мещеряков 1-го кантона объявил благодарность начальнику кантона Азаматову.⁴⁴

Прибыв к месту службы, походные начальники по указанию командантов дистанций распределяли иноверцев в крепости и редуты. При этом башкиры и мещеряки входили в общие линейные наряды вместе с казаками и на службе помимо общего подчинения армейским чинам гарнизонов, были непосредственно подчинены казачьим чинам.

Следует заметить, башкиры не желали нести службу вместе с мещеряками и быть с ними в одной команде. Это нежелание являлось обоюдным. Такое настроение четко вырисовывается в «Прошении башкирских депутатов Амирхана Абызаева и Абдуллзелиля Султанова императрице Екатерине II», поданное в сентябре 1793 г. В прошении в частности говорится: «повели, августейшая императрица, дабы верное народа нашего служение было видимо, так как служил он под Польшей и Шведом особо от мещеряков, продолжать ему службу навсегда одному, не совокупляя с ним народа мещерятского, с которым обще служить башкиры вовсе не желают, в разсуждении чинимых им мещеряками разных притеснений». В свою очередь в январе 1794 г. мещерякские депутаты во главе с Абдулл-Кадыр Абдулкаримовым отправили свое прошение генерал-прокурору А.Н. Самойлову, где также просили о наряде их команды на службу отдельно от башкир. При этом мещеряки ссылались на указы от 11 февраля 1736 г. и от 20 августа 1739 г., где мещерякам «от башкирцов быть отделенными и за верность нашу и усердные службы земли с угодыями, те, коим мы

до того времени владели по найму от башкирцов, отдать нам вечно и безоборочно»; «селиться нам, мещерякам, между русскими, а при том дать на построение домов денежное жалованье против волжских казаков, а впредь для нашего содержания под поселение и под пашню отвести земель и протчих угодей против того, как давано уфимским дворянам и казакам». ⁴⁵ То есть вся история непростых взаимоотношений этих народов осталась в исторической памяти их и тем самым затрудняла их общежитие и несение ими службы в одних командах.

В начале XIX в. наряды на линейную службу уменьшаются. Например, общий мобилизационный расчет мещеряков был таков: 5 мещеряцких кантонов (4702 двора) должны были выставить 1103 чел. Это не значит, что все они направлялись на службу, просто возросла численность мещеряков, направляемых на различные работы. Это изменение можно объяснить тем, что в 1804 г. в Оренбургском крае начали формироваться линейные батальоны дополнительно к существовавшим в крае частям.

В это время команды определенных кантонов несли линейную службу в основном в нескольких закрепленных за ними крепостях и дистанциях. Так мещеряки 1-го кантона служили в Кизильской крепости, 2-й кантон посылал служить в Верхнеуральск и в крепость Магнитную, 3-й – в Орск, 4-й – в Верхнеозерную, Красногорскую крепости и Оренбург; 5-й – в Нижнеозерную. Впоследствии этот план корректировался. Судя по формулярным спискам о службе чиновников и урядников 1-го мещеряцкого кантона, они в 30-е гг. несли службу в Степной, Кизильской, Каракульской, Петропавловской, Звериноголовской крепостях и г. Троицке. ⁴⁶ При необходимости их могли направить на службу и в зону ответственности других кантонов.

В 20-30-е гг. XIX в. продолжается процесс относительного уменьшения нарядов на пограничную службу. В 1822 г. в 5 мещеряцких кантонах было 4951 служилых. Из них на службу планировалось послать 1489 чел., то есть около трети списочного состава. Мещеряки были обязаны выступить на летнюю службу на охрану границы и во внутренние губернии: на этапы в Оренбургскую, Казанскую, Вятскую и Пермскую и др. Кроме того, иноверцы постоянно привлекались к выполнению полицейских функций и на территории самого Оренбургского края. ⁴⁷

В 1826 г. в 1-й мещеряцкий кантон (8 юрт в Челябинском и Троицком уездах) входили селения: Аджатарова (78 дворов), Мансурова (61),

Карасева (49), Агликулова (32), Нагаманова (29), Каксырлина (23), Сафакулева (31), Сюоблино (30), Учкелова (33), Иванова (37), Трехозерная (51). Всего в них проживали 2995 чел. муж. пола. Из них насчитывалось 838 служилых мещеряков. Всего в пяти мещеряцких кантонах насчитывалось 7652 двора, 17749 душ муж. пола, из них служащих мещеряков 7083 чел. В конце 20-х начале 30-х гг. начальниками мещеряцких кантонов были: 1-го - Азаматов, 2-го - сотник Резяпов, 3-го – Мустаев, 4-го - чиновник 14 кл. Максюттов, 5-го - чиновник 10 кл. Юнусов.⁴⁸

С конца 20-х гг. XIX в. основной обязанностью башкир и мещеряков стала трудовая повинность. Их рабочие команды участвовали в строительстве укреплений, дорог, мостов, заготавливали и перевозили строительные материалы и другие грузы. В середине 30-х гг. они участвовали в строительстве нового торгового тракта от Верхнеуральска до Стерлитамака. В 1835-1838 гг. команды иноверцев участвовали в инженерном оборудовании Новой линии на участке Орск–Троицк. О тяжести службы и казенных работ, выполняемых командами иноверцев, свидетельствует следующий подсчет: по нарядам властей края с 1798 по 1848 гг. башкиро-мещеряцкое войско выставляло в среднем ежегодно на пограничную службу и другие работы около 65% всех служащих.⁴⁹

С течением времени организация управления Башкиро-мещеряцким войском подвергалась изменениям. В 1830 г. приказом императора для служащих в войске была введена единая форма обмундирования, которая включала: шапку белого цвета, подшитую снизу материей красного цвета; черный шелковый галстук; куртку синего сукна казачьего покроя, выпушка на воротнике и обшлагах из алого сукна, погоны также из алого сукна, пуговицы к погону белые; шаровары из синего сукна с алыми лампасами; кушак светло-синего цвета; сапоги черные; пистолет на левом боку, прикрепленный к портупее из черной кожи с двумя медными пряжками, подсумок глянцевого цвета черного цвета; карабин, надетый через левое плечо; сабля в железной оправе; пика (4,5 аршина) на древке черного цвета.⁵⁰

Как военное сословие, башкиры и мещеряки в отношении уголовных преступлений с 1832 г. подлежали юрисдикции военного суда, но по гражданским делам привлекались к суду на общем основании и находились в ведении земской полиции и гражданского суда. Но, на практике начальники кантонов сами разрешали многие споры и тяжбы населения об имущественных притязаниях, воровстве и др. По сви-

детельству генерал-майора И.В. Чернова, бывшего попечителем кантона, «земские исправники считались не более как номинальными начальниками, а действительная власть над народом сосредоточивалась у кантонных начальников».⁵¹ Кантонные чиновники использовали власть для своего обогащения, нещадно эксплуатируя своих соплеменников. Документы свидетельствуют о чудовищных фактах злоупотреблений чиновников кантонов в отношении своих сородичей, вымогая у них, иногда под пытками, имущество, лошадей, деньги.

Главное управление Башкиро-мещерякским войском подлежало ведению Оренбургского военного губернатора (он же командир отдельного Оренбургского корпуса), которому были подчинены попечители и начальники кантонов, юртовые старшины. Должностные лица кантонов комплектовались из старшинской верхушки местного населения. В соответствии с положением начальники кантонов и юртовые старшины избирались внутри кантонов администрацией с последующим утверждением их военным губернатором края. Офицерские и классные чины им давались только в исключительных случаях, главным образом за военные заслуги и за продолжительную службу. В большей части они получали только зауряд-чины иррегулярных войск: зауряд-хорунжего, -сотника, -есаула. Зауряд-офицерские чины в иррегулярных войсках обязаны своим появлением недостатком кадров офицеров, а также малым числом нижних чинов, удовлетворяющих условиям для производства в офицеры. Зауряд-чины носили офицерскую форму, но без эполет, довольствие получали по офицерской норме; дисциплинарной властью пользовались наравне с младшими офицерами и сами подвергались взысканиям, установленными для них. Командная верхушка кантонов, кроме того, могла быть произведена в офицеры армии. Находясь на службе, начальники кантонов производились в классные чины от 14 до 12 кл., а за военные отличия в офицеры - от прапорщика до майора. Некоторые из них за время службы возводились в дворянство (потомственное или личное). В 1850 г. среди мещеряков было 69 дворян. Чин желал получить каждый сколько-нибудь влиятельный иноверец. Получение чина избавляло от телесных наказаний и освобождало от некоторых видов повинностей. От повинностей, кроме них, освобождались еще муллы и ахуны. В 1837 г. в войске служило 88 обер-офицеров из башкир и мещеряков, 1582 унтер-офицера и 1987 чел. имели зауряд-чины.⁵² Таким образом, основная масса чиновников кантонов имели зауряд-чины иррегулярных войск, которые присваивал Военный губернатор.

В 1833-1834 гг. было произведено новое распределение башкир и мещеряков по юртам с расчетом, чтобы в каждой из них было от 700 до 800 душ. В целях лучшего управления Башкиро-Мещеряцким войском в 1835 г. был учрежден институт попечительства, и Войско было разделено на 6 попечительств.⁵³ Во главе попечительств находились армейские штаб-офицеры, подчиненные командующему Башкиро-мещеряцким войском. Они были ответственны за мобилизационную готовность кантонов и несение всех повинностей. Попечители контролировали очередность несения службы, проводили инспекторские смотры при отправлении команд на службу. Они также следили за состоянием ведения хозяйственной деятельности, земледелия в кантоне.⁵⁴

Таким образом, введенная в 1798 г. кантонная система управления на территории проживания башкир и мещеряков и создание особого башкиро-мещеряцкого иррегулярного войска, явилось новым этапом регламентации военно-сословного положения башкир и мещеряков. Эта реформа привела к перестройке социальной структуры их обществ в желательном для правительства России направлении. Вводя новую систему управления, правительство намеревалось окончательно «умиротворить» иноверцев. Для верхушки иноверцев была создана иерархия военных чинов и управленческих должностей (кантонные начальники, юртовые старшины и их помощники, есаулы, сотники, хорунжие и др.), что привело к образованию новой и верной царизму социальной элиты у иноверцев. В изменении социальной структуры их обществ, в формировании пророссийски настроенного социального слоя кроется один из факторов прекращения волнений среди иноверцев. Кантонная система управления ликвидировала своеобразное самоуправление местных этносов, и окончательно отменило родоплеменную волость, заменив ее территориальной. Путем введения кантонной системы управления иноверцы края были полностью охвачены военно-административным контролем государства. Башкиры и мещеряки были превращены в военно-служилое население, аналогичное с некоторыми изменениями по своему положению и правам, служилым людям по прибору в XVI-XVII вв. Введением кантонной системы управления, правительство реализовало некоторые военно-политические цели. Во-первых, переложило на плечи иррегулярных войск основную тяжесть службы по охране юго-восточных рубежей империи; во-вторых, получило обученный мобилизационный резерв для привлечения, в случае необходимости, к военным действи-

ям в составе иррегулярных частей. Эти и было реализовано в первой половине XIX в. участием полков иноверцев в войнах и походах.

Наиболее яркой страницей военной истории татарского этноса явилось участие их представителей в Отечественной войне 1812 года против наполеоновской Франции. Из нашего края в войне участвовали крещеные татары-нагайбаки в составе оренбургских казачьих полков и мещеряки, в кантонах которых для участия в войне были сформированы 1 и 2-й Мещерякские полки.

В ноябре 1812 г. полки мещеряков вместе с некоторыми полками башкир прибыли на место сбора к Н.-Новгороду. О действиях 1-го Мещерякского полка мало сведений. Он был направлен в Москву и нес там гарнизонную службу с ноября 1812 по 1814 гг. Но, в некоторых формулярных списках мещеряков указывается, что их служба в Москве продолжалась с 1812 по 1817 гг.⁵⁵ Согласно ведомости о состоянии войск ополчения III Нижегородского округа на январь 1813 г., к нему кроме губернских ополчений были приписаны: 5-й Уральский и 3-й Оренбургский казачьи полки, 2-й Мещерякский и с 8-го по 20-й Башкирские полки. Со второй половины декабря 1812 г. и до 1 января 1813 г. включительно, войска III округа ополчения поэшелонно выступили в поход на западный театр военных действий. Командир ополчения генерал гр. Толстой докладывал, что ополчение округа и «при них башкирские полки и артиллерийские роты имеют быть расположены» в Волынской губернии. Так, Рязанское ополчение и при нем 2-й Мещерякский, 18 и 19-й Башкирские полки расположились в Житомирском и Овручском поветах.

В июле 1813 г. на территории герцогства Варшавского была образована новая армия под командованием генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена, получившая по месту своего формирования название Польской. В состав ее вошли и некоторые иноверческие полки Нижегородского ополчения. Например, 2-й Мещерякский полк был включен в корпус генерала Дохтурова.

Иррегулярные полки края привлекались к боевым делам. Так 15 августа для блокады крепости Глогау были командированы части Костромского ополчения с приданным ему 2-м мещерякским полком. Крепость Глогау капитулировала лишь 29 марта 1814 г.⁵⁶ В апреле 1814 г. командующий армией гр. Л.Л. Беннигсен подал рапорт Александру I о награждении отличившихся офицеров во время военных действий при крепости. В рапорте был указан командир 2-го Мещерякского полка майор Бутлер,⁵⁷ представленный к ордену св. Влади-

мира 4 ст. с бантом. Следует указать, что часть воинов 2-го полка из блокадного корпуса еще до капитуляции Глогау перевели в армию, наступавшую на Париж, и он принял участие в боях на подступах к французской столице.⁵⁸ Впоследствии воины-мещеряки были награждены серебряными медалями «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» и «В память войны 1812-1814 гг.». Вскоре по окончании войны мещеряки были отправлены на родину (Подробный анализ военных действий башкирских полков в Отечественной войне 1812 года проведен автором в других публикациях).

С началом проникновения России в Среднюю Азию и присоединением в 40-х гг. XIX в. киргиз-кайсаков Старшего жуза, необходимость в привлечении башкир и мещеряков для охраны пограничной линии отпала. Поэтому кантонная система управления башкирами утратила свое значение, и лишь по инерции просуществовала еще некоторое время.

В связи с тем, что к этому времени граница все более отодвигалась в среднеазиатские пределы и для охраны линии уже не требовалось столько иноверцев, было вполне достаточно казаков, то правительство начало постепенно переводить иноверцев из служилого в податное сословие. В 1840 г. император Николай I дал указание военному губернатору В.А. Перовскому обложить часть кантонов иноверцев денежным сбором взамен несения ими службы.

Указом императора от 31 декабря 1855 г. к войску присоединили тептярей и оно было переименовано в Башкирское войско и распределилось на 28 кантонов, 394 юрты и 9 попечительств.⁵⁹ Число служащих иноверцев при этом стало сокращаться. Из 28 кантонов только 9 кантонов, располагавшихся в Оренбургском, Стерлитамакском и Верхнеуральском уездах, исполняли военную службу, остальные 19 кантонов были объявлены «неслужащими». Затем 13-ти башкирским и 4-м мещерякским кантонам вменили обязанность выставлять в мирное время один полк. В 1861 г. окончательно прекратилось назначение команд от иноверцев на линейную службу.

Если раньше кантоны формировались по этническому признаку, то после 1855 г. они имели сплошную территорию и смешанное население: башкир, мишарей, тептярей. В результате этого новые волости оказались разделенными между различными кантонами. Это привело к стиранию границ прежних родоплеменных волостей, сохранившихся кое-где после введения кантонной системы управления.

В рамках общей крестьянской реформы 1861 г., и разделяя мнение Военного министерства о переводе башкир, мещеряков и тептя-

рей из военно-служилого в податное сословие, правительство поручило генерал-губернатору А.П. Безаку подготовить проект положения о башкирах. По представлению Военного министра проект рассматривался в Государственном совете и 14 мая 1863 г. был утвержден императором Александром II. В указе императора говорилось: «обитающих в губерниях Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской башкир и других инородцев, составляющих вместе с ними нынешнее башкирское войско, уравнивать в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями и образовать общественное их устройство на общих указанных нами началах с теми в применении их изменениями, кои необходимы по особому положению сих инородцев». ⁶⁰

По «Положению о башкирах» от 14 мая 1863 г. население (в т.ч. мишари, тептяри) получило права свободных сельских жителей. В августе этого года кантонные начальники на основе требований «Положения...» от 14 мая приступили к созданию сельских и волостных (юртовых) обществ. К концу года образование сельских и волостных обществ, а также выборы должностных лиц были закончены. Было создано 808 сельских и 130 волостных обществ. После этого наступает новый этап реформирования. В октябре 1864 г. генерал-губернатор А.П. Безак поднял вопрос о переходе ко второму этапу реформы – передаче иноверцев в гражданское ведомство.

С принятием 2 июля 1865 г. закона «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство» кантонная система управления и Башкирское войско были упразднены. Население кантонов перешло в подчинение губернских и уездных по крестьянским делам присутствий и мировых посредников. Натуральные повинности заменили денежными. Иноверцы края окончательно уравнивались в социальном статусе с крестьянством России. Освобождение башкир, мещеряков и тептярей от службы и повседневной мелочной опеки военно-административной системы развязала их хозяйственную инициативу и тем самым способствовала развитию буржуазных отношений в их общинах.

Следует указать, что некоторые иноверцы, в том числе татары и мещеряки, добровольно вступали в казачье сословие. Этот процесс начался еще в 1742 г., когда с разрешения Сената «велено было... иноверцам ясачным и не ясачным... в новые крепости приходиться селиться жить не возбранно, а ясак и другие положенные с них подати отсылать в Уфимскую провинциальную канцелярию». В 1743 г. И.И. Не-

плюев определил, что начальство некоторых башкирских волостей может «набрать до ста человек, не положенных в ясак в Ильинскую крепость в казаки из мещеряков и из татар» (то же самое в Губерлинскую крепость).⁶¹ Эта практика продолжалась и последующие годы. Так в 1778 г. были зачислены в казаки 8 мещеряков и 2 башкира. П.И. Рычков, например, сообщает, что почти все казаки Орской крепости были из иноверцев. Казаки Мочинской слободы состояли из некрещеных татар и с 1772 по 1778 гг. атаманом Мочинских казаков был татарин сотник Асанов. В 1799 г. все ясачные крестьяне и татары Пречистенской крепости, Никитинского и Желтого редутов были причислены к оренбургскому казачеству с исключением из подушного оклада.⁶²

Преобладающей религией среди войскового сословия к концу XIX в. было православие, его последователями были 370647 человек или 87,9% казачьего населения; ислам исповедовали 7,8% казаков и приверженцами раскола были 4,1% всего населения занимавшего войсковую территорию. Принадлежность к разным конфессиям в среде казачества не являлось препоной в их отношениях. Отношения казаков развивались на иной основе – сознании общности войскового сословия, и регламентировалась особенностями уклада казачьей жизни. Военский труд и быт, земледельческая основа казачьего хозяйства, войсковые обряды и традиции нивелировали национальные особенности различных этнических групп оренбургского казачества. В результате сложилась своеобразная культура казачества на территории войска. Казаки вступали в смешанные браки, не делая из национальности и религиозной принадлежности препятствий для бытового общения. Так писатель С.В. Максимов, изучавший их быт, заметил, что казаки «...в делах веры не показывают озлобления и не терпимости, а скорее равнодушие и холодность». Этнограф Д.К. Зеленин, изучая жизнь казаков, отметил терпимость казаков к представителям другой веры.⁶³

Казаки-христиане и казаки-мусульмане награждались одними и теми же наградами. Ордена, вручаемые не христианам, вместо изображения святого имели герб Российской империи.⁶⁴ Например, в одном из приказов по Оренбургскому казачьему войску за 1854 г. отмечается, что «Государь Император Всемиловитвейше соизволил пожаловать 10 знаков отличия Военного ордена, установленных для мусульман, находившихся в составе войск, действовавших 19 декабря 1853 года при разбитии кокандцев на Сыр-Дарье у форта Перовский

и преимущественно в том деле отличившихся». ⁶⁵ Не делалось различий между представителями разных конфессий при производстве в чины или назначении на должность. Так, в 1854 г. Наказный атаман генерал-майор И.В. Падуров перевел из казаков в урядники Шагий-Вильдана Далишева «в пример другим происходящих из магометан, за изучение весьма хорошо грамоте по-русски, отлично—усердную службу и хорошее поведение». ⁶⁶ В конце XIX – начале XX вв. в войске служили люди многих национальностей. Многонациональным был и командный состав. Так, 4-м Оренбургским казачьим полком командовал татарин полковник Шейхислам Абдулвагапович Кочуров. Еще ранее, до назначения командиром полка, Шейхислам Кочуров в чине подъесаула 1-го Оренбургского казачьего полка неоднократно отличался в боях с японцами. Он был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й ст. с мечами и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. ⁶⁷

Таким образом, религиозная и этническая принадлежность не являлась препятствием и в продвижении по службе. Так, многие представители татарских родов Кочуровых, Усмановых, Дашкиных и Велиных, являясь потомственными казаками Оренбургского войска, достигали высоких чинов, что и офицеры православного вероисповедания. Например, Шагимурад Кочуров, младший урядник 1-го Оренбургского казачьего полка закончил в 1887 г. Оренбургское казачье юнкерское училище и стал офицером. ⁶⁸

При выходе казаков на службу одновременно проводился молебен в православном храме и в мечети, а во время военных компаний казаков сопровождали православные священники и муллы.

Казаки-иноверцы внесли свой вклад в защиту Отечества и на полях первой мировой войны. Так двумя Георгиевскими крестами 3 и 4-й ст. и двумя Георгиевскими медалями был награжден подхорунжий 9-го Оренбургского казачьего полка имени атамана Падурова Насибула Хайбуллин. Несколько боевых наград, включая Георгиевский крест 2-й ст., имел урядник Султан Якупов. Более всего сплоченность казачьего сословия была видна в поведении казаков во время опаснейших ситуаций, складывающихся в бою. Особенно нравственная зрелость казака проявлялась в тот момент, когда он рисковал жизнью, не из-за желанья отличиться, показать свою удачу, но тогда, когда ценою своей жизни спасал своих товарищей в бою. Боевые сводки действий казачьих полков свидетельствуют о многих таких подвигах. Так в октябре 1914 г. казак 14-го Оренбургского казачьего полка

Мингазин Биктов⁶⁹ из станицы Сухомлиновская был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за то, что, будучи в разведке у деревни Боровно, вместе с урядником Тимофеевым спас жизнь хорунжему Кочурову, вынеся раненого командира с поля боя. В этом же бою отличился казак Воздвиженской станицы Заниятулла Габайдуллин, он, сам, будучи ранен, вынес раненого товарища из-под сильного огня. За этот нравственный подвиг он был награжден Георгиевским крестом 4 ст.⁷⁰

Таким образом, в боевых походах и на фронтах войн, в горниле боев вырабатывались и закреплялись традиции защиты Отечества народами, представлявшими разные этносы и принадлежащие к различным конфессиям, проживавшими на территории нашего края.

Примечания:

¹ Термин «мещеряки», а не современное название «мишари» употребляется в тексте потому, что в официальных документах того времени использовался только первый термин.

² Вестник Русского географического общества. 1852. Ч. 1. Кн. 1. – С. 19.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. – М., 1960. – С. 574.

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 72-73.

⁵ См: ПСЗ. – Т. 9. – № 6581.

⁶РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 135. ЛЛ. 42-42 об. См: Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. 6. – Уфа, 2002. - Док. № 71. С. 128; № 94, С. 171.

⁷РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1236. ЛЛ. 34-35; Оп. 3. кн. 134. Л. 5-6; Кн. 135. Л. 88; Оп. 4. Кн. 169. ЛЛ. 215. 241-242; Оп. 17. Кн. 1131, Л. 210); См: Материалы по истории Башкортостана... Т. 6. – Док. № 7. С. 29; Док. № 32. С. 66; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии (1730-1750). – Оренбург, 1896. – С. 14-17.

⁸ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 291-294; Рычков П.И. История...С. 16;

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. кн. 1524, Л. 323. см: Рычков П.И. История...С. 18-19.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. кн. 1525. ЛЛ. 25, 44; Оп. 17. Кн. 1133. Л. 224; Кн. 1131. ЛЛ. 196-196 об; См: ОГАЧО. Ф.Р-481, Оп. 1. Д. 88. ЛЛ. 19-20; Материалы по истории Башкортостана... Т. 6. – С. 54-58, 61, 72. С. 110-117, 130-131.

¹¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 235.

¹² Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979. – С. 210;

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 134. ЛЛ. 150-151; Кн. 135. Л. 573-573 об.

¹⁴ Материалы по истории Башкортостана. - Т. 6. Док. № 94. – С. 171;

¹⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 1. – М., 1956. – С. 391.

¹⁶ Этот указ 1747 г. в ПСЗ не вошел; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 83. Л. 5об.; Указы императрицы Екатерины Алексеевны с 28 июня по 1763 год. М., 1779. – С. 27-28;

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р- 481. Оп. 1. Д. 83. Л. 7.

- ¹⁸ Материалы по истории Башкортостана... Т. 6. – Док. № 232. – С. 387-390.
- ¹⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. – М.-Л., 1936. – С. 431-433.
- ²⁰ Сенатский архив. Т. 9. Протоколы Правительствующего Сената 1753-1756 гг. – СПб., 1901. – С. 538, 550, 576., 630, 633.
- ²¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2. – М., 1956. – С.24, 499-501.
- ²² Архив графа Игельстрома // Русский архив. – 1886. – № 11. – С. 344, 365-369.
- ²³ Ден В.Э. Указ. соч., С. 271.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ²⁵ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1-12. – Оренбург, 1903-1915. Вып. 3. – С. 101-103, 112.
- ²⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII века. – М.-Л., 1949. – С.557.
- ²⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2. – Док. 353. – С. 11.
- ²⁸ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 2. Ч. 2. – М., 1902. – С. 283.
- ²⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9 об.-10.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф. Р – 481. Оп. 1. Д. 99. ЛЛ. 79об.- 82.
- ³¹ Материалы... Вып. 7. – С. 204-205.;
- ³² Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. – Уфа, 1973. – С. 107.
- ³³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1, Д. 140. ЛЛ. 23, 31-33; Д. 141. ЛЛ. 185-186, 190-191; Д. 148. ЛЛ. 21, 39, 92-93; Д. 155. ЛЛ. 57, 59, 67-68, 71; Д. 171. Л. 9, 16; Гвоздикова И.М. Документы свидетельствуют // Поиски и находки. – Уфа, 1984. – С. 112-114.
- ³⁴ ПСЗ. - Т. 25. - № 18477;
- ³⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 410. Л. 4-5.
- ³⁶ ПСЗ. - Т. 25. - № 18477, № 24708; Навеки с Россией...Т. 1. Док. № 67. – С. 129- 142.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 370. Л. 32.
- ³⁸ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6638. Л. 7.
- ³⁹ См: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. Док. 446. – С. 571.
- ⁴⁰ Материалы... Вып. 4. – С. 84.
- ⁴¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. – Уфа, 1959. – С. 43;
- ⁴² ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2046. Л. 13.
- ⁴³ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д.14683. ЛЛ. 1об.-2.
- ⁴⁴ Материалы... Вып. 5. С. 134.
- ⁴⁵ См: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. Док. №№ 445, 446, 447. С. 568, 571, 574-576, 591.
- ⁴⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3828. ЛЛ. 2-24.
- ⁴⁷ ГАОО, Ф. 6. Оп. 11. Д. 154. ЛЛ. 1-2.
- ⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2181. ЛЛ. 1-3об
- ⁴⁹ См: ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11082. ЛЛ. 43-44; Оп. 11. Д. 154. ЛЛ. 1-1об.
- ⁵⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2401. ЛЛ. 15-15 об.
- ⁵¹ ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.
- ⁵² ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 145. Л. 24;
- ⁵³ ПСЗ-2. - Т. 15. - № 13684.
- ⁵⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 11310. ЛЛ. 5, 11; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 38.
- ⁵⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3798. ЛЛ. 8, 23; Д. 4019, Л.1-29.

⁵⁶ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 3416, ЛЛ. 6-23; Д. 3465, Ч. 12, Л. 307.

⁵⁷ Перед войной служил в Верхнеуральском гарнизонном батальоне.

⁵⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2075. ЛЛ. 20-29; Д. 3724. ЛЛ. 22, 30-32, 36, 45, 63-67, 94-95; Д. 3828. ЛЛ. 9, 13, 17; Д. 3829. Л. 40; Д. 4019. Л. 3; Д. 4021. ЛЛ. 33-56, 74-77, 91-102; Д. 4022. ЛЛ. 3, 10-13, 20-28; Д. 4023. ЛЛ. 90-94.

⁵⁹ ПСЗ-2. - Т. 30. - № 30008; Временное расписание Башкирского войска по новому разделению его на кантоны, юрты и попечительства и временный штат кантонных управлений... Б/м, 1856. С. 4-9.

⁶⁰ Подробнее см: ПСЗ-2. - Т. 38. - № 39622.

⁶¹ Материалы... Вып. 5. - С. 6.

⁶² ПСЗ. - Т. 25. - № 19150.

⁶³ Максимов С.В. По русской земле. - М., 1989. - С. 172; Зеленин Д.К. У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. - 1905. - № 4. - С. 70, 72.

⁶⁴ ОГАЧО. Ф.И-10. Оп.1. Д.107. Л.28; Ф.И-11, Оп.1. Д.52. Л.46^{об.}

⁶⁵ ОГАЧО. Ф.И-10, Оп.1. Д.89.Л.18^{об.}; Ф.И-11. Оп.1. Д.137. Л.29.

⁶⁶ ОГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.15. Л.8^{об.}; (Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 113, 6 июня, 1854.)

⁶⁷ Кобзов В.С. Воинская повинность оренбургских казаков во второй половине XIX века - начале XX века // Оренбургское казачье войско: Воинская служба и общественная жизнь. - Челябинск, 1997. - С. 110, 151.

⁶⁸ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 762. Л. 392^{об.}

⁶⁹ Георгиевский крест за № 17344

⁷⁰ Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 15, 7 января, 1915. Георгиевский крест за № 17349.

Семенов В. Г. (г. Оренбург)

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ ИЗ РОДА СЕРЕДЫ

Источниками исследования о выдающихся деятелях из рода Середы являются архивные материалы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а историографическим контекстом послужила современная научная литература по истории регионального управления.¹

Собранный богатый материал о жизни и деятельности А.И. Середы и двух его талантливых сыновьях позволит составить представление о людях, игравших важную роль в общественно-политической жизни Оренбургской губернии.

Аким (Яким) Иванович Середя, генерал-майор, видный военный и административный деятель, георгиевский кавалер, командир Башкиро-мещерякским войском.

Родился в 1796 году, происходил из украинских дворян Полтавской губернии. 23 июня 1813 года поступил в дворянский полк при 2 кадетском корпусе в Петербурге. В службу вступил прапорщиком 19 мая 1815 года. После производства в офицеры был направлен на Кавказ в Троицкий (впоследствии Апшеронский) полк. 15 ноября 1818 года за отличие в бою с лезгинами у города Джангутая был награжден орденом Св. Анны IV степени. В марте 1819 года произведен в поручики, с 12 июня 1820 года находился в составе отряда генерал-майора князя Мадатова. В бою у селения Хозрек (Казыкумского ханства) 18 августа 1820 года Аким Середа проявил себя храбрым воином, за боевые отличия был награжден орденом Св. Анны III степени. В августе 1821 года находился в отряде под командованием начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Вельяминова 3-го. В сражении с лезгинами под деревней Аймеки 29 августа был ранен пулей в правую ногу выше колена навывлет, за проявленный в бою героизм был награжден орденом святого Владимира IV степени с бантом. С 17 ноября 1822 года - штабс-капитан.²

Находясь в отряде генерал-майора фон Краббе в июле 1823 года А. И. Середа отличился в бою при селении Эрпели, за что был произведен в чин капитана. В 1827 году участвовал в походе против Персии под личным командованием генерала от инфантерии Паскевича Эриванского. За время похода геройски сражался во всех боях и сражениях: 7 июля 1827 года - в бою под крепостью Абас – Абад; с 14 по 20 сентября участвовал в осаде крепости Сердар-Абад; с 24 сентября по 1 октября - в осаде и захвате крепости Эривань, в ходе которой был захвачен в плен Гасан Хан-Сардар и многие другие персидские ханы и чиновники.

За отличие в боях 6 декабря 1827 года А.И. Середа был пожалован чином майора и награжден орденом Св. Анны II степени. 8 февраля 1828 года в селении Туркманчай участвовал при заключении мира с Персией.

По итогам Персидской военной кампании 1826-1828 годов майор Середа был награжден серебряной медалью, а от персидского шаха - орденом Льва и Солнца II степени 2-й степени.

26 декабря 1832 года А.И. Середа был назначен правителем гражданской канцелярии Оренбургского военного губернатора графа П.П. Сухтелена 2-го, вместе с которым он участвовал в персидской войне.³

15 июля 1833 года Аким Иванович был утвержден на этой должности с отчислением по армии и составлением для особых поручений. По ходатайству Оренбургского военного губернатора Середа был удо-

стоен единовременным денежным пособием в размере 4000 рублей ассигнациями. «По уважению полученной в сражении раны и недостаточного состояния» 5 сентября 1833 года императорским указом Николая I повелено было производить из инвалидного капитала по 500 рублей в год. 23 января 1834 года за отличие по службе правитель гражданской канцелярии был произведен в подполковники.

О том, как служил А.И. Середа на вверенном ему посту, говорят его награды: 16 января 1835 года за «воздаяние отлично-усердной и ревностной службы» отмечен орденом Св. Анны II степени с императорской короной; 12 сентября 1836 года «за отлично-усердную службу» получил денежное вознаграждение в размере 2500 рублей; 10 мая 1837 года за отличие по службе произведен в полковники; 22 августа 1837 года награжден знаком отличия «XX лет беспорочной службы».⁴

В 1838 году полковник Середа был награжден орденом Св. Георгия IV степени, в 1839 году получил землю по чину. В 1841 году отмечен орденом Св. Владимира III степени. 1842 году – вручен знак отличия «XXV лет беспорочной службы». В 1842-1843 годах временно исполнял должность начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса. В 1843 году полковник Середа был переведён в гражданское ведомство с назначением чиновником особых поручений 5 класса при министре внутренних дел, при увольнении от военной службы был пожалован в статские советники.

6 декабря 1843 года Аким Иванович Середа был определен вятским губернатором, в управление губернией вступил 7 ноября 1844 года. В декабре того же года произведен в чин действительного статского советника. В Вятке жил в казенной квартире, поэтому в 1844 году ему было назначено прибавочное жалование по 2000 рублей серебром в год «доколе в должности губернатора находиться будет».⁵

Деятельность А.И. Середы на посту губернатора была ознаменована многими важными преобразованиями. «Будучи губернатором, прилагал усилия к приведению в порядок присутственных мест и судебных учреждений (1844-1845 гг.), пресечению незаконного кумышковадения (т.е. самогоноварение) (1846-1847гг.), ввел новые правила по приему рекрут на жеребьевой основе, открыл подписку для добровольных пожертвований и собрал 3 тыс. руб. на открытие детского приюта в г. Вятке (1848 г.), принимал энергичные меры по борьбе с эпидемией холеры (1848-1849 гг.), возобновил деятельность губстаткомитета (1850 г.), стал почетным попечителем открытого в г. Вятке благородного собрания (1850 г.)».⁶

В 1847 году губернатор Середина был отмечен знаком отличия «XXX лет беспорочной службы», в 1848 году – награждён орденом Св. Станислава I степени.

С июля 1851 года А.И. Середина – вновь в Оренбургской губернии, куда он был назначен командиром Башкиро-мещерякским войском с переименованием в генерал-майоры.⁷

По свидетельству современников, генерал Середина был не только превосходным администратором, но и во всех отношениях культурным человеком. Он разделял театральные увлечения супруги Натальи Николаевны Немытновой, которая участвовала в любительских спектаклях, а сам он проявлял интерес к литературе и судьбе литераторов. С большой признательностью и уважением писали о нём и его жене вятские ссыльные М.Е. Салтыков-Щедрин и Г. Каменьский».⁸

В семье было четверо детей: сыновья - Николай (03.02.1838) и ещё один Николай (03.04.1840); дочери - Наталья 2,5 лет и Анастасия 11 мес. (на 1845 г.).⁹

Большой собственности у генерала Середины, участника Персидских походов и георгиевского кавалера, не было. Только в 1849 году появилось небольшое имение, в котором было 10 родовых душ и 90 душ приобретенных. Две семьи дворовых людей числилось за женой.¹⁰

Судя по тому, что обоим сыновьям Аким Иванович дал блестящее образование, больше всего в жизни он ценил не богатство, а пользу, которую люди оказывали своему царю и Отечеству. Примером служения своему Отечеству была и вся его жизнь.

Середина Николай Акимович 1-й.

Николай Акимович Середина, генерал-лейтенант, военный судья.

Родился в Оренбурге 3 февраля 1838 года, о чем сохранилась запись в метрической книге полковой Петропавловской церкви. «Родился 3 февраля, крестился 20 февраля Николай. Родители Оренбургского военного губернатора правитель канцелярии от кавалерии полковник Иоким Иванов Середина и законная жена Наталья Николаевна, оба православные. Восприемниками (крестными) были 1-го Оренбургского казачьего полка корнет Лев Иванович Середина и оренбургского полицмейстера Сергея Николаевича Щербачева жена – Мария Васильевна».¹¹

Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, числился как Середина 1-й, так как двумя классами младше

учился его родной брат и полный тезка Николай Акимович, которого указывали как

Середа 2-й.¹²

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус Николай Середа окончил в 1857 году, был выпущен хорунжим из фельдфебеля в конно-артиллерийскую батарею Оренбургского казачьего войска. В своем выпуске он оказался лучшим выпускником, и его имя было занесено на мраморную доску кадетского корпуса.

В 1861- 1863 годах офицер Середа служил старшим адъютантом при главном начальнике Уральских горных заводов. За отличие в службе в мае 1861 года был произведен в чин поручика. В ноябре 1863 года стал штаб-ротмистром. В 1864 – 1865 годах Николай Середа был адъютантом при командире отдельного Оренбургского корпуса. После этого, вплоть до 1869 года служил адъютантом командующего Киевского военного округа. За отличную службу производился в следующие чины - 27 марта 1866 получил звание ротмистра, 25 февраля 1867 года был награжден чином майора. С мая 1870 года – подполковник.

В 1871 году Н. А. Середа окончил Военно-юридическую академию. После её окончания, до октября 1873 года работал военным судьей Казанского военно-окружного суда. В августе 1873 года получил звание полковника. В 1873 -1874 годах - военный судья Харьковского военно-окружного суда, в 1874-1877 годах - военный судья Варшавского военно-окружного суда. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов. После войны был военным прокурором Варшавского военно-окружного суда, в 1882 – начальником Московского губернского жандармского управления. За отличие по службе в мае 1883 года получил звание генерал-майора.¹³

С 1891 по 1897 годы возглавлял Лифляндское (Рижское) жандармское управление. Принимал деятельное участие в преобразовании рижских учреждений на русских началах, являлся автором многих статей. В 1897 году был награжден званием генерал-лейтенанта. Скончался в Риге 8 октября 1897 года. Был женат, имел сына. За отличия по службе был награжден орденами: Св. Станислава III степени (1863), Св. Станислава II степени (1873), Св. Анны II степени (1878), Св. Владимира IV степени (1881), Св. Владимира III степени (1887), Св. Станислава I степени (1894), Болгарский орден Св. Александра II степени (1892), Персидский орден Льва и Солнца I степени (1889).¹⁴

Николай Акимович Середа 2-й.

Николай Акимович Середа, градоначальник Оренбурга, историк, публицист. Родился 3 апреля 1840 года в Оренбурге, о чем сохранилась запись в метрической книге полковой Петропавловской церкви. «Родился 3 апреля, крестился 17 апреля Николай. Родители правитель канцелярии Оренбургского военного губернатора состоящий по армии полковник Иоким Иванов Середа и законная жена Наталья Николаевна, оба православные. Восприемниками (крестными) были 1-го Оренбургского казачьего полка корнет Лев Иванович Середа и уволенного от службы титулярного советника Андрея Ивановича Еникуцева жена – Анна Андреевна».¹⁵

Воспитание Николай Середа получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, где как младший из братьев все годы учёбы звался Середа 2-й. В 1859 году Середа окончил кадетский корпус в чине прапорщика и поступил на службу по военному ведомству. Службу Николай Середа проходил во 2-м и 1-м Оренбургских линейных батальонах (1859-1864), и штабе местных войск Оренбургского военного округа (1865-1867). Подпоручик с (29.12.1864). Поручик с (1.09.1866).¹⁶

Прослужив восемь лет, Середа, склонный к гуманитарным наукам, решил перейти на гражданскую службу, позволявшую ему серьёзно заниматься литературой и историей.¹⁷

14 августа 1867 года он был назначен кандидатом в мировые посредники, а 5 мая 1869 года утверждён в должности мирового посредника 3-го участка Орского уезда.

Работа была не из лёгких, связана с разрешением многочисленных крестьянских жалоб и споров с помещиками. Но Середа не жалел времени и сил, чтобы досконально вникать во все эти разногласия. Он не боялся быть на стороне обездоленных крестьян, и открыто защищать их справедливые требования. В должности мирового посредника Николай Акимович Середа состоял до 9 сентября 1875 года. На выборах городской Думы Середа был избран на пост городского головы сроком на четыре года.

Однако на этом посту Николай Акимович прослужил 12 лет, три четырехлетия подряд. За эти годы служения в звании оренбургского городского головы Середа сделал для развития города и его благоустройства множество преобразований. По словам его подчинённых, составивших к 10-летию его деятельности пространную справку о его заслугах, «почти по всем главнейшим отраслям городских нужд и за-

бот дело значительно двинуто вперед». После пожара 1879 года Н. А. Середу пришлось вновь возводить почти все городские здания, а также заботиться о нуждах погорельцев, оставшихся без крова и хлеба.

По свидетельству современников, Середу отличало «кратко гуманное обращение» с подчиненными, «свойственная ему от природы доброта и взыскательность к людям, по службе неисправным». В 1887 году Н.А. Середу был командирован в распоряжение военного губернатора Тургайской области. Расставание с Николаем Акимовичем со служащими городской управы было очень трогательным и душевным, ведь в лице Н. А. Середы состоящие на службе управы видели начальника-отца. Городское общество нашло способ вернуть Середу на пост головы, избрав 10 мая 1891 года Н.А. Середу гласным (депутатом) городской Думы. И в 1892 году депутат Середу вновь стал городским головой Оренбурга. А в 1897 году Николай Акимович Середу был переизбран городским головой на новое четырехлетие. В общей сложности его стаж пребывания на посту градоначальника составил более чем 20 лет.

Н.А. Середу основательно, по-государственному, изучал все злободневные проблемы горожан, и если не мог решить их на месте, обращался в центральные органы власти. На его записки с его конструктивными предложениями обращали внимание все министерства. Нередко Середу вызывали в Петербург для участия в совещаниях по разным законодательным вопросам. Николай Акимович принимал деятельное участие в трудах местных комиссий по введению всеобщей воинской повинности, по землеустройству башкирского населения губернии и многим другим.

Николай Акимович Середу занимался литературной и историко-краеведческой деятельностью. В газете «Оренбургский листок» часто выходили его публицистические статьи, заметки, обзоры на злобу дня. С конца 1860-х годов в столичном журнале «Вестник Европы», в газете «Оренбургские губернские ведомости», в изданиях Оренбургского губернского статистического комитета и других изданиях стали появляться его публикации на историко-краеведческие темы, содержащие ценные, ранее неизвестные исторические материалы. Краеведа привлекали масштабные исторические события: Пугачевское восстание, восстание государственных крестьян Приуралья (т.н. «картофельные бунты») 1841-1843 годов, движение казахов под руководством Кенесары Касимова и другие.

Николай Акимович Середа, невзирая на занятость, активно занимался общественной деятельностью: состоял действительным членом Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, с 1911 по 1914 годы был действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, состоял членом правления Попечительского общества о домах трудолюбия, участвовал в работе по приведению в порядок архива генерал-губернаторского управления. Начав гражданскую службу коллежским секретарем в 1869 году, дослужился до чина статского советника, в который был произведен 17 января 1897 года.

За долголетнюю и безупречную службу статский советник Н.А. Середа был награжден орденами святого Станислава II степени (1873), святой Анны II степени (1883), Св. Владимира IV степени (1880), бронзовой медалью в память Священного Коронования Их Императорских Величеств в 1883 году, серебряной медалью в память Священного Коронования Их Императорских Величеств в 1896 году на государственной ленте, серебряной медалью для ношения на груди на Александровской ленте в память царствования Императора Александра III, светло-бронзовой медалью, учрежденной для воспитанников военно-учебных заведений учащихся в царствование императора Николая I, темно-бронзовой медалью за труды по народной переписи населения 1897 года, знаком отличия французской академии «*offieurd'Academic*»,¹⁸ а также званием почетного гражданина г. Оренбурга.¹⁹

О личной жизни его известно пока не много - известно, что 12 сентября 1899 года статский советник Николай Акимович Середа, 58 лет венчался 2-м браком с жительницей г. Бузулука мещанской дочерью Надеждой Николаевной Золотаревой 23 лет.

От первого брака известна дочь Анастасия - жена полковника Матвея Феофиловича Самоцвета.²⁰

Умер Н.А. Середа 7 августа 1915 года в Оренбурге. Газета «Оренбургская жизнь» по поводу его кончины написала: «... тихо скончался оренбургский старожил, почётный гражданин г. Оренбурга, бывший городской голова Николай Акимович Середа - друг Тургенева, Стасюлевича и других шестидесятников. Вечная память этому слуге и защитнику города! Побольше бы таких деятелей!».²¹

Примечания:

¹ См., например: Судоргина Т.В. Оренбургский городской голова – Николай Акимо-

вич Середа // Оренбург — «всем азиатским странам и землям... ключ и врата» - Оренбург, 2010. – С. 86-87; Зобов Ю. С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. – Оренбург, 2007; Любичанковский С.В. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург-Ижевск, 2010; Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 2014; Кортунов А.И. Башкиры в составе казачьих войск Урала (XVIII-XIX в.в.). – Уфа, 2009; Кортунов А.И. Украинцы на службе в Оренбургском иррегулярном казачьем войске в XVIII-XIX в.в. // Славянский мир: история и современность. Сборник материалов круглого стола. Редколлегия: Г.Т. Обыденнова (ответственный редактор), В.А. Иванов, А.И. Кортунов. 2008. – С. 21-25. Л.В. Мерзлякова Личностный стиль управления на примере Вятского губернатора А.И. Середа. - <http://pandia.ru/text/78/274/10683.php>

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11616. Л. 82-64.

³ Семенов В.Г. Семенова В.Г. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 2014; Семенов В.Г., Семенова В.П. Сухтелен Павел Петрович // Военная история Башкир Энциклопедия. – Уфа, 2013. – С. 239-240.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11616. Л. 82-64.

⁵ Список гражданским чинам первых IV классов. – СПб, 1849. – С. 587.

⁶ Биографические справки на Вятских наместников и губернаторов (1780-1917). Составители: Воробьева И.С. и другие. – Киров 1996. Указание на награждение А.И. Середы орденом святого Владимира 1-й степени ошибочно, как и указание на то, что старший сын был в 1881-1883 годах московским обер-полицмейстером.

⁷ В приказе по отдельному Оренбургскому корпусу сказано «За смертью командующего Башкиро-мещерякского войска генерал-майора Середы», 27 октября 1851 года на эту должность был назначен полковник И.А. Толстой. Семенов В.Г. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска граф И.А. Толстой // Качество профессионального образования: новые приоритеты, системы оценки материалы XXVI преподавательской конференции. 2004. – С. 176-182.

⁸ Биографические справки на Вятских наместников и губернаторов (1780-1917). Составители: Воробьева И.С. и другие. – Киров 1996. Указание на награждение А.И. Середы орденом святого Владимира 1-й степени ошибочно, как и указание на то, что старший сын был в 1881-1883 годах московским обер-полицмейстером.

⁹ Биографические справки на Вятских наместников и губернаторов (1780-1917). Составители: Воробьева И.С. и другие. – Киров 1996.

¹⁰ Список гражданским чинам первых IV классов. – СПб, 1849. – С. 587.

¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1356. Л. 18 об. - 19.

¹² Семенов В.Г. Степной Лицей // Гостиный двор. – 1995. – № 3. – С. 92-95.

¹³ В Биографических справках на Вятских наместников и губернаторов (1780-1917). (составители: Воробьева И.С. и другие. – Киров, 1996), ошибочно указано, что он был в это время московским обер-полицмейстером.

¹⁴ Список генералам по старшинству на 1896 г. – СПб, 1896. – С. 501.

¹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1430. Л. 21 об. - 22.

¹⁶ ГАОО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 206. Л. 4 об. - 24.

¹⁷ Зобов Ю. С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. – Оренбург, 2007. – С. 282.

¹⁸ ГАОО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 206. Л. 29 об.

¹⁹ Званием почетного гражданина города Оренбурга Н.А. Середа был отмечен 16.06.1909 года, в связи с 25 летней беспорочной службой на должности городского главы г. Оренбурга.

²⁰ РГВИА Ф.400. Оп.9. Д.30512. Л. 79-80. Семёнов В.Г., Семёнов О.В. Гордость военной педагогики Урала и России - генерал Самоцвет и его потомки // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона Материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Оренбург, 2015. – С. 122-131.

²¹ Судоргина Т.В. Оренбургский городской голова – Николай Акимович Середа // Оренбург – «всем азиатским странам и землям... ключ и врата» - Оренбург, 2010. – С. 86-87.

Тептеев А. Г. (п. Фершампенуаз, Челябинская область)

СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ НАГАЙБАЦКОЙ СТАНИЦЫ

Реализация Положения об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 года привела к кардинальным переменам практически во всех областях жизни и службы казаков войска. Упраздняялась кантонная система управления войском, созданная в 1798 году, которая «объединила относительно разнородные казачьи, башкирские, меццаряцкие, тептярские, калмыцкие формирования в единую систему под общим губернским управлением» (1).

Тогда Оренбургское казачье войско было разделено на 5 кантонов, расположенных на огромной территории сопоставимой со многими государствами Европы. При этом, 3-го, 5-го и большая часть 4-го кантонов располагались далеко от границы, и казакам этих кантонов, приходилось выезжать на службу на границе, выражаясь современным языком, «вахтовым методом», порой на расстоянии более 600 верст, что очень сильно негативно влияло на домашнее хозяйство казака.

Да и длительный переход до 30-ти и более «дней марша» (2), не способствовал боеготовности и боеспособности прибывшего на службу казака. Зачастую прибывавшие на службу казаки имели донельзя изнуренных лошадей, но порой из-за падежа и вовсе без них. И, казак для несения службы, приходилось покупать лошадь, что дополнительным тяжелым бременем ложилось на плечи казака и его семьи. При следовании казаков на летнюю службу 1784 года «по отсутствию

в поле корма и за неотысканием по тракту в селениях сена, у казаков пало десять лошадей»(3). В 1786 году «во время следования Исетских казаков на Кизильскую дистанцию у них пало 50 лошадей. – Начальство ограничилось предписанием, чтобы недостающие лошади непременно искуплены были и чтобы казаки были «о дву-конь» во избежание могущей быть остановки в линейной службе» (4).

*Казаки-нагайбаки Парижского поселка Великопетровской станицы: Киртянов Борис Филиппович (стоит), Дюсьмикев Исаак Кузьмич (сидит слева), Дюсьменев Петр Антонович (сидит справа). Начало XX в.**

По Новому Положению об Оренбургском казачьем войске: «Коренному изменению подверглось военно-административное устрой-

* В статье использованы фото из книги: Семенов В.Г., Семенова В.П. Оренбургский казачий альбом. – Оренбург, 2012.

ство» (5), и войско было поделено на два военных округа, которые в свою очередь делились на 10 полковых округов. Но, в первую очередь по Положению, решался земельный вопрос. На основании параграфа 1-го Войско получало сплошную территорию «земли по всему протяжению Оренбургской линии, от границ Сибири до пределов Уральского казачьего войска»(6). Принадлежавшие же казакам земли, которые были Высочайше дарованы «Уфинским», Самарским и другим разрозненным казачьим общинам Закамья и Заволжья в XVI-XVII веках, затем в 30–50 годы XVIII века, в период формирования и оформления Оренбургского казачьего войска в «структуру вооруженных сил российского государства» (7), на основании параграфа 2-го эти земли «в состав сих, определяемых Войску земель не входят: Принадлежащие станицам внутренних кантонов 3-го, 5-го части 4-го» (8) передавались в ведомство министерства Государственных имуществ.

Первоначально предполагалось, это предусматривалось одним из параграфов Положения, что «переселяться на Войсковые линейные земли» подлежат только те казаки, «которые сами пожелают остаться в Оренбургском казачьем войске» (9). Отказавшиеся от переселения из казаков, будут переведены «в состав округов регулярных поселенных полков» (10).

Однако вскоре добровольность будет отменена и все казаки внутренних кантонов «остаются с потомством своим навсегда в Войске»(11) и «безусловно» подлежат добровольному переселению. Казаки 3-го кантона станиц Уфимской, Табынской, Бакалинской и Нагайбацкой подлежали в массе своей переселению в Новолинейный район, который образовался в треугольнике: от Орска по реке Урал до Верхнеуральска и далее по реке Уй через Троицк до Березовского. Замыкался треугольник, от Березовского через крепости расположенные непосредственно по новой пограничной линии Михайловское, Николаевское, Константиновское, Наследницкое и Императорское до Орска. Территория «треугольника», была разбита на участки, где предполагалось основать 32-е станицы, расположенные таким образом, что предоставляло переселяемым казакам: «такие участки, которые бы по своему изобилию и местному положению, могли обеспечивать средства к жизни и чтобы новые поселения восстановили ближайшие пути сообщения, жителям двух линий, для удобнейшего управления полковыми Округами, охранения границы и облегчения во взаимных сношениях к развитию торговой и сельской промышленности»(12).

Оренбургская казачка Дюскина Васса Сергеевна в нагайбакском костюме. Начало XX в.

В Новолинейном районе на участке территории отведенной 5-му полковому округу переселенцами Уфимцами основана станица № 5 – Великопетровская, Табынцами станица № 6 – Полтавская. Казаки же станиц Нагайбацкой и Бакалинской основали пять новых станиц и отрядов: № 1 – Кассельский, № 2 – Остроленская, № 3 – Фершампенуаз, № 4 – Париж и № 8 – Требия.

Кроме этого казаки Бакалинской и Нагайбацкой станиц были расселены на территории 7-го полкового округа в Кундравинскую станицу в количестве «350 душ мужского пола», которых расселили среди крестьян изъявивших желание вступить «в казаки» поселков: Краснокаменский, Болотово и 2-я Ключевка («Лягушино тож»). В Верхнеувельскую было переселено «140 душ м.п.», которых расселили сре-

ди «новоприборных» казаков в поселках Варламово (Верхнеуфимский) и Попово.

Своим рождением станица Нагайбацкая обязана Указу императрицы Анны Иоанновны Румянцеву и Кириллову от 11 февраля 1736 года, пункт 12-й Указа: «Уфимских новокрещеных, за их верную службу, определить в службу казацкую, и служить им по Мензелинску и по строящимся новым городкам в вершинах Ицких и между Уфы и Мензелинска, и ясак с них снять»(13).

До издания Указа от 11 февраля Кириллов в Представлении Правительствующему Сенату от 16 августа 1735 года о принимаемых им мерах к прекращению башкирского бунта сообщает «о ворах-башкирцах», которые: «в Уфимском уезде чинят грабежи и разорении многим деревням, кои к их воровству не приставали, а паче служилым мещерякам, которые при экспедиции в самой верности служат, также и новокрещенным, живущим недалеко от Мензелинску»(14).

В своей знаменитой Топографии Оренбургской П.И. Рычков сообщает: «Нагайбак, или Нагайбацкая крепость ..., от Уфы 208, а от Мензелинска 64 версты. Она крепость построена в 1736 году, по причине бывшего тогда Башкирского замешания»(15). При передаче дел Башкирской комиссии Оренбургской экспедиции от генерал-майора Ф.И. Саймонова Статскому советнику И.И. Неплюеву в 1742 году «В росписном списке» приводятся сведения о Нагайбайбацкой крепости: «Под ведением Башкирской комиссии состоящих: В Нагайбацкой крепости для содержания во опасных местах караулов и разъездов новокрещенных казаков конных – 265, пеших – 123, итого – 388. При них атаман – 1, есаул – 1, писарь – 1, сотник – 1, из новокрещен сотников – 2, пятидесятников – 3, престарелых – 99, малолетних – 335, всего – 831 человек. Записных башкирцев и протчих иноверцев, состоящих под ведением той Нагайбацкой крепости и имеющих в казачьей службе: к службе годных конных – 73, пеших – 119, итого – 192; негодных к службе пеших – 34, престарелых – 13, больных – 38, малолетних – 28, итого – 113» (16). Всего в Нагайбацкой крепости и причисленным к ней деревням числилось всех казаков 1136 человек, из них 338 «казаков конных». Через четыре года, в своем Представлении на имя императрицы Елизаветы Петровны, документ составлен в «1746 году не позднее 9 марта» переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамбет Ураков сообщает что, «ибо из них справных доброконных по списку 800 человек»(17).

*Казак Арсланбаев из поселка Фершампенуаз.
Нагайбаки возможно 10 ОКП 1914 г.*

В сопроводительных записках к служебной переписке по указам Уфимской провинциальной канцелярии и Оренбургской Губернской канцелярии за период с 1745 по 1751 гг., составленных в ходе исполнения «Указа покойной императрицы Анны Иоанновны» о наделении землею «Нагайбацкую крепость села Бакалы и прочие новокрещенные, всего двенадцати деревням» указывается, что «по силе генерального учреждения о нерегулярных людях всей Оренбургской губернии учиненного в прошлом 748 году декабря 10 числа... оных новокрещен в действительные казаки поверстано шестьсот человек в том числе атаман один, есаул один, сотников и писарей по шести человек рядовые пятьсот восемьдесят шесть человек.

А прежде их состояло всех пятьсот шестьдесят шесть и так по выше писанному учреждению прибавилось тридцать четыре человека» (18). По всей вероятности эти 566 человек и есть первоначальный состав новокрещенных казаков определенных в казачью службу на основании указа от 11 февраля 1736 года. Но, Ф. М. Старикова приводит несколько иные данные, что обращенных в казаки непосредственно сразу после указа «при переписи оказалось способных к службе 600 человек» (19). Согласно Высочайше утвержденного штата, от 14 апреля 1755 года: в Оренбургском корпусе в г. Оренбурге – 1094 человек, в Бердской слободе – 103, в Оренбургском ведомстве – 800 казаков, в Ставропольском – 250, в Уфимской провинции – 1250 человек из которых – 150 в Уфе, в Табынской – 100, Красноуфимской – 300, Елдяцкой – 100 и в Нагайбацкой – 600.

В Исецкой провинции 1380 человек из них в крепостях: Челябинской – 400, Миясской – 200, Еткульской – 350, Чебаркульской – 300, Уйской – 80 и Карагайской – 50 человек.

П.И. Рычков сообщает, что «Во всем Нагайбацком округе имеется их ныне десять деревень и одно село с церковью. Во оных и с Нагайбацкою крепостию служилых козаков числится 1359 человек» (20). Вероятнее всего цифра количества «служилых казаков» относится к концу 50-х гг. ко времени когда П.И. Рычков собирал данные для «Топографии Оренбургской», изданной в 1762 году (21).

По данным за 1794 год «Нагайбацкие казаки, коих числится по 5-й ревизии 1778 душ» (22). Все перечисленные сведения о численности казаков подведомственных Нагайбацкой крепости в сравнении со всеми остальными ведомствами Оренбургского войска позволяют сделать вывод, что с периода зарождения и первые десятилетия существования Оренбургского казачьего войска как военной единицы иррегулярных войск России, Нагайбацкая станица, являлась самой многочисленной в Войске. В приводимых цифрах количества казаков в Оренбургском крае в 30-50-х годах XVIII века и позже в разных изданиях и у авторов разнятся. На что В.А. Кузнецов в своей монографии «Иррегулярные войска Оренбургского края» замечает, что: «На некоторые разночтения в приведенных цифрах не следует обращать пристальное внимание, так как данные относятся не к одному году, а к периоду в 5-6 лет. В силу естественных и служебных условий такие данные о численности войск менялись даже в течение одного года» (23).

П.И. Авдеев, автор Исторической записки об Оренбургском Казачьем Войске, отмечает, что: «В тех крепостях, где казаки служат без

жалованья, положено было записывать в казаки всех казачьих детей, достигших 17 лет, хотя бы число казаков было и выше определенного штатом, потому что «ежели комплект их против положенного еще умножен быть, то гораздо было бы сходне и полезнее, яко они все служат без жалованья, из того одного, что из подушного оклада выключены и имеют довольныя земли и угодыя, следовательно, что больше их число, то лучше».

Записываемых в служилые казаки сверх комплекта также велено было употреблять в наряды» (24). Учитывая, что казаки Уфимской провинции, за исключением казаков проживавших в Уфе, являлись «безжалованными» не исключено что именно этого и придерживались «отцы-командиры» ответственные за службу и личный состав в Нагайбакской станице. Принимая во внимание тот факт, что часто во многих, особенно в приграничных крепостях, был некомплект требуемых по штату казаков Нагайбацкая станица «делилась» своими служивыми. Так, например в 1756 году И.И. Неплюев распорядился из Нагайбацкой станицы «25 нагайбацких семей казаков перевести и зачислить в штат Нерегулярного корпуса» (25).

В 1806 году Военный губернатор Оренбургского края «князь Волконский приказал переселить на линию, изъявивших желание переселиться ст. Нагайбацкой 129 чел. в редут Подгорный Орской дистанции 40, кр. Ильинску 3 и избрали другие места 86»(26). Кроме таких массовых переселений казаков Нагайбацкой станицы имелись множественные случаи «перечисления» отдельных казаков и с семьями из Нагайбацкой в другие станицы войска, что зафиксировано в материалах 7 и 8 Ревизий по Нагайбацкой и Бакалинской станицам.

Пример: казак Василий Тарков «выключен в Уфимскую станицу», Дмитрий Байкин 38 лет с сыном Федором 8 лет «выключены на линию в отряд Нежинский». Нагайбацкая станица в течение порядка 50 лет со времени своего возникновения являлась самой крупной станицей во всем Оренбургском Казачьем Войске, как по личному составу, так и по приписанным к ней населенным пунктам.

В указе Правительствующего Сената присланного 13 августа 1833 года на имя Военного Губернатора относительно земельных споров казаков и разночинцев, имеется ссылка на материалы Генерального межевания 1800 г. где указаны названия всех 14-ти селений, где проживали казаки: «В даче Нагайбацкой крепости казаки жили: в Белебеевском уезде: в Нагайбацкой крепости, селе Бакалы и деревнях:

Старые Усы, Старая Иликова, Умирова, Килеева, Старые Маты, Шерашли, Костеева, Ахманова, Балыклыкулево, Зияшева и Новоюзеево и Мензелинского уезда деревня Машуги» (27).

В начале 20-х годов XIX века с увеличением казачьего населения Нагайбацкая станица была разделены на две собственно Нагайбацкую и Бакалинскую. При этом к Нагайбацкой «материнской» станице отошли Нагайбацкая крепость и две деревни Старые Усы и Мушуги, остальные 10 деревень были причислены к Бакалинской станице с центром в селе Бакалы, по некоторым документам, особенно периода Пугачевщины, Бакалы обозначалась как крепость. Но, и по разделению, теперь уже Бакалинская станица, оставалась одной из крупнейших в Войске.

С началом реализации Положения об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 года началась последняя и по некоторым моментам драматичная страница истории Нагайбацкой и Бакалинской станиц.

Из Рапорта от ... * (*на загибе документа) февраля 1843 г. № 265 (получ. 8 февраля 1843) Военному Губернатору от Наказного Атамана ОКВ графа Цукато. «8-го января хорунжий Спытков во время бытности командующего Бакалинскою станицею» узнал от служащего казака Петра Маметьева что казаками станицы собраны деньги для «подачи прошения какому-то Сенатору, об избавления казаков от переселения на линию» и с этой целью «секретным образом отправился в Уфу отставной казак Федор Питеев для подачи прошения с собранными деньгами». Хорунжий Спытков вызвал к себе на допрос вернувшего к тому времени домой Федора Питеева, но «он не сознался». Однако проведенным расследованием 10 января было выяснено, «что казак Питеев действительно в г. Уфу ездил для подачи прошения». Есаул Шешминцев «Командующий кантоном собрав казаков Бакалинской станицы, спрашивал их о переселении и получил от них отзыв, что они все к назначенному Начальством сроку будут готовы для переселения». После этих событий отставной казак Питеев при повторном допросе во всем все же сознался и передал все составленные доверенности «с распискою Уфимской почтовой канторы с деньгами 121 р. 64 коп. ассигнациями». В изъятой у Питеева «черновой доверенности казаков Бакалинской станицы» было установлено, что документ был подписан «многими на имя трех лиц, означенных именами и отчествами, без объяснения фамилий» которым поручалось отыскать в Уфе и получить копию с Импера-

торского указа, по которому они владеют занимаемые ими землями. «Во всеподданнейшем на имя Его Императорского Величества прошении, отправленном по почте в Уфе от имени отставного казака Федора Яковлева Питеева» расписано, какие могут быть «затруднения в переселении и разорения» которые могут отрицательно повлиять «к исправному служению» и ко всему прочему у казаков были сомнения, в том что «о переселении их на линию» это «воля Его Императорского Величества», посему они ходатайствуют об оставлении на прежних местах. В станицу Бакалинскую был командирован сотник Михайловский: «для производства исследования о поступке отставного казака Федора Питеева». Михайловскому было предписано «отобрать показания» казаков Петра Маметьева и Федора Питеева и у лиц, на имя которых написана была доверенность, после чего доставить их в Войсковое Правление в г. Оренбург «посредством внутренней стражи».

Кроме того Михайловскому было поручено что бы он «лично распорядился отправлением на линию не позднее 25-го февраля всех казаков способных к работам, со всем своим рабочим скотом для весеннего посева хлеба» (28). В следующем рапорте, на имя Оренбургского Военного Губернатора, Наказной атаман ОКВ рапортовал, что «Сотник Михайловский представил произведенное им исследование» по которому установлено, что казаки Бакалинской станицы дали Федору Питееву, Петру Серебрякову и Василию Федотову доверенность «только на отыскания в городе Уфе указа о пожаловании им земель не уполномочивая притом на подачу прошения Государю Императору».

Отставной казак Федор Яковлев Питеев в содеянном «откровенно сознался и раскаивается», что отправил на имя Государя Императора Прошение «самовольно без сведения доверителей» и без ведома своих сотоварищей Серебрякова и Федотова. Так же и «Общество казаков раскаиваются в своем предприятии об отыскании права на землю, им пожалованную, и удостоверяя, что сбора денег на подачу прошения делаемо не было». И все казаки, в том числе и Федор Питеев «в совершенной готовности к переезду на новые места в назначенное Начальством время» (29). Однако все трое и раскаивающийся Питеев, и Серебряков с Федотовым которые не ведали, что «творил» Питеев, оказались в Оренбурге под «стражей». Впрочем, заточение их было не долгим, в апреле 1843 года Наказной Атаман войска обратился к Военному губернатору, с покорнейшей

просьбой об освобождении из под стражи «по уважению наступления времени для полевых работ, чтобы не лишить казаков 3-го кантона Бакалинской станицы Федора Питеева, Петра Серебрякова и Василия Федотова посева нынешнею весною хлеба и обеспечения этим продовольствия семейств их» (30). Чем же закончилась история поиска «на вечно дарованной земли» можно проследить из переписки Военного губернатора и Наказного Атамана: 17 февраля 1843 г. наказной атаман «полагает: казака Питеева наказать телесно и переселить на линию отдельно от общества Бакалинской станицы в укр. Императорское, остальных двух доверенных, Петра Серебрякова и Василия Федотова, дозволивших написать на свое имя доверенность об отыскании указа на землю, наказать телесно». 23 декабря 1843 г. «ген. Обручев сообщил ... Питеева ... наказать розгами, по уважению чистосердечного признания и раскаяния в своем поступке» (31). На следующий год, «в 1844 году в мае и июне месяцах земли занимаемые упраздненными станицами переданы в ведомство министерства государственных имуществ» (32).

В феврале 1844 года в адрес Наказного атамана Оренбургского Казачьего войска из Департамента военных поселений пришло извещение, в котором сообщалось, «что владеемые ими здесь земли пожалованы предкам их на вечные времена Императрицею Анной Иоанновной в 1751 году» (33). Но, а в июне 1844 года Войсковое Правление Оренбургского Казачьего войска сообщало Господину Оренбургскому Военному губернатору: «По переселению всех чинов из станиц кантонов: 3-го Бакалинской, Нагайбацкой, Табынской, Елдяцкой и Уфимской, и 5-го Бузулуцкой, Сорочинской, Елшанской, Борской, Красносамарской и Алексеевской, станичные их Правления ныне совершенно упразднены; ... и покорнейше просит разрешения о упразднении и 3-го кантонного управления и об увольнении командующего оным Есаула Шешминцева на новое место поселения» (34).

Список литературы

1. Авдеев, П.И. Историческая записка об Оренбургском Казачьем Войске. 1904. – С.80.
2. Добросмыслов, А.И. Материалы по истории России. – Оренбург, 1900. – С.352.
3. Кузнецов, В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара- Челябинск, 2008. С.7.
4. Рычков, П.И. Топография Оренбургская. Ч.II. – СПб., 1762. – С.19.
5. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. –

Оренбург, 1890. – С.153.

6. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1-12. – Оренбург, 1903-1915. С.3.

7. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.3. – М-Л., 1949. С.56.

8. Положение об Оренбургском казачьем войске. – СПб., 1840. С.4.

9. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Оп.6. д. 5304. Л.10-10об.

10. Российский государственный архив древних актов. Ф.248. Кн.143. Л.751. С.173.

11. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10 д.5273. Л.253-254;

12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Оп.6. Д. 5304. Л. 10-10об.

13. Добросмыслов, А.И. Материалы по истории России. – Оренбург, 1900. – С.193.

14. Добросмыслов, А.И. Материалы по истории России. – Оренбург, 1900. – С. 81.

15. Рычков, П.И. Топография Оренбургская. Ч.II. – СПб., 1762. – С.204-205.

16. Российский государственный архив древних актов. Ф.248. Кн.143. Л.751.

17. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.3. – М-Л., 1949. – С.559.

18. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10 д.5273. С.253-254.

19. Рычков, П.И. Топография Оренбургская. Ч.II. – СПб., 1762. – С.38.

20. Рычков, П.И. Топография Оренбургская. Ч.II. – СПб., 1762. – С.207.

21. Зобов Ю.С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. – Оренбург, 2007. – С. 17.

22. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. 472. Л.24.

23. Кузнецов, В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара-Челябинск, 2008. – С.80.

24. Авдеев, П.И. Историческая записка об Оренбургском Казачьем Войске. 1904. – С.34.

25. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. – Оренбург, 1903-1915. – С.50.

26. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. – Оренбург, 1903-1915. – С.85-86.

27. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 237-237 об.

28. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 228-230 об.

29. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 237-237 об.

30. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 275.

310. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 10. – Оренбург. – С. 343-345.

32. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 10. – Оренбург. – С.408.

33. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 415.

34. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 418-418 об.

Ярошецкий А. Б. (г. Каргалы, Челябинской области)

КАЗАЧЬИ ДЕВИЦЫ – МОНАШКИ

Истоки великой русской культуры, в том числе и казачьей культуры, начинаются с Православия. Православие оттачивалось и достигало высших пределов в основном в монастырях и скитах. Монастыри всегда выступали духовным оплотом православия. Помимо своей основной деятельности – непрерывной молитвы за весь мир, у монастырей были и другие направления деятельности в служении Богу и ближним.

Большинство монастырей полностью сами себя обеспечивали материально, обрабатывая землю, разводя скот, ведя разнообразную образцовую хозяйственную деятельность).¹

Необходимо отметить монашеские традиции множества казачьих станиц и поселков Оренбургского казачьего войска. Почитание монастырей и монашества, а также тяга к ним у многих казачьих семей проистекала из их глубоко православного духа. По замечанию историка Николая Михайловича Чернавского, уроженца Полтавского казачьего поселка: «По своей сущности, казачество представляло из себя род религиозного братства, которое, устроив свою жизнь на строго религиозных началах, крепко берегло свободу и неприкосновенность своей веры».² Казачьи семьи по своему устройению были духовны, патриархальны, целомудренны, многодетны. Главой казачьей семьи являлся старший по возрасту казак и авторитет его был непререкаем. Браки заключались довольно рано и обычно по воле и выбору родителей. В подавляющем большинстве казачьих поселков Новой линии и всего Оренбургского казачьего войска основная масса людей была православного исповедания, для которых монашество считалось идеалом христианской жизни, чаще всего недостижимым. По данным 1902 г. доминировало русское население (87,6 %), православные составляли 88 %, мусульмане – 7,4 %, старообрядцы – 4,6 %.³

Как известно, главное назначение казачества состояло в несении военной службы. В силу объективных причин, так как годные к военной службе казаки должны были отслужить 20 лет (с 18 до 38 лет согласно «Положению о военной службе казаков Оренбургского войска» от 10 июля 1876 г.,⁴ на монашеском поприще проявляли себя в основном казачки. Казачки по своему характеру были набожными, смелыми, целомудренными, трудолюбивыми, хозяйственными,

терпеливыми. Сильные духом и телом. Девичья коса у казаков считалась символом красоты и чести. Ни в девичестве, ни в замужестве казачки не ходили с распущенными волосами, всегда их заплетали и подвязывали косыночкой или платком. Опростоволоситься считалось последним, постыдным делом. У большинства казачьих обычаев и традиций хорошо видны православные корни.

В начале XX века, а именно на 1 декабря 1907 г., в Оренбургской губернии насчитывалось 10 монастырей: 3 мужских и 7 женских. А в Оренбургской и Уральской епархии (в нее входили помимо Оренбургской губернии еще Тургайская и Уральская области) насчитывалось 13 монастырей: 4 мужских и 9 женских. Отсюда видно, что в Оренбургской губернии и епархии подавляющее большинство монашествующих были женского пола. Леонид Денисов в своем справочнике «Православные монастыри Российской Империи» приводит данные, что на 1 декабря 1907 г. мужских монастырей в России больше, чем женских (на 4 женских приходится 5 мужских). Однако монахинь в России больше, чем монахов (на 4 монаха приходится 11 монахинь). И отсюда делает вывод, что мужские монастыри в России вымирают, а женские, наоборот, прогрессируют.⁵

На территориях Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского и Орского уездов мужских монастырей не было. В каждом из этих уездов было по одному женскому монастырю. Близ г. Верхнеуральска находился Покровский женский монастырь официально зарегистрированный в 1903 году. И только в главном Оренбургском уезде было несколько монастырей - три мужских и три женских. С созданием Покровского монастыря со всех концов Верхнеуральского уезда потекли под его священный покров паломники-богомольцы и будущие послушницы-монахини. История его создания подробно описана его первой настоятельницей Магдалиной (Федоровой). Благословение быть «заведующей по устройению обители» получила мещанка г. Верхнеуральска девица Марфа Спиридоновна Федорова (она же Свирина). Родилась она в 1852 г., обучалась дома. Из ее послужного списка известно, что в 34 года, т.е. в 1886 г., была «уполномочена особой законной доверенностью от 44-х вдов и девиц, чтоб ходатайствовать перед Епархиальным Начальством об открытии общины при г. Верхнеуральске».⁶

Священник Верхнеуральского Николаевского собора Павел Подбельский, который руководил устройством женской общины в г. Верхнеуральске, обратился с докладной запиской к Преосвященному

Макарию (Троицкому), епископу Оренбургскому и Уральскому, которая была рассмотрена в Оренбургской Духовной консистории 24 мая 1888 г.

В докладе о. Павел Подбельский представил приговор жителей станицы Верхнеуральской от 13 декабря 1887 г., где они, «выслушав заявление девицы Марфы Федоровой – она же Свирина – об отводе земли под женскую общину, единогласно определили отвести под сказанную общину в вечное владение 10 десятин земли (в 2400 квадр. сажень каждая десятина) без лугов, на месте ниже г. Верхнеуральска, вниз по течению реки Урала, выше мельницы Бушмелева...». Также о. Павел Подбельский представил в докладе письмо на имя Свириной «из главной конторы Елабужского I-й гильдии купца Дмитрия Ивановича Стахеева от 17 декабря 1887 г.», где этот купец соглашается «участвовать билетом Оренбургского банка на сумму 800 руб.». Священник Подбельский объясняет, то им найдена еще одна «богобоязненная преклонных лет старица, изъявляющая готовность пожертвовать в пользу предполагаемой общины 200 десятин земли». ⁷

В рапорте благочинного 17-го округа священника Никандра Воронцовского от 10 сентября 1889 г. указывается фамилия и место жительства этой благотворительницы – вдова Ломовцева из Краснинского казачьего поселка. В этом рапорте указывается и другая благотворительница – офицерская вдова Анна Ханжина, которая пожертвовала Покровской женской общине 400 десятин земли. В списке лиц, изъявивших желание поступить в предполагаемую женскую общину была указана «Доверенная по делу учреждения общины Марфа Спиридонова Федорова, девица» и 32 девицы и вдовицы большую часть которых составляли мещанки г. Верхнеуральска. Были в списке и казачки, солдатки, крестьянки. Самой юной из них - девице мещанке Параскеве Игнатьеве Чугреевой – 14 лет. Рядом с ней в списке записана, по всей видимости, ее мать или тетка – вдова мещанка Анастасия Александрова Чугреева, 37 лет. Самым старым из них – вдове мещанке Анне Александрове Егоровой и девице мещанке Марии Никитине Адаевой – по 60 лет. В одном из отчетов Марфы Федоровой написано: «(...) 24 июня 1888-го года было освящено место, на котором расположена обитель, а в июле построено первое здание для помещения сестер, которых собралось тогда до 30 человек». «Исхлопотав усадебную землю и по устройению на ней келий, Марфа Федорова была единогласно первоначальницами избрана начальницею общежития в 1888 г. июня 24 дня». ⁸

Особо ходатайствовал об открытии нового монастыря Преосвященный Макарий (Троицкий), епископ Оренбургский и Уральский. В его письме-прошении от 1 ноября 1893 г. об учреждении Покровской женской общины, он сообщает, что у общины имеется два участка земли: один в 10 десятин, а другой в 190 десятин. И что в случае официального учреждения общины, в ней планируется открыть богадельню «для бесприютных и немощных женщин, на первое время на 10 кроватей». Также он пишет: «(...)Открытие монашеской общины г. Верхнеуральске должно принести благотворные плоды в деле распространения и утверждения истинной веры Христовой в среде местного населения...». Марфа Федорова была пострижена в монахини с новым именем Магдалина 11 октября 1894 г. в Оренбургском Успенском женском монастыре.⁹ Только через десять лет, а именно: в сентябре месяце 1896 г. состоялось определение Святейшего Синода об учреждении Покровской женской общины при г. Верхнеуральске. Спустя почти пять лет, а именно: в июле месяце 1901 г. община преобразована в общежительный монастырь». ¹⁰ По официальным же данным Покровская женская община преобразована в монастырь по определению Священного Синода от 27 июня – 4 июля 1903 г.¹¹ Монахиня Магдалина возведена в сан игуменьи 10 августа 1903 г. Пять лет она являлась попечительницей Верхнеуральской церковно-приходской школы (с 5 февраля 1902 г. по 10 сентября 1907 г.). 27 октября 1904 г. за материальную и нравственную поддержку, оказываемую школе, ей «преподано архиастырское благословение». 12 апреля 1906 г. «за ревностное исполнение служебных обязанностей и благоповедение» Магдалина награждена Святейшим Правительствующим Синодом наперсным крестом. Архивные документы свидетельствуют о том, что игуменье Магдалине (Федоровой) удалось организовать достаточно успешное и разностороннее «хозяйствование» общины. Основной доход приносили скотоводство и хлебопашество, в монастыре также успешно развивались «живописное (иконописное), просфорное, переплетное, цветочное, картонажное, чулочное (машинным способом) и чеботарное мастерства; золотошвейное, белошвейное, бельевое, пуховное и портняжное рукоделия».¹²

Также Верхнеуральский Покровский монастырь получал доход с «жертвованных земель», которые или сдавались в аренду, или обрабатывались своими силами. Монастырь стал известен как поставщик меда, что отмечено в отчете Градо-Верхнеуральского

благочинного о. Михаила Громогласова: «пчеловодство поставлено очень хорошо и приносит монастырю значительный доход». С каждым годом число проживающих в монастыре росло, что подтверждается данными клировых ведомостей. Среди послушниц монастыря находились урожденные из разных мест Оренбургской епархии, но основная часть монахинь и послушниц была из Верхнеуральского уезда.

*В центре сидит игуменья Магдалина (Федорова)**

В 1905 г. в монастыре проживало уже 100 человек: настоятельница игуменья Магдалина, 6 монахинь и 93 послушницы, в богадельне призрелись 4 «старушки» и 5 сирот. В рапорте настоятельницы отмечалось, что все послушницы «простого звания и по сословиям разделяются так: 58 казачек, 28 мещанок и 7 крестьянок. Окончивших учебные заведения, хотя бы низшего типа, среди них нет, но все они, за исключением трех старушек, грамотные».¹³ Таким образом, большинство послушниц (62 %) в этой обители было из казачьего сословия. Первая деревянная Варваринская (в честь св. великомученицы Варвары) домовая церковь была освящена 4 января 1894 г. 9 сентября 1901 г. было начато строительство соборного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Храм был «построен на каменном фундаменте, на три придела и покрыт железною крышею.

* Фото предоставлено Василием Ашитковым.

Внутри оштукатурен и окрашен масляною краскою. Купол украшен росписью святых икон и сетью орнаментов, нанесенной редкой вязью и по стенам и по потолку храма». Особо нужно отметить духовность и благочестие Полтавского казачьего поселка. В Великопетровский станичный юрт (по данным 1900 г.) входили посёлки: Великопетровский, Варнинский, Парижский, Полтавский, Аннинский, Толстинский, а также шесть хуторов. Из казачьих селений Великопетровского станичного юрта, да и других близлежащих станичных юртов, ярче всех выделяется в отношении монашества именно поселок Полтавский. В «Послужном списке послушниц Верхнеуральского Покровского женского монастыря Оренбургской епархии за 1903 год» насчитывается семь (!) казачьих девиц из Полтавского поселка. Для сравнения: из самого станичного посёлка – Великопетровского, в послужном списке этого монастыря числилась одна казачья девица (Сторожева Пелагия Семенова, 18 лет), из Аннинского поселка – одна казачья девица (Александрова Анастасия Александрова, 27 лет), из остальных поселков и хуторов Великопетровского станичного юрта – ни одной казачьей девицы или вдовицы.¹⁴

Первые казачьи девицы из Полтавского поселка Великопетровской станицы появились на послушании в этом монастыре в 1896 году. Это были: Ложникова Агриппина Тимофеева, казачья девица Полтавского поселка, 27 лет. «Проживает в монастыре по удостоверению. Образование получила домашнее». (Точно такие же данные – насчет проживания по удостоверению и домашнего образования – у всех других послушниц из казачьих девиц). «Проходила и проходит послушания: по чёрным работам и в просфорной. Очень хороших качеств, к послушанию способная и усердная»

(Точно такие же данные – насчет душевных качеств – у большинства послушниц из казачьих девиц), Красильникова Татьяна Егорова, казачья девица Полтавского поселка, 27 лет, Лаптева Мария Константинова, казачья девица Полтавского поселка, 21 год.¹⁵ В конце этого 1896 года к ним присоединилась еще одна казачья девица из Полтавского поселка, Колобынцева Марфа Иванова, 28 лет. Поступила 27 декабря 1896 г. Через полтора года за своей родственницей Колобынцевой Марфой последует уже пятая казачья девица из Полтавского поселка – Колобынцева Параскева Тимофеева. Послушники (послушницы) – так назывались в русских монастырях

лица, готовящиеся к принятию монашества. Они еще не дали монашеских обетов, не принадлежат еще к монашескому братству, не называются монахами и не носят монашеской одежды. Исполняют разные послушания по назначению (благословению) настоятеля монастыря, т.е. низшие церковные службы при богослужении и по монастырскому хозяйству.¹⁶ Параскева Тимофеевна родилась примерно в 1875 г. Известно, что ее родной младший брат Алексей Тимофеевич Колобынцев, родившийся 17 марта 1888 г., стал впоследствии героем Первой мировой войны, полным Георгиевским кавалером, прапорщиком, погибшим в Гражданской войне в 1919 г.¹⁷ Другой ее младший брат Лонгин Тимофеевич Колобынцев, родившийся около 1882 г., старший урядник в составе 15-го Оренбургского казачьего полка, героически погиб 11 ноября 1914 г. во время успешной атаки у деревни Дзвоновице в Польше. Награжден двумя Георгиевскими крестами.¹⁸

Монахиня Параскева была насельницей Верхнеуральского Покровского монастыря двадцать с лишним лет, вплоть до его закрытия в 1920-х годах. После закрытия монастыря она вернулась в родной поселок Полтавский (впоследствии вошедший в г. Карталы). Было страшное время голода. В 1922 г., погибли от тифа ее родная младшая сестра Анастасия с мужем. На её попечении остались дети-сироты от сестры Анастасии – Иван, Александр, Анна и Мария. Параскева Тимофеевна, своих племянников выкормила, вырастила, воспитала с Божьей помощью. Нянчилась она и с детьми Анны и Марии. Её светлый образ до сих пор свято хранится в их памяти. Параскева до конца своих дней сохранила монашеские обеты, люди называли ее «монашкой». Она жила в своем небольшом домике в Рабочем городке по ул. Луговой (в г. Карталы), где вела тихую монашескую жизнь. К ней в домик иногда приходили молиться ее близкие духовные подруги. В «Списке лиц, лишенных избирательных прав по Карталинскому сельсовету» (Протокол № 5 заседания районной избирательной комиссии Полтавского района от 29 октября 1934 г.) Колобынцева Прасковья Тимофеевна(19), Чернова Мария, Ложникова Аграфена. Каждая была лишена права избирательного голоса – «как монашка».¹⁹ Этот «список лиц» по своей сути был «черным списком» и эти монахини были на особом счету у органов Советской власти. Как известно, огромное количество монахов и монахинь было уничтожено, убито, сослано в лагеря в послереволюционные лютые 1920-30-е годы. Параскеву Тимофеевну

Колобынцеву, со слов родственников, не репрессировали, и она несла монашеский подвиг до конца земных дней на своей малой Родине. Прожила около 90 лет и похоронена на Полтавском (городском) кладбище.

В 1898 г. в Верхнеуральский Покровский монастырь поступила еще одна казачья девица из Полтавского поселка, шестая по счету, Федорова Гликерия Дмитриевна. А в 1903 г. в Верхнеуральском Покровском монастыре появилась седьмая казачья девица из Полтавского поселка - 17-летняя Теплякова Ирина Степанова. Игуменья Магдалина с материнской любовью встретила Ирину. У Ирины с собой остался маленький сундучок с дорожными ее девичьему сердцу вещами. Там среди прочего были серьги, бусы, игральные карты. Игуменья была вынуждена забрать эти неподобающие монашескому чину вещицы. Так началась непростая и суровая монашеская жизнь. Было послушание на скотном дворе, потом было послушание на пчелиной пасеке, а также по сбору пожертвований для монастыря. Ирина в числе других монахинь и послушниц ходила «по сбору» в г. Киев, то есть собирали пожертвования для своего монастыря. Добирались где-то пешком, где-то, быть может, на лошадях. Надо сказать, что это было всегда очень тяжелым послушанием. Незнакомые дороги и люди, различные опасности, тяготы, лишения и унижения в длительном путешествии. Неизвестно, удачным ли оказался этот сбор, но в любом случае сам подвиг принес великую духовную пользу и духовную радость. Так как для большинства православных людей являлось заветной мечтой поклониться великим киевским святыням. После закрытия Верхнеуральской Покровской женской обители в 20-е годы XX века, некоторые монашки и послушницы стали трудиться в преобразованной из монастыря сельскохозяйственной артели или трудовой коммуне, потом в колхозе. В их числе смиренно трудилась монахиня Ирина. Позже она рассказывала, как много унижений, оскорблений и обид ей пришлось перенести с другими монашками от новой советской власти, от безбожных колхозников. Монахиня Ирина не вернулась назад в Полтавский поселок и осталась в Верхнеуральске, жила в своем доме на берегу реки Урал. Верхнеуральский краевед Василий Алексеевич Ашитков, предоставивший много ценных фотографий и сведений о Покровском монастыре г. Верхнеуральска и его монахинях и послушницах, рассказал о том, что его бабушка Арина Егоровна, в девичестве хотела поступить в монастырь. Арина Егоровна некоторое время была послушницей и вспоминая о том времени рассказывала,

что послушниц было много, но не все выдерживали. Те, кто оставался, через три года получали постриг, и каждая монахиня после этого сажала тополь на территории монастыря.

*Остатки тополиной аллеи Покровского монастыря
в феврале 2012 г.**

Так и появилась тополиная аллея монастыря. И по числу тополей можно было узнать, сколько монахинь появилось (или родилось ангелов для вечной жизни) после образования монастыря. До нашего времени сохранилось всего несколько тополей на огромном заброшенном пустыре. Здесь некогда было райское место, духовный оазис. А теперь бесплодная пустыня. Этот маленький, но стройный ряд засохших деревьев выглядит поразительно, фантазмагорично, таинственно. Как узкий тернистый путь, уходящий в бесконечность. Как связь с другим вечным загробным миром и таинственное послание нам оттуда. 1920-1930-е годы стали воистину Русской Голгофой, распятием народа, Христовой Церкви и каждого верующего. Вся Россия покрылась пепелищами, лагерями, могилами, кровью невинных людей. Наступило время страшных испытаний. Подвиг мученический в христианстве всегда считался самым высшим подвигом. Верующих людей вдохновляли слова святого мученика апостола Павла: «И так переноси страдания, как добрый воин Иисуса

* Фото предоставлено Василием Ашитковым.

Христа» (2 Тим. 2; 3). «Если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас (2 Тим. 2; 11-12). Сам Христос говорил своим ученикам: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10; 28). « Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 10-12).²⁰

В первую очередь советской властью разграблялись, закрывались и уничтожались православные монастыри – как самые главные духовные центры и оплоты Церкви. Только в 1921 г. по России ликвидировано 722 монастыря. В 1922 г. известнейший Соловецкий мужской монастырь превращён в первый советский концлагерь – Соловецкий лагерь особого назначения (СЛООН). Пока неизвестна точная дата закрытия Верхнеуральского Покровского женского монастыря. Из протокола №12 от 6 апреля 1924 г. следует, что на территории бывшего монастыря был организован детский городок (т.е. детский приют). Согласно протоколу № 7 от 16 ноября 1927 г. Верхнеуральский райисполком решал судьбу «пустующих зданий бывшего женского монастыря».²¹ Также неизвестны

судьба игуменьи Магдалины (Федоровой) и судьбы ее ближайших сподвижниц. Скорее всего, она и многие другие монахини были репрессированы и закончили свой тяжелый крестный путь в тюрьмах, лагерях или иных местах изгнания. После закрытия Покровского монастыря некоторые монахини и послушницы остались жить в г. Верхнеуральске, но большинство покинули место своих многолетних подвигов навсегда. Некоторые возвратились в родные поселки. У кого-то не было такой возможности и они переехали жить в чужие места. Вот лишь несколько имен и судеб из множества репрессированных на Урале монахинь: - Винокурова Евдокия Федоровна, монашка. Родилась в дер. Ключи Увельского района. До ареста проживала в селе Кочкарь Кочкарского района Челябинской обл. Арестована 10 июля 1938 г. Осуждена 13.06.1939 г. на 6 лет концлагеря;²² - Волгушева Елена Дмитриевна (1858 г.р.), игуменья Херувима, последняя настоятельница Бузулукского Свято-Тихвинского Богородицкого женского монастыря. Арестовывалась в 1918 г. и в 1929 г. в Бузулуке, была выслана на 3 года. Осуждена 09.12.1937 г. «тройкой» УНКВД по Оренб. обл. якобы «за активное участие в контрреволюционной церковно-монархической организации» и приговорена к высшей мере наказания (ВМН) –

расстрелу. Была расстреляна в возрасте 79 лет 11 декабря 1937 г.;²³ - Гусаренко Васса Павловна (1881 г.р.), схимонахиня Серафима, до ареста проживала в г.Оренбурге. С детства и на протяжении 27 лет была послушницей монастыря. В 1927 г. была пострижена в монахини, в 1928 г. – в схимонахини. Осуждена 26.03.1931 г. «тройкой» ПП ОГПУ по СВК к ВМН. Расстреляна вместе со священномучеником Макарием Квиткиным 5 апреля 1931 г.; - Литвинова (1868 г.р.), игуменья Ермиония, последняя настоятельница Ключегорского Казанско-Богородицкого женского монастыря, село Таллы Грачевского района Оренбургской обл. В 1923 г. застрелена через окно своей кельи. Как говорит русская пословица, не стоит село без праведника. Вот и города - Оренбург, Орск, Челябинск, Верхнеуральск, Троицк, Каргалы, а также Великопетровский, Еленинский, Неплюевский поселки и многие другие города и веси не просто так стоят. Молитвами и духовными подвигами праведников. Страданиями и обильно пролитой кровью великого множества исповедников и новомучеников земли Русской. И мы должны знать об этих праведниках и мучениках, благодаря которым все существуем. И чтить их память. А иначе грош нам цена. И кстати, напоследок, насчет грошика...

От Ивана Алексеевича Бунина.

«Родине».

«Они глумятся над тобою,

Они, о Родина, корят

Тебя твоею простотою,

Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,

Стыдится матери своей -

Усталой, робкой и печальной

Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья

На ту, кто сотни верст брела

И для него, ко дню свиданья,

Последний грошик берегла».

Примечания:

¹ Любичанковский С.В., Любичанковский А.В. Монастырские общины середины XIX века как основа становления монастырей в Оренбургском крае (1844–1866)// Вестник ОГУ. - Оренбург, 2013. - №12. - С.41-42.

- ² Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. - Вып.1.- Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории,1900. С.99
- ³ Ганин А.В. Оренбургское казачество и церковь в годы гражданской войны 1917–1922 гг.// Белая гвардия. - 2008. - №10. - С.146
- ⁴ Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского Казачьего Войска. – Оренбург: Типолитография Б. Бреслина, 1891. – С.185.
- ⁵ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской Империи. – М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. – С.10.
- ⁶ Филиппова И.А., к.ф.н. Культурные ландшафты Южного Урала. Верхнеуральский Покровский монастырь. – Магнитогорск: Издание Лаборатории народной культуры МаГУ, 2013.
- ⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4683. Л. 20-21.
- ⁸ Филиппова И.А. Культурные ландшафты Южного Урала. Верхнеуральский Покровский монастырь. – Магнитогорск: Издание Лаборатории народной культуры МаГУ, 2013.
- ⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1970. Л. 213.
- ¹⁰ Филиппова И.А. Культурные ландшафты Южного Урала. Верхнеуральский Покровский монастырь. Магнитогорск: Издание Лаборатории народной культуры МаГУ, 2013.
- ¹¹ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской Империи. – М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. – С.627.
- ¹² Филиппова И.А., к.ф.н. Культурные ландшафты Южного Урала. Верхнеуральский Покровский монастырь. – Магнитогорск: Издание Лаборатории народной культуры МаГУ, 2013.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1970. Л. 216 – 221.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1970. Л. 216.
- ¹⁶ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. – СПб.: Изд-во П.П. Сойкина,1913. – С.1861.
- ¹⁷ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского Казачьего войска 1891-1945. – М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.284.
- ¹⁸ Выдрин В.Е. Служба казаков-великопетровцев в 15 Оренбургском казачьем полку [Электронный ресурс]// Союзная мысль. 2012. 24 авг. URL: <http://uralgenealogy.ru/content/view/661/224/> Бешенцев В.Г. и другие Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Справочное издание. – Челябинск, 2012. Те же. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Справочное издание. – Челябинск, 2015. Семенов В.Г. Пятнадцатый Оренбургский казачий полк в Первой мировой войне. Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 12 (161). С. 77-82. Он же Пятнадцатый Оренбургский казачий полк. – Челябинск, 2008. Т. 5. – С. 483.
- ¹⁹ МУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 365. Оп.1. Д. 63.
- ²⁰ Библия. – Российское Библейское общество. – М., 1995.
- ²¹ Филиппова И.А., к.ф.н. Культурные ландшафты Южного Урала. Верхнеуральский Покровский монастырь. Магнитогорск: Издание Лаборатории народной культуры МаГУ, 2013.

²² <http://www.historyuvelka.ru>

²³ Дивен Бог во святых Своих. Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Кн.4./Под общ. ред. протоиерея Николая Стремского. Оренбург, 2011.

Дубовицкий В. В. (г. Душанбе, Таджикистан)

КАЗАЧЕСТВО КАК БАЗОВЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ САМООРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ (1991-2007 гг.)

Процесс «перестройки» в советском обществе и в дальнейшем - развал СССР в 1991г., активизировали процессы национальной самоидентификации всех народов страны, в том числе и русского (великороссов). Поиск своего места в изменившемся мире для русского этноса в этот период связан с внезапной вынужденной «миграцией» примерно 25 млн. великороссов за пределы своего этнотерриториального образования – Российской Федерации (России), где они оказались в течение нескольких веков, в результате процесса создания Исторической России. Русские внезапно для себя самих оказались самой большой разделенной нацией мира.

Процессы самоидентификации русского населения в бывших союзных республиках СССР протекали в этот период с разной интенсивностью, что зависело от сложности (а часто - и враждебности) окружающей обстановки. Это, в первую очередь, относится к зонам военных конфликтов, возникшим на территории бывшего Советского Союза в Закавказье, Средней Азии и Приднестровье. В Республике Таджикистан, где титульная нация таджиков имела внутренние противоречия, связанные с особенностями географии и исторического развития этноса,¹ обострился конфликт, приведший к гражданской войне, длившейся более пяти лет - 1992-1997гг.² Вызревание этого конфликта в период «перестройки» уже было связано с обострением межнациональных противоречий, что вызвало массовый отток европейского населения примерно с 1989г.³ Особенно этот процесс усилился после волнений 12-14 февраля 1990г., организованных исламистами.

Накануне развала Советского Союза и получения независимости Таджикистаном, численность русского населения достигала 580 тыс. чел., или

11% от общей численности (третий по численности этнос в стране после таджиков и узбеков).⁴ Русское население страны формировалось здесь начиная с 1866г., т.е. с момента присоединения к России территории Кокандского ханства. Русские в Таджикистане были расселены преимущественно в городах и поселках городского типа (составляя до 30% городского населения Таджикистана).⁵ К 1991г. русский язык являлся языком межнационального общения, прежде всего в северных, центральных и юго-западных регионах страны. Им, в качестве второго языка, к этому моменту свободно владело 30% таджикского населения страны.⁶

Гражданская война, начавшаяся в своей активной фазе в мае 1992г., привела к гибели более 100 тыс. чел., и материальным потерям в 10 млрд. долларов США. Большинство промышленных предприятий закрылись, остальные работали на 15-20% проектной мощности. Все эти факторы вызвали массовый отток европейского населения из страны, занятого в основном в промышленности, сферах науки, культуры, здравоохранения: только до 1995 г. республику покинуло 70% русского населения.

Однако, реакцией на эти события со стороны русских, проживавших в Таджикистане, было не только вынужденное переселение на этническую родину, а и начало самоорганизации в общественные объединения по национальному признаку. Первой из такого рода организацией стала казачья община «Амударьинская линия», созданная 6 июня 1990 г., еще до развала СССР. Создание именно казачьей общины в качестве первой общественной русской национальной организации, продемонстрировало высокое национальное самосознание и общественную активность этой части русского населения Таджикистана. Первоначально в состав общины, созданной по принципу землячества, вошли выходцы из оренбургских, уральских, кубанских, терских и забайкальских казаков, волею судьбы оказавшиеся в Средней Азии в советский период. Большинство членов общины были выходцами из Оренбургского казачьего войска.

Сразу же после создания «Амударьинской линии», ее члены, помимо организации отделений (первичек) в различных регионах республики, занялись созданием более общей общественной организации – «Русской общины» (РО) Таджикистана. Именно благодаря их усилиям такое общественное объединение было создано осенью 1992г. Казачья община «Амударьинская линия» вошла в него в качестве одной из первичных организации. Её атаман с момента ее создания до июня 1995г. являлся заместителем председателя РО.

В апреле 1996г. община «Амударьинская линия» вошла в состав 1-го отдела Оренбургского казачьего войска.⁷

Необходимо отметить, что в отличии от первичных организаций «Русской общины», созданных по территориальному и профессиональному (работники отдельных предприятий и организаций) признаку, казачья община отличалась внутренней сплоченностью, взаимопомощью, постоянным контролем над ситуацией в местах проживания своих членов и постоянной связью с российскими военными структурами, базирующимися в Таджикистане (201-я мотострелковая дивизия (201-я МСД) и Группа погранвойск России в Таджикистане (ГПВ РФ в РТ).

Прежде всего, это касалось вопросов безопасности членов общины и окружающего русского населения: в ходе гражданской войны благодаря членам общины были предотвращены несколько терактов, похищений людей, разрушение объектов промышленности и инфраструктуры. По просьбе казачьей общины, и по согласованию с Министерством обороны России, 201-я МСД и ГПВ РФ в РТ принимали для прохождения срочной службы по призыву юношей европейских национальностей. В условиях гражданской войны это позволяло сохранить жизнь многим российским соотечественникам. Многие из членов общины являлись действующими офицерами и прапорщиками российских военных структур, игнорируя закон о запрете участия военнослужащих в политических партиях и общественных объединениях. Следует отметить, что командование частей и подразделений фактически никогда и не препятствовало этому, отмечая высокий боевой дух и патриотизм казаков.

В 1993 и 1996 гг. казачья община дважды выступала с инициативой перед командованием ГПВ РФ в РТ о формировании из казаков – оренбуржцев специальных казачьих пограничных застав на таджикско-афганской границе. Несмотря на поддержку этой инициативы со стороны командования Группы и руководства ОКВ, она не дала результатов из-за сопротивления со стороны Главного мобилизационного управления МО России, предпочитавшего направлять призывников из числа казаков в войска РВСН, подводный флот и ВДВ.

Еще одним направлением взаимодействия казачьей общины с войсками стал подбор и отправка на учебу в высшие военные учебные заведения России юношей европейских национальностей. Командование дивизии и погранвойск оказывало помощь в прохождении медицинской комиссии, оформлении документов, а также доставке аби-

туриентов к месту учебы своим авиатранспортом. Всего в период 1994-2003 гг. в военные вузы РФ было направлено 83 абитуриента.⁸

При существовавшем в период гражданской войны информационном голоде (прекратилось издание большинства газет и журналов республиканского и городского уровня), существенную помощь в информационной поддержке гражданского населения Таджикистана оказывала военная пресса. На своих страницах газета 201-й МСД «Солдат России», не только регулярно освещала жизнь страны, но и издавало приложение «Восточный форпост», освещающее жизнь общины и проблемы казачьего движения в России. Помимо этого казачья община регулярно получала газеты, издаваемые казачьими организациями Оренбурга, Москвы, Краснодара, Омска, Читы, Уральска, а также газету «День», «Русский вестник» и другие издания патриотического содержания. Эти газеты были в свободном доступе для всего русского населения Таджикистана.

Еще одной отличительной чертой жизни и деятельности казачьей общины была постоянная помощь Русской Православной Церкви в Таджикистане. Первоначально для казаков (подавляющее большинство которых являлось православными) постоянным местом встреч был Свято-Никольский собор г. Душанбе, где служил один из основателей общины – о. Владимир (Лизунов). Протоиерей Владимир (Лизунов), героически проявил себя в период гражданской войны, защищая своих прихожан в г. Курган-Тюбе в сентябре 1992 г.⁹ На протяжении 1992-2005 гг. в храме, на должностях пономарей и иподиаконов и других церковнослужителей постоянно находилось от 3 до 7 членов общины. В этот период они активно помогали в организации похорон малоимущих русских г. Душанбе.

На базе дивизионной газеты «Солдат России», в штате которой находилось несколько военнослужащих по контракту и вольнонаемных – казаков, выпускалось совместное со Свято-Никольским собором ежемесячное приложение «За други своя», направленное на окормление российских военнослужащих в рядах 201-й МСД. Приложение готовили молодые казаки общины С. Стаценко (ныне – протоиерей Сергей), В. Гайдамаков, О. Чекунов и другие. Всего с 1993 г. по 1998 г. было подготовлено и издано 25 выпусков приложения.¹⁰

Необходимо заметить, что в наиболее опасной боевой обстановке в указанный период в Таджикистане находились военнослужащие погранвойск России – на их долю пришлось основные боевые потери, как в боестолкновениях на границе, так и в результате террористических актов в Душанбе. Чувствуя необходимость духовной поддержки со сто-

роны церкви, командование ГПВ РФ в РТ, через общину казаков «Амударьинская линия», обратилось июле 1993 г. в Свято-Никольский храм г. Душанбе с просьбой провести отпевание воинов, погибших при нападении исламских боевиков на 12 погранзаставу Московского ПОГО. Из-за спонтанности этого решения, отпевание первых двенадцати погибших солдат – пограничников было проведено настоятелем храма на военном аэродроме, внутри военно-транспортного самолета ИЛ-76, куда были погружены гробы с павшими воинами.¹¹

Это событие стало переломным в контактах российских пограничников с русской православной церковью: вскоре, по инициативе начальника Центра подготовки сержантского состава Группы российских погранвойск в г. Душанбе, полковника Н. Берсенёва, на территории Центра была построена часовня, а в 1996 г. в гарнизоне Пянджского ПОГО (пос. Пяндж) была обустроена молельная комната для православных военнослужащих. Интересно, что здесь же, через стену, в тех же целях, была устроена мечеть для пограничников – мусульман.¹²

В 1994 г. в одном из гарнизонов 201-й МСД в г. Душанбе был построен православный храм, освященный в честь Георгия Победоносца, настоятелем которого стал полковой священник «Амударьинской линии» протоиерей о. Алексей (Буланушкин). Этот храм просуществовал до 2003 г., когда гарнизон 201-й МСД был снесен в связи с реконструкцией городской территории. Новый храм во имя Иверской иконы Божьей Матери был возведен на новом месте расположения российской военной базы в 2006 г. Его бессменным настоятелем является о. Роман (Чебоненко), также казак общины «Амударьинская линия».

В 1998 г., в связи с распадом «Русской общины», община «Амударьинская линия» приняла участие в создании новой республиканской организации российской диаспоры – «Союз славянских организаций (Славянский союз)», просуществовавшей до 2004 г. В марте 2004 г. казачья община «Амударьинская линия» стала базовой организацией для формирования нового общественного объединения – Совета Российских соотечественников Таджикистана, пришедшей на смену распавшимся «Русской общине» и «Славянскому союзу». Новое объединение включило в себя 24 первичные организации этнических россиян в их числе татаро-башкирскую общину «Дустлык» и осетинскую «Алан». Сам СРСТ возглавил атаман упомянутой общины, руководившей ею до октября 2007 г.

Таким образом, казачья община «Амударьинская линия» на протяжении более пятнадцати лет наиболее сложного периода формиро-

вания российской диаспоры в Таджикистане, являлась наиболее устойчивым этническим элементом, сыгравшем решающую роль в этом процессе.

Примечания:

¹ Ладыгина О.В. Философское осмысление проблем развития современного общества условия глобализации. Душанбе, 2015г., С.95.

² Август 1997г. – столкновения с вооруженными формированиями под командованием Махмуда Худобердыева в Вахшской и Гисарской долинах и в Душанбе; ноябрь 1998г. – вторжение формирований М.Худобердыева в Согдийскую обл. и г. Ходжент; май 2001г. – столкновения с вооруженными формированиями исламистов «Рахмона-Гитлера» в Душанбе; июнь - сентябрь 2010г. – столкновения с исламистами мулло Абдулло в Раште (Гарме); июль-сентябрь 2012г. – войсковая операция МОРТ и УКНБ РТ в ГБАО; сентябрь 2015г. - мятеж генерала А.Назарзода в Душанбе, войсковая операция в Рамитском ущелье.

³ Итоги всесоюзной переписи населения по Таджикской ССР. Душанбе, Госкомстатуправление ТаджССР, 1990г. С.2.

⁴ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004, С.165.

⁵ Там же.

⁶ Там же, С.166.

⁷ Телеграмма Правления ОКВ от 24.04.1996 г., №34/18

⁸ Текущий архив казачьей общины «Амударьинская линия».

⁹ Протоирей Владимир (Лизунов), за проявленное мужество в защите своих прихожан, был награжден в 1993г. казачьим орденом «За веру, волю и отечество».

¹⁰ Цит. по рукописи дипломной работы протоирея о. Романа (Чебаненко) Пасторское окормление военнослужащих российской военной базы. Ташкентская духовная семинария, 2015г., С.77.

¹¹ Дубовицкий В.В. Око тайфуна., Душанбе, 1998г., С. 75.

¹² Цит. по рукописи дипломной работы протоирея о. Романа (Чебаненко) Пасторское окормление... С.76.

Бурлуцкая Е. В. (Банникова) (г. Оренбург)

КУПЕЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА ОРЕНБУРГА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВКУСОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КОММЕРСАНТОВ

Городская среда, как место длительного обитания городских жителей, с одной стороны, формировала у них общие эстетические представления и вкусы, а с другой, сама являлась результатом реализации этих

представлений. Торговое предназначение Оренбурга, как, впрочем, и всей Оренбургской губернии, определяло тот факт, что облик многих губернских городов создавался именно торговым сословием. Купеческие дома и усадьбы, здания торговых домов Оренбурга в XIX веке стали теми доминантами, которые и сегодня во многом обуславливают неповторимую архитектуру губернской столицы. На формирование архитектурного образа купеческого жилища оказывали влияние художественный вкус и желания заказчика. Поэтому архитектура каждой постройки была индивидуальна и неповторима.

Благоустройством Оренбурга одним из первых занялся генерал-губернатор П.К. Эссен (1817-1830). При нем была обустроена, как место для прогулок горожан, Зауральная роща, в самом городе разбиты палисадники, по главной улице Николаевской был выложен тротуар.¹ С 1 января 1822 г. губернский центр, по ходатайству П.К. Эссена, был освобожден от воинского постоя – генеральского и офицерского. Эту тяжелую и обременительную повинность, как правило, вынуждены были исполнять купцы, так как именно их дома привлекали военных постояльцев. Традиция воинского постоя, при которой частные дома без учета желания их владельца занимались под жилье военными, фактически нарушала право частной собственности, что негативным образом сказывалось на общем отношении населения к принципам владения имуществом. Отмена этой городской повинности способствовала укреплению статуса собственников городской недвижимости, в качестве которых чаще всего выступали купцы. Именно после отмены воинского постоя купечество, без риска для себя, начинает строить в городе добротные частные дома.

При Эссене же было начато сооружение городского водопровода. Однако завершение его постройки произошло уже при генерал-губернаторе В.А. Перовском (1833-1842). Оренбург в начале 30-х гг., когда сюда приехал генерал Перовский, как писал И.В. Чернов, «был небольшим городом с населением не более 5 или 6 тыс. душ. Дома были почти исключительно деревянные в 3, а лучшие в 5 окон, низенькие, были даже полупланки – так дом под одною крышею принадлежал двум хозяевам, и каждый из них имел особые ворота; много было домов развалившихся и землянок; исправлять старые дома хозяева отказывались по бедности».²

По инициативе нового губернатора, в 1835 г. была осуществлена модернизация жилого фонда. В первую очередь, было решено снести ветхие дома, а их жителей переселить в так называемую Новую

Слободку (район между современными улицами Комсомольской, Постникова, Цвиллинга). Домовые места в старой части города охотно скупали более зажиточные горожане.

В 1837 г. последовал Высочайший Указ «О даровании купцам и мещанам города Оренбурга льгот в платеже гильдейских повинностей и подушной подати».³ Согласно этому документу, с тех купцов, которые построили в Оренбурге собственные дома, с окончанием постройки предполагалось совсем не взимать гильдейские повинности в течение трех лет, а после – обложить их половиной повинностей. «Права гильдейские за построенные вновь дома с вышеозначенными льготами давать по мере капиталов на оные употребленных, а именно: за дом, стоящий не менее 8 тыс. р., права третьей, не менее 20 тыс. р. – второй, а не менее 50 тыс. р. – первой гильдии».⁴

По этому указу, например, в 1841 г. из 2-й гильдии в 1-ю перешел Иван Фёдорович Путолов, один из представителей известнейшей оренбургской купеческой фамилии, в связи с приобретением им на собственный капитал дома стоимостью в 95 тыс. руб. сер. В 1849 г. владельцами дома «с принадлежащими лавками» в центральной части г. Оренбурга, приобретенного по купчей крепости 14 мая 1841 г., значились братья Иван и Матвей Путоловы, купцы 1-й гильдии⁵.

Впрочем, и через десять лет после начала преобразований городского хозяйства Оренбург изменился совсем незначительно. По словам И.Ф. Бларамберга, в 1841 г. город был «большой частью деревянный и одноэтажный...».⁶ О внешнем облике Оренбурга начала 1840-х гг. писал и доктор философии Теодор Фридрих Юл. Базинер, направлявшийся в Хиву вместе с посольством под начальством полковника Г. Данилевского. «В большинстве своем одно- и двухэтажные дома, окрашенные в белый, желтый или серый цвет, и прямые широкие улицы, которые по большей части параллельны главной улице или пересекают таковую под прямым углом, придают городу приветливый вид. [...] Поскольку здесь еще не приходится жадничать из-за земли, они, как правило, имеют большие дворы с рядом подсобных построек, в которых обычно размещаются конюшни и хлев, и также амбары. В квартирах состоятельных людей и кухня обычно в отдельной постройке, дабы не быть вынужденным вкушать обед посредством нося за несколько часов до него», - именно таким увиделся Оренбург европейскому путешественнику.⁷

В особом отношении к кухне оренбуржцы походили на сибиряков, в домах которых поварская также занимала особое место. Как писала одна из жительниц Сибири, «Кухня – святая святых, там совершается

тайнство приготовления пищи. В нашем климате пища – не только тонус для сопротивления организма суровым силам природы, но еще и удовольствие. Для сибиряков, удаленных от больших городов, это еще и приятное занятие долгими зимними вечерами»⁸.

В Государственном архиве Оренбургской области сохранилось немало документов, отражающих количественное и качественное состояние купеческих домовладений. Так, в Списке владельцев домов и лавок по г. Оренбургу на 1849 г.⁹ среди владельцев домов названо 70 купцов. Из них основная масса проживала в центральной части города, 29 владельцев имели дома в Старой Слободке («за городом», к западу от городской территории), трое – в Новой Слободке (район к северу от крепостного вала, ограниченный современными улицами Комсомольской, Цвиллинга, Постникова). Стоимость домов оценивалась суммой от 5 р. (например, дом Никиты Ивановича Шабанова в Старой Слободке¹⁰) до 3 500 р. (к примеру, домовладение Ивана Федоровича и Матвея Федоровича Путоловых с принадлежащими лавками¹¹).

Отсутствие в первой половине XIX в. в городе купцов-миллионщиков стало причиной того, что в Оренбурге не было построено купеческих усадеб, аналогичных, к примеру, владениям екатеринбургских купцов Рязановых. Согласно источникам, дом Якова Рязанова «снаружу фасад имеет самой лутчей архитектуры с дву сторон колонны, а прочия гладкия, отштукатурен, покрыт лутчим листовым железом, выкрашенным снизу красною вохренною, а сверху зеленою малахитовою краскою ...» Все здание со службами (конюшня, баня, птичник и т.д.) было оценено в 97 500 руб.¹².

Оренбургские купцы, даже самые «капиталисты», довольствовались куда менее скромными апартаментами. Общую картину купеческого домовладения в Оренбурге в середине XIX века можно проследить с помощью таблицы, составленной по архивным данным¹³.

Таблица 1. Оценочная стоимость купеческих домовладений по данным на 1849 г.

Оценочная стоимость	До 50 р.	50-99 р.	100-499 р.	500-1000 р.	Более 1000 р.
Количество домовладений:					
в центральной части города	0	1	22	12	3
в Старой Слободке	10	4	10	5	0
в Новой Слободке	1	1	1	0	0

Судя по приведенным данным, наиболее обеспеченное купечество проживало в центральной части Оренбурга. Именно здесь, в основном, встречались постройки, оцененные в 500-100 р. (ок. 70 % всех домов такой стоимости в городе, 32 % домов в этом районе), и очень дорогие дома, как, например, указанное владение М.Ф. и И.Ф. Путоловых, домовладение Михаила Степановича Деева, усадьба Якова Алексеевича Путолова. В Старой Слободке проживали коммерсанты попроще. Их дома оценивались, преимущественно, в сумму до 100 р. (50 % от всех домовладений в этом районе). Примерно треть построек составляли дома стоимостью от 100 до 499 р. Строили здесь дома и богатые торговцы (М.С. Деев, Е.М. Шелудяков, Е.И. и И.Г. Кривцовы, Е.И. Мякиньюков). В Новой Слободке селились те, у кого лишних денег на постройку добротного дома пока не имелось.

После окончания в 1876-му году постройки Оренбург-Ташкентской железной дороги и ввода ее в действие, в город хлынули переселенцы, которых привлекали обширные и плодородные земли региона и возможность развития здесь торговли. Приезжие просили у Городской Думы разрешения на постройку промышленных заведений: гончарных, кожевенных, клейных, красильных. Власти разрешали, но землю просителям не продавали, а сдавали в аренду за пределами крепости. Эти постройки на планах города обозначались как «арендованные места», так как около таких мастерских стали селиться и их хозяева, или арендаторы. Поэтому говорили «жить на Аренде», а не «в Аренде». Со временем выражение «на Аренде» в просторечии превратилось в устойчивое словосочетание «на Ренде».

Именно Старая Слободка (Аренда, Ренда) постепенно превратилась в наиболее «купеческую» часть города. Лучшей улицей в Старой Слободке в эти годы считалась Гришковская (современная улица Чичерина), соединяющая площади Кадетскую и Чернореченскую. Гришковская была хорошо вымощена и достаточно освещена. Другие улицы слободки оставались немощеными, мало- или вовсе не освещаемыми, с деревянными домами. На Гришковской же строились кирпичные купеческие дома. Сегодня ул. Чичерина - одна из самых «кирпичных» улиц Оренбурга. Из 32 домов, стоящих на этой улице и обладающих статусом памятника архитектуры, 21 построен в кирпичном стиле в конце XIX — начале XX в.

В Оценочно-раскладочной ведомости недвижимых имуществ в г. Оренбурге на 1890 г. можно найти довольно подробное описание купеческих городских усадеб. Так, например, купцам Мякиньюковым

в Третьей части города принадлежало два дворовых места. Владелицей одного значилась Гликерия Васильевна Мякинкова, жена Потомственного почетного гражданина. Домовладение № 4 в 127 квартале занимал «каменный с мезонином дом, под ним кухня, крытые железом; два деревянных флигеля и службы, каменная палатка с выходом, все крыто железом». Оценена эта усадьба была в 2 200 р. Домовладение № 5, принадлежащее самому Потомственному почетному гражданину Василию Ефимовичу Мякинкову, составляли «два каменных 2-этажных дома, деревянный флигель и каменные кухня и три корпуса холодных служб, все крыто железом». Оценочная стоимость этой недвижимости составила 60 000 р.¹⁴

Есть в указанной ведомости и другие упоминания о домовладениях Мякинковых. В 161 квартале места №№ 3 и 4 также принадлежали уже упомянутому Василию Ефимовичу Мякинкову. Здесь располагались «каменный флигель и под ним палатка и холодные службы, два амбара, навес и три смешанных амбара с навесом, все крыто железом». Место № 5 было занято двумя дворами. Первый принадлежал Степану Ефимовичу Мякинкову. На этом месте располагались «деревянный дом, два амбара и каретник; крыты первый железом, а последний тесом». Второй двор был собственностью Дмитрия Ефимовича Мякинкова и вмещал в себя деревянную избу и амбары, крытые тесом, и каменную кузницу, крытую железом¹⁵.

Предполагаю, что именно это домовладение братьев Мякинковых было описано в документах, как располагающееся прямо за зданием Штаба Оренбургского военного округа (сейчас там располагается музыкальная школа № 1): «Деревянный дом о 12 окнах, в нем 7 комнат, кухня о 2 окнах, под домом подвал. Каменный дом о 7 окнах, в нем 6 комнат с 3 землянками о 5 окнах, каретник, конюшня, погреб. Деревянный дом о 7 окнах, в нем 10 комнат. Каменный дом о 7 окнах, в нем 11 комнат, под ним 2 подвала и кухня о 2 окнах, каретник, конюшня. Деревянный флигель о 5 окнах, в нем 5 комнат и кухня о 2 окнах, печей при этих домах русских 5, голландских 18». Согласно документам, «Имущество это по купчей крепости, совершенной в Оренбургской судебной палате 30 ноября 1877 года № 8000, перешло во владение от А.Ф. Клюмпа к оренбургскому 1-ой гильдии купцам Михаилу, Василию, Дмитрию и Степану Ефимовым Мякинковым»¹⁶.

Купеческая городская усадьба, по словам одного из столичных предпринимателей, напоминала «феодальный замок, где можно было

выдержать осаду и довольствоваться, не выступая вон»¹⁷. То есть, помимо жилых помещений, в усадьбах купцов имелись всевозможные хозяйственные и производственные помещения, используемые в предпринимательских целях, что было разрешено законодательно. Многофункциональные купеческие усадьбы Оренбурга представляли собой рациональные, целостные жилищно-торговые и хозяйственно-экономические комплексы.

Купеческие усадьбы, как правило, имели следующие постройки: 1) главный дом, жилой флигель, летние помещения, баню, кухню, места отдыха, которые выполняли жилую функцию; 2) лавку, магазин, предназначенные для торговой функции; 3) лабаз, погреб, склад, кладовые, дровяник, имеющие складскую функцию; 4) каретник, конюшню, сараи, предназначенные для выполнения транспортно-хозяйственной функции; 4) котельные, водонапорные башни, прачечные, выполняющие функцию технического обеспечения¹⁸. Таким образом, городская усадьба являлась для купца не просто местом, где жила его семья, но еще и местом, где сосредотачивались складские помещения, а зачастую и сами торговые лавки, а также сопутствующие промышленные заведения. Обладая всем необходимым, предприниматель мог ограничить свои внешние контакты до минимума, сохраняя свой внутренний домашний мир и семейный уклад в неприкосновенности.

Как подчеркивал в одном из своих «купеческих» рассказов А.С. Ушаков, династия двигалась «отчужденно, самоуправно, своеобразно; никакие новости, интересовавшие других, не доходили к ним. Живя в одной из населенных частей города, они не принимали участия ни в чем: ни газеты, ни объявления, ни книги, ничто не заносилось к ним. Посещений они не любили, образ жизни родных им не нравился, немногие знакомые их избегали...».¹⁹ «Жили мы всегда чрезвычайно скромно, избегая всяких излишних расходов, – подтверждал слова Ушакова один из столичных купцов, – посторонних лиц у нас не бывало никогда...».²⁰

Источники сохранили сведения об отношении купцов к собственности, как к показателю социального положения и одному из условий жизнедеятельности. Купцы стремились при первой же возможности поставить себе именно каменный дом, руководствуясь как соображениями безопасности, так и возможностью использовать каменный дом в качестве залога. По мнению В.П. Бойко в отношении, правда, томского купечества, построенные торговцами здания

являлись «свидетельством благополучия купца, вызывали доверие у кредиторов и деловых партнеров, то есть несли еще и необходимую для дела производственно-представительскую функцию». В подобных жилых помещениях «формировались такие качества купцов, как ответственность родителей перед своими потомками, так как здания строились не столько для себя, сколько для наследников ...».²¹ О том же писал В.С. Поликарпов, утверждая, что «среди высших слоев горожан престиж владения каменным домом был чрезвычайно высок, к тому же это свидетельствовало о финансовом благополучии его владельца».²²

Зажиточные купцы жили по принципу, цепко схваченному в одном из рассказов П.И. Мельникова-Печерского: «... хватил бы все по боку и зажил бы, как хочется - да нельзя!.. Как от людей отстать? Попал в стаю - лай не лай, а хвостом виляй... Еще скрягой прозовут».²³ Каменный добротный дом был одним из показателей успешности купеческого дела. В Оренбурге первые каменные дома принадлежали купцу Осоргину, который, впрочем, вскоре разорился и вынужден был продать свои дома – один в частные руки, а другой в казну.²⁴

Торговцы побогаче строили дома побольше, крыли их железными крышами, снабжали различными удобствами. Так, например, Надежда Васильевна Путолова, жена Степана Яковлевича Путолова, Потомственного почетного гражданина, была владелицей дома, располагавшегося в 1-й части г. Оренбурга, на пересечении ул. Николаевской и ул. Гостинодворской (сегодня – ул. Кирова, 32 / ул. Советская, 38). В 1879 г. г. Оренбург постиг большой пожар. Многие дома сгорели, в том числе и постройки, находившиеся на дворежном месте, принадлежащем Н.В. Путоловой. В июле 1879 г. она подала прошение (из-за неграмотности Надежды Васильевны все документы подписывал ее муж) в Городскую Управу о разрешении «возобновить постройки и перестроить вновь каменную 3-х-этажную лестницу с Ватерклозетом и отводом нечистот»²⁵. Дом, построенный в 1870-е гг. в стиле *эklekтики*, стоит и сегодня (ресторан «Зеленая Горчица»).

В этом же стиле были выполнены т.н. «старые номера Коробкова» (ул. Чичерина, 51 / пер. Новый), городские усадьбы купца П.Н. Оглоткова (ул. Яицкая, 23), купца А.Г. Филлипова (ул. Кобозева, 29 / ул. Пушкинская, 10), купца И.Б. Сачкова (пер. Фабричный, 24/ ул. Кобозева, 11) и многие другие²⁶. Об усадьбе Оглотковых сохранилась информация в архивных документах. В 1890 г. ею владели уже наследники Петра Оглоткова – братья Иван и Гавриил: «Каменные

дом, кухня, контора, водочный завод и флигель крыты железом; деревянный, обложенный кирпичом, флигель крыт железом; деревянная кухня, флигель и бондарня крыты тесом; две деревянные прачечные крыты железом и каменные холодные службы крыты железом и деревом»²⁷.

Эклектика, или «купеческий стиль», проявлялся в привычке украшать ажурной вычурной лепниной оштукатуренные каменные дома, как украшали когда-то резьбой деревянные хоромы. В декоре этого стиля были причудливо переплетены весьма вольные интерпретации форм классического типа, мотивов барокко, украшательские «кудрявые» орнаменты древнерусского типа и, наконец, совершенно своеобразные местные архитектурные детали и приемы. Если говорить о цветовом оформлении домов «купеческого стиля», то поверхности стен окрашивались, как правило, в красно-коричневые, охристо-желтые, изумрудно-зеленые цвета различной оттенков, а лепной декор выделялся белилами или светло-серым колером.

В результате рациональной трансформации эклектики сформировался **кирпичный стиль**, к которому тяготели при строительстве усадеб широкие души купцов. Сохранив в памяти резные узоры деревянных построек XVII века, строители стали создавать по заказам купцов сложные кирпичные кладки. Кирпичные дома, часто асимметричные, с разными по высоте и форме крышами, имели карнизы, междуэтажные пояса, рельефные наличники окон из профильного кирпича и фигурные вставки. «Кирпичный стиль» демонстрировал неограниченные возможности кирпичей для создания самых сложных декоративных форм и требовал высокого уровня строительного искусства. «Кирпичный стиль» оказался находкой и для властей Оренбурга: при резкоконтинентальном климате, повышенной солнечной активности и сильных ветрах строения длительное время сохраняли приличный вид без подкраски. На сегодняшний день в центральной части города уцелело довольно много построек, выполненных в «кирпичном стиле»²⁸.

На улице Чичерина сохранилось много зданий, построенных в таком стиле, но у некоторых изменился вид стен, так как покраска их в советское время скрыла игру оттенков лицевого кирпича и швов. В XIX веке такие дома не штукатурили и не красили. Примером может быть дом купчихи Е.И. Коробковой по улице Чичерина, 49. Фасад дома в изобилии украшен разными декоративными элементами:

наличниками, пилястрами, карнизами. Другими примерами кирпичного стиля в строительстве купеческих особняков могут служить городская усадьба купца Я.С. Серякова (ул. Чичерина, 14), бывшая гостиница «Гранд-отель» Н.Ф. Мальнева (ул. Постникова, 27 / ул. Комсомольская, 61), бывшая гостиница «Биржевая» (ул. Кобозева, 31 / пер. Рыбный, 9)²⁹.

Но с особенным блеском кирпичный стиль применялся в архитектуре крупных производственных строений. Сохранилось огромное пятиэтажное здание, возведенное в 1903 году для паровой мельницы фабриканта В.Х. Юрова (ул. Ташкентская, 56/2). Кирпичный стиль здесь представлен его готической модификацией. На это указывают угловые башенки, мощные аттики боковых ризалитов со стрельчатыми арками, ступенчатые кронштейны карниза, образующие аркатурный пояс. Особый интерес представляет восьмиугольная дымовая труба с кирпичным декором в верхней части. На фронте фасада мельницы была сооружена башенка с часами, что по тем временам было нестандартно для Оренбурга. Часы не только отсчитывали время, но и гудком по утрам и вечерам извещали рабочих о начале и завершении рабочего.

Из кирпича был возведен и один из крупнейших Торговых домов г. Оренбурга – Дом Торговый А.И. Зарывнова с сыновьями (современная ул. Кобозева, 30). Двухэтажный комплекс в свое время был самым современным и популярным торговым центром Оренбурга. Часть здания была спроектирована под коммерческие цели. В нее входили просторные торговые лавки с отдельными входами. В другой части были расположены склады, с высокими потолками и широкими проемами. Комплекс представлял собой яркий образец архитектуры зарождающегося «большого капитала». Часть здания была построена в стиле эклектики с элементами классицизма (объем, построенный в 1883 г.), вторая часть здания - в стиле раннего модерна (1904-1905 гг.). Здание было обильно украшено элементами декора как снаружи (рельефный орнамент, кованые ставни, аттик, карнизы), так и внутри (кованое ограждение лестницы, филенчатая дверь, лепной декор).

По мнению одного из современных исследователей купеческой архитектуры, в среде «состоятельного купеческого сословия, ориентированного на достижения новейшей западной культуры», наиболее популярен оказался именно стиль *модерн*, «в силу своей «европейскости», оригинальности и новизны. Здания в новом стиле выглядели роскошно, изысканно, ассоциировались с прогрессом и

привлекали внимание обывателей»³⁰. Поэтому с самых первых своих шагов модерн в Оренбурге проявился в отделке строящихся купеческих особняков, торговых домов и других зданий, связанных с «новым», «европеизированным» купечеством.

Самой известной купеческой постройкой Оренбурга в стиле модерн, пожалуй, является здание на современной ул. Советской (бывш. Николаевская), в которой располагается ресторан «Панкратов», названный по имени бывшего владельца этого помещения. Петр Федорович Панкратов был англоманом, детей воспитывал в английском духе, возил их в гимназию на автомобиле. В сентябре 1914 года в указанном здании купцом был открыт кинематограф «Аполло».

В стиле модерн были выполнены и т.н. «новые номера Коробкова» (ул. Чичерина, 34). Наряду с декоративными формами, присущими русской архитектуре того периода, на фасадах этого здания можно видеть типично местные художественно-архитектурные приемы: высокие аттики со слуховыми окнами, металлические козырьки с литыми кронштейнами над входами, ажурные кованые решетки ограждения балкона.

Мусульманское купечество, которое составляло значительную часть местных торговцев, также оставило свой след в городской архитектуре. Наиболее известными оренбургскими коммерсантами–мусульманами, являются, конечно, Хусаиновы. Ими были построены и вполне типичные для Оренбурга жилые постройки (например, дом на ул. Гая, 1), и эффектные здания в кирпичном стиле (пр-т Парковый, 24), и здания европейского типа (особняк на ул. Пролетарской, 89; «Американская гостиница» на ул. Кирова, 24 / 9 Января, 43).

Если не считать сооружений, предназначенных для богослужений, или как-то связанных с религиозными целями, то в облике зданий, возведенных на средства оренбургских предпринимателей, практически невозможно найти каких-то элементов, указывающих на этническое происхождение заказчиков. На первый план при постройке здания здесь выходили, скорее, соображения престижа и финансовой состоятельности. Возможно, на характере городской застройки сказывались и вкусы городской администрации, через руки которой проходило утверждение планов всех возводимых в городе строений. Город, стоявший на границе Европы и Азии, должен был быть подчеркнута «государским», официальным, европейским. Приезжающие в город должны были с первых своих шагов по местным улицам почувствовать, что они находятся в Российской империи, пусть даже и в очень отдаленной ее провинции.

В целом можно констатировать, что архитектура Оренбурга XIX – начала XX вв. во многом определялась и создавалась именно купечеством. Столь внимательное отношение коммерсантов к вопросам архитектуры было обусловлено, прежде всего, практическими соображениями (собственный дом был показателем финансовой состоятельности, мог стать залогом при оформлении сделки, позволял создать собственный замкнутый семейный мирок). В то же время, характер строений мог многое сказать о широте вкусов и взглядов предпринимателей. «Новое» купечество, городская финансовая элита, являвшаяся владельцами громадных капиталов, была более склонна к новым архитектурным стилям, материалам, приемам строительства. Благодаря им в Оренбурге появились здания, по своим архитектурным достоинствам не уступавшие столичным постройкам. Купцы попросту довольствовались стандартными городскими усадьбами в «купеческом стиле». Этническая принадлежность коммерсантов практически не проявляла себя в их домовладениях, что делало Оренбург XIX – начала XX вв. типично имперским провинциальным губернским центром.

Примечания:

¹ [Чернов И.В.] Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: «Оренбургская губерния», 2007. С. 45-46.

² [Чернов И.В.] Указ. соч. С. 74.

³ Высочайшие повеления // Журнал мануфактур и торговли. 1837. № 4. С. 7-10.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11202. Л. 17.

⁵ ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 405. Л. 18.

⁶ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Изд-во восточной литературы, 1978. С. 218.

⁷ Цит. по: Дорофеев В. Что видел доктор философии // Комсомольское племя. 1982. 23 сентября.

⁸ Цит. по: Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 65.

⁹ ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 405.

¹⁰ Там же. Л. 20 об.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² Цит. по: Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 52-53.

¹³ ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 405.

¹⁴ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 983. Л. 19об – 20.

¹⁵ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 983. Л. 84об – 85.

¹⁶ Цит. по: Исковский А. Александровский сквер. Часть II. Оренбург в фотографиях Карла Фишера // Оренбургская неделя. 2015. № 5. 28 января. [Электронный ресурс] URL: <http://www.onlineon.ru/2015-01-23/article/12933/>

¹⁷ Цит. по: Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX в.: социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М.: б/и, 2002. С. 27.

¹⁸ Зименкова Л.Д. Особенности архитектуры купеческих усадеб малых городов Среднего Поволжья конца XIX – начала XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 4. С. 60.

¹⁹ Ушаков А.С. Тарыкины // Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. Ч. 1. М.: Издание А. Черенина и К°, 1862. С. 92.

²⁰ Найденев Н. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном (напечатаны для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя). Т.1. М.: Типолит. т - ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903. С. 77.

²¹ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Издательство Водолей, 1996. С. 194.

²² Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад. Ростов-на-Дону: Издательство Феникс, 1995. С. 243.

²³ Мельников-Печерский П.И. Красильниковы // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. – М.: Правда, 1963. С. 7.

²⁴ Чернов И.В. Записки // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. XVIII. Оренбург: Паровая Типо-литография «Г-ва Печ. Дела Каримов, Хусаинов и К°», 1907. С. 97.

²⁵ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 874/21. Л. 8.

²⁶ Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Оренбургской области (за исключением объектов археологического наследия) по состоянию на 25.11.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mininform.orb.ru/culture/okn.pdf>.

²⁷ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 983. Л. 80 об - 81

²⁸ Широнина Г. Эхо Голубиной Слободы // Вечерний Оренбург. 2009. № 26. 02 июля.

²⁹ Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Оренбургской области (за исключением объектов археологического наследия) по состоянию на 25.11.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mininform.orb.ru/culture/okn.pdf>.

³⁰ Дождевых С.М. Купеческий заказчик в истории вятской архитектуры (на примере магазина П.П. Клобукова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2. № 2. С. 169-173. (С. 170)

Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ (30-Е ГГ. XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)*

Анализ архивных источников позволяет выделить 4 этапа заселения татарами территории нынешней Оренбургской области.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

Первый этап охватывает 30–70-е гг. XVIII в. Вследствие особых геополитических условий степных районов Южного Урала их первоначальное заселение татарами проходило при активном, определяющем участии государства, в рамках правительственной колонизации края. Путем принудительного перевода или санкционирования татарских переселений местные власти решали конкретные, практические задачи, стоявшие перед ними в процессе освоения новых территорий.

Первостепенное значение имело сооружение на Южном Урале оборонительной линии, которая оградила бы новый земледельческий и горнозаводской район от опасности с юга, создала бы условия для притока сюда переселенцев. Татары появились в первых же укрепленных пунктах на территории Оренбургского края, одновременно с началом его широкомасштабного освоения: в Орской крепости (с 1735 г.), в Бузулукской крепости (с 1736 г.), в Илецком казачьем городке (с 1740 г.), в Красногорской крепости (с 1741 г.), в Нижнеозерной крепости (с 1754 г.). С укреплением Оренбургской пограничной линии связан и перевод сюда солтануальских и кундровских ногайцев, которые постепенно влились в состав оренбургских татар. В 1745 г. они обосновались Кундровской слободой на р. Сакмаре (ныне с. Кондуровка Саракташского района), а в 1768 г. крупная группа ногайцев была поселена в расположенных поблизости Воздвиженской крепости, Желтом и Никитинском редутах (ныне села Воздвиженка, Желтое и Никитино Саракташского района).

Одной из важнейших задач оренбургских властей с самого начала их деятельности стало развитие коммуникаций. Необходимо было связать отдаленную, динамично развивающуюся окраину с политическим центром страны, наладить регулярное почтовое сообщение и перевозку грузов, обеспечить оперативное поступление информации с мест и прохождение управленческих решений обратно на места. В мае-июле 1743 г. была проложена так называемая Новая Московская дорога в направлении от Оренбурга на Казань. Для обслуживания почтовых перевозок сюда были переведены беглые татары, осевшие на башкирских землях, которые основали в 1743 г. села Биккулово (ныне Октябрьского района), Юзеево, Мустафино, Сарманай (ныне Шарлыкского района), Дюсметьево, Наурузово (ныне Пономаревского района), Старокутлумбетьево, Староаширово, Староякупово (ныне Матвеевского района), Тирис-Усманово и в 1744 г. – Старые Шалты (ныне Абдулинского района). Архивные материалы показывают чрезвычайно пестрый состав переселенцев. Они представляют

более 400 населенных пунктов и 16 уездов Российской империи¹. Но наиболее представительную группу татарских переселенцев дали густонаселенные старинные земледельческие районы севера и востока Казанского уезда. По сенатскому указу от 6 июня 1757 г. ясачные и служилые татары деревень по Новой Московской дороге были освобождены от рекрутских наборов, но взамен должны были бесплатно возить почту. Это привело к оформлению самостоятельной сословной группы так называемых «чемоданных» татар, которая сохранялась до первой половины XIX в., когда указом от 8 февраля 1829 г. они были обращены в государственных крестьян и уравнены с ними в правах и обязанностях.

Освоение и укрепление Оренбургского края, сопряженное со значительными материальными, трудовыми затратами, было продиктовано в значительной степени интересами развития торговли с народами Казахстана и Средней Азии. Однако отдаленность этого региона, постоянная угроза набегов со стороны кочевых народов, отсутствие необходимой инфраструктуры вели к тому, что российские купцы не спешили селиться на новом, не обустроенном месте, предпочитая разовые операции, участие в сезонной торговле. По сенатскому указу от 13 марта 1744 г. казанским татарам было разрешено поселиться при г. Оренбурге особой слободой, которая по имени первопоселенца получила название Сеитовой (ныне с. Татарская Каргала Сакмарского района)². Поселенцы были освобождены от рекрутских наборов и любой гражданской службы, а также от воинского постоя, им были разрешены строительство кожевенных и других заводов, найм работников, в том числе иностранных, покупка и аренда башкирских земель. Отметим, что предоставленные им льготы и привилегии были по тем временам беспрецедентными и выделяли их в особую сословную группу торговых татар, которая постепенно теряла связь с крестьянством и приближалась по своим правам и обязанностям к купеческому сословию.

Подавляющее большинство жителей прибыло из старинных земледельческих сел Заказанья: Адаево Кукморского района, Тнекеево, Богатые Сабы, Верхний (или Нижний) Семит, Старая (или Татарская) Икшурма Сабинского района, Новое Аккузино и Старый Кзыл-Яр Агрызского района, Хасаншаих Арского района, Усали и Средняя Сунь Мамадышского района, Арбаш Балтасинского района, Нижние Савруши Тюлячинского района Татарстана³.

Выгодные социально-экономические условия стимулировали постоянный приток татарского населения в Каргалу на протяжении всей второй

половины XVIII в. Как следствие, интенсивно шло освоение прилегающих земель, на которых возникали мельницы и хутора. Предположительно в 1755 г. на левом берегу Сакмары были основаны Чебеньковские хутора (ныне села Верхние и Нижние Чебеньки Сакмарского района).

С самого начала освоения края, одновременно с правительственной, развивалась и вольная колонизация оренбургских земель татарами, хотя и в гораздо более скромных масштабах. Заселение территории нынешней Оренбургской области вольными переселенцами из числа татар шло по двум направлениям: с запада, из региона Среднего Поволжья и сопредельных районов Башкирии, а также в незначительной степени с юга, из района Яицкого (Уральского) казачьего войска.

На северном направлении в 1755 г. возникло с. Старосултангулово, в 1760–1762 гг. – Асекеево и 1755–1769 гг. – Старокульшарипово Асекеевского района. В 1755–1762 гг. появилось татарское с. Бакаево (ныне Северного района)⁴. Оно было основано выходцами из нынешних сел Старые Киязлы Аксубаевского района, Чувашский брод, Татарские Шибашы, Верхнее (или Среднее или Нижнее) Бектимирово Алькеевского района Татарстана и Боровка Мелекесского района Ульяновской области.

На южном направлении в 50–70-е гг. XVIII в. по мере притока новых переселенцев начинается заселение и хозяйственное освоение казачьими территориями непосредственно примыкающей к Илецкому казачьему городку, по среднему течению Урала и рекам Заживная, Кинделя, Иртек. Так, с 1752 г. известна мельница на месте нынешнего с. Мустаево Новосергиевского района, принадлежавшая яицкому казачу Мустаю Миралиеву. Между 1752 и 1764 гг. на р. Кинделе появилась мельница илецкого казака Исмагила Алкина (ныне с. Измайловка того же района). Наконец, с 1773 г. известны Мухрановы хутора (ныне с. Мухраново Илекского района).

Миграции 30–70-х гг. XVIII в. заложили основу татарского населения современной Оренбургской области, имели определяющее значение для формирования оренбургских татар как особой этнокультурной общности. Если первая ревизия 1718–1724 гг. еще не зафиксировала на этих землях постоянных поселенцев татарской национальности, то в 1747 г. Оренбургский дистрикт насчитывал уже 8776 податных жителей из числа татар. К 1762 г. количество татар, проживавших на территории, соответствующей Оренбургскому уезду, составляло 8694 человека, а на землях образованного впоследствии Бугурусланского уезда – 3971 человека⁵.

Выбор районов заселения определялся характером задач, которые были призваны решать татарские переселенцы. Они обосновались узкой полосой вдоль Новой Московской дороги, на территории современных Октябрьского, Шарлыкского, Пономаревского, Матвеевского, Абдулинского районов Оренбургской области, а также компактно вблизи политического и экономического центра губернии, в нынешних Сакмарском и Саракташском районах. В рамках зарождающейся вольной колонизации на западном направлении возникли татарские населенные пункты в нынешних Асекеевском и Северном районах, а на южном направлении – смешанные казачьи поселения в современных Соль-Илецком и Илекском районах Оренбургской области.

География мест выхода татарских переселенцев была в это время достаточно широкой, однако их основная масса прибывала преимущественно с территории нынешних Сабинского, Балтасинского, Кукморского, Тюлячинского, Мамадышского и Агрызского районов Татарстана.

Миграции татар из региона Среднего Поволжья на оренбургские земли в 30–70-е гг. XVIII в. были вызваны сложным комплексом разнообразных причин, среди которых центральное место занимает общее ухудшение социально-экономического положения татарских крестьян, обусловленное петровскими реформами, ростом налогового бремени, увеличением числа повинностей. Свою роль в этом процессе сыграли также мероприятия государственно-церковной политики насильственной христианизации, зарождающийся земельный голод в местах выхода переселенцев.

Второй этап заселения (80-е гг. XVIII – 20-е гг. XIX вв.) проходил в рамках преимущественно вольной колонизации, а государство лишь использовало благоприятную демографическую ситуацию для укрепления пограничной линии, в том числе посредством включения недавних переселенцев в состав Оренбургского казачьего войска.

В 1782 г. ясачные и служилые татары Симбирского, Вятского, Переяславль-Рязанского, Нижегородского, Тамбовского наместничеств, Мензелинской и Белебеевской округ Уфимского наместничества обратились к губернским властям с просьбой разрешить им поселиться между Верхнеозерной и Ильинской крепостей. Согласие было дано, однако в 1785 г. им неожиданно отказали. Как следствие, те, кто уже успел переселиться, остались в Ильинской крепости (ныне с. Ильинка Саракташского района). Это были ясачные татары из нынешнего с. Карамалы Ермакеевского района Башкортостана, служилые тата-

ры из Симбирской и Нижегородской губерний, в т. ч. из нынешних сел Нурлаты Буинского района Татарстана и Ендовищи Красно-Октябрьского района Нижегородской области. В 1785 г. сюда же были причислены служилые татары из нынешнего с. Нижняя Сосна Балтасинского района Татарстана⁶.

В 1782 г. у самой границы, между Татищевой и Нижнеозерной крепостями, на р. Чесноковке поселились татары из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний. Однако из-за опасности казахских набегов все они были переведены в расположенную поблизости Нижнеозерную крепость. В 1796 г. сюда же записались татарские переселенцы из г. Касимов Рязанской области, с. Бегишево Заинского района Татарстана, с. Бугульчан Куюргазинского района Башкортостана, а в 1797 г. – из современных сел Чишма Агрызского района, Сардек Балтасинского района, Пшенгер Арского района Татарстана, Полевые Бикшики Батыревского района Чувашии, Татарский Шмалак Павловского района Ульяновской области и ряда других деревень. В 1800 г. оренбургский военный губернатор «во избежание тесноты и недостатка в земельных угодиях» разрешил переселить 70 семей каргалинских татар на р. Сухарникову (Чесноковка тож). По-видимому, тогда же к ним присоединились и татары, жившие в Нижнеозерной крепости, под названием д. Чесноковки (ныне с. Чесноковка Переволоцкого района).

В 1782 г. и 1785 г. на расположенные вблизи границы Мухрановы хутора переселились крупные группы ясачных и служилых татар из Спасского уезда Казанской губернии и Буинского уезда Симбирской губернии. В 1788 г. часть из них основала с. Саиновка Тоцкого района. Они были выходцами из с. Чечекле Спасского района Татарстана. В 1795 г. к ним подселились ясачные татары из нынешнего с. Тимяшево Лениногорского района Татарстана и тептяри из с. Суерметово Ермекеевского района Башкортостана, а в 1807 г. – ясачные татары из нынешнего с. Татарские Шибаша Алькеевского района Татарстана⁷. Другая часть жителей Мухрановых хуторов в том же 1788 г. основала с. Старобелогорку ныне Новосергиевского района. В 1795 г. часть ясачных татар выделилась из этой деревни и основала неподалеку д. Вершин Бузулуцких (ныне с. Новобелогорка Сорочинского района). В 1806 г. к ним подселилась крупная группа новокрещеных татар из д. Чувашский брод Алькеевского района Татарстана. Наконец, третья группа, покинувшая Мухрановы хутора, в 1788 г. основала между Татищевой и Нижнеозерной крепостями нынешнее с. Зубочистка 1-я Переволоцкого района.

Важную роль в заселении Оренбургского края сыграла помещичья колонизация, однако среди татарского населения количество крепостных было незначительным. В 1791 г. часть жителей д. Тамгачи Казанской губернии (ныне Лаишевского района Татарстана) перешла по наследству от майорши Д. А. Тевкелевой к ее племяннице Ф. П. Тимашевой, урожденной княжне Черкасской. Тогда же ее муж, крупнейший оренбургский землевладелец Н. И. Тимашев перевел татарских крестьян на Южный Урал, где они основали д. Алмала, Тамгачи тож (ныне с. Алмала Ташлинского района). В 1853 г. татары выкупили себя из крепостной зависимости и были выгнаны Тимашевым с его земли. После долгих скитаний по Оренбургской губернии некоторые из них осели в Оренбурге, Сеитовой слободе, Сакмарском городке, в с. Ташла, а оставшиеся в 1860 г. получили землю и основали на ней д. Уранбаш, Алмала тож (ныне с. Уранбаш Переволоцкого района).

Конец XVIII – начало XIX вв. отмечены появлением на территории нынешней Оренбургской области крупных групп татарских переселенцев из числа мишарей. Так, в 1787 г. служилыми татарами Буинской и Тагаевской округ Симбирского наместничества на левом берегу Сакмары, между Пречистенской крепостью и Никитинским редутом была основана д. Аблязова (ныне Саракташского района). Переселенцы прибыли с территории нынешнего Дрожжановского района Татарстана, в частности из сел Большая Акса, Татарские Шатрашаны, Старое Шаймурзино, Старые Ишли и Старое Дрожжаное⁸.

В 1792 г. тептяри из различных деревень Белебеевской округи основали выше по течению р. Ик с. Чеганлы (ныне Абдулинского района). Они прибыли из нынешних сел Рятамак, Старошахово, Ермакеево, Старотураево, Средние (или Нижние) Карамалы Ермакеевского района Башкортостана. Позже к ним подселились тептяри из современного с. Чупаево Альметьевского района Татарстана. В 1795 и 1810 гг. д. Чеганлы пополнилась очень крупной группой служилых татар из нынешнего с. Лямбиров Лямбирского района Мордовии⁹.

Принято считать, что татарская деревня на месте г. Абдулино появилась в 1795 г. Однако, по архивным данным, возникла она раньше, в 1793 г., когда в устье р. Тирис обосновались тептяри из нынешних сел Усман-Ташлы и Абдулкаримово Ермакеевского района Башкортостана. В 1795 г. сюда переселились старокрещенные татары из нынешних сел Нарат-Асты, Урсаево, Бухарай, Иштерьяк и Юлтимирово Сармановского района Татарстана.

В 1795 г. выходцы из нынешнего с. Верхняя Мактама Альметьевского района Татарстана основали с. Новокульшарипово Асекеевского района.

2 ноября 1794 г. поверенные служилых татар с. Чепкас-Ильметьево ныне Дрожжановского района Татарстана заключили договор с башкирами Сынрянской волости, по которому приобрели участок земли от вершин Бузулука до р. Тальянки. В следующем, 1795 г. их доверители основали здесь современные села Баширово, Мулюково, Каменноимангулово Тоцкого района и Бикулово Ташлинского района¹⁰.

Еще одна деревня в верхнем течении Бузулука, Амерханова, Баткаклы тож (ныне с. Амерханово Тоцкого района), была основана в 1811 г. выходцами из современных населенных пунктов Зай-Каратай Лениногорского и Верхняя Мактама Альметьевского районов Татарстана¹¹. В том же году неподалеку, на левом притоке Самары возникла д. Медведка (ныне Сорочинского района).

Распространенным явлением в конце XVIII – начале XIX вв. стало образование новых татарских деревень за счет деления старых населенных пунктов. Так, в 1791 г. часть жителей д. Староякуповой основала д. Кармалка, Кутлуева тож (ныне с. Кутлуево Асекеевского района). Другая группа тептярского населения коренной деревни в 1791 г. также обосновалась неподалеку, образовав д. Новоякупова, Субханкулова тож (ныне с. Новоякупово Абдулинского района). В 1791 г. из д. Старой Кутлумбетьевой выделилась д. Новая Кутлумбетьева. В 1808 г. сюда перешли тептяри из д. Новый Тирус, в 1809 г. – ясачные татары из нынешних сел Аппаково Мелекесского района Ульяновской области и Аппаково Алькеевского района Татарстана, в 1811 г. – тептяри из соседних дд. Абдуллиной и Старой Якуповой. На рубеже XVIII–XIX вв. деревня Новая Кутлумбетьева считалась одним населенным пунктом, расположенным «в двух местах». В настоящее время это два села – Верхненовокутлумбетьево и Нижненовокутлумбетьево Матвеевского района. В 1791 г. возникла д. Новый Тирус, Минлибаева тож (ныне Абдулинского района), в которой поселились тептяри, ушедшие из д. Тирус-Усмановой¹².

В 1795 г. тептяри д. Сарманаевой основали д. Мусину (теперь с. Новомусино Шарлыкского района). В 1795, 1811 и 1813 г. сюда подселелись служилые татары и мурзы, в т. ч. из нынешнего с. Новое Демкино Аксубаевского района Татарстана, а в 1818 г. – из современного с. Акбулатово Федоровского района Башкортостана. В 1795 г. часть тептярей с. Дюсметьево ушла на р. Турганник, где возникло нынеш-

нее с. Утеево Красногвардейского района. Наконец, поблизости в 1795 г. выходцами из Новокульшариповой и Староашировой было заведено нынешнее с. Ибряево Красногвардейского района.

В 1800 г. после крупного пожара из Каргалы выселились 2 группы татар, которые обосновались при Никольском и Гирьяльском редутах. В 1807–1810, 1814 и 1816 гг. они были причислены в башкирское сословие, а в 1823 г. им было предписано перейти с казачьих земель во внутренние башкирские кантоны. Меньшая часть снова влилась в состав Оренбургского казачьего войска, благодаря чему смогла остаться на прежнем месте, в нынешнем с. Никольское Кувандыкского района. В 1830 г. 27 татарских семей были переведены из Никольского отряда в соседний Донской (ныне с. Донское Беляевского района). Большая же часть никольских татар перешла в Усергенскую волость, где в 1823 г. была основана первая д. Мухамедьярова. Однако в 1835 г. башкиры добились уничтожения незаконного поселения на их земле, а сами татары были расселены по 17 окрестным башкирским деревням. Только в 1868 г. при размежевании земель вотчинников и припущенников Усергенской волости им был предоставлен собственный земельный отвод, на котором они основали вторую д. Мухамедьярову (ныне Кувандыкского района)¹³.

Татары Гирьяльского редута в 1828 г. заключили договор с сеитовскими мещанами Абдулгазизовыми, по которому были допущены в принадлежащую им де. Сарык-таш (ныне с. Татарский Саракташ Саракташского района). В 1840–1841 гг. собственники выгнали этих людей со своей земли, и они были расселены по 4 башкирским деревням. В 1873 г. они также получили отдельный земельный участок и основали нынешнее с. Новогафарово Саракташского района¹⁴.

По именному указу императора Александра I от 17 июля 1801 г. были зачислены по их прошению в состав Оренбургского казачьего войска ясачные и служилые татары из нынешних сел Бузат, Тятербашево, Ерыклы-Елга Стерлибашевского района, Киргиз-Мияки Миякинского района, Мендяново Альшеевского района Башкортостана и Старомансуркино Похвистневского района Самарской области. Они были переведены непосредственно на Оренбургскую линию по р. Урал и образовали д. Зубочистка 2-я в настоящее время Переволоцкого района.

В 1818 г. к Оренбургскому казачьему войску были причислены ясачные и служилые татары д. Новогумерова (Ускальцкая тож). Подавая прошение об этом, они полагали, что их оставят на прежнем месте для

охраны Старой Сакмарской линии. Однако оренбургские военные власти планировали использовать их для усиления границы по Уралу. В 1819 г. губернатор предписал перевести новогумеровских татар в Никольскую и Гирьяльскую станицы. После упорной борьбы татары согласились перейти на линию, но не в Никольский и Гирьяльский редуты, где земля была не очень плодородна, а в урочище Алабайтал между Верхнеозерной крепостью и Гирьяльским редутом. В течение 1823–1824 гг. они переселились на новое место, основав нынешнее с. Алабайтал Беляевского района¹⁵.

Вообще на первую половину XIX в. приходится новый этап укрепления Оренбургской пограничной линии: усиливается население старых крепостей и редутов, на месте временных форпостов создаются постоянные укрепленные пункты. Так, например, в 1807 г. татары Красногорской крепости были обращены в башкирское военно-служилое сословие, а в 1810 г. по распоряжению губернатора поселены между Красногорской крепостью и Гирьяльским редутом, где возникла д. Новочеркасская (ныне с. Саракташского района).

Важное значение для заселения Оренбургского края имело создание Ново-Илецкой линии, которая должна была прикрывать новый солевозный тракт до Самары, проложенный по казахской степи. В 1811 г. на пространстве от крепости Илецкая Защита до Илецкого казачьего городка были учреждены 4 новых форпоста: Изобильный, Новоилецкий, Озерный и Затонный (ныне села Изобильное и Новоилецкое Соль-Илецкого района, Озерки и Затонное Илекского района). Первоначально они не имели постоянного населения, а охранялись оренбургскими и уральским казаками на нерегулярной основе. Лишь после высочайшего утверждения 8 мая 1816 г. нового положения о преобразовании Илецкого соляного промысла началось реальное переселение казаков на Ново-Илецкую линию. Так, в 1819–1820 гг. на Озерный форпост были причислены 50 татарских семей из казаков Илецкой станицы¹⁶. В 1818–1826 гг. были дополнительно учреждены и начали заселяться Угольный, Мертвецовский, Ветлянский, Буранный, Линевский и Сухореченский форпосты (ныне села Угольное, Трудовое, Ветлянка, Буранное, Линевка Соль-Илецкого района и Сухоречка Илекского района).

Миграции 80-х гг. XVIII – 20-х гг. XIX в. нашли свое выражение в дальнейшем росте татарского населения Оренбургского края. Наибольшее увеличение дал Бузулукский уезд: если в 1782 г. здесь вообще не было татар, то ревизия 1795 г. показала уже 1806 татарских по-

селенцев. Быстрыми темпами шел прирост и в Бугурусланском уезде, который насчитывал в 1782 г. 5409, а в 1795 г. – 8405 татар. Наконец, в Оренбургском уезде эти цифры составили в 1782 г. – 13822 и в 1795 г. – 14603 человека обоего пола¹⁷.

Таким образом, с конца XVIII столетия начинается активное заселение татарами обширных и незанятых прежде степных пространств Бузулукского уезда, которые соответствуют нынешним Тоцкому, Ташлинскому, Сорочинскому, Новосергиевскому районам Оренбургской области. Значительное количество татарских переселенцев оседает на Оренбургской военной линии по рекам Урал и Сакмара, в пределах нынешних Саракташского и Переволоцкого районов. Продолжается заселение северо-запада края, где возникают населенные пункты в нынешних Абдулинском и Асекеевском районах Оренбургской области.

Основной поток татарских переселенцев на этом этапе направляется из Буинского уезда Симбирской губернии и Спасского уезда Казанской губернии, с территории современных Дрожжановского и Буинского, Алькеевского и Спасского районов Татарстана. Отмечены также существенные миграции татар из районов недавнего заселения: Белебеевского, Стерлитамакского, Бугульминского и отчасти Мензелинского уездов. Это территория, прежде всего, нынешних Ермекеевского, Стерлибашевского районов Башкортостана, а также Альметьевского, Лениногорского и Сармановского районов Татарстана.

Важнейшей причиной, побуждавшей служилых татар Буинского и Спасского уездов в массовом порядке уходить на оренбургские земли, было широкое использование их труда на заготовке и вывозке леса для строительства русского флота, которое подрывало крестьянское хозяйство. Появление значительного числа татарских мигрантов из районов недавнего заселения явилось следствием естественного хозяйственного развития, поскольку при господстве переложной системы, несовершенных методах обработки земли быстрое снижение плодородия требовало освоения все новых и новых территорий. Определенную, но не определяющую роль в переселениях татар сыграла нехватка пахотных и иных угодий, которая в регионе Среднего Поволжья начала ощущаться в полную силу именно на рубеже XVIII–XIX вв.

Третий этап заселения татарами территории нынешней Оренбургской области охватывал 20–50-е гг. XIX в. Он проходил в рамках вольной колонизации, которая носила массовый, стихийный и слабо орга-

низованный характер. Попытки государства регулировать ход переселенческого движения не оказывали на него значимого воздействия.

Основной поток татарских переселенцев направлялся в нынешний Александровский, отчасти Северный и Абдулинский районы Оренбургской области, что объяснялось наличием здесь свободных участков земли.

Так, в 1827 г. выходцами из различных деревень Керенского уезда Пензенской губернии была основана д. Кряжлы (ныне Северного района)¹⁸.

С 1834 г. известно с. Абдрахманово (ныне Абдулинского района). По рассказам местных жителей, их предки сошли на это место из современного с. Нижняя Богдановка Атюрьевского района Республики Мордовия. По архивным материалам, здесь поселились также выходцы из д. Дербишевой Темниковского уезда Тамбовской губернии.

В 1834 г. на речках Кулат и Зиганник поселились ясачные татары из различных деревень Краснослободского уезда Пензенской губернии, в т. ч. из нынешних сел Айкеево, Чекаевка Темниковского района, Новое Кадышево, Ликинье, Акчеево Ельниковского района Мордовии. Они основали д. Кулат. С того же 1834 г. мелкими группами сюда стали прибывать пензенские мишары, которые хотели обосноваться неподалеку. Однако в течение долгого времени им не могли выделить земельный отвод. Только летом 1840 г. переселенцам отвели участок земли, на котором они основали д. Яфарову ныне Александровского района¹⁹. Впоследствии 2 расположенные поблизости деревни объединились в одну.

Схожая история произошла и с основанием с. Султакай ныне того же Александровского района. Начиная с 1834 г. на территорию губернии прибыло около 300 незаконных переселенцев из пензенских лашманских татар, которые хотели поселиться на р. Молочай. Однако участок им выделили только в 1840–1842 гг., когда и появилось названное село.

В 40-е гг. XIX в. на территории современного Северного района Оренбургской области возникло мишарское с. Ибряево. Первоначально в 1842 г. жители д. Щербаковки Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Лямбирского района Мордовии) получили разрешение поселиться в д. Сулеймановой, а несколько лет спустя перешли на р. Кандыз, где основали нынешнее с. Ибряево²⁰.

Нехватка земельных и иных угодий обусловила появление на территории нынешней Оренбургской области мишарских переселенцев

и из южных районов Башкирии. Еще в 1837 г. поверенный жителей д. Тукаевой (ныне Аургазинского района Башкортостана) подал прошение о предоставлении малоземельным крестьянам нового надела. Однако лишь в 1842 г. 100 семьям было разрешено переселиться из Стерлитамакского в Оренбургский уезд. Они основали на р. Берлюк нынешнее с. Тукай Александровского района.

Таким образом, татарские мигранты были выходцами преимущественно из Краснослободского уезда Пензенской губернии и Темниковского уезда Тамбовской губернии, с территории нынешних Ельниковского, Темниковского и Атюрьевского районов Мордовии. Отмечены также менее масштабные переселения из Стерлитамакского уезда, с территории нынешних Аургазинского, Федоровского и Кургазинского районов Башкортостана.

Главной причиной переселения татар на этом этапе было прогрессирующее обезземеливание крестьян в центральных губерниях страны. Острая нехватка пахотных и иных угодий, необходимых для ведения хозяйства, обеспечения семьи и уплаты налогов, вынуждала татар уходить в Оренбургский край, где сохранялся значительный фонд свободных земель.

Наконец **четвертый этап** приходится на 60-е гг. XIX – 10-е гг. XX вв. Он проходил в рамках вольной колонизации, но государство в большей степени контролировало переселенческое движение.

Своеобразным отголоском масштабных переселений 20–40-х гг. XIX в. стало основание пензенскими мишарами в 1887 г. хутора Мещеряковского (Ислаевского) (ныне с. Ислаевка Саракташского района)²¹.

В 80–90-е гг. XIX в. отдельные группы татарских припущенников появляются в различных башкирских деревнях на территории современной Оренбургской области. Так, в 1888 г. 125 человек подселились в нынешнее с. Аустяново Тюльганского района, что способствовало его дальнейшему превращению в татарский населенный пункт. В 1887–1891 г. население башкирской д. Юлгутла (ныне Кувандыкского района) пополнилось 303 татарскими переселенцами²² и т. д.

Продолжалось и внутреннее расселение татар по территории Оренбуржья. В 1866–1869 гг. часть жителей д. Биккуловой обособилась и основала в пределах того же Октябрьского района современное с. Новобиккулово. В 1904–1909 гг. татары выселились из пос. Воздвиженского и основали новый пос. Шишма (ныне Саракташского района).

Однако отличительной особенностью четвертого этапа является то, что в 60-е гг. XIX – 10-е гг. XX вв. основной поток татарских пересе-

ленцев устремлялся не в сельские районы как прежде, а в города, особенно в расположенные у границы Оренбург, Орск, Илецкую Защиту. С развитием сети железных дорог татары также оседали на крупных станциях, транспортных узлах, которые постепенно превращаются в поселения городского типа: Абдулино, Акбулаке, Сорочинске и др.

Миграции второй половины XIX в. оказали существенное влияние на дальнейший рост татарского населения Оренбургского края. К 1897 г. в Оренбургском уезде оно возросло до 71158 человек, в Бугурус-ланском уезде – до 41580 и в Бузулукском уезде – до 11404 человек²³.

Таким образом, переселения 30-х гг. XVIII – начала XX вв., проходившие четырьмя крупными волнами, заложили основу современного татарского населения Оренбургской области, их сохраняющегося компактного проживания в Абдулинском, Александровском, Асеке-евском, Матвеевском, Переволоцком, Пономаревском, Северном, Сакмарском, Саракташском и Шарлыкском районах края.

Примечания:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 2450. Л. 120–217 об.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 1-е. – Т. 12. – № 8893.
3. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2450. Л. 10, 24–89 об.
4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 177–183.
5. Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. – 1980. – № 4. – С. 33, 36.
6. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-138. Оп. 1. Д. 807. Л. 184–184 об.; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 409–410; Ф. 98. Оп. 2. Д. 3. Л. 389–397 об.
7. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 15. Л. 417–419 об.; Д. 16. Л. 63 об. – 64; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 592. Л. 589, 590 об. – 593 об.
8. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3. Л. 237–242 об.
9. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 11. Л. 101–107 об.; Д. 8. Л. 79–82 об.; Д. 20. Л. 570–577 об., 944–944 об.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 583. Л. 13–13 об.
11. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 45. Л. 308–310, 400–414.
12. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 11. Л. 45–76.
13. ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 56. Л. 292–292 об.
14. ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 111. Л. 129 об., 165.
15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3539.
16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1599. Л. 250–250 об., 317–317 об., 421–422 об.

17. Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. – 1980. – № 4. – С. 33, 36.
18. ГАОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 39. Л. 10 об.
19. ГАОО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 85. Л. 70–71, 73.
20. Садыкова З. Р. Говоры оренбургских татар. – Казань, 1985. – С. 14–15.
21. ГАОО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 173. Л. 2–4 об.
22. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 119. Л. 21–22 об; Д. 122. Л. 7–8 об.
23. Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. – 1980. – № 4. – С. 36.

Шалагин А. В. (г. Магнитогорск)

АКТЕР И УЧИТЕЛЬ АЛЬМЯШЕВ

Оренбургское казачье войско стало первым, из казачьих войск созданным по указу «сверх» и стало ярким примером многонациональности казачьего сословья, вобравшим в себя представителей разных народов. При составлении «Именных справочников казаков Оренбургского казачьего войска» мне с коллегами встретилось нескольких сот фамилий казаков-татар отмеченных за подвиги государственными наградами Российской империи.¹

Татары были не только мужественными воинами-казаками,² умелыми земледельцами крестьянами, они оставили заметный след и в культурной жизни Южного Урала.

Имя Исхака Мухамеджановича Альмяшева, мало что скажет современным театроведам и знатокам истории татарской культуры. А между тем, именно он был одним из тех, кто стоял у истоков татарского национального театра. Причина забвения столь неординарной личности проста и вместе с тем трагична: кто его знал и помнил ушли из жизни раньше, чем рухнула идеология, скажем так, особо не приветствующая публикации на определенные темы. Но, слава Богу, память об Исхаке Альмяшеве сохранили его потомки. Их воспоминания и бережно собранные документы легли в основу исследования.³

25 ноября 1892 года в Оренбурге в семье бывших крестьян Пензенской губернии Мухамеджана и Умугульсум Альмяшевых родился мальчик, которого нарекли Исхаком. Тогда никто из многочисленных родственников новорожденного и представить себе не мог, что этому мальчику в ни таком уж далеком будущем будут рукоплескать

многочисленные поклонники ни только в его родном Оренбурге, но и во многих городах Поволжья, Урала и Сибири.

Семья Альмяшевых жила небогато, скромный достаток едва позволял сводить концы с концами. Однако, Мухамеджан Альмяшев твердо решил не экономить на образовании младшего сына. Он прекрасно понимал, только знания помогут Исхаку в будущем крепко стоять на ногах. Так будущий любимец театральной публики оказался в известном медресе «Хусаиния».⁴

Именно, будучи его шакирдом, в 1907 году четырнадцатилетний Исхак Альмяшев сделал свои первые шаги на театральной сцене. Увлечение театром было стремительным и страстным, как всегда бывает в юности. Не меньший трепет в молодом человеке вызывала и литература, поэтому совсем неслучайно он стал завсегдатаем библиотеки-читальни «Белек», располагавшейся по соседству с медресе.

Приобщение к литературе и театру не могло пройти бесследно для формирования мировоззрения юноши, вскоре он становится одним из активистов революционного движения шакирдов. Результат не заставил себя долго ждать, в 1908 году Исхака Альмяшева исключили с высшего отделения медресе с формулировкой в приказе «за требование реформ».

Имея на руках «волчий билет», Исхак Альмяшев вряд ли мог рассчитывать на получение какой-либо работы. Хотя к тому времени в империи уже гулял ветер перемен, отношение купцов и фабрикантов к «революционерам» было настороженным. Тем не менее, ему все же удалось устроиться на работу в типографию Хусаинова. Совмещая работу с учебой (*Альмяшев брал частные уроки для получения аттестата – прим. авт.*), парень не забывал и о театре. Каждый вечер он спешил на репетиции и спектакли первой татарской театральной труппы, созданной в Оренбурге в 1907 году близким другом классика татарской литературы Габдуллы Тукая Абдуллой Кариевым. Поначалу молодому актеру доставались только эпизоды, но с ростом мастерства росли и его роли. Заметим, в те годы в силу вековых татарских обычаев и традиций появление женщин на сцене считалось делом, скажем так, греховным. Поэтому зачастую женские роли в спектаклях приходилось исполнять актерам-мужчинам. Прошел через эту школу и Исхак Альмяшев.

В 1910 году молодому, но подающему большие надежды, актеру пришлось спешно покинуть родной Оренбург и перебраться в Коканд. Что стало причиной столь резкого поворота в жизни, сегодня уже не

узнать. Однако, смею предположить, причина внезапного отъезда кроется в угрозе ареста актера за его революционную деятельность. Два года, проведенные в Коканде, Альмяшев проработал переводчиком при фирме «Проводник». Но и здесь он продолжал играть. На его актерском счету в ту пору были главные роли в пьесах Я. Валеева «Стыд или слезы», А. Ратковского «Ревнивый муж», Г. Камала «Разврат» и многие другие.

В 1912 году он возвращается в родной город и становится ведущим артистом татарской драматической труппы «Нур».

Вместе со своими коллегами он исколесил тысячи километров, давая спектакли для зрителей Казани и Симбирска, Челябинска и Троицка, Семипалатинска и Тюмени...И везде татарскую труппу ждал успех. Ведь это были первые гастроли татарских артистов в России.

И. Альмяшев, 1914 г. Оренбург

7 марта 1915 года в жизни молодого артиста случилось знаменательное событие. В родном Оренбурге состоялся его бенефис. И это в 22 года! В тот вечер любимец публики блистал в драме Еннера и Курмуня «Судебная ошибка», исполняя главную роль Жана Рено. В своем бенефисе помимо игры в спектакле Альмяшев продемонстрировал восторженной публике и свое мастерство в декламации стихов и пении песен. Заметим, ко всему прочему артист аккомпанировал себе на рояле.

Особой популярностью у зрителей пользовалась постановка пьесы Сагитта Рамеева «Живи, Зубайда, и я буду жить». Отметим, Альмяшев во многих спектаклях выступал не только как актер, но и как режиссер-постановщик тоже. Вот как описывала в 1915 году те события казанская газета «Вакт»: «... публика состояла из молодежи и дам-мусульманок, в блестящих национальных костюмах, придавших не малую торжественность убогому и бедному обстановкою помещению городского театра. Душа радовалась при мысли, что недавняя рабыня векового затворничества, лишённая света и свободы, вводятся своими мужьями и братьями в храм искусства из их вековой темницы. Видимо и у нас, мусульман, поняли значение театра. Это отраднo и красиво. В спектакле участвовали лучшие силы труппы «Нур». Г-жа Гиззатуллина, как всегда, оправдала ожидания публики.⁵

Она в весьма сложной роли падшей женщины, разведенной с любящим мужем, всеми брошенной и осмеянной, творила чудеса. Она многих довела до слез. Прекрасно играл и г. Альмяшев в роли хулигана. Артист обнаружил большой талант и глубокое знание жизни, и людей «дна». Артист он еще молодой. Будущность обещает ему много хорошего. Не меньший успех имел он и в роли любящего мужа, дающего развод своей неверной жене...» (*орфография и пунктуация оригинала сохранена – прим. авт.*).

... Гастроли в Симбирске подходили к концу. Успех спектаклей был оглушительным, что, безусловно, окрыляло и вдохновляло и режиссера и его молодую труппу. Однако, здесь случилось то, чего мало кто ожидал: Исхак Альмяшев был призван в армию. При других обстоятельствах, возможно, призыва можно было бы избежать. Но шла война, и отказ от службы власти могли расценить как дезертирство.

Так, в 1915 году актер и режиссер Альмяшев оказался на фронтах мировой войны. Служба его проходила в составе 8-го Туркестанского полка Юго-западного фронта. Мировая война, революция... Казалось, все это навсегда отлучило восходящую звезду татарского театра от сце-

ны. К этому следует добавить, после февраля 17-го его общественная и революционная активность не осталась незамеченной сослуживцами. Они избрали его членом солдатского комитета 9-ой армии и делегатом военного съезда, который проводился в Казани. Там поручик Альмяшев вошел в состав мусульманского Совета. Где уж тут до сцены?

Однако, в начале 1918 года подошла долгожданная демобилизация. И Исхак Альмяшев с головой окунается в свое любимое занятие – игре на сцене. Уфа, Челябинск, Троицк... И опять успех. Публика помнила юного Альмяшева, теперь перед ней был опытный актер, имевший богатый жизненный опыт. Мирная передышка в жизни артиста была недолгой. Разразившаяся гражданская война вновь бросает его на фронт. В августе 1919 года он назначается политработником в 5-ую армию «красных». Но и на фронтах гражданской войны он продолжал заниматься сценическим искусством. Только тематика его спектаклей стала иной, отвечающей требованиям военно-революционной ситуации в стране.

В 1920 году еще в форме красноармейца Исхак Альмяшев возглавил секцию искусств отдела народного образования Оренбургского губисполкома. Государственная служба отнимала у него немало времени, но, тем не менее, он продолжал играть на сцене. «На Альмяшева» шли целыми классами, бригадами и отделами. Газеты тех лет пестрели похвальными рецензиями на его игру главного героя в постановке пьесы Генриха Гейне (*перевод Сагитта Сунчалеева – прим. авт.*) «Аль-Мансур». Не меньшим успехом пользовался и агитационный спектакль «Гимн труду», где в роли антигероя «Капитала» выступал Исхак Альмяшев.

Революционные бури потихоньку начали затихать, страна медленно, но верно, возвращалась к мирной жизни. В спокойное русло начала входить и личная жизнь артиста. В январе 1920 года он женился на красавице Магинур. У многих этот выбор поначалу вызвал немало удивление. Казалось бы, просвещенный мужчина, возвращающийся в богемной среде артистов, художников и поэтов, должен был выбрать себе спутницу именно в этом кругу. Однако, Исхак Альмяшев, как и подобает тонкой натуре, делал выбор своим сердцем. Магинур, хоть и не владела грамотой, была человеком, одаренным Всевышним удивительной добротой и восхитительным чувством гармонии. Так что, этот союз обещал быть долгим и счастливым.

По началу молодожены поселились в родительском доме на улице Постникова где в 22-ом на свет появилась их дочка Рауза.

Исхак Мухамеджанович в этот период начинает свою преподавательскую деятельность, совмещая ее с игрой на сцене.⁶

Как это ему удавалось, сказать трудно. Наверное, секрет такой недюжинной работоспособности крылся в беззаветной любви к театру, помноженной на партийную дисциплину. Именно по поручению райкома партии Альмяшев начал преподавать. И именно по партийному заданию в сезон 1929 года он станет художественным руководителем татарского государственного драматического театра. Но это будет потом, а пока 30-летний актер и учитель каждый вечер бежал из техникума в театр, чтобы опять погрузиться в свое любимое ремесло.

В 1925 году Исхаку Альмяшеву было присвоено звание «Герой сцены», что в современной системе государственных почетных званий соответствует званию «Заслуженный артист РФ».

Возвращался он домой всегда за полночь, не забывая всякий раз привезти молодой жене букет цветов. Его путь к дому на Постниковой пролегал через заросший и темный сквер, где даже днем находиться в одиночку было жутковато. Но Альмяшев в этих зарослях всегда чувствовал себя уверенно. Уже года два его в ночных прогулках по парку сопровождал сторож, который встречал Альмяшева у калитки и провожал его до дому. Каждый раз при виде артиста сторож кланялся и заводил с ним разговоры о ... театре. Вот так и шли они в потемках до самого дома. По дороге Исхак Мухамеджанович читал сторожу свои театральные монологи, а тот с замиранием сердца слушал их как замороженный. Неизвестно, чем бы закончились вот такие ночные «спектакли», но однажды сторожа арестовали. А чуть позже выяснилось: необычным слушателем альмяшевских монологов был, как принято сейчас говорить, серийный убийца и грабитель. Что уберегло актера от столь опасного «поклонника», так и осталось загадкой.

Настоящим счастьем для Альмяшева была его семья. Здесь всегда его ждали. Особенно его любимица, дочка Рауза, которую отец называл «Розиком». Девочка с детства неплохо пела и декламировала стихи, что, безусловно, вызывало у Исхака Мухамеджановича отцовскую гордость. Рауза, вместе с тем, с самых ранних лет росла непоседливым ребенком: лазила по деревьям и чердакам, удила с мальчишками рыбу на Урале. Это обстоятельство послужило поводом для отца шуточно называть свою любимицу «Розкой-папироской».

В 1935 году Альмяшевы обзавелись квартирой, располагавшейся в доме № 4 в Каретном переулке. Безусловно, как для каждой семьи,

долгие годы прожившей в тесноте, но не в обиде, подобное стало настоящим событием. Еще бы! 50 квадратных метров, три комнаты. Да и двор их дома, где проживали 11 семей, оказался на редкость уютным и тихим. Соседи жили очень дружно по принципу «нет ни зависти, ни злости». Радости были общими, да и горести тоже. До 1937 года...

Семья Альмяшевых. 1937 г. Крым

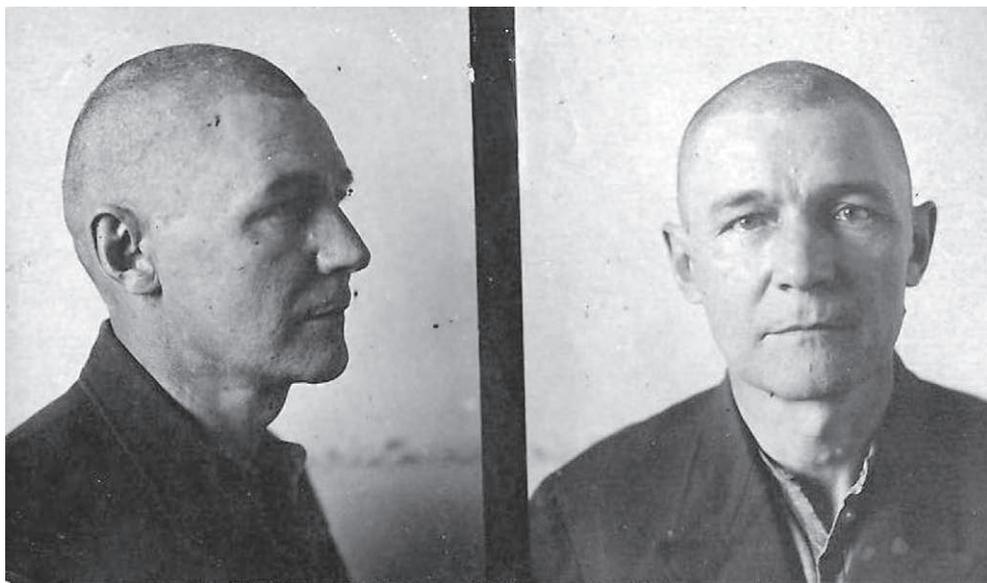
23 июня 1937 года в квартире Альмяшевых раздался резкий стук в дверь. Исхак Мухамеджанович направился в прихожую, будучи уверенным, что кто-то пришел по срочным делам из института или театра. Однако, на пороге его дома появились люди в штатском и предъявили ордер на обыск и арест.⁷

Вели они себя бесцеремонно и нагло, перерыв весь дом снизу доверху. Особо старался один оперативник, приходившийся Альмяшевым дальним родственником, и ни раз, бывавший в этом доме. И от этого обитателям квартиры было особенно горько. В ходе обыска оперативники изъяли личные документы, фотографии, письма, театральные афиши и книги. К изъятому ретивый родственник зачем-то приобщил и картинки, вырезанные Раузой Альмяшевой из старых журналов.

Среди литературы, обнаруженной в квартире актера и педагога были: программа и устав ВКП (б) с докладом Бухарина и 16 книг Гаяза Исхаки, изданных еще до революции.⁸

Именно эти книги послужат аргументом для следователей обвинить Альмяшева в «участии в антисоветской националистической организации».

Сразу после ареста Исхака Альмяшева его семья была переселена из отдельной квартиры в 6-метровую проходную комнату в том же доме в Каретном переулке. Там они проживут до 1967 года.

И.А. Альмяшев, 1937 г., Оренбург (из материалов уголовного дела)

Осенью семье Исхака Мухамеджановича сообщили, что их сын, муж и отец осужден на 10 лет без права переписки. Что это значило, Альмяшевы, наверное, знали. В годы войны они получили извещение: «Исхак Мухамеджанович Альмяшев скончался 16 октября 1943 года от кровоизлияния в мозг». Но правда была иной...

16 сентября 1937 года тройкой УНКВД по Оренбургской области он был приговорен к высшей мере наказания. Приговор привели в исполнение 28 сентября. Захоронение было произведено там, где погребали всех репрессированных Оренбурга – в Зауральской роще.

На волне хрущевской «оттепели», в годы преодоления культа личности Сталина, Исхак Мухамеджанович Альмяшев был реабилитирован. Это произошло 31 января 1958 года.

В 1967 году семье была возвращена трехкомнатная квартира. Собрать многое из того, что в 1937 году было передано на хранение дальней родне, не удалось. Родственники заявили просто: «Мы у вас ничего не брали».⁹

О прославленном артисте, ставшим жертвой политических репрессий, в официальной прессе вспоминали крайне редко, упоминая его имя мимоходом. А потом и вовсе забыли...

Примечания:

¹ Завершинский В. И., Семенов В. Г., Шалагин А. В. Самоотверженные: Именной справочник георгиевских кавалеров и награжденных медалями «За усердие» станиц Березинская, Кособродская, Михайловская и Степная Оренбургского казачьего войска. Еманжелинск, 2010.; Завершинский В. И. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Третий военный отдел. Магнитогорск, 2011.; Завершинский В. И. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Второй военный отдел. Челябинск, 2011; Бешенцев В. Г., и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Первый военный отдел. Челябинск, 2012.; Бешенцев В. Г. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Челябинск, 2012; Бешенцев В. Г. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. (второе издание) Челябинск, 2015.

² Семенов В.Г. Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское Ожерелье. Альманах-общественного института истории народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля / отв. ред. И. М. Габдулгафарова. Вып 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 166-190; Он же Участие Оренбургского казачества в Первой мировой войне. Участие оренбургского казачества в первой мировой войне//Казачи Урала и Сибири в XVIII-XX вв. – Екатеринбург, 1993; Кортуннов А.И. Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII-XIX в.в.). Уфа, 2009. С. 178. Он же. Татары на службе в Оренбургском казачьем войске. В сборнике: Источниковедение тюркского мира: проблемы и перспективы. Сборник материалов. 2009. С. 40-44. Аминов Р.Р. Татары казаки Оренбургского казачьего войска в годы Первой мировой войны. В сборнике: Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием,

приуроченной 100-летию начала войны. Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан; Под общей редакцией Л.Р. Габдрафиковой. Казань, 2014. С. 140-148. Денисов Д.Н. Дашкин Зюлькарнаин Шангиревич. В сборнике: Татарская энциклопедия в 5 томах. Казань, Т. 2, Казань, 2005. С. 233; Ганин А.В. и др. История 1-го Оренбургского казачьего полка (с полковым фотоальбомом 1895) / Харьков, 2007.

³ Сведения о судьбе И. М. Алямяшевых предоставлены его потомком, Баловневой Е. (г. Оренбург)

⁴ Медресе «Хусаиния» - крупнейшее духовное мусульманское учебное заведение Оренбурга, основанное в 1889г. купцом первой гильдии Ахмедом Хусаиновым (1837-1906). Выпускниками медресе в разные годы были видные общественные и религиозные деятели, писатели, поэты, в т.ч. Сагитт Рамеев и Герой Советского Союза Мусса Залилов (Джалиль). Медресе было закрыто в 1921г.

⁵ Сахипджамал Гиззатулина-Волжская (14.5.1885, Казань - 06.4.1974, г. Чистополь) – первая профессиональная татарская актриса.

⁶ С мая 1921г. по сентябрь 1930 г. И. Алямяшев работал преподавателем и завучем башкирского педагогического техникума в г. Оренбурге.

⁷ До своего ареста И.М. Алямяшев заведовал рабфаком Оренбургского педагогического института.

⁸ Исхаки Г. (10.02.1887. Казань – 22.07.1954. Стамбул) – татарский писатель, драматург, публицист, деятель национального движения. Пьесы «Зулейха» и «Учительница» входили в репертуар татарских театральных трупп. В 1920 г. эмигрировал из России.

⁹ Шалагин А.В. Прерванный монолог артиста / Идель. - Казань. – 2009. – № 10. – С. 50-53; Он же. Из тетради краеведа. – Челябинск, 2016. – С. 154-162.

Моргунов К. А. (г. Оренбург)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАХОВ*

Земельные отношения у казахов, населявших степные районы Южного Урала в XVIII – начале XX веков имели определенную специфику. Длительное время, уже после формального вступления в российское подданство, казахские территории были предоставлены сами себе и не были объектом активного государственно-правового регулирования. Казахи-кочевники считались в России не собственниками, а государственными землепользователями, что отличало их от кочующих по другую сторону р.Урала (р.Яика) башкир, которым

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

земли были предоставлены на правах вотчины. Несмотря на то, что государство изначально заявляло о своих верховных правах на земли занимаемые казахами, их поземельный быт и устройство еще долго регулировались местными обычаями.

В 1744 г. была образована Оренбургская губерния, власти которой в дальнейшем осуществляли административное управление казахами Младшего жуза, кочевавшими на обширной территории от реки Яик на северо-западе, рек Тобол и Уй на севере до Амударьи и Сырдарьи на юге. Помимо этого в состав губернии вплоть до 1781 г., когда было создано Уфимское наместничество, входили все населённые пункты и крепости оренбургской линии, Уфимская и Исетская провинции, земли яицких казаков и ставропольских калмыков.

По отношению к казахам, проживавшим на территориях, прилегающих к южным границам Оренбургской губернии, проводилась гораздо более «мягкая» политика, чем по отношению к «внутренним» народам. Фактически, подданство оренбургских казахов в этот период было номинальным. Несмотря на положение грамоты о принятии в подданство, оренбургские казахи не платили податей и пошлин, так как правительство от этого пункта «полагало должным вначале отказаться»¹ (с 1744 г. от платежа ясака были освобождены также башкиры и мещеряки, но с 1747 г. они были обложены податью в размере 25 коп. со двора). Напротив, значительные бюджетные средства тратились на подарки султанам и старейшинам. С 1755 г. стал получать ежегодное жалование старший сын Абулхаира хан Нурали, который после смерти отца, в июле 1749 г., был торжественно возведен в лагере под Оренбургом в ханское достоинство. В 1761 г. жалование было назначено султанам Ералы и Айчуваку. Оренбургскому губернатору предписывалось «знатнейших киргиз всячески ласкать, щедрою рукою давать им подарки и награждения...». Эту ситуацию попыталась изменить Екатерина II, которая в рескрипте от 25 мая 1776 г. рекомендовала «ласкать их неопределенными подарками...», чтобы постоянное денежное содержание казахских ханов не стало традиционной обязанностью².

Стремясь обеспечить лояльность казахской аристократии власти, в то же время, пристально следили за перемещениями кочевников в непосредственной близости от Оренбургской линии. После набега хана Абулхаира на Оренбург (Орск) весной 1738 г. ордынцам было запрещено кочевать вблизи Оренбургской пограничной линии. Также не разрешалось кочевание рядом с крепостями или укрепленными пунктами. После того, как

деялось, что это послабление будет способствовать выстраиванию более спокойных взаимоотношений между кочевниками и казаками. Правда не всегда подобные отношения были к взаимной выгоде. Например, весной 1748 г. 6 Сундавского и Мергеневского форпостов казахи не успели по льду перегнать весь скот через Яик и решили оставшиеся табуны переправить на плотах. Но форпостные казаки перерезали арканы, скреплявшие бревна и казахи были вынуждены просить казаков переправить скот в лодках. С каждой перевезенной сотни казаки взяли по пять баранов, а за верблюдов – по одному барану. По итогам переправы казаки получили 800 баранов, 30 лошадей, 400 зайцев, 100 карсаков и 1000 мерлушек. При перегонах скота казаки нередко присваивали себе лучшую его часть⁴.

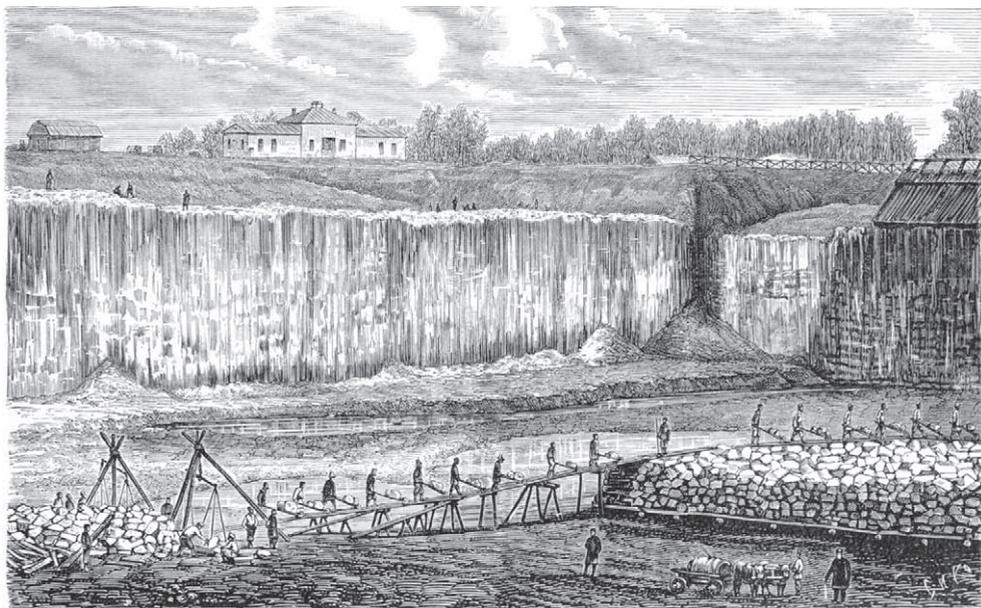
В дальнейшем казахам также разрешались перегоны скота, но при условии предоставления аманатов (заложников). Более того, с 1753 г. казахам разрешалось покупать сено для скота в селениях переселенцев и казаков, а также за определенную плату отдавать жителям крепостей скот в зимнее время для прокорма. В 1755 г. казахам было разрешено кочевать на левобережье Яика в благодарность за помощь, которую они оказали в поимке башкир, пытавшихся укрыться в казахских степях после подавления движения Батырши⁵. Но уже Указом от 2 октября 1756 г. казахам было запрещено перегонять скот на правый берег Яика, где традиционно находились богатые зимние пастбища. Данное решение, официально мотивированное стремлением избежать столкновений казахов с калмыками, для экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства имело крайне негативные последствия. В ответ на ходатайства о разрешении пользоваться пастбищами за Яиком Екатерина II посоветовала в случае нехватки кормов приобретать их и запасаться на зиму⁶.

Царское правительство обосновывало земельные ограничения тем, что во время правления хана Абулхаира кочевья Младшего жуза располагались у Аральского моря и не доходили до Яика. При этом не учитывались внешнеполитические факторы, заставившие казахов искать новые кочевья по побережью Каспийского моря и вдоль Яика.

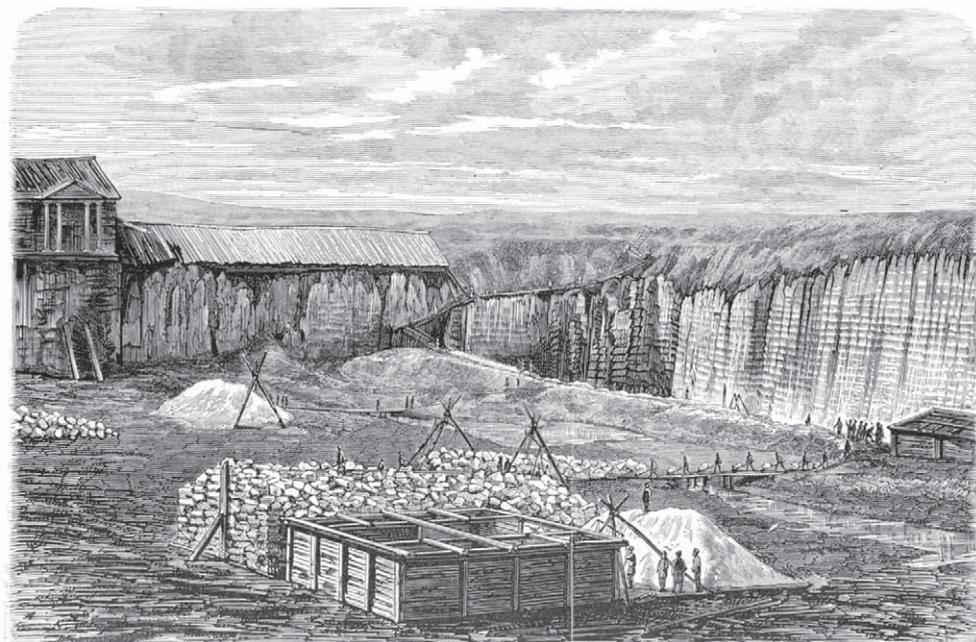
Противостояние казахских кочевников с переселенцами часто выражалось в так называемой пограничной барымте, т.е. в захвате пленных и угоне скота. С развитием у казаков скотоводства потребовалось создание в междуречье Яика и Волги, а также по правобережью Яика хуторов, на которых строились загоны и содержались в летний период табуны лошадей, а также осуществлялась заготовка сена. Это привело к новым ограничениям территорий казахских кочевков. В ответ

казахи самовольно перегоняли скот на запрещенные территории и устраивали нападения на военные укрепления. Постоянным набегам кочевников и уничтожению подвергались в первую очередь хутора, что как следствие приводило к ответным рейдам казаков.

В 1750-е годы столкновения казахов с казаками происходили у Тополинской и Баксайской крепостей, Яманкалинского и Сундаевского форпостов, на речке Гунбейке и у форпоста Каменный орешек. Волнения среди казахов возникли также в связи с началом строительства в 1754 г. Илецкой Защиты. Илецкие соляные копи были приняты в казну еще в 1744 г. Тогда же было прекращено бесплатное добывание соли башкирами и мещеряками. Русские обыватели и все инородцы вынуждены были покупать соль по общегосударственной цене – 35 коп. за пуд. По соглашению с правительством сотник Оренбургского казачьего войска Алексей Углицкий взял на себя обязательство по добыче и поставке соли в течение 4 лет. Для защиты рабочих от набегов кочевников и началось строительство крепости. Казахи справедливо опасались того, что с постройкой нового укрепления они будут ограничены в возможности кочевать по р. Илек. Кроме того, казахи теряли свободный доступ к илецкой соли. Учитывая традиционное пользование соляными копиями казахи, несмотря на существующую в России соляную монополию, получили право бесплатно пользоваться илецкой солью для собственного потребления.

Соляные копи в Илецкой Защите

Илецкие соляные копи

В связи с участвовавшими нападениями казахов Коллегия иностранных дел 11 апреля 1755 г. разрешила линейным казакам ловить зачинщиков нападений и отдавать их командирам для соответствующего наказания. Устанавливалось круглосуточное дежурство в крепостях. В степь выдвигались пикеты. Выезд за пределы крепостей разрешался только с конвоем. Скот в летнее время выгонялся так же в сопровождении казачьих отрядов. Вдоль линии устанавливались караульные вышки с дозорами.

В 1759 г. за потраву сена у Тополинской крепости казаки под руководством старшины Камцова напали на аул из Кызыл-Куртова рода. Были убиты 4 кочевника и ранено еще 6 человек. 18 июля 1760 г. указом Коллегии иностранных дел Оренбургскому губернатору А. Давыдову было разрешено устраивать «воинские поиски» и направлять казачьи команды не только в казахские аулы, кочевавшие у линии, но и в любые районы степи. Более того, казакам разрешалось брать заложников и захватывать скот. Это привело к тому, что в ответ на набеги казахов, а иногда и без особых к тому поводов, яицкие и оренбургские казаки нападали и разоряли казахские аулы, в том числе и те, которые не имели никакого отношения к набегам. Чаще других страдали прилинейные аулы. Так, после нападения на яицкие форпосты

казахов рода Жетыру, отрядом сотника А. Медрасова были незаслуженно разорены пять аулов рода Байбакты. После нападения казахов на Илецкий городок казаками были захвачены конские табуны рода Кадырбек-Табын, который не участвовал в нападении. В 1764 г. хан Нуралы жаловался в письме Екатерине II на то, что казаки у Гурьева-городка преувеличивают размеры потравленного сена и грабят на этом основании казахов⁷.

Не менее сложными были взаимоотношения казахов с калмыками, кочевавшими между Яиком и Волгой. Зимой казахи, несмотря на запреты, перегоняли скот на зимние пастбища в междуречье Яика и Волги, что неизбежно приводило к столкновениям с калмыками. 16 февраля 1764 г. в письме к А.П. Лачинову, который являлся управляющим Оренбургской губернией после отзыва в Санкт-Петербург губернатора Д.В. Волкова, хан Нуралы жаловался на калмыков, которые у Сарайчиковского, Яманкалинского и Гребенщиковского форпостов угнали 2400 лошадей. При этом хан фактически обвинял Оренбургскую администрацию в потворстве действиям калмыков, так как никакого наказания они не несли и захваченный скот не возвращался.

Такие меры вызывали противодействие кочевников. В 1762 г. в казахской степи происходили волнения. В качестве аманата в Оренбург прибыл султан Нурали-хан. По распоряжению губернатора он был направлен в Уфу, но уже через несколько месяцев отпущен домой.

Земельные ограничения приводили к попыткам отдельных родов казахов сменить подданство и откочевать за пределы российской территории. В 1761 г. казахи-семиродцы начали откочевку к китайской границе. Но вскоре вернулись на прежние места кочевков, опасаясь повторения судьбы джунгар.

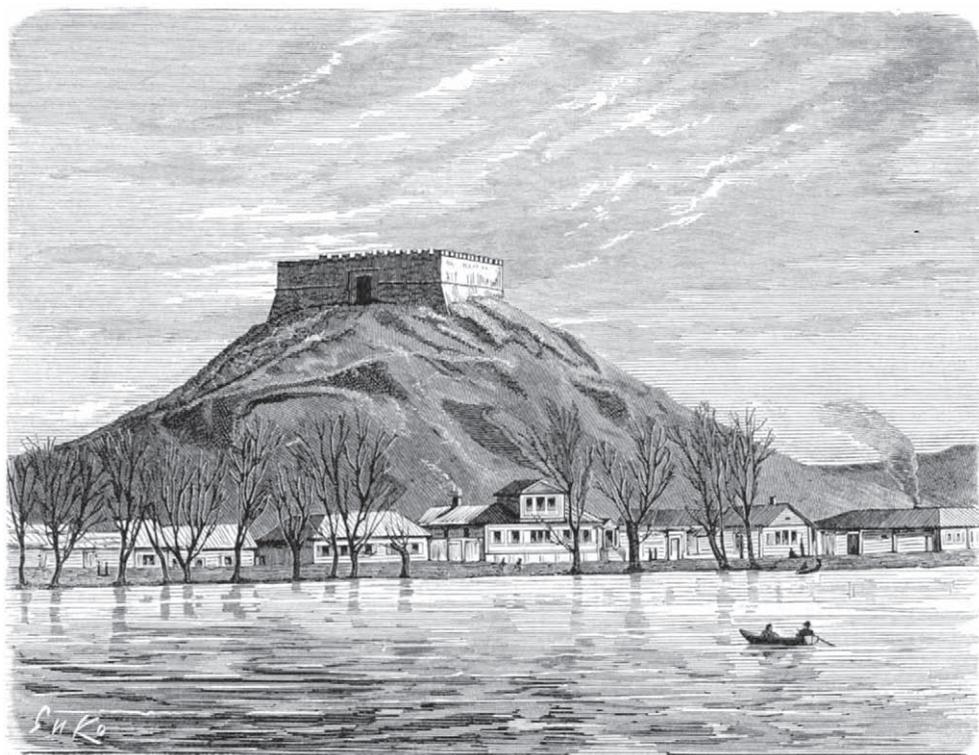
Для исполнения постановления 1754 г. об отмежевании земель яицких казаков от казахских, в 1765 г. была образована особая межевая комиссия.

Запрет на переход через Яик сохранился и после того, как калмыки в 1771 г. ушли из междуречья Яика и Волги и откочевали на территорию Джунгарии.

Определенные изменения во взаимоотношениях между казаками и казаками наметились после того, как в 1772 г. взбунтовались казаки в Яицком городке и были вынуждены искать поддержку у кочевников. Сочувствуя восставшим казахи не преминули воспользоваться ситуацией и, мотивируя самовольные действия якобы полученным разрешением от яицких казаков, начали активно перегонять свой скот

на луга, расположенные за Яиком. Земельный вопрос стал одной из основных причин участия казахов в Крестьянской войне. В условиях земельной тесноты манифесты «нового государя» с обещанием милости и всей степи не могли не найти отклика у казахов. Регулярный перегон скота через Яик продолжался на протяжении всей Крестьянской войны.

В сентябре-декабре 1773 г. самостоятельные казахские отряды действовали в основном в районе Верхнеяицкой и Нижнеяицкой линий, протянувшихся от Гурьева до Илецкого городка. 24 сентября 1773 г. казахи из Байбактинского рода напали на Сахарную крепость и, перебив караул из 20 казаков, отступили. 31 сентября 1773 г. нападение было совершено на Нижнюю Озерную крепость. Перебив казачьи пекеты, после сражения у крепостного вала казахи отступили. В ноябре 1773 г. казахами был осажден Илецкий городок. Нападением подверглись Красногорская, Ильинская, Губерлинская и Каракулинская крепости. В декабре 1773 г. казахи, совместно с отрядами пугачевцев захватили Кулагину крепость⁸.

Гипсовая гора в Илецкой Защите

Казахские отряды в составе пугачевской армии участвовали в осаде Оренбурга, Орска, Гурьева, первой и второй осаде Яицкого городка. Казахские отряды прикрывали важнейшие направления, находясь у Татищевой и Губерлинской крепостей, у Илецкого городка. Помимо непосредственного участия в боевых действиях, казахи не пропускали к Оренбургу через степь продовольственные обозы, держали в постоянном напряжении местные гарнизоны, угоня лошадей, не позволяя свободно выйти на полевые работы, отправится за водой и продовольствием.

Небольшие форпосты были не в состоянии противостоять осадам кочевников и в декабре 1773 г. Сенат разрешил вывести их гарнизоны в более укрепленные крепости. В результате на произвол судьбы были оставлены Яманкалинский и Зеленовский форпосты, а также Гурьевский редут. Несмотря на сложное положение осажденного Оренбурга, решением Сената для усиления Нижнеяицкой линии было направлено 300 человек.

Действия казахов осенью 1773 г. носили стихийный характер и проходили без участия султанов (за исключением двоюродного брата хана Дусалы-султана, которого Пугачев обещал сделать ханом Младшего жуза). Нуралы-хан колебался и поддерживал отношения как с Пугачевым, так и с царской администрацией. Но учитывая новую вспышку династической борьбы в Младшем жузе и действий своего противника Дусалы-султана на стороне войск Пугачева, Нуралы принял сторону царского правительства. В определенной мере этому выбору способствовало и убийство в Кулагинной крепости атамана Бородина, с которым Нуралы находился в дружеских отношениях и неоднократно бывал у него в гостях.

Впрочем, будучи верен себе, Нуралы-хан не проявил активности. Губернатор Рейнсдорп в конце ноября 1773 г. дважды направлял хану письма, прося оказать помощь осажденному Оренбургу и Яицкому городку, но не получил ответа. Требование губернатора отозвать казахские отряды из под Оренбурга было неисполнимым, так как хан не обладал для этого необходимым авторитетом и властью. На помощь Нуралы рассчитывал и Пугачев, но так же не получил вразумительного ответа. После неудачной попытки оказать помощь вторично осажденному Яицкому городку Нуралы перекочевал в отдаленные районы степи, выжидая развития событий под Яицком и Оренбургом. Не предпринял он и попытку помочь верной присяге части гарнизона Гурьева-городка. В результате при содействии Дусалы-султана в Гу-

рьев прошел отряд пугачевцев и восставшие казаки в январе 1774 г. захватили городок жестоко расправившись с местным начальством.

В этот же период увеличилось количество нападений казахских отрядов на поселения и форпосты волжских казаков. И только привлечение к дозорной службе на степной стороне Волги калмыков позволило снизить активность пограничной барымты.

В декабре 1773 г. двухтысячный отряд, возглавляемый братом хана Айчувак-султаном все же прибыл к Оренбургу, но не дойдя до осажденного города 20 верст, остановился и не вмешиваясь в противостояние повернул обратно совершив по пути несколько набегов на близлежащие крепости.

Единственное, что было с удовольствием исполнено ханом, это данное в начале 1744 г. разрешение нападать и разорять форпосты, перешедшие в руки пугачевцев. Воспользовавшись этим разрешением казахи особо не разбираясь стали нападать на незащищенные русские, башкирские и немецкие селения. Захватывать пленных и продавать их хивинским и бухарским торговцам невольниками.

27 февраля 1774 г. Нуралы-ханом была получена Высочайшая грамота, содержащая требование удалить казахов за Яик и наведении среди них порядка. Всех пленных предписывалось освободить, а все причиненные убытки возместить. Под давлением из Петербурга в феврале 1774 г. Нуралы-ханом был направлен к Оренбургу еще один отряд во главе с Айчувак-султаном, но еще в пути стало известно о поражении Пугачева. Окончательно встав на сторону оренбургской администрации Нуралы и Айчувак перегнали свой скот через Яик и расположились южнее Яицкого городка.

Часть казахов, входивших в армию Пугачева, после снятия осады Оренбурга в марте 1774 г. отошла вместе с пугачевцами в Башкирию. Впоследствии они приняли участие во взятии Казани, Пензы и Саратова. Но основная часть вернулась в родные степи и продолжили нападения на крепости, селения и форпосты. Пограничная барымта, заключающаяся в грабеже соседей, воспринималась казахами как естественное явление и одна из форм дополнительного дохода.

Весной и летом 1774 г. казахские отряды действовали в районе Нижнеяицких, Красногорских и Самарских укреплений. Совершая многочисленные набеги и осаждая Яицкий и Илецкий городки, крепости: Сахарную, Рассыпную, Татищеву, Чернореченскую, Нижнеозерную, Тонкую, Сарайчиковскую, Танальцкую и Переволоцкую, Красногорскую, Красносамарскую, Ольшанскую, Пречистинскую,

Верхнеозерную, Губерлинскую, Орскую, Сорочинскую, Бузулукскую, Тоцкую, Таналыцкую и Новосергиевскую, а также расположенный рядом с нею Платавский редут, на Озерную крепость и Желтый редут. Более того, заходя далеко в глубь губернии казахи нападали на Сеитову слободу и Оренбург.

Гарнизоны крепостей оказались в крайне тяжелом положении. Они практически не имели возможности вести заготовку припасов, были лишены лошадей и скота. Не удалось убрать рожь и яровую пшеницу. Хлеба и сено по Самарской и Яицкой линиям были выжжены. Продовольственные обозы из Исетской провинции, Симбирска и Саранска не могли попасть в Оренбург. В губернии начался голод. Местными силами с большим трудом удавалось справляться с нападениями кочевников и восстанавливать прерванные коммуникации. Передвижение по степным дорогам становилось опасным. Страдала торговля со Среднеазиатскими государствами, прервалось почтовое сообщение. Нуралы-хан, будучи не в силах повлиять на ситуацию, обращался к Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу с просьбой прислать казаков для защиты его семьи, а затем был вынужден не некоторое время укрыться от недовольных им подданных в одной из казачьих крепостей.

Группа казахов

Особенно упорно казахи сопротивлялись вытеснению их за пределы запрещенной для кочевий территории. Попытки казаков выгнать

скот, переправленный казахами через Яик, завершались кровавыми столкновениями с казахскими отрядами, сопровождавшими стада.

Нападения на казачьи крепости и селения продолжались и в зимний период. Только в конце 1774 г. правительство смогло выделить войска, предназначенные для наведения порядка в казахской степи, но выход в степь в условиях оренбургской зимы был затруднителен. К марту 1775 г. на Оренбургской пограничной линии были сосредоточены значительные силы, которые периодически выдвигались в районы наиболее активных выступлений казахских родов. Места кочевок мятежников указывал Нурали-хан. В ходе военных действий применялась практика захвата казахских женщин детей, с тем, чтобы потом обменять их на русских пленников, которых еще не успели продать на невольничьи рынки. Жесткие меры на некоторое время снизили напряжение. Но Рейнсдорп справедливо полагал, что репрессивные меры могут в конечном счете привести к усилению сопротивления. К тому же поиск в степи был сопряжен с большими расходами, на которые разоренная Крестьянской войной губерния была неспособна. В приграничных селениях жители уже четвертый год не могли спокойно сеять хлеб и заготавливать сено для скота. В результате правительством было принято решение вернуться к прежней тактике по отношению к казахам: удерживать их ласкою и справедливостью и добиваться прекращения волнений путем переговоров с казахской аристократией. Так, хан Нуралы и султаны Айчувак и Ералы еще в конце 1774 г. получили от имени Екатерины II похвальные грамоты за верность и помощь в борьбе с Пугачевым.

Уже летом 1775 г. военные отряды были отозваны из степи, но в сентябре этого же года волнения возобновились с новой силой. Причем на этот раз одним из основных направлений набегов казахов стали башкирские селения. Ответной карательной экспедиции в степь отправлено на этот раз не было, лишь в феврале 1776 г. башкирам было разрешено совершить ответный поход на казахские селения, для отмщения за нападения, совершенные осенью 1775 г.

В 1776 г. волнения казахов пошли на спад, но сильная напряженность и пограничная барымта сохранялись. Продолжая опираться на казахскую знать правительство в 1776 г. выплатило Нуралы-хану, а также султанам Айчуваку, Дусалы и Ералы жалованье сразу за 1773–1775 годы⁹.

Осознавая остроту для казахского населения земельного вопроса, 27 августа 1782 г. был принят указ разрешающий Оренбургскому гу-

бернатору пропускать казахов Младшего жуза на правый берег Урала¹⁰. Это можно было делать только в зимнее время и за определенную плату на основании договоров с владельцами земельных участков.

С целью создания системы справедливого решения многочисленных спорных вопросов и приближения к интересам казахов системы правосудия 2 мая 1784 г. Екатерина II подписала указ об открытии в Оренбурге Пограничного суда, в состав которого входили оренбургский обер-комендант, в качестве председательствующего, а также по два представителя от чиновников, купцов и поселян. Казахскую сторону в суде должны были представлять один из султанов и шесть старейшин. Также в Пограничный суд предписывалось включить по одному представителю от башкир и мещеряков. К компетенции суда относилось рассмотрение как гражданских, так и уголовных дел о спорах, возникших между казахами и переселенцами¹¹.

Назначенный в 1784 г. генерал-губернатором О. А. Игельстром столкнулся с сильными волнениями в казахской степи, вызванными все теми же причинами: аграрным кризисом и сильным недовольством ханской властью. Снова участились столкновения казахов с казаками и калмыками, что негативно сказывалось на положении в кочевьях. Хан Нуралы и его братья Айчувак, Ералы и Досалы получали жалованье в Оренбурге и при этом облагали население дополнительными повинностями, не предусмотренными законодательством. Они же самолично распределяли кочевья. В личности хана Нуралы видели причину своих бед не только казахские шаруа, но и большинство старшин и биев.

Возглавил восстание участник пугачевского движения старшина Сырым Датулы, пользовавшийся большим авторитетом в Младшем жузе. Численность восставших доходила до 3 500 человек. Одним из первых событий, произошедших после прибытия в Оренбург барона Игельстрорма, стало нападение Сырыма Датулы на Таналыкскую крепость. Видя непопулярность ханской власти О. А. Игельстром летом 1785 г. инициировал проведение съезда казахских старшин, на котором заручился поддержкой своей идее об отмене управления Ордой при посредстве ханов и султанов. Сырым Датулы убедил собрание в необходимости отстранения Нуралы от ханской власти и предложил принести присягу на верность русской царице. Весной 1786 г. хан Нуралы был вызван в Оренбург,

откуда его отправили вместе с сыновьями, приближенными и прислугой в Уфу. Айчувак содержался в Уральске. Тем временем аулы хана были разграблены приверженцами Сырыма. На содержание опального хана было выделено около пяти тысяч рублей в год. Скончался Нуралы в 1790 г., завещав своим детям сохранять клятву верности России.

В результате реформирования системы управления, предложенного О.А. Игельстромом и утвержденного указом Екатериной II от 3 июня 1786 г. Младший жуз был разделен по родовому принципу на три части – алимұлы, байұлы и жетыру. Все полномочия по управлению Младшим жузом были переданы Пограничному суду, состоящему из царских чиновников и представителей местной аристократии. Суд подчинялся непосредственно генерал-губернатору. На уровне аулов создавались судебные расправы, в состав которых включались имамы местных мечетей¹². Работа сотрудников всех уровней должна была оплачиваться из казны. Этим же указом оренбургскому губернатору предписывалось в целях постепенного включения казахской степи в российское цивилизационное пространство построить в жузе несколько городов, мечетей, гостиных дворов и школ для детей казахской знати.

В результате реализации реформ волнения в степи практически прекратились. Количество столкновений казахов с казаками также сократилось. Русские пленники были возвращены, а уводы с линии заметно снизились. Так, если за четыре года, с 1782 по 1785 гг. с линии от Звериноголовской крепости до Гурьева были пленены 406 человек (в 1782 г. – 34, в 1783 г. – 21, в 1784 г. – 176, в 1785 г. – 175 человек), то в 1786 г. пропало только двенадцать человек, а в 1787 г. и того меньше – всего два человека. Правда в следующие годы количество поселенцев, уведенных в плен казаками, стало вновь расти. В 1788 г. было уведено 43 человека, в 1789 г. – 53, в 1790 г. – 90, в 1791 г. – 34, в 1792 – 40, в 1793 – 60, в 1794 - 42 человека¹³.

В ходе проведения административных реформ в 1785 г. губернатор О.А. Игельстром расширил территориальные права казахов, разрешив им переходить на правый берег Урала не только зимой, но и в летний период. Уже зимой 1786 г. за Урал переправилось около 45 тыс. кибиток, а весной без нарушений порядка они вернулись обратно в зауральские степи. 15 июля 1788 г. землевладельцам было разрешено давать земли без всякого вышестоящего разрешения казахам, переходящим на территорию России.

Казахское кочевье в степи около Оренбурга

Кроме того, по инициативе губернатора 1785 г. в Оренбурге и Троицкой крепости были открыты мечети. Екатерина II одобрила эту инициативу, выразив мнение, что сооружение мест для публичной молитвы послужит со временем для кочевников лучшим средством к воздержанию их от своевольства лучше всяких строгих мер. Указом о киргизских делах 27 ноября того же 1785 г. Екатерина II предписала при мечетях построить школы. Такая школа была открыта только при оренбургской меновинской мечети. Штат мечети и школы был одобрен императрицей 28 февраля 1789 г. На его содержание было отпущено 2007 рублей в год.

Но реформы Игельстрома потерпели неудачу. Расправы не собирались и фактически не функционировали. Выборы султанов в Пограничный суд были проведены только в трех родах и не имея действующих административных органов на местах в виде расправ, Пограничный суд не мог влиять на политическую обстановку в степи. В результате борьба султанов и старшин по вопросу об организации власти в жузе возобновилась с новой силой. Ссылаясь на традиции предков, казахи требовали восстановления ханского титула. При этом образовалось сразу несколько партий и группировок, поддержива-

ющих хана Каипа, Сырыма или Нуралы. После того, как ставший ханом каракалпаков Ералы захватил в плен Сырыма, на которого делал ставку Игельстром, ситуация усложнилась. Губернатор предложил поддержать кандидатуру хана Каипа, но Екатерина II отклонила это предложение, так как Каип не являлся потомком хана Абул-хаира.

Народное собрание, инициированное ранее Игельстромом, в 1787 г. высказалось за возвращение хана Нуралы. В это же время освобожденный из плена Сырым, продолживший бороться против ханской власти. Но после того, как обнаружилось антироссийские связи Сырыма с турками и бухарцами, доверие к нему со стороны властей было окончательно подорвано¹⁴.

Революция во Франции заставила правительство по-новому взглянуть на проводимую реформу управления оренбургскими казахами. В результате было принято решение вернуться к практике избрания хана. 4 сентября 1791 г. ханом Младшего жуза был провозглашен султан Ералы. Не признавший нового хана Сырым Датұлы возобновил борьбу и в 1792 г. его отряд предпринял попытку захватить Илецкую Защиту и Красногорскую крепость. Для отражения их нападения был сформирован и направлен отряд из 200 казаков.

После смерти хана Ералы в июне 1794 г. новым ханом был провозглашен в сентябре 1795 г. сын Нуралы Есим. При новом хане был учрежден ханский совет, состоящий из султанов и старейшин. Но джунты 1796-1797 гг. резко ухудшили положение кочевников, вызвав очередной взрыв недовольства ханской властью. 17 марта 1797 г. в результате нападения одного из отрядов Сырыма Датұлы на ханскую ставку у форпоста Красноярского хан был убит. Учитывая непримиримые противоречия среди родовой аристократии временно был создан Ханский совет, состоящий из четырех султанов. В октябре этого же года ханом был избран престарелый султан Айчувак. Это позволило на время примирить султанов и родовых старшин в Младшем жузе.

Жизнь на пограничной линии была в конце XVIII в. была беспокойной, с постоянными столкновениями, грабежам на дорогах, угнам скота из казачьих поселений. Казаки отвечали разорением казахских улусов. Такие набеги, например, казаки совершили в 1790 г., а в 1797 г. они угнали у кочевников 12 тыс. лошадей. Отряды казаков часто сопровождали купеческие караваны. В случае ограбления караванов казаки отправлялись в степь для разбирательства¹⁵. Внутри ка-

захских родов все также было беспокойно. Часть родов Младшей орды, не признав власть Айчувака, откочевала в пределы Средней Орды, в земли каракалпаков или на территории у Каскийского и Аральского морей.

После отставки О.А. Игельстрома право кочевников перегонять скот на внутреннюю территорию было вновь ограничено. Разумеется, кочевники не собирались мириться с запретами. Они демонстративно собирались на глазах кордонной стражи, одновременно в разных местах переходили Яик, нападали и опустошали поселки. В ответ казаки устраивали скрытые засады, но при этом им запрещалось переправляться через Яик для преследования нападавших.

Власти были заинтересованы в переселении на территорию России кочевников из южных казахских степей. В этих целях в 1788 г. был издан именной указ «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России». Состоящие в российском подданстве казахи, по-прежнему не платили пошлины со своего имущества, что было отражено в соответствующем указе от 1799 года. Эта пошлинная привилегия распространялась и на всех казахов, которые собирались вступить в российское подданство в будущем.

В 1799 г. вместо упраздненных Пограничного суда, пограничных дел экспедиции и степных казахских расправ была учреждена Оренбургская пограничная комиссия¹⁶.

Таким образом, вплоть до конца XVIII столетия политика в отношении оренбургских казахов отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Поиск в среде родовой аристократии союзников, путем содержания аманатов и назначения жалования ханам и султанам оказалась неэффективной. Попытка проведения судебной реформы в казахской степи потерпела неудачу. Тем не менее, следует признать, что политика правительства в этот период отличалась прагматичностью и исходила от условий и потребностей развития региона.

В 1800 г. сын Нурали султан Букей со значительной частью казахов Младшего жуза решил перейти на постоянное кочевье в Астраханские степи. 11 марта 1801 г. императором Павлом I казахам было официально разрешено перемещаться для кочевья на правый берег Урала. В результате на правом берегу была создана Внутренняя (Букеевская) орда. В урочище Рын Пески переправилось около 10 тыс. кибиток. Позднее, в 1812 г. султан Букей был возведен в ханское достоинство. После его смерти в 1815 г. ханом стал его старший сын Джангир¹⁷.

Казахи Букеевской орды

В 1805 г. хан Айчувак, ссылаясь на преклонный возраст и болезни, отказался от титула в пользу своего сына Джантюра. При хане Младшего жуза в 1806 г. был учрежден совет. Однако в 1809 г. хан Джантюр был убит своими двоюродными братьями. Более двух лет хан не избирался и только в 1812 г. ханом Младшего жуза был утвержден брат Джантюра султан Ширгазы.

Земельная теснота в Младшей орде также вызывала стремление некоторой части казахов переселиться в пределы губернии¹⁸. Стимулировал этот процесс Закон от 23 мая 1808 г. «О водворении кочующих по Оренбургской линии киргизов», детализирующий и расширяющий некоторые положения предыдущих актов, определяющих правовое положение казахского населения. Казахам, переселившимся во внутренние области, предоставлялись 10-летняя налоговая льгота и отсрочка от служб, а также выдавалось пособие¹⁹. Казенным селениям, прежде всего мусульманским, разрешалось принимать у себя казахов-отходников. С учетом этого данные населенные пункты имели право на прирезку земли²⁰. Более того, по именному указу 1809 г. переселившимся во внутреннюю Россию на вечное кочевье казахам позволялось производить мену скота и других своих предметов с российскими подданными без уплаты пошлин.

Казахи Младшей орды

В конце XVIII – начале XIX вв. шло продвижение Ново-Илецкой и Узенской укрепленных линий глубже в степь. В 1810 г. началось строительство Новоилецкой линии военных укреплений, что привело к отчуждению в пользу казачества лугов, сенокосов и других земельных угодий, попавших в 15-верстную полосу вдоль линий. Таким образом, перекрывались традиционные пути кочевания казахов²¹. Новоилецкий район, изъятый из пользования казахов, составлял свыше 600 000 десятин земли. Линия шла от устья р. Илек вверх по течению и далее течению рек Курала и Бердянка до станицы Благословенной, где после пересечения р. Урал соединялась с Оренбургской пограничной линией. Присоединенную к губернии территорию планировалось заселить оренбургскими и уральскими казаками. На реках Бердянке и Курале в 1817 г. были возведены форпосты. В связи с отсутствием желающих заселить этот район в приказном порядке туда были переведены около 300 хозяйств казаков из бывшей Красноуфимской станицы²². Ими были основаны Изобильная, Буранная, Новоилецкая, Линеvская, Угольная, Ветлянс-

кая и Бердянская крепости. В 1819 г. около 900 украинских крестьян из Хоперского уезда Воронежской губернии поселились на левом берегу Урала, недалеко от Илецкого казачьего городка, основав большое село Кардаилово. Они были записаны в солевозцы и были обязаны за свой счет перевозить илецкую соль к Самарской пристани. Окончательно в состав земель Оренбургского казачьего войска и Оренбургской губернии Новоилецкий район был включен на основании указа от 12 декабря 1840 г.²³.

Несмотря на представление местных властей о разрешении казахам приближаться к укрепленным линиям, законом от 9 декабря 1813 г. кочевье близ границы было запрещено. Более того, в 1816 г. была возобновлена сима на берегу р. Урал. На всем протяжении реки в землю втыкались прутья тальника и связывались вершинами друг с другом, образуя таким образом изгородь. Казачьи пикеты следили за цельностью сими и в случае ее нарушения сообщали об угрожающей со стороны кочевников опасности.

В то же время инициатива Оренбургских властей о необходимости обложения казахов податью не была поддержана центральным правительством, которое вновь подтвердило налоговый иммунитет казахов²⁴.

Казахское стойбище

Тем не менее, в 1817 г. по распоряжению Оренбургского военного губернатора был учрежден билетный сбор с тех казахов, которые пожелают наниматься в работники к жителям прилинейных районов Оренбургской губернии. После длительного рассмотрения, в апреле 1820 г. это распоряжение было утверждено цент-

ральными властями. Сбор дифференцировался в зависимости от срока найма: нанимающиеся на год платили 6 рублей, на 4 месяца – 2 рубля, на месяц – 50 копеек²⁵. Для кочевников это были значительные суммы. Сбор имел целевое назначение и все полученные денежные средства направлялись в фонд на учреждение в г. Оренбурге Неплюевского училища. После открытия училища билетный сбор с казахов шел на его содержание. 9 февраля 1824 г. было утверждено Положение о Неплюевском училище, в котором была четко обозначена сумма, необходимая на содержание этого учебного заведения – 18245 рублей, в том числе 8000 рублей за счет билетного сбора (т.е. около 40 % от общей суммы). Все излишки билетного сбора также должны были направляться в бюджет училища²⁶.

В 1820-е годы произошли серьезные изменения в территориально-административном управлении казахскими территориями. Генерал-губернатором П.К. Эссеном в 1822 г. был разработан проект «Устава об оренбургских киргизах» предусматривающий разделение Оренбургской линии на две линии – верхнюю, включающую Нижнеуральскую, Звериноголовскую, Троицкую, Верхнеуральскую, Кизиловскую, Орскую и Оренбургскую дистанции и нижнюю линию, разделенную на дистанции Илецкого городка, Рубежинскую, Кожехаровскую, Калмыковскую, Баксайскую. При этом планировалось, что Букеевская орда получит статус внутреннего округа. Кроме того, Эссен предложил создать три внешних, или зауральских округа во главе со старшими султанами. Ханская ставка должна была располагаться в г. Оренбурге.

Через два года данный проект был рассмотрен в Азиатском комитете и утвержден с существенными изменениями. В 1824 г., согласно «Уставу об оренбургских киргизах» в Младшем жузе была создана Область оренбургских казахов, разделенная в 1825 г. на три административные части – Восточную, Среднюю и Западную. При размежевании учитывались факторы этнической структуры и влияния на ту или иную территорию султанов-правителей. В результате части оказались неравномерными и по площади, и по количеству населения. В Восточную часть вошли Области сибирских казахов (от станции Звериноголовской до Сырдарьинской линии и окрестностей реки Чу), с юга – Сырдарьинская линия, с запада – от станции Степной до реки Уй, через станцию Мариинскую, верховья реки Большая Хобда, верховья левых ее притоков и реки Уил, озера Челкар-

Тенгиз до форта 2 на реке Сырдарья. Здесь находились кочевья рода Алимуды, кипчаков и аргынов. В Среднюю часть вошли земли родов Жетира и частично Алимуды по западной границе Восточной части: Западная часть – от устья реки Большая Хобда, через верховья левых ее притоков и реки Уил, по реке Эмба до Эмбинского укрепления и оттуда до Аральского моря (южнее залива Чернышева), с юга – линия от урочища Каратаман по берегу Аральского моря до Сырдарьинской линии, с севера – от устья реки Большая Хобда по рекам Илек и Бердянка по направлению к Орску до Верхнеуральской крепости и станицы Степной. Западная часть включала территории рода Байулы: с востока – земли по западной границе Средней части, с севера – реки Илек, Урал до Уральска, с запада – по течению реки Урал, по землям Уральского войска – от Гурьева до Каспийского моря, с юга – перешеек, разделяющий Каспийское и Аральское моря. Центр Западной части находился в форпосте Затонном, Средней части – в станице Изобильной, Восточной – в станице Усть-Уйской.

С разделением территории Младшего жуза на три части произошла фактическая ликвидация ханской власти. Хан Ширгазы в 1824 г. был назначен первоприсутствующим в Оренбургской пограничной комиссии, но вскоре оставил свой пост и удалился в степь. При этом хану выплачивалось жалование в 150 рублей в месяц серебром. Из числа наследников хана Абулхаира были назначены султаны-правители, возглавлявшие каждую из трех частей Области оренбургских казахов. Им определялось ежемесячное содержание в размере 100 рублей и 60 четвертей муки в год. Сверх этого каждый султан получал в качестве знака власти золотую саблю. Решение споров и распределение сезонных кочевок происходило в Пограничной комиссии в присутствии представителей трех территорий, а также Оренбургского и Уральского казачьих войск.

Эта реформа не привела к прекращению споров и междоусобиц. Так, с 1826 г. на летний период в распоряжение султана-правителя Западной части Области оренбургских казахов передавался двухсотенный вспомогательный казачий отряд. На зиму при султанах оставались офицер, урядник и 20 казаков. В 1828 г. также двухсотенный отряд был предоставлен и султану-правителю Восточной части Области оренбургских казахов. И в дальнейшем потребность в таких отрядах сохранялась.

Битва казаков с казахами. 1826 г.

В 1831 году была проведена новая административная реформа, в соответствии с которой была введена так называемая «дистанционная система». Кочевья, прилегающие к пограничной линии, от Гурьева до Звериноголовской крепости были разбиты на 32 участка - дистанции. Из числа старшин и султанов назначались начальники дистанций, которые подчинялись султанам-правителям. Сами дистанции делились на еще более мелкие единицы административного управления – старшинства (местности), которые располагались рядом с форпостами и отрядами. В среднем на каждую местность приходилось более 600, а на дистанцию – до 2 тыс. хозяйств. Старшины назначались из среды казахской знати. Таким образом все должностные лица, начиная от аульного старшины и кончая султаном-правителем, назначались Оренбургским генерал-губернатором по рекомендации пограничной комиссии, что безусловно усиливало систему административного контроля.

Одной из основных обязанностей дистанционных начальников являлось сообщать султанам-правителям и Оренбургской пограничной комиссии о всякого рода недовольстве и неповиновении среди казахов.

Но при реализации этой реформы опять не обошлось без трудностей. При делении на дистанции не были учтены территории традиционных родовых кочевий. В ходе кочевки казахи переходили из одной дистанции в другую и дистанционные начальники не могли их контролировать. Выход был найден в отказе от деления по территориальному признаку и переходу к делению с учетом традиционного размещения казахских родов на зимовках.

Процесс выделения дистанций оказался продолжительным. К 1845 г. были выделены 51 дистанция, в том числе 22 дистанций по Старой линии и 5 – по Новой линии. Остальные 24 дистанции были образованы в степных районах. В 1857 г. во всех частях Области оренбургских казахов было создано 57 дистанций, 231 старшинство, 25 родов и 80 отделений. Из них прилинейными считались дистанции от 1 до 32. Степными считались дистанции с 33 по 57. В Восточной части располагались 19-22, 26 и 27 дистанции. К Средней части относились дистанции от 9 до 18 и 23-25. В Западной части располагались 1-8 дистанции.

По имеющимся статистическим данным в 1845 г. в Западной части орды кочевали 23084 кибитки (104211 лошадей, 55219 верблюдов, 358454 барана, 73411 голов рогатого скота), в Средней части – 17293 кибитки (117076 лошадей, 43416 верблюдов, 561248 баранов, 23476 голов рогатого скота), в Восточной части – 18876 кибиток (78060 лошадей, 54374 верблюда, 375288 баранов, 35691 голова рогатого скота)²⁷.

В казахской степи

В целях узаконивания освоения переселенцами казахской степи 5 марта 1835 г. было принято Положение Комитета Министров «О проведении новой линии по границе Оренбургской губернии с киргизской степью»²⁸. По сути это было реализацией идеи, возникшей еще в 1822 г. Часть оренбургской границы переносилась на линию между Орском и Троицком. Образовавшееся между новой и старой линиями пространство стало называться Новолинейным районом и было предназначено для водворения казаков, переселяемых из малоудобных мест и малоземельных станиц. Новая территория охватывала площадь в 7885378 десятин (от станицы Нижнеозерной полосой вдоль границы со степью до станиц Озерной, Звериноголовской и редута Алабугского и от станиц Коельской и Кичигинской на севере до станицы Воздвиженской на юге), и простиралась от Уральского казачьего войска до границ Сибири. Здесь кочевали Кыпчакский и Джагалбайлинский казахские роды, в состав которых входило около 12 тыс. кибиток. Без всякого вознаграждения эти земли, богатые водой и пастбищами, обращались в казачьи, а всем переселенцам (в основном крестьяне из Курской губернии) было предложено записаться в казачье сословие или переселиться. Казахи также могли перейти в казачье сословие, но в виду массового процесса появления «новоиспеченных» казаков, выходцев из кочевников, это право вскоре было ограничено. Оренбургскому губернатору предписывалось предпринять все меры к тому, чтобы постепенно переселять казахов за черту новой линии²⁹. Однако казахам, проживающим в Новолинейном районе, разрешалось временно оставаться на занятых ими землях, но при условии ежегодной уплаты кибиточного налога (1,5 руб. с кибитки)³⁰. Помимо этого вводился косвенный сбор, являющийся аналогом плакатного взноса, размер платы которого обуславливался количеством земли, занимаемой кочевьями. По сути, налог взимался с населения за проживание на территории, которая была традиционным местом казахских кочевий. Но все же, необходимо отметить, что налоги, взимаемые с казахского населения, были значительно ниже, чем с переселенцев, ведущих земледельческое хозяйство.

Уже в 1835 г. по границе Новолинейного района стали создаваться укрепления Наследницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское. По новой линии была выставлена кордонная стража, для размещения которой были созданы редуты, а между ними на расстоянии 5-10 верст – пикеты. На постах были поставлены помосты для наблюдения за степью. В случае опасности на помосте зажигались шесты, обвитые соломой.

У губернских властей возникли серьезные затруднения в реализации этого Положения, так как выселить казахов из Новолинейного района, не ущемив при этом близлинейных и степных кочевников, было невозможно. Все кочевья там были давно распределены. Оренбургская пограничная комиссия беспрерывно разбирала тяжбы с кочевниками по поводу использования земель. Чиновники комиссии находились в каждом степном укреплении, разбирая спорные дела, собирая статистические данные и всемерно стараясь «посредством ласкового обхождения» сблизить казахов с поселенцами. Тем не менее джагалбайлинцы и кыпчаки начали активное сопротивление после отказа военного губернатора разрешить им выпас скота на территории между старой и новой линиями. Движение, поддержанное около 7 тыс. кибиток, возглавили Есет Кутибаров и султан Кенисары Касымов, чьи отряды совершали опустошительные набеги на казачьи поселения до 1847 г. Жителям казачьих станиц специальным распоряжением губернатора в 1845 г. запрещалось даже отлучаться из селений на полевые работы и по домашним надобностям без огнестрельного оружия.

В виду этого 12 декабря 1840 г. был принят Закон «Об Оренбургском казачьем войске», который конкретизировал права и обязанности казаков и казахов в отношении земельных угодий в Новолинейном районе. Этот документ носил более компромиссный характер. Казахские кочевники сохраняли право пользоваться дорогами для прогона скота и солевозными дорогами, а также получали доступ к меновым дворам, расположенным у г. Оренбурга и в пределах линии. Кроме того, казахам разрешалось переходить на зимнее кочевье в Новолинейном районе, а казакам запрещалось самовольно занимать сенокосы, расположенные в казахской степи как в Новолинейном районе, так и за его пределами. Сенокосение допускалось лишь с разрешения Командира отдельного Оренбургского корпуса. За казаками также закреплялось право пользоваться рыболовством из озер, находящихся в степи в залинейном районе.

Учитывая неудобство выселения казахов 28 ноября 1842 г. вице-канцлер доложил императору о данном казахам разрешении на постоянное проживание в зимнее время на землях, свободных от казачьих поселений. Казахи имели право устайвать там постоянные жилища и проводить в них всю зиму вместе со своими семействами и стадами. Летом заготавливались необходимые для зимовки запасы. Летние же кочевки могли по-прежнему располагаться только в зали-

нейном районе. Результатом доклада стало высочайшее разрешение оставить казахов в Новолинейном районе впредь до особого распоряжения³¹.

В результате, при участии войсковых и казахских представителей, были выделены земельные участки для районных казахов. Но при этом, казаки потребовали возмещения понесенных потерь, связанных с тем, что за казахами закреплялось право пользования караванными (скотопрогонными) дорогами. Учитывая это распоряжением губернатора от 3 июня 1854 г., в пользу казаков граница новой линии была перенесена в казахскую степь на 5-8 верст напротив станиц Наследницкой, Николаевской, Новоорской и поселков Кумакского, Атаманского, Мариинского и Аннинского³².

В 1845 г. внутри казахской степи были построены первые укрепления – Оренбургское (г. Тургай) и Уральское (г. Иргиз). В 1850-е годы в Новолинейном районе насчитывалось 87 населенных пунктов, в которых проживали 72 тыс. человек. Русские переселенцы составляли 52,5 % жителей района, казахи составляли 37 % населения, остальное население составляли калмыки, башкиры, ногайцы и мишари.

В 1848 г. в Оренбургское и Уральское казачьи войска было разрешено вступать башкирам, казахам и другим «азиатам»³³. От них требовались только политическая благонадежность и относительная материальная обеспеченность. В результате казахи стали массово селиться на землях между старой и новой Оренбургскими линиями, что вызвало озабоченность у царской администрации, справедливо усмотревшей в этом процессе обратную колонизацию казахами этих земель. По представлению Оренбургского и Самарского губернатора был принят указ, запрещающий массовые поселения мусульман по линии. Причисление казахов и других народов к казачьим войскам ограничено. Это стало возможным только по усмотрению генерал-губернатора и в строго индивидуальном порядке³⁴. Эти же ограничения с 1863 г. были распространены и на новокрещенные народы.

Во Внутренней орде также возникали конфликтные ситуации, связанные со злоупотреблениями властью султанов. Так, в 1852 г. губернатор Перовский вынужден был начать следствие над некоторыми султанами-родоправителями Внутренней орды. В 1855 г. волнения среди зауральских и внутренних казахов пришлось усмирять с применением военной силы. Но в 1856 г. волнения продолжились³⁵.

В 1857 г. в должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора вступил А.А. Катенин. Уже летом следующего года он вместе с

руководителем Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьевым совершил длительную поездку по казахским степям Зауралья. В ходе поездки он пообещал прощение всем участникам столкновений, если они прекратят свои набеги. Таким образом новый губернатор обозначил смену жесткой политики по отношению к кочевникам, проводимую В.А. Перовским, на более мягкую и гибкую. На некоторое время набеги прекратились. Еще одним итогом этой поездки стала отмена переездов в степи только с конвоем и установление почтового сообщения.

В 1859 г., на основании записки императору В.В. Григорьева Оренбургская пограничная комиссия была отчислена от Азиатского департамента Министерства иностранных дел и передана в Министерство внутренних дел. Прежняя казахская степь Оренбургского ведомства (Младшая орда) была переименована в «Область Оренбургских киргизов», а управляющий ею председатель Оренбургской пограничной комиссии фактически получал права губернатора на этой территории³⁶.

Стадо в казахской степи

Аналогичный процесс вытеснения казахов с занимаемых ими территорий проходил и в Уральском регионе. 24 марта 1859 г. комитетом министров было утверждено положение «О переселении кочующих на землях Уральского казачьего войска киргизов во Внутреннюю и Зауральскую орды». Казахов было предписано переселить или они могли причислиться к Уральским казакам либо в другие сословия по собственному желанию и оставаться на месте³⁷.

14 июня 1844 г. было Высочайше утверждено «Положение об управлении Оренбургскими киргизами». Первоначально положение вводилось в виде опыта сроком на пять лет. По окончании этого срока (1 сентября 1849 г.) указом Правительствующего сената от 13 декабря 1849 г. действие положения было продлено еще на один год. Пограничная комиссия подготовила проект дополнений и изменений в положение и представила его на рассмотрение Оренбургскому военному губернатору Обручеву.

Основными податями для казахов были кибиточный сбор, предложенный еще в бытность председателем пограничной комиссии Г.Ф. Генса, а также плакатный сбор. В таблице 1 приведены данные о количестве средств, полученных в результате сбора податей с казахов Оренбургского ведомства в 1837–1847 гг.

Таблица 1. Суммы кибиточного и плакатного сборов в 1837-1847 гг.³⁸

Год	Сумма кибиточного сбора (руб.)	Сумма плакатного сбора (руб.)
1837	23259	13130
1838	17044	13532
1839	19773	15942
1840	14954	17800
1841	57687	15675
1842	72500	15117
1843	90648	13982
1844	87228	15453
1845	88244	15052
1846	100931	12597
1847	91287	13821

Во избежание злоупотреблений пограничная комиссия снабжала

дистаночных и аульных начальников, осуществляющих кибиточный сбор, специальными печатными квитанциями на русском и татарском языках, которые выдавались лицам, внесшим деньги, а также шнуровыми книгами для осуществления записи этих квитанций.

В соответствии с положением был существенно снижен плакатный сбор за билеты, выдаваемые казахам, нанимающимся на работу к оседлым жителям приграничных областей – до 15 копеек в месяц³⁹. Это привело к увеличению количества отходников. Практически во всех казачьих хозяйствах имелись наемные работники из казахов. В некоторых хозяйствах на Нижнеуральской линии, особенно торгующих скотом, количество нанятых казахов превышало 100 человек⁴⁰. В 1851 г. в пределах линии работало 26740 казахов. Общая же сумма билетного сбора ежегодно составляла порядка 12-15 тысяч рублей серебром⁴¹. Штраф за просрочку билетов составлял 30 копеек в месяц. Этим же положением был подтвержден кибиточный сбор в размере 1,5 рубля. При этом от уплаты сбора освобождались должностные лица – султаны, старейшины, а также муллы.

В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 26 января 1853 г. плакатный взнос увеличился до 20 копеек с билета и выдаваемой к нему дополнительной особой контрамарки⁴².

Соляная льгота казахам в 1830 г. была продлена, но уже как временная мера. А с 1832 г., когда была полностью закончена постройка Илецкой линии, казахам стали отпускать уже только определенное количество соли⁴³. Подобное положение дел сохранялось до 1868 г., когда бесплатный отпуск соли казахам были отменены⁴⁴.

Взамен в пореформенный период были внесены существенные изменения в выплату таких косвенных налогов как гербовый, карантинный сборы, а также пошлины с привозимых товаров. По ходатайству Оренбургского и Самарского губернатора 15 февраля 1861 г. был принят закон, освободивший казахов от платежа гербовых пошлин по определенным категориям гражданских дел. В 1862 г. казахи были освобождены от употребления гербовой бумаги по всем делам, за исключением денежных исков⁴⁵. В 1865–1866 гг. были отменены пошлины и карантинный сбор как с отпускных товаров по границе, так и с основных товаров, привозимых из казахской степи на Оренбургскую линию⁴⁶.

Во второй половине XIX в. губернскими властями была предпринята попытка перевода казахов-кочевников на оседлый образ жизни.

Постепенный переход казахов к земледелию относится еще к началу XIX века. Введение хлебопашества приписывается представителю кипчакского рода Сеит-Куле (1770–1830 гг.), который положил начало развитию оседлости у казахов. Он хотел основать на Кара-Куге торговое поселение для сбыта продуктов земледелия и торгового обмена. Преждевременная смерть помешала Сеит-Куле осуществлению этого плана. Благодаря его последователям земледелие стало распространяться по р. Тургай. В своем издании 1848 г. И.Ф. Блаرامберг объяснял занятие земледелием казахов, проживающих по р. Тургай, их чрезвычайной бедностью, указывая на то, что ни один казах не станет заниматься земледелием, если у него есть хоть малейшая возможность иметь скот и кочевать⁴⁷. Тем не менее уже к середине XIX века казахи имели земледельческие хозяйства по рекам Урал, Илек, Хобда, а также по нижнему течению Иргиза, Тургая и по Сыру. При этом линейные казахи активно заимствовали образ земледелия у русских переселенцев. В окрестностях Орска, вверх по р. Орь на 30 и более верст располагались обширные казахские пашни, которые принадлежали чаще всего зажиточным казахам. Уходя на летнюю кочевку хозяева оставляли поля под присмотром байгушей (бедняков), которые ухаживали за полями и собирали урожай. Также, описывая Оренбургскую и Уральскую крепости, Бларамберг отмечал, что летом, после того как находящиеся у крепостей казахские роды откочевывали, у крепостей оставались немногочисленные бедные казахские хлебопашцы (игенчи) и рыболовы, не имеющие достаточных средств для кочевания. Жители крепостей как могли помогали им орудиями труда, в частности косами для сенокосения.

Массовый переход к оседлому и полукочевому хозяйству происходит только во второй половине XIX века. Однако неопределенность земельного устройства препятствовала развитию земледелия у казахов. В 1861 г. правительством было принято положение «О развитии между Оренбургскими киргизами оседлости и землепашества», в соответствии с которым оренбургскому губернатору разрешалось отводить казахам участки земель для занятия хлебопашеством. При этом особо подчеркивалось, что земли могут отводиться казахам не в собственность, а только в пользование⁴⁸.

Принципы и методы разграничения казачьих и казахских участков уточнялись Законом от 22 октября 1862 г. «О размежевании земель Оренбургского казачьего войска». Размежевание земель осуществлялось на основе межевых актов. В случае их отсутствия утверждалась

презумпция владения казаков (при условии того, что они действительно обладали данной землей). В случае существования документов или действительного владения за войском сохранялись и земли, находящиеся за пределами 15-верстной полосы. Под дороги для передвижения казаков к меновым дворам отводилось прежние пути прогона скота, имеющие четырехверстную полосу. Но за губернскими властями закреплялось право изменять дороги, действуя как в интересах местных жителей, так и в интересах казахского населения⁴⁹. Свободные участки сохранялись за казахами, но в силу того, что их обустройство носило стихийный характер, сохранялась неопределенность в поземельных отношениях, что негативно сказывалось на благосостоянии кочевников и выстраивании отношений с казаками⁵⁰.

В 1860–1870-е годы обстановка на пограничной линии стабилизировалась, хотя конфликты все же случались. Так, в июне 1864 г. у станции Дуванной на берегу Урала произошла драка между несколькими казаками Студеновского форпоста и группой кочевников, состоящей из 40-50 человек, в результате которой у казаков отобрали охотничьи ружья, а они в ответ ранили косами двух казахских лошадей⁵¹. Отряды казаков регулярно направлялись в казахскую степь для поимки преступников и наведения порядка. В 1871 г., например, на Орско-Казалинском тракте казахи регулярно грабили торговые караваны. Посланные две сотни казаков не могли справиться с поставленной задачей и только после усиления отряда шайка грабителей была уничтожена.

В конце 1860-х гг. до 3-х рублей была повышена кибиточная подать с Оренбургских киргизов. В 1891 г. этот платеж увеличился до 4-х рублей⁵².

Очередная попытка решения вопроса казахского землепользования в Новолинейном районе была предпринята уже в пореформенное время. 4 ноября 1868 г. территория Области оренбургских казахов была разделена на Тургайскую и Уральскую области. Каждая из областей делилась на уезды, волости и аулы в их составе. Введение нового административного управления вызвало в степи бунт, который был подавлен военной силой в 1869 г.

Часть земель Уральской области принадлежала Уральскому казачьему войску (70640 км²), другая часть была предоставлена в общественное пользование казахов (253000 км²).

В состав Тургайской области вошли вся средняя и восточная части бывшей области Оренбургских киргизов. Во главе областного прав-

ления Тургайской области стоял оренбургский военный губернатор. Общая площадь Тургайской области составляла около 400 – 420 тыс. квадратных верст. В 1869 г. в Тургайской области насчитывалось 56467 казахских кибиток. При принятой системе подсчетов на каждую кибитку приходилось 5 человек. Следовательно общее количество казахов в пределах области составляло порядка 282335 человек. В Илецком уезде насчитывалось 13212 кибиток (66060 чел.), в Николаевском уезде – 17495 кибиток (87475 чел.), в Тургайском уезде – 11597 кибиток (57985 чел.), в Иргизском уезде – 14163 кибитки (70815 чел.)⁵³.

Временным положением об управлении степным краем 1869 г. а позже и статьей 119 Степного уложения 1891 г., был законодательно закреплён принцип государственной собственности на казахские земли, которые предоставлялись казахам в бессрочное пользование. Субъектом права на угодья признавались общинные группы. В зависимости от количества скота и размера хозяйства эти земли подлежали распределению на аульных сходах между кибитковладельцами. Усадьбы, сады, возделанные пашни и арыки могли переходить по наследству⁵⁴. Характер землепользования казахских земель отличался в зависимости от того относились ли они к зимним стойбищам или к летовкам. Последние распределялись согласуясь исключительно с местными обычаями. Зимние стойбища были четко распределены по общественным приговорам между аулами и отдельными домохозяевами.

Неопределенность земельного устройства казахов, препятствующая развитию земледелия, побудила губернские власти в конце 1878 г. выйти с инициативой создания межевой части при управлении Тургайской областью. Частые падежи скота, вызванные нестабильными и суровыми погодными условиями, а также влияние соседства с русскими поселениями, привели к тому, что оседлый быт постепенно прививался у казахов, проживавших в северных и северо-восточных уездах Тургайской области. Так, в Илецком уезде преобладало полукочевое хозяйство. Здесь образовывались постоянные поселения (аулы), в которых строились как землянки, так и деревянные дома, ничем не уступающие домам в русских селениях. Все домохозяйства занимались земледелием. Летние кочевки располагались недалеко от постоянных селений. В Николаевском уезде казахи занимались земледелием преимущественно в трех волостях, расположенных в районе Новолинейного района.

Высочайшим указом от 23 мая 1878 г. казахам, кочевавшим в пределах Новолинейного района, отводилось 999003 десятин земли. Это при том, что фактически территория казахского землепользования в районе была более чем в 2 раза больше – 2049882,8 десятин (24,2 % войскового земельного фонда). Отвод земель под зимовки и кочевки был завершен только в 1898 г. При этом, казаки в течение 10 лет ежегодно получали компенсацию в размере 2 000 рублей.

В 1879-1880 гг. в Тургайской области случился джунт, в результате которого погибло 42% скота. Если до джунта на одну кибитку приходилось более 50 голов, то к 1881 г. осталось только 27 голов⁵⁵. В результате в 1880-е годы в казахских хозяйствах стало более активно развиваться земледелие. В основном казахские хозяйства были небольшими, засевалось всего 1-2 десятины для собственного потребления. И только в редких богатых хозяйствах засеивались иногда сотни десятин земли. В Тургайской области земледелие значительно сильнее было развито в северных уездах – Илецком (с 1891 г., после переноса центра уезда из Илецкой Защиты в укрепление Ак-тюбе – в Актюбинском уезде) и Николаевском (в 1895 г. переименован в Кустанайский). Точная статистика количества возделываемой казахами земли не велась, но основываясь на данных о расходе при севе пшеницы, овса и проса на одну десятину земли, можно сделать вывод о том, что в 1880 г. в Илецком уезде площадь посева у казахов составляла порядка 15,9 тыс. десятин, в Николаевском – 4,7 тыс. десятин. В Тургайском и Иргизском уездах, в которых было гораздо меньше удобных земель, площадь посевов составляла всего 437 и 172 десятины соответственно⁵⁶. В 1881 г. площади посевов в Тургайской области значительно увеличились, составив в Илецком уезде 22916 десятин, в Николаевском – 9362 десятины, в Тургайском – 1134 десятины, в Иргизском – 824 десятины⁵⁷. Таким образом, только за один год прирост площадей посевов составил порядка 13 тыс. десятин.

В 1900 г. в Актюбинском уезде было собрано 2676,0 тыс. пудов пшеницы, в Кустанайском – 1310,3 тыс. пудов, в Тургайском – всего 37,5 тыс. пудов а в Иргизском и того меньше – 8 тыс. пудов. При этом Кустанайский уезд являлся основным местом выращивания проса. В 1900 г. там его было собрано 4837,7 тыс. пудов (в Актюбинском уезде – 264 тыс., в Тургайском – 75,6 тыс., в Иргизском – 88,0 тыс. пудов)⁵⁸.

Обилие свободных земель приводило к тому, что казахские земледельцы не сильно заботились о сохранности земли. Для распашки выбирались самые лучшие участки степи и после двух-трех посевов и

истощения почвы участки забрасывались и подыскивались новые. Впрочем, так же вели свое хозяйство и переселенцы.

Самой распространенной культурой было просо, дававшее в урожайные годы от 70 до 150 пудов с десятины. Также засевалась яровая пшеница, урожай которой в среднем составлял 50-70 пудов с десятины. В урожайные же годы, например в 1889 г. и в 1892 г., казахи Николаевского уезда собирали от 200 до 300 пудов пшеницы (сам 43). Гораздо меньше в казахских хозяйствах использовался овес и ячмень. Посевная начиналась в апреле-мае, а уборка осуществлялась во второй половине июля – начале августа. При этом огородничеством казахи практически не занимались. Слабое развитие огородничество получило только в Николаевском и Илецком (позднее Актюбинском) уездах.

Постепенный переход казахов к оседлости диктовал необходимость осуществления заготовки на зимний период сена. Сенокос в основном шел на заливных лугах. Позднее стали осваиваться и ковыльные степи. По берегам рек и озер собирался камыш. Сенокос начинали обычно после уборки урожая – в июле-августе. У городов (Оренбург, Орск, Троицк, Кустанай), где имелся достаточно большой рынок сбыта сена, заготовки могли начинаться еще в мае. Сено и солома складывались при зимовках в копны и скирды, так же как и в хозяйствах переселенцев.

Со временем в быт входили и новые технологии. В 1890 г. Тургайским областным правлением на остатки средств от земельного сбора была приобретена сенокосилка, которая была передана буртинскому волостному управлению для ознакомления казахов с усовершенствованными приемами сбора сена. К началу 1893 г. казахи этой волости имели уже 30 сенкосилок. В других волостях также переняли новый опыт. Так, у казахов Сарайской волости соседнего Николаевского уезда имелось в собственности 12 сенокосилок, а в Дамбарской, Суундукской и Бистюбинской волостях – по одной. На средства, отпущенные Особым комитетом под председательством наследника цесаревича Николая Александровича в 1893 г. для раздачи казахам были приобретены еще 43 сенокосилки⁵⁹.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в пределах Оренбургской губернии проживал 4971 казах, в том числе 3220 мужчин и 1751 женщина. Таким образом, казахи составляли всего 0,31 % от численности населения губернии (1600145 чел.). Они размещались: в Троицком уезде – 2229 чел. (1292 муж., 937 жен.), Челябинском уезде – 1031 (625 муж., 406 жен.), Оренбургском

Табуны в казахской степи, застигнутый пургой

уезде – 933 (722 муж., 211 жен.), Орском уезде – 413 (350 муж., 163 жен.), Верхнеуральском уезде – 365 (231 муж., 134 жен.). В городах губернии проживали 1040 казахов (808 мужчин и 232 женщины): в г. Троицке – 411 чел. (276 муж., 135 жен.), в г. Оренбурге – 385 чел. (322 муж., 63 жен.), в г. Илецкой защите Оренбургского уезда – 60 чел. (45 муж., 15 жен.), в г. Верхнеуральске – 33 (32 муж., 1 жен.), в г. Орске – 139 (121 муж., 18 жен.), в г. Челябинске Челябинского уезда – 12 мужчин. Оренбургские казахи демонстрировали достаточно высокий по сравнению со средним показателем по империи (2,70%) уровень грамотности – 8,99 %.

В Тургайской области казахи составляли 90,6 % населения (русские – 6,7 %, украинцы – 1,0 %). В Тургайском уезде казахи составляли 99,1 % населения, в Иргизском – 98,4 %, в Актюбинском – 95,1 % и только в Кустанайском уезде казахское население было не так значительно – 77,4 % (русские – 16,9 %, украинцы – 2,3 %, мордва – 1,3 %, татары – 1,1 %). Доля грамотных с родным казахским языком в Тургайской области составляла 3,1 % (5,6 % у мужчин и 0,4 % у женщин)⁶⁰.

В Уральской области казахи составляли 71,3 % населения (русские – 24,9 %, татары – 2,8 %). В Темирском уезде казахи составляли 99,0

% населения, в Калмыковском – 85,0%, в Гурьевском – 81,7 %, в Уральском уезде – 51,4 % (русские – 42,3 %, татары – 4,9 %).

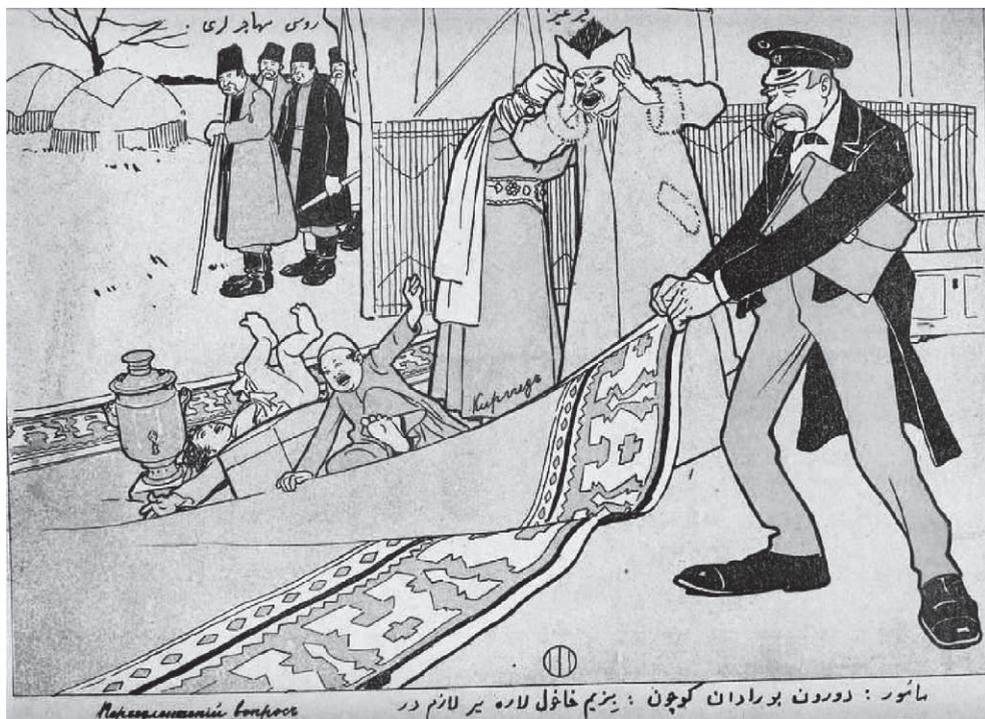
В начале XX века вопрос казахского и казачьего землевладения стал предметом острой дискуссии. Усилившееся переселенческое движение привело к сокращению войскового земельного запаса и средней величины казачьего надела. Депутат Государственной думы от Оренбургской губернии А.С. Шеметов при обсуждении сметы Главного управления казачьих войск предложил наделить оренбургских казаков, проживавших на территории Новолинейного района, за счет излишков земли у казахов. Соответствующий законопроект был внесен казачьими депутатами Государственной думы 2 марта 1911 г. В губернской прессе развернулся ожесточенный спор, в ходе которого высказывались мнения, как в поддержку законопроекта, так и против него⁶¹.

Депутат Государственной думы от Оренбургской губернии, представляющий трудовиков Т.И. Седелников выступал за приостановление переселенческого движения и скорейшее землеустройство казахского населения по такой норме, которая позволила бы ведение рационального и выгодного хозяйства в соответствии с природными

Прибытие Государя Наследника Цесаревича на казахский праздник в Уральске

условиями края. Сидельников хорошо знал эту проблему. Он проработал почти семь лет в качестве землемера в специальной землеустроительной экспедиции и еще два года служил статистиком по исследованию казахской степи. Это позволило хорошо изучить местный быт и понять своеобразие хозяйственного уклада казахов. Подчеркивая зависимость форм хозяйствования от климатических условий края Сидельников выделял отдельные хозяйственные подтипы: скотоводческий кочевой, скотоводческо-земледельческий, земледельческий и земледельческо-промысловый. Исходя из этого он предлагал землеустроить казахские хозяйства и только после этого, при наличии свободных земель, организовывать переселенческие участки. Осенью 1905 г. Сидельников выступил в Оренбурге с публичным докладом на тему «Борьба за землю в киргизской степи и колонизационная политика правительства». Дополненные материалы доклада позже были опубликованы в книге «Борьба за землю в киргизской степи»⁶², где рассматривая историю казахского землевладения, Сидельников указывал на отсутствие земельных излишков у казахов и незаконность их изъятия.

Переселенческий вопрос. Рисунок из журнала «Молла Насреддин», 1909 г., № 8.

В 1917 г., когда проводилась Всероссийская перепись населения и домовладений в Актюбинском уезде Тургайской области, в состав Актюбинского уезда Тургайской области входили три кочевых и четыре оседлые волости, которые в настоящее время входят в состав Беляевского района Оренбургской области. В состав 1-й Буртинской волости, с центром в ауле Кумак, входило одиннадцать аулов, в каждом из которых было по несколько поселений. Это аулы №1 (Уш-Агаш, состоящий из 158 кибитковладений), №2 (Караванный – 125), №3 (Кумак – 210), №4 (Кукинский – 138), №5 (Битсуйский – 185), №6 (Избасаровский – 136), №7 (Кара-Агаш – 120), №8 (Джумабай – 126 (позднее с. Старицкое), №9 (Мендыбаевский – 177), №10 (Сабыр – 125), №11 (Кондыбай – 125)⁶³.

Во 2-й Буртинской кочевой волости располагалось 10 аулов: №1 (Нуркан – 256 кибитковладений), №2 (Мечетный – 250), №3 (Жумагали – 242 (позднее с. Жанаталап), №4 (Байчиганакский – 155), №5 (Сатыбай – 106), №6 (Дарыталдинский – 91, (с 1928 г. пос. Буртинский), №7 (Карагачтинский – 126 (с 1954 г. – п. Карагач), №8 (Са-ракамышский – 140), №9 (Бурта – 147), №10 Джулмуха – 240)⁶⁴.

Отличием Буртинской кочевой волости являлось то, что по данным переписи казахи проживали в поселках, входящих в составы аулов и имели от 1 до 7 наделов земли на семью. Всего аулов было 10: №1 (пос. Танасовский – 118 домовладельцев), №2 (п. Тазовский – 139, п. Бюринский – 164 и поселок название которого не было указано – 303), №3 (п. Нурумбетовский – 106), №4 (п. Кучукбаевский – 102 кибитковладения без указания наличия наделов, п. Курачинский – 49, п. Исентаевский – 42, п. Танрберлинский – 72, п. Тарангул – 265 кибитковладений и 3 промышленных участка, принадлежащих русским переселенцам, в том числе участок нефтяного промысла фирмы «Нобель», а также поселение без названия – 228 домохозяйств с наделами), №5 (п. Ак-Унгурский – 54 домохозяйства, п. Кара-Унгурский – 59, п. Кызыл-Сайский – 57 (на месте поселка в 1955 г. основан п. Хлеборобный), №6 (п. Кокинский – 27, п. Сегизбаевский – 87, п. Касымтасовский – 45), №7 (п. Исмагуловский – 105, п. Кадыровский – 81, поселение без названия – 186 домохозяйств с наделами), №8 (п. Жусинский – 47, п. Тарангульский – 66, поселение без названия – 109 домохозяйств с наделами), №9 (п. Синтасовский – 101), №10 (п. Кенечесовский – 88 домовладений и п. Казенная ферма, заселенная русскими переселенцами – 92 домовладения)⁶⁵.

К оседлым волостям с преобладающим русским и украинским населением относились Беляевская, Николаевская Ключевская и Крюч-

ковская волости, хотя в состав последней входил аул № 5 (Бикеновский), состоящий из 41 кибитковладения.

В состав Илекской волости Актюбинского уезда (совр. Илекский район Оренбургской области) входили 6 аулов: № 1 (209 кибитковладений), № 2 (380), № 3 (298), № 4 (290), № 5 (225), № 6 (116)⁶⁶.

Первые десятилетия советской власти характеризуются интенсивными миграционными потоками казахского населения на территорию Оренбургской губернии. Переселенческое движение казахов было обусловлено объективными социально-экономическими и политическими процессами: трудностями гражданской войны, голодом начала 20-х и 30-х годов, процессами коллективизации. Казахское население, традиционно ведущее полукочевой образ жизни, плохо переносило тяготы и лишения голодных лет и было вынуждено мигрировать на север, в районы, в которых располагались более крепкие селения крестьян-переселенцев.

Уже в годы гражданской войны для местных властей на первый план вышла проблема оказания немедленной социальной и экономической помощи пострадавшему населению. При этом национально-бытовые особенности различных этнических групп населения диктовали необходимость учета определенной национальной специфики при реализации комплекса социальных мероприятий.

Целям реализации социальной политики среди национальных меньшинств служило создание при органах, ответственных за проведение национальной политики, специальных структур, проводящих социальную работу. В марте 1918 г. при Оренбургском губернском комиссариате по мусульманским делам был образован отдел призрения, который осуществлял меры по трудоустройству безработных мусульман, налаживанию системы социального обеспечения и страхования. Под его руководством были созданы богадельни и приюты для беспризорных детей, открывались столовые для голодающих.

Весной 1918 г., с образованием при Оренбургском губисполкоме отдела по национальным делам, часть его полномочий в области проведения социальной политики была передана отделу социального обеспечения, при котором 15 февраля 1919 г. была организована специальная мусульманская секция. На ее попечение от комитета по оказанию помощи беженцам перешла богадельня для беженцев-мусульман, в которой к моменту передачи содержалось 104 человека. В задачи мусульманской секции входило обеспечение беженцев и нуждающихся продовольствием, одеждой, бельем и обувью. Над беженцами, мно-

гие из которых страдали от тифа «вследствие неопрятности и материальных недостатков»⁶⁷, был установлен строгий санитарный надзор. Кроме того, в планы секции входило создание в Оренбурге, в помещении бывшего дома купца Хусаинова (Госпитальная площадь) богадельни для «взрослых мусульман» на 500 человек и приюта для детей на 200 мест.

Сложность ситуации в области социального обеспечения казахских беженцев усугублялась прибытием все новых и новых групп голодных беженцев. Местным властям приходилось принимать экстренные меры для их обустройства и обеспечения самым необходимым.

В ноябре 1920 г. отдел помощи пострадавшим от контрреволюции Оренбургского губсовета дал указание всем районным и уездным отделам социального обеспечения обследовать материальное состояние и степень нуждаемости казахских беженцев и принять необходимые меры по оказанию им помощи⁶⁸. С 1 января 1920 г. под опеку Оренбургского губернского отдела социального обеспечения от губплембежа было передано 432 беженца, из них 342 «империалистических» и 90 казахов. Для них создавались специальные питательные пункты. Так, в Оренбурге в 1920 г. была открыта кухня для казахских беженцев.

В первые годы после революции в казахской части Оренбургской губернии никаких переделов земли не было, если не считать того, что казахское население стремилось удержать за собою земли оброчных статей, а переселенцы, в свою очередь, – арендованные ими у казахов земли.

На заседании СНК РСФСР 12 июня 1919 г. обсуждался внесенный Наркомнацем проект постановления об образовании комиссии для разработки Положения о временном управлении Киргизским краем. Наркомнацу было поручено образовать из представителей казахского народа, находящихся в Москве, специальную комиссию по выработке Положения. 10 июля 1919 г. на заседании СНК было утверждено Временное положение «О революционном комитете по управлению Киргизским краем». Предусматривая отдельную юрисдикцию для русского и казахского населения, этот декрет не имел целью полного разрешения аграрного вопроса в интересах казахского населения. До окончательного урегулирования данного вопроса устанавливался принцип неизменности существующего положения. Не отбирая у русских переселенцев земли, уже находящиеся в их пользовании, декрет запрещал какие-либо дальнейшие поселения на казахской территории⁶⁹.

7 июля 1920 г. Оренбургский губисполком утвердил проект постановления Кирревкома и губисполкома о слиянии Оренбургской и Тургайской губернии в одну. Несколько позже, 26 августа 1920 г., декретом ВЦИК и СНК была образована Киргизская АССР. Дополнение к декрету от 22 октября 1920 г. предусматривало включение Оренбургско-Тургайской губернии в состав Киргизской республики. Оренбург стал ее столицей.

Вопросам землеустройства, в русле деятельности по обеспечению юридического и фактического равноправия казахского населения республики в социально-экономической сфере, уделялось большое внимание. 17 ноября 1920 г. СНК КАССР был принят декрет, подтверждающий все предыдущие положения о приостановлении крестьянской колонизации. Однако осуществление принципов реального равноправия казахского населения виделось, прежде всего, в мероприятиях, направленных на справедливое земельное обустройство кочевого и полукочевого населения. И.В.Сталин, выступая с докладом об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б), в связи с этим отмечал необходимость «...спасти от вымирания киргиз, башкир... обеспечить им необходимые земли за счет кулаков-колонизаторов»⁷⁰. В резолюции этого съезда среди очередных задач партии выделялась необходимость перехода «туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким, от кочевого образа жизни к земледелию»⁷¹.

В развитие этих положений последовали декреты КЦИК от 7 февраля 1921 г. о возврате трудовому казахскому населению свободных участков в Семипалатинской, Акмалинской, Тургайской и Уральской губерниях, и от 19 апреля 1921 г. о возврате казахскому населению земель, отчужденных царским правительством в собственность Сибирского и Уральского казачьих войск.

Между тем осуществление в полной мере декларируемого передела обрабатываемых участков земли с целью водворения на них казахских кочевников могло привести к упадку сельскохозяйственного производства, его культуры, что не только не способствовало бы выравниванию экономического положения казахского населения, но и нанесло бы ощутимый вред экономике республики.

Целям развития культурного землепользования служил принятый в апреле 1922 г. СНК КАССР декрет «О массовом распространении среди населения сельскохозяйственных знаний и улучшенных приемов ведения сельского хозяйства», подтверждающий основные положения

аналогичного декрета СНК РСФСР от 22 августа 1921 г. В течение зимы 1922 г. планировалось создание сети кратковременных одномесячных курсов по сельскому хозяйству, на которых должно было обучаться и скотоводческое население республики⁷². Отсутствие педагогических кадров и учебных пособий на казахском языке создавало трудности в открытии школ профессиональной подготовки для казахского населения. Вместе с тем, понимая важность развития профтехнического образования среди отсталого кочевого населения, губернские власти учредили специальные стипендии для казахов, поступающих и обучающихся во всех русских профессиональных учебных заведениях, в том числе и сельскохозяйственной направленности. При этом количество стипендий в педагогических и сельскохозяйственных школах охватывало более 50% общего числа учащихся-казахов, в других – не менее 10%. И лишь в случае не использования стипендий казахскими учащимися, стипендии могли быть предоставлены беднейшим русским⁷³.

22 мая 1922 г. ВЦИК принял Закон «О трудовом землепользовании». Однако разноукладность хозяйственного развития различных территорий, наличие особых местных условий, связанных со спецификой географического положения и исторического развития, диктовали необходимость дифференцированного подхода к вопросу о землепользовании. В связи с этим 20 июля 1922 г. последовало Постановление Президиума ВЦИК «О порядке введения в действие в автономных, дружественных и договорных республиках РСФСР основного закона о трудовом землепользовании и дополнительного к нему закона о порядке рассмотрения земельных споров». Во исполнение этого постановления исполкомы и совнаркомы вышеозначенных республик должны были в шестинедельный срок разработать проекты необходимых применительно к местным условиям видоизменений основного закона о трудовом землепользовании, а также переходных и дополнительных к нему постановлений, и представить таковые со всеми относящимися к ним материалами, объяснительными и докладными записками в Федеральный комитет по земельному делу при Президиуме ВЦИК⁷⁴.

Уже 13 июля 1922 г. на 3-й сессии КЦИК 11-го созыва были выработаны и утверждены для представления в Центр некоторые изменения и дополнения, отвечающие местным особенностям быта и поземельного устройства населения КССР⁷⁵.

Все дополнения касались, прежде всего, кочевого казахского населения, поземельное устройство которого должно было, по мнению

руководителей республики, проводиться путем наделения их земель по специально разработанным Наркомземом КССР скотоводческим и скотоводческо-земледельческим нормам, в силу чего в основной закон должно было быть введено дополнительное положение о сплошном землеустройстве казахского населения. Во избежание внесения беспорядка в землеустройство коренного населения и обезземеливания его впредь, предлагалось подтвердить все предыдущие постановления о запрете общей и частичной колонизации Киргизской республики пришлым населением.

Предложения по изменению Закона «О трудовом землепользовании», выработанные КЦИК, были в срочном порядке рассмотрены в Федеральном комитете по земельному делу. Уже 26 августа 1922 г. Постановлением Президиума ВЦИК был одобрен Закон «О трудовом землепользовании в Киргизской АССР», с учетом некоторых дополнений, предложенных КЦИКом⁷⁶.

Однако как самостоятельный этот закон просуществовал недолго. 30 октября 1922 г. был официально одобрен ВЦИК Земельный кодекс РСФСР и введен в действие с 1 декабря того же года. Закон «О трудовом землепользовании» стал его составной частью. Вместе с тем Кодекс не подлежал немедленному распространению на всей территории республики. В ноябре 1922 г. на IV сессии ВЦИК (IX созыва) было принято постановление, в статье 3 которого указывалось на необходимость адаптации закона к особым условиям, сложившимся в области земельных отношений в национальных образованиях.

В этой связи декретом ВЦИК «О порядке введения в действие в автономных республиках и областях РСФСР Земельного кодекса» от 18 января 1923 г. устанавливался предельный срок (1 февраля 1923 г.) предоставления автономными республиками и областями в Федеральный комитет по земельному делу проектов необходимых по местным особым условиям изменений Земельного кодекса. Рассмотрение представленных прежде проектов видоизменений Закона «О трудовом землепользовании» приостанавливалось, а Федеральному комитету было поручено рассмотреть уже поступившие проекты одновременно с рассмотрением проектов изменений Земельного кодекса⁷⁷.

В результате рассмотрения всех поступивших проектов изменений последовал декрет ВЦИК от 29 марта 1923 г. «Об изменениях Земельного кодекса РСФСР для автономных социалистических советских республик и автономных областей», в содержании которого имелись

положения изменений, одинаковые как для всех автономных республик, так и для каждой национальной автономии в отдельности.

Так, для всех республик, имеющих скотоводческое население, в статьи, определяющие характер землепользования, вводился дополнительный вид – «скотоводство», а способы пользования хозяйственными угодьями дополнялись кочевым и полукочевым.

Статья 6 Земельного кодекса для всех национальных автономных образований дополнялась примечанием, определяющим, что «при установлении очередностей наделения землей различных землепользователей при прочих равных экономических условиях устраиваемых групп населения, в первую очередь наделяется туземное трудовое население»⁷⁸.

Особенности землепользования в Киргизской АССР, в состав которой с 1920 г. входила и Оренбургская губерния, также обусловили принятие ряда положений, дополняющих общие правила, изложенные в Земельном кодексе. Так, в соответствии с примечанием к статье 170 Земельного кодекса в пределах Киргизской АССР количество земли, отводимое в порядке землеустройства в трудовое пользование кочевого и полуседлого населения, определялось особыми нормами, устанавливаемыми для отдельных районов республиканским комиссариатом земледелия, в зависимости от условий и степени перехода населения от чисто-кочевого к полукочевому и оседло-земледельческому быту.

Во всех автономных образованиях Закон вводился в действие с 15 апреля 1923 г. Со дня его введения отменялись все изданные до этого местные законодательные акты и административные распоряжения по вопросам землепользования и землеустройства, противоречащие положениям Земельного кодекса РСФСР.

Непосредственно же вопросы землеустройства кочевого населения Оренбургской губернии, в соответствии со статьями 142 и 168 и примечаниями к статьям 141, 168, 170 и 194 Земельного кодекса КАССР, были регламентированы Постановлением ВЦИК от 17 апреля 1924 г. «О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Киргизской АССР»⁷⁹, которое подлежало распространению как среди органов управления, так и среди самого населения на русском и казахском языках⁸⁰.

Землеустройство кочевого и полукочевого населения, в соответствии со статьями 50 и 51, должно было производиться за счет общегосударственных средств, но землеустраиваемое население обязыва-

лось за свой счет предоставлять необходимое каждому технику-землеустроителю количество помощников, подвод с проводниками, предоставлять за свой счет необходимые для закрепления межевых знаков материалы, а также предоставлять техникам на время работ помещения для жилья.

В целях ускорения проведения землеустроительных работ допускалось их проведение и вне установленной планом очередности – по инициативе самого казахского населения. В этом случае работы выполнялись полностью за счет самого землеустраиваемого населения. Для более организованного и целесообразного осуществления кочевым населением его прав и обязанностей при землеустройстве созывались специальные земельные съезды из представителей этого населения по волостям, районам, уездам, губерниям и всей Киргизской АССР.

Проведение землеустроительных мероприятий зачастую было связано с немалыми трудностями. Экономическое положение кочевого населения, в сравнении с русскими поселениями, экономически более мощными и сравнительно легче перенесшими трудности голодных лет, было крайне невыгодным. Русские переселенцы в свое время занимали самые удобные для ведения сельского хозяйства земли, и кочевники, имея «очень сильное стремление к оседлости, - как отмечал член КЦИК и Оренгубисполкома Нурман Джакиев, - и весьма сильную жажду заниматься хлебопашеством и огородничеством»⁸¹, оседали с трудом. Такое положение неизбежно вызывало частые конфликты из-за фактического землепользования. К тому же, несмотря на неоднократные обращения Кирнаркомзема к населению о недопустимости неорганизованного самовольного переселения на территорию Киргизской АССР и внутри нее, переселение, хоть и в незначительном количестве, все же продолжалось.

Анализируя причины самовольного переселения, отдел землеустройства при Оренбургском исполкоме, кроме земельного неустройства и иных причин естественно-экономического характера, отмечал, что переселение зачастую происходило из-за недоразумений между пришлым и казахским населением на почве потрав, угона скота и других конфликтов в сфере землепользования⁸². Имело место и движение переселенцев извне. Главный контингент таких переселенцев составляли голбеженцы, осевшие в пределах Оренбургской губернии при возвращении на родину после ликвидации последствий голодных лет. Наплыв переселенцев относился преимущественно к 1922 г. и

весне 1923 г. Мероприятиями Наркомзема КАССР их оседание было ликвидировано путем частичного устройства осевших переселенцев в пределах губерний республики, а преимущественно – путем дальнейшего продвижения голбеженцев к местам их выхода.

Однако по обустройству уже находящихся на территории губернии казахов требовалось принятие самых неотложных мер. Этот вопрос поднимался на заседании президиума Оренбургского губернского экономического совещания 30 января 1924 г., на котором было решено поместить прибывших из других губерний «бесприютных киргиз» (около 35 семей) в ночлежный дом⁸³.

В целях прекращения все же наблюдавшихся случаев переселения извне в пределы Киргизской АССР, а также самовольного переселения из одной губернии в другую, КЦИК и СНК КАССР, в дополнение к прежде изданным распоряжениям, 11 апреля 1924 г. приняли особое постановление о запрещении переселения извне и самовольного переселения внутри республики и о мероприятиях в отношении уже самовольно переселившихся граждан. Согласно указанному постановлению, самовольно переселившиеся извне в КАССР после 31 августа 1922 г. земельному устройству не подлежали и должны были быть выдворены из пределов Кирреспублики, или же допущены только к платному использованию свободных участков госземимущества.

Несмотря на запретительные меры, за 1924–1925 гг. в Оренбургскую губернию, по сведениям уездных земорганов, самовольно переселилось 1261 человек (216 дворов). По месту выхода они распределялись следующим образом: из Казахской АССР – 1179 человек (202 двора), из Башкирии – 4 человека (1 двор), из губерний РСФСР – 23 человека (4 двора), и из Украинской ССР – 55 человек (4 двора)⁸⁴. Таким образом, основной контингент самовольно переселившихся (94%) составляли выходцы из губерний КАССР, а поскольку Оренбургская губерния до 15 июля 1925 г. входила в состав этой республики, то переселение следует рассматривать как внутреннее. Переселялись в Оренбургскую губернию в основном жители смежных с ней губерний, а само переселение объяснялось их вполне понятным желанием занять лучшие земли, как отошедшей к Оренбургской губернии территории казахского землепользования, так и земли территории землепользования бывшего Оренбургского казачьего войска. С выделением Оренбургской губернии из состава КАССР самовольное переселение значительно сократилось, главным образом ввиду решительных мер Оренбургских земорганов, рассматривающих теперь пе-

реселение из соседней республики как переселение извне.

В целом же мероприятия по землеустройству казахского населения в Оренбургской губернии давали свои положительные результаты. Так, в 1925 г. из общего количества в 1635 землеустроенных дворов 954 двора были казахскими⁸⁵. Причем земельная обеспеченность на душу населения, по имеющимся статистическим данным, у казахского населения была по-прежнему несколько выше, чем у переселенцев. Если в 1917 г. среднее количество удобной земли у казахского населения составляло 17,4 десятин, а у переселенцев – 6,6 десятин, то к 1922 г. эта разница даже несколько увеличилась и составила, соответственно, 22,6 десятин у казахов и всего 10,6 десятин у переселенцев. Указанный дисбаланс, при общем увеличении размеров земельной обеспеченности, сохранился и к 1927 г. (См. Таблица 2).

Таблица 2. Показатели земельной обеспеченности казахского и переселенческого населения в части казахского землепользования Оренбургской губернии в 1927 г.)⁸⁶

Части земель казахского землепользования	Земледельческое население		Общий размер земель трудового пользования (десятин)	Размер земельной обеспеченности (количество десятин на одного едока)	
	количество дворов	количество едоков		в среднем	колебание
Казахское население	4121	15580	452880	23,4	8,0-136,9
Переселенческое население	3155	17590	285082	12,9	0,9-54,1

К 1927 г. В Оренбургской губернии насчитывалось 69 национальных сельсоветов, из них 21 казахский (при численности казахского населения в сельской местности по данным за 1923 г. 19756 человек). Только в Буртинском районе (ныне большей частью Беляевский район) к 1925 г. было образовано 12 казахских аульных советов (№ 1 Исбасаровский; № 2 Дарыгалдинский; № 3 Нижне-Битсуйский; № 4 Кукинский; № 5 Кумак; № 6 Буранчи; № 7 Байгиганакский; № 8 Кы-

зыл-Жар; № 9 Мечетный; № 10 Саракамыш; № 11 Чуриновский; № 12 Марзагуловский).

В конце 1920-х годов в казахских поселениях постепенно развивалось колхозное и совхозное строительство. В 1928 г. в Буртинском районе на базе аула Бурланчинский был образован совхоз «Приуральный», аул Кзыл-Жар был преобразован в колхоз «им. Калинина» колхоз, в ауле Кумак создана сельхозартель «Игинчи» («Урожайный»), в ауле № 7 – сельхозартель «Коммунар», в ауле Жумагали вначале была создана сельхозартель, а потом был создан колхоз «Жанаталап» («Новый путь»).

В таблице 3 приведены данные о казахских аулах, расположенных в Буртинском, Орском и Каширинском районах в 1931 г.

Таблица 3. Казахские населенные пункты, расположенные на территории Буртинского, Орского и Каширинского районов (по данным на 1931 г.)⁸⁷

Сельсовет	Аул/поселение	Численность хозяйств	Число жителей	Преобладающее население
Буртинский район				
Аулсовет № 4	а. Кукинский	120	597	украинцы/казахи
	а. Жамбулатовский	88	345	казахи
	а. Конецкий	40	158	казахи
Аулсовет № 5	а. Бекеновский	40	155	казахи
	а. Задгиреевский	75	279	казахи
	а. Кумак	70	269	казахи
Аулсовет № 7	а. Байгинанакский	160	500	казахи
	а. Байбулкинский	75	332	казахи
Аулсовет № 9	а. Каргалинский	62	273	казахи
	а. Мечетный	132	559	казахи
	а. Сара-Узек	28	128	казахи
Аулсовет № 10	а. Курмановский	97	337	казахи
	а. Саракамышский	78	305	казахи
Буртинский	а. Буранчи	122	444	казахи
	а. Дарыталдинский	188	799	казахи/русские
	а. Исбасаровский	162	647	казахи/русские

Мендебаевский	а. Кикенский	4	19	казахи
		60	208	казахи
Жанаталапский	а. Бурланчинский	63	284	казахи
	а. Шамагалиевский	81	368	казахи
	а. Чуриновский	80	385	казахи
Ключевский	п. Блюментальский	35	185	казахи
	п. Старицкий	48	251	казахи
	Огр. участок 211	17	116	казахи
Пролетарский	а. Ибрагимовский	75	307	казахи
	п. Марзагуловский	92	361	казахи
Рождественнский Федоровский	п. Караванный	40	229	русские/ казахи
	п. Андреевский	17	89	казахи
	п. Александровский	21	124	казахи
	п. Ново-Семеновский	16	76	казахи
	п. Ново-Троицкий	16	76	казахи
	п. Федоровка	44	218	казахи
Яикский	а. Верхне-Битсуйский	99	327	казахи
	а. Нижне-Битсуйский	130	625	казахи
Орский район				
Аулсовет № 1	а. Мечеть	27	88	казахи
	а. Таубай	14	46	казахи
Аулсовет № 3	а. Тастбутақ	47	178	казахи
	а. Алтановский	9	31	казахи
	а. Актаровский	37	157	казахи
	а. Бултаевский	15	48	казахи
	а. Балынский	17	56	казахи
	а. Бас-Койа	14	63	казахи
	а. Верхне-Баузда	21	121	казахи
	а. Тулгубаевский	41	143	казахи
	а. Танбековский	20	46	казахи
	а. Инсергутелский	22	76	казахи
	а. Исергунгильский	5	219	казахи
	а. Киекбаевский	17	55	казахи
а. Мулдабаевский	14	61	казахи	
а. Мечетный	43	183	казахи	
а. Нижне-Талтыбай	62	255	казахи	

Аулсовет № 4	а. Нижне-Баузда	15	63	казахи
	а. Савтахмеровский	19	79	казахи
	а. Тастабутакский	24	93	казахи
	а. Ашекульский	30	132	казахи
	а. Каринский	-	-	казахи
Аулсовет № 5	а. Камсыкульский	40	175	казахи
	а. Тукальский	32	141	казахи
	а. Айщуган	18	73	казахи
	а. Азнабай	14	49	казахи
	а. Ашебутак	30	108	казахи
Аулсовет № 6	а. Байти	19	85	казахи
	а. Тулькбай	9	45	казахи
	а. Шокан	32	136	казахи
	а. Айтуар	45	226	казахи
	а. Алимбай	42	174	казахи
Аулсовет № 7	а. Мечеть	49	237	казахи
	а. Есенский	16	60	казахи
	а. Тамаксар	47	189	казахи
	а. Истаевский	72	257	казахи
	а. Истанис	32	140	казахи
Аулсовет № 8	а. Кунтенбар	22	105	казахи
	а. Кулдаевский	11	40	казахи
	а. Карашул	14	45	казахи
	а. Култабай	40	160	казахи
	хут. Песчаный	5	25	казахи
	а. Тюле	40	160	казахи
	а. Шурабас	27	104	казахи
	а. Арлша	31	134	казахи
	а. Альмухалбет	15	63	казахи
	а. Бузбет	28	127	казахи
	а. Бегетей	24	83	казахи
	а. Балгожа	31	113	казахи
	а. Жаглаган	36	159	казахи
	а. Кзыл-Жар	31	135	казахи
	п. Шандаша	33	146	казахи
Аулсовет № 9	а. Арханский	6	26	казахи
	а. Албаевский	15	23	казахи
	а. Амалтаевский	5	23	казахи
	а. Аманбаевский	12	66	казахи

	а. Бузивбаевский	6	24	казахи
	а. Жакпас	15	72	казахи
	а. Жанберксай	7	23	казахи
	а. Кужамбетов	2	8	казахи
	а. Курманский	5	23	казахи
	а. Карашулла	7	25	казахи
	а. Кызыл-Тар	6	29	казахи
	а. Малибаевский	10	83	казахи
	а. Муйнакский	7	28	казахи
	а. Рысбаевский	24	102	казахи
	а. Тами	11	40	казахи
	а. Татбенский	6	26	казахи
	а. Шерекейский	9	46	казахи
	а. Шумекенский	10	47	казахи
Ащебутакский	п. Ащебутакский	129	633	казахи
Каширинский район				
Какрмалинский	хут. Гуляев	64	329	казахи
	хут. Портнов	28	110	казахи
	хут. Переплетчиков	11	55	казахи
Горный	хут. Комиссаровский	31	140	казахи
	хут. Лысенков	10	62	казахи

Часть территории современного Беляевского района входила в состав Акбулакского района Актюбинской области. Здесь располагались аулы Муялды, Байте, Иржан, Зимовка, Карабас, Мусатай, Джамылчи, Нуржан, Алкан, Джуманкуль.

В 30-е годы проблема землеустройства и перевода на оседлость казахского населения на территории Южного Урала еще не была разрешена полностью. Переходя частично на оседлость, казахское население в основной своей массе не сразу отказывалось от ведения скотоводческого хозяйства, сохраняя зачастую полукочевой образ жизни. В связи с этим в 30-е годы перед местными властями встал вопрос окончательного перевода на оседлость казахского кочевого и полукочевого населения, земельная неустроенность и образ жизни которого приводили к частым национальным конфликтам. В 1930 г. из Уральского и Актюбинского округов КАССР началось массовое стихийное переселение казахских семей, вызванное перегибами проведения коллективизации. Органы власти на местах отмечали бесчинства со

стороны казахов, терроризирование русского населения, скотокрадство и самоуправство. Этот вопрос рассматривался на заседании Оренбургского окружкома партии в апреле 1930 г. Было принято решение принять необходимые меры для приостановления продвижения казахов в глубь губернии и одновременно установить контакты с ОГПУ Уральского и Актюбинского округов для организации выдворения казахов на места постоянного жительства.

Однако, несмотря на предпринятые меры, казахское население продолжало пребывать. Из районов округа беженцы стали перебираться в Оренбург. В конце мая 1931 г. Оренбургский горком ВКП(б) отмечал появление кочевников казахского населения в Оренбурге, «...все они страшно бедствуют, увеличивают эпидемию (тифа), занимаются нищенством, осаждая все квартиры города»⁸⁸. Было решено в очередной раз поставить вопрос о возврате беженцев обратно на территорию Казахстана, а также использовать часть казахов для работы на предприятиях города. Из госфонда для голодающих беженцев был выделен хлеб.

Голод 1932-1933 гг. привел к новому оттоку казахов-кочевников, наиболее пострадавших от последствий засухи, в города. Только в Оренбурге их насчитывалось по официальным данным около тысячи человек. В докладе на заседании бюро Оренбургского горкома партии отмечалось, что казахи «...даже на Советской на глазах проходящих едят отбросы, занимаются воровством на базаре и нищенствует. Растут заболевания (тиф и другие), смертность, главным образом на почве недоедания»⁸⁹. Все это указывало на необходимость оказания им немедленной помощи. В Оренбурге для казахов была организована ночлежка, открыто общежитие, более ста детей было устроено в детские сады и ясли, проведена дезинфекция зданий, белья, организовано общественное питание.

С весны 1931 г. началось активное переселение казахов-кочевников на территорию Башкирии⁹⁰. К концу 1932 г. их насчитывалось уже несколько тысяч семей. В апреле, а затем в октябре 1933 г. Башкирский обком партии дважды обсуждал вопрос о материально-бытовых условиях и трудоустройстве казахов-кочевников⁹¹. При ЦИК БАСССР была создана специальная комиссия по делам казахов. Предпринимались меры по оседанию казахов и вовлечению их в колхозное строительство. Переходящим к земледелию кочевникам оказывалась помощь семенами, инвентарем, рабочим и крупным рогатым скотом. Было налажено медицинское и культурное обслуживание. В резуль-

тате многие казахи-кочевники осели на территории Башкирии. Если в 1926 г. в составе населения республики числилось 513 казахов, то в 1939 г. – около 10 тысяч⁹².

Оренбуржье, население которого само невероятно страдало от голода, было вынуждено принимать тысячи беженцев-казахов. По данным Соль-Илецкого райкома ВКП(б) на январь 1932 г. в районе находилось 1600 семей казахов-беженцев (5000 человек), не считая работающих на предприятиях. Во избежание опасности распространения сыпного тифа для них было решено построить баню. Решением крайисполкома голодающим выделялось пять тон ржи, однако «Заготзерно» отказывалось выполнять это распоряжение. Летом 1932 г. в Соль-Илецком районе были открыты 3 детских приемника, в которых находилось 576 детей и 5 питательных пунктов, обслуживающих более 920 детей-беженцев. Обратно на родину, в Актюбинский и Уральский округа было отправлено 4638 казахов. Порядка 2500 человек получили работу, 300 казахских хозяйств были приняты в колхозы и еще 300 хозяйств трудоустроены на местных предприятиях⁹³.

Итогом голода стало то, что многие казахские аулы, расположенные на территории Оренбургского округа опустели. К концу 1934 г. в Буртинском районе полностью исчезли аулы Кукин, Задгирей, Бикен, Марзагул, Ибрагим, Верхнее и Нижнее Битсуйское, Кансу, Мендыбай, Избасар, Дарыталды, Мечетный, Карачи, Шубартобе, Курман, Кнен, Куксоль, Аулиеколь, Мусатай, Джамылчи, Байте, Джулмуха, Тюлебай. На месте исчезнувшего аула Дарыталды в 1932 г. был образован овцесовхоз «Советский». В 1932 г. на базе аулов Муюлды и Иржан (до 1934 г. в составе Акбулакского района Актюбинской области) был создан мясной совхоз «Муюлдинский» (им. 15 лет ОГПУ». В ауле Саракамыш (ныне Акбулакский район) было создано спецпоселение для раскулаченных.

В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 7 декабря 1934 г. об образовании Оренбургской области, в ее состав были переданы из состава Актюбинской области Казахской АССР Акбулакский, Адамовский и Домбаровский районы, а из Уральской области Тепловский район.

В августе 1936 г. в Оренбургский облисполком поступило сообщение из Гавриловского района о кочующих в его пределах 150-200 казахах-кочевниках, которые, «переселяясь с места на место никого не спрашивая, занимают колхозные земли, на них роют себе землянки, расставляют кибитки, живут и пасут на лугах и пастбищах принадле-

жащих колхозам свой скот и кроме всего этого занимаются потравами, травят колхозный хлеб. Колхозники этим поведением казахов возмущены и на этой почве бывают часто недоразумения»⁹⁴. В этом же сообщении описывается быт казахов-кочевников: «...живут празднично, разъезжают по базарам, торгуют разными вещами, занимаются хищениями скота, домашних вещей и открытым грабежом»⁹⁵.

В связи с имеющимися фактами земельной необустроенности кочевого казахского населения 10 октября 1936 г. Оренбургским облисполкомом было принято Постановление «Об устройстве на оседлость полукочевого нацменовского населения (казахи) в Оренбургской области». В постановлении был одобрен план областного земельного управления по устройству казахского полукочевого населения в Ак-Булакском районе – 510 семей в 8 посёлках, в Адамовском районе – 792 семьи в 11 посёлках, в Домбаровском районе – 849 семей в 17 посёлках. Всего в течение 1937 г. предполагалось обустроить 2151 семью в 36 посёлках. Вся работа по организации проведения строительства, финансирования и культурно-хозяйственного обслуживания оседающего населения возлагалась на областное земельное управление и нацменотдел облисполкома⁹⁶.

Между тем, несмотря на принимаемые решения, положение в оседающих казахских селениях было очень тяжёлым. Проведённое в мае 1936 г. Буртинским районным отделом НКВД расследование, предпринятое с целью выявления причин значительного повышения смертности в казахских колхозах, установило среди главных причин – «истощённость некоторых колхозников-казахов из-за недостатка хлеба». Объединённые к 1938 г. в 36 колхозов 2718 семей казахов (более 10 тысяч человек) оказались в очень тяжёлом экономическом положении, в условиях неблагоустроенности быта, хозяйства и культуры.

5 марта 1938 г. Президиумом Оренбургского облисполкома было принято Постановление «Об устройстве на оседлость полукочевого казахского населения в Оренбургской области», в котором вся вина за ненадлежащее исполнение предыдущих решений возлагалась на «врагов народа, пробравшихся к руководству в облисполкоме и земельных органах, которые различными путями тормозили вопрос о помощи казахскому полукочевому населению в переводе их на оседлость и благоустройство населённых пунктов»⁹⁷. В целях более эффективной помощи казахским колхозам было решено провести их расселение в более крупные населённые пункты и оказать помощь в строительстве жилых домов, общественных учреждений, школ, медицин-

ских и ветеринарных пунктов, подведя этим базу под дальнейшее хозяйственное и культурное развитие казахского населения. При Оренбургском облисполкоме была создана постоянная комиссия по хозяйственному устройству казахского населения в состав которой вошли представители облплана, облземуправления, облоно и облздрава. Сответствующие районные комиссии создавались и в районах с оседающим казахским населением. В штат облземуправления за счёт местного бюджета была введена специальная единица для технической работы по хозустройству полукочевого населения.

В другом постановлении Президиума облисполкома от 25 июля 1938 г. было вынесено решение об утверждении для руководства при работах по хозустройству казахского населения разработанной облпланом схемы планировки колхозного села и усадеб колхозников, а также жилых и производственных построек⁹⁸.

В Ак-Булакском районе в 1938 г. хозустройству подлежало 729 хозяйств, из них к сселению – 197 хозяйств. Плановое задание строительства на 1938 г. по району составляло 60 хозяйств. По Адамовскому району планировалось хозустроить 1069 хозяйств, из них к сселению подлежало 494 хозяйства. Заново построить планировалось 108 хозяйств. В Домбаровском районе хозустройству в 1938 г. подлежало 920 хозяйств, из них к сселению 644 хозяйства⁹⁹.

Таким образом, в первые десятилетия советской власти, несмотря на запреты и ограничительную деятельность органов власти, активно продолжались миграционные процессы казахского населения на территорию Оренбургской области. Именно здесь казахские семьи, бежавшие от голода, засухи и перегибов, допущенных в процессе проведения коллективизации, оседали и заводили хозяйства. Регулирование социально-экономических отношений в национальных районах требовало от местных органов власти, прежде всего, оказания немедленной материальной помощи национальным меньшинствам, тяжелое экономическое положение которых усугублялось последствиями гражданской войны и голодом начала 20-х годов.

Тяжелое экономическое положение кочевников во многом было обусловлено неэффективностью их традиционных способов ведения хозяйства. Повышение экономического уровня жизни кочевого и переходящего к оседлости национального населения объективно было увязано с приобщением их к земледельческой культуре. С другой стороны, форсирование процесса «оседания» осуществлялось в ущерб некоторым местным традициям, с социальными, демографическими

и иными перекосами, которые наиболее остро проявились уже в более позднее время. К тому же ускоренное изменение уклада жизни существенно затормаживалось сохранением традиционных национальных элементов быта, материальной культуры и сознания. С другой стороны приобщение казахского населения к ценностям индустриальной цивилизации вело к их аккультурации и потере существенных элементов своей этнической самобытности.

Примечания:

- ¹ Левшин А. Описание киргиз-кайсацких и киргиз-казацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 109 - 110.
- ² Левшин А. Описание киргиз-кайсацких и киргиз-казацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 182, 234, 262 – 263.
- ³ Рычков П.И. История Оренбургская. – Оренбург, 1896. – С. 88.
- ⁴ Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах). – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 13.
- ⁵ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Вып. 5. – Казань, 1897. – С. 871 – 872.
- ⁶ История Казахской ССР. Т. 1. – Алма-Ата, 1957. – С. 255-256.
- ⁷ Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах). – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 12.
- ⁸ Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах). – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 52.
- ⁹ Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах). – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 184.
- ¹⁰ Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. Т. 4. – М.-Л., 1940. – С. 21.
- ¹¹ Левшин А. Описание киргиз- кайсацких и киргиз-казацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 280.
- ¹² Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год. – Оренбург, 1894. – С. 32.
- ¹³ Левшин А. Описание киргиз- кайсацких и киргиз-казацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 288-289.
- ¹⁴ Левшин А. Описание киргиз- кайсацких и киргиз-казацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 304.
- ¹⁵ Махрова Т.К. Оренбургский край: опыт региональной политики в XVIII – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – № 1 (4) – С 124.
- ¹⁶ Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год. – Оренбург, 1894. – С. 33.
- ¹⁷ После смерти в 1845 г. хана Джангира управление ордой было передано Времен-

ному совету, который первоначально возглавлялся одним из родственников Джангир-хана, а потом государственным чиновником. Таким образом ханская власть в Букеевской орде была окончательно упразднена (Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. – Алма-Ата: Наука, 1882. – С. 16).

¹⁸ Материалы по истории Казахской ССР. Том 4. – М.-Л., 1940. – С. 33.

¹⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 146.

²⁰ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 146.

²¹ Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. Т. 4. – М.-Л., 1940. – С. 26.

²² Чернавский Н. Оренбургская Епархия в прошлом и настоящем. – Оренбург, 1903. – С.70.

²³ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отделения Императорского Русского географического общества. Оренбург, 1901. Вып.16. – С. 256.

²⁴ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 148.

²⁵ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 150.

²⁶ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 153.

²⁷ Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. – СПб, 1848. – С 136.

²⁸ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 169.

²⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 105.

³⁰ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. 3. – Оренбург, 1900. – С. 311.

³¹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 104-105.

³² Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 105.

³³ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 203.

³⁴ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 257.

³⁵ Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год. – Оренбург, 1894. – С. 52.

³⁶ Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год. – Оренбург, 1894. – С. 53-54.

³⁷ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 250.

³⁸ Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. – СПб, 1848. – С. 111-112.

³⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург,

1898. – С. 188 - 189.

⁴⁰ Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. – СПб, 1848. – С. 103.

⁴¹ История Казахской ССР. Т. I. – Алма-Ата, 1957. – С. 309.

⁴² Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 213.

⁴³ Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883. – С. 114.

⁴⁴ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 329.

⁴⁵ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 264, 278.

⁴⁶ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 150.

⁴⁷ Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. – СПб, 1848. – С. 115.

⁴⁸ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 272 - 273.

⁴⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 277.

⁵⁰ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 104.

⁵¹ Махрова Т.К. Оренбургский край: опыт региональной политики в XVIII – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – № 1 (4) – С. 125.

⁵² Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 137.

⁵³ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург: Типография И.Н. Жаринова, 1893. – С. 342.

⁵⁴ Азиатская Россия. Т. 1. – СПб., 1914. – С. 159.

⁵⁵ Обзор Тургайской области за 1881 год. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1882. – С. 3.

⁵⁶ Естественные и производительные силы Тургайской области и экономическая деятельность ее населения // Обзор Тургайской области за 1880 год. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1881. – С. 4-5.

⁵⁷ Обзор Тургайской области за 1881 год. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1882. – С. 2.

⁵⁸ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.18. Киргизский край. – С.-Петербург, 1903. – С. 236-237.

⁵⁹ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург: Типография И.Н. Жаринова, 1893. – С. 355-360.

⁶⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Н. А. Тройницкий. – СПб., 1904. – Т. LXXXVII. Тургайская область. – С. 45, 46.

⁶¹ Степь. – 1910. – 4 мая, 17 июня; Кузнецов К. От судьбы не уйдешь // Казак. – 1911. – 1, 6, 7, 9 октября;

⁶² Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи. М., 1913.

⁶³ 1917 год. Списки домохозяйств Актюбинского уезда по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи. 1-я Буртинская волость. <http://myaktobe.kz/archives/46189>

⁶⁴ 1917 год. Списки домохозяйств Актюбинского уезда по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи. 2-я Буртинская волость. <http://myaktobe.kz/archives/46228>

⁶⁵ 1917 год. Списки домохозяйств Актюбинского уезда по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Бурлинская волость. <http://myaktobe.kz/archives/46715>

⁶⁶ 1917 год. Списки домохозяйств Актюбинского уезда по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Илекская волость. <http://myaktobe.kz/archives/46915>

⁶⁷ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р-618. Оп.1. Д.27. Л.1.

⁶⁸ ГАОО. Ф.Р- 618. Оп.1. Д.239. Л.10.

⁶⁹ Декреты Советской власти. Т.5. – М., 1971. – С.379.

⁷⁰ Сталин И. Очередные задачи партии в национальном вопросе (Доклад и заключительное слово на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г.)// Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т.2. – М., 1936. – С.411.

⁷¹ Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»// Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т.2. – М., 1936. – С.421.

⁷² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства КАССР. – 1922. – № 1. – Ст.5.

⁷³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.413. Л.234.

⁷⁴ Сборник законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства по землеустройству и землепользованию: Вып.1. – Пенза, 1922. – С.9.

⁷⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства КАССР. – 1922. – № 1. – Ст.12.

⁷⁶ Там же. – 1922. – № 17. – Ст.166.

⁷⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 15 февраля 1923. – № 4. – Ст.78.

⁷⁸ Там же. – 23 мая 1923. – № 26. – Ст.305.

⁷⁹ Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения КАССР. – Оренбург, 1924. – С.11.

⁸⁰ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.404. Л.182.

⁸¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.396. Л.256.

⁸² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.409. Л.317.

⁸³ Федорова А.В. Наша Родина – Оренбуржье // Оренбуржье и Республика Казахстан: приграничные аспекты сотрудничества. – Оренбург: Издательский Центр ОГАУ, 1997. – С.159.

⁸⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.584. Л.4.

⁸⁵ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.584. Л.9 об.

⁸⁶ Девяткин С.А. Землепользование Оренбургской губернии. – Оренбург, Гостипография СНХ, 1927. – С.133.

⁸⁷ Список населенных пунктов Средне-Волжского края. Самара, 1931. – С.40-41, 62-63, 123-124.

⁸⁸ Цит. по: Хвостова Г.И. К вопросу о миграции казахского населения в Оренбуржье

в первой трети XX века // Казахи Оренбуржья: история и современность. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2005. – С.88-89.

⁸⁹ Цит. по: Федорова А.В. Тридцать третий год // Любовь и восток. – М., 1994. – С.295.

⁹⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф.122. Оп.10. Д.11. Л.15.

⁹¹ ЦГАООРБ. Ф.122. Оп.12. Д.149. Л.87.

⁹² Всесоюзная перепись населения 1926. Т.4: Башкирская АССР. – М., 1928. – С.314; Башкирская АССР. Население: Данные Всесоюзной переписи 1939 г. – М., 1941. – С.22.

⁹³ Хвостова Г.И. К вопросу о миграции казахского населения в Оренбуржье в первой трети XX века // Казахи Оренбуржья: история и современность. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2005. – С. 89.

⁹⁴ ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д.45. Л.42.

⁹⁵ ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д.45. Л.43.

⁹⁶ ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д.583. Л.15.

⁹⁷ ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д.643. Л.16.

⁹⁸ ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д.657. Л.143.

⁹⁹ ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д.657. Л.145.

Проходцев К. А. (г. Оренбург)

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТЕ ЗЕМЕЛЬНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОЛИНЕЙНОГО РАЙОНА В 1860-Х ГГ.

Период 1860-х годов был временем активного переустройства административной структуры как Оренбургской губернии, так и сопредельных территорий казахских степей Оренбургского ведомства. Одним из аспектов этого процесса стало рассмотрение вопроса о наделении земель и административном устройстве казахского населения Новолинейного района.

Вопрос о наделении постоянными земельными участками казахов, кочующих на землях Новолинейного района, был возбужден в 1861 г. генерал-губернатором А. П. Безаком. В рапортах от 23 октября и 23 декабря 1861 г. Войсковое правление Оренбургского казачьего войска (далее – ВП) и Областное правление оренбургскими киргизами (далее – ОПОК) высказывали свое мнение по этому вопросу. Подробное содержание рапортов приводится в статье А. И. Кортунова¹. Затрагивая содержание рапортов, автор статьи указывает на противоречие приводимых этими учреждениями статистических данных о

численности казахского населения Новолинейного района: ВП приводило цифру в 6193 кибиток (14258 мужского пола и 13161 женского пола), а ОПОК – в 9631 кибитку (43000 душ обоего пола). А. И. Кортунов ставит под сомнение объективность приводимых в рапортах чисел: «Скорее всего, истина находится где-то посередине, так как подсчитать точное количество киргизских кибиток было затруднительно и войсковому начальству и областному правлению»². Однако, на наш взгляд, косвенным подтверждением того, что число казахов Новолинейного района приводимое ОПОК является более объективным, служит факт его использования в отчете А. П. Безака³.

Переходя к мерам, предложенных в рапортах, следует отметить, что они носили оборонительный характер и имели целью защиту интересов представляемых сторон – казаков и казахов. В своем рапорте ВП руководствовалось главным образом интересами войскового сословия. Согласно его подсчетам в районе насчитывалось до 1900 десятин свободной земли. Однако часть этой земли была необходима для переселения казаков их густонаселенных станиц на Старой линии. В виду этого ВП предлагало численно ограничить норму казахского землепользования в районе с 12 тыс. до 6 тыс. кибиток и взимать с казахов плату за кочевание на казачьих землях. ОПОК напротив предлагало четко размежевать участки казаков и казахов, разрешить казахам заниматься земледелием и строить дома в районе, не ограничивать режим выхода казахов из района в степь на летовки, ввести поземельный сбор вместо билетного⁴.

В отчете за 1861 г. вопрос о поземельном устройстве казахов Новолинейного района был вынесен генерал-губернатором на рассмотрение центральных административных учреждений. На мнение А. П. - Безака последовала резолюция императора: «Согласен, если это не будет нарушать права Оренбургского казачьего войска, на земли ему дарованные»⁵. Вследствие одобрения этого начинания, А. П. Безаком было составлено подробное предположение о порядке водворения киргизов в Новолинейном районе. В соответствии с этим предложением предполагалось отдать в постоянное пользование казахам 660 тыс. десятин с нормой в 30 десятин на душу мужского пола, по аналогии с нормой земельного надела казачьего населения. Предлагая расчет площади надела для казахского населения Новолинейного района А. П. Безак исходил из двух предположений: во-первых, о численности казахского населения – около 22 тыс. душ мужского пола; во-вторых, количества свободной земли в Новолинейном районе, которое

он приблизительно оценивал в 1200 тыс. десятин. Точных данных о структуре земельного фонда Новолинейного района администрация генерал-губернатора не располагала. Межевание земель Оренбургского казачьего войска только готовилось. В октябре 1862 г. было утверждено «Положение о размежевании земель Оренбургского казачьего войска»⁶. За предоставленную казахам землю предполагалось вместо кибиточной подати ввести поземельную плату по 5 коп. с десятины, из которых 3 коп. отчислять в казну и 2 коп. – в пользу войска. Генерал-губернатор предполагал отменить ежегодную летнюю выкочевку казахов из пределов Новолинейного района, полагая, что с определением границ землепользования казаков и казахов их столкновения на почве земельных и хозяйственных споров прекратятся и эта мера станет излишней. При этом остающимся в Новолинейном районе казахам запрещалось выходить за линию и принимать других киргиз из степи. Было предположено наделить их правами свободных сельских обывателей: «Дозволить киргизам строить дома, заниматься хлебопашеством, скотоводством и другими промыслами»⁷. Предложенная Безаком программа устройства казахского населения Новолинейного района учитывала, насколько это было возможно, мнение заинтересованных сторон, ВП и ОПОК, и была направлена на постепенную седентаризацию и аккультурацию кочевников-казахов в среду земледельческого населения Оренбургской губернии. Но значительным минусом программы было то, что она опиралась на недостаточно точные данные о территории и населении района.

По рассмотрении предложения генерал-адъютанта А. П. Безака в Военном совете, журнальным постановлением от 20 ноября 1862 г. было решено, что до окончания размежевания земель Оренбургского казачьего войска и приведения их в известность предполагаемые для устройства казахов земли в Новолинейном районе могут быть отданы им только во временное оброчное пользование. Организация наделов и определение условий арендного содержания земель, предложенных в надел казахам, решено было возложить на местную администрацию. Окончательное же наделение земель казахов в районе предложено было производить только в случае обнаружения излишков в казачьем наделе по окончании межевания⁸.

Генерал-губернатор А. П. Безак в отзыве на это положение Военного Совета, уверял, что по окончании размежевания в войске земель, будет излишек от надела казаков более 660 тыс. десятин. На основании этого он полагал, что по окончанию размежевания войсковых зе-

мель, не встретится надобности ссылать киргиз с отведенных им мест. А в представлении министру внутренних дел он утверждал, что для казахов, как народа кочевого, норма надела в 30 десятин на душу мужского пола недостаточна и предлагал ее увеличить. Министр внутренних дел поддержал инициативу А. П. Безака по земельному устройству казахов, кочующих в Новолинейном районе. Вместе с тем он указывал, что при увеличении надела поземельная плата с казахов возрастет до 3 руб. 75 коп., в то время как они платят кибиточную подать в размере 1 руб. 50 коп. Поэтому он предлагал в случае увеличения надела временно ограничиться взиманием лишь оброчных денег в размере 2 коп. с десятины в пользу Оренбургского казачьего войска⁹. В ноябре 1862 г. состоялось компромиссное соглашение министров военного и внутренних дел о временном наделении казахского населения Новолинейного района землей в размере 660 тыс. десятин¹⁰.

Параллельно предпринимались меры к реализации сформированной программы. В конце 1861 г. А. П. Безак утвердил распоряжение по предложению ОПОК о принятии более удобных для казахов сроков выкочевания на летние кочевья в степь, а в 1862 г. «в качестве опыта» казахам было разрешено оставаться в Новолинейном районе на лето¹¹. При рассмотрении вопросов об организации новых поселений в Новолинейном районе канцелярия генерал-губернатора стала учитывать хозяйственные интересы кочующих там казахов. К примеру, на запрос ВП о создании жителями Константиновской станицы выселка на р. Арчалы-аят А. П. Безаком было дано заключение 13 июня 1863 г., что «означенное ходатайство не может быть удовлетворено до отмежевания земли киргизам кочующим в Новолинейном районе»¹². А в январе 1864 г., после проверки генерал-губернатором того, что интересы казахов не будут ущемлены, было одобрено переводение жителей Аннинского и Натальинского отрядов на другие места при рр. Караталы-аяте и Тогузак¹³.

Дальнейшее проектирование земельного надела и административного статуса казахов Новолинейного района было связано с возникшими тогда в ОПОК проектами о реформе администрации и суда в степи Оренбургского ведомства и проектом разделения Оренбургской губернии на две – Оренбургскую и Уфимскую. ОПОК в представлении от 16 января 1863 г. предлагало «районных киргиз вовсе изъять из ведомства областного правления и устроить их на началах установленных Высочайше утвержденным 19 февраля 1861 г. положением о крестьянах вышедших из крепостной зависимости»¹⁴. Это предложение ОПОК на-

шло отражение в «Положении об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской» принятом 5 мая 1865 г. В соответствии с §§ 40 и 54 этого положения казахи, кочующие в пределах губернии, были подчинены «общей в губернии полиции и суду»¹⁵.

Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский 17 июля 1865 г. требовал заключения ОПОК о принципах, на которых должно происходить устройство новолинейных казахов в составе Оренбургской губернии. Вопрос этот, по его мнению, подлежал решению независимо от вопроса об общем устройстве казахов Оренбургского ведомства, так как новолинейные казахи проживали в пределах вновь образованной губернии. А для устранения неудобств в ее управлении, «проистекающих от сословного подчинения губернских обывателей разным ведомствам», должны были получить «совершенно отдельное устройство от прочих киргизов, и, по возможности такое, которое бы способствовало сближению означенных инородцев с нашими сельскими обывателями»¹⁶.

Вследствие этого ОПОК был составлен ряд проектов по устройству казахского населения Новолинейного района и в октябре 1865 г. они были поданы на рассмотрение Господина Генерал-губернатора: «Положение о водворении киргизов на землях Новолинейного района Оренбургской области войска», «Положение об образовании общественного управления у киргизов Новолинейного района», «Положение о подсудности киргизов Новолинейного района по искам гражданским и делам уголовным», «Инструкция местным киргизским начальникам по исполнению полицейской обязанности»¹⁷.

Первый из указанных проектов уточнял и вносил некоторые изменения в программу мер по земельному устройству казахов в Новолинейном районе, предложенных ранее А. П. Безаком: 1) норма отвода устанавливалась в 30 десятин на душу мужского пола, из земель преимущественно годных для зимовок, 2) для обеспечения управления казахами предлагалось отводы делать более просторными участками, 3) сохранялось право выхода казахов на лето за пределы района в степь, 4) подать с казахов назначалась по 3 коп. за десятину, из них 1 коп. в казну и 2 коп. в войсковой капитал, 5) сбор подати производился по раскладке обществ и она взыскивалась целиком, чтобы войско оброчную плату получало от казны, 6) киргизам дозволялось производить торговлю, открывать и содержать разного рода промышленные заведения и производить ремесло. В качестве стимулирующей меры желающим заводить промышленные заведения проектировалась выплата от казны по 55 руб. и льготный отпуск леса¹⁸.

Проектируемая система административного устройства казахов нашла отражение «Положение об образовании общественного управления у киргизов Новолинейного района». Она носила, по замыслу составителей, переходный характер и сочетала подчинение общегубернским институтам на верхнем уровне с сохранением элементов традиционного для казахов уклада на уровне местного управления. На верхнем уровне административной структуры новолинейные казахи должны были подчиняться губернатору и губернскому правлению, на уездном – уездному исправнику. Последним в районах проживания казахов назначались переводчики. Частное управление новолинейных казахов согласно проекту должно было состоять из следующих элементов: а) местное общественное (аульное) - местный сход и местный начальник, избираемый обществом из своего числа; б) участковое, как для заведования делами общественными и предоставленными станичных приставам – дистаночный начальник, утверждаемый в должности губернским правлением из числа казахов; в) для наблюдения и разъяснения киргизам предоставленных им прав и для ограждения их от притеснений – попечитель, назначаемый Оренбургским губернатором по представлению уездного начальника из числа русских чиновников¹⁹. При этом положением не было определено как число участков, на которые должно быть разделено казахское население Новолинейного района, так число кибиток, приходящихся на участок. Эта мера составителями положения оставлялась за администрацией Оренбургской губернии²⁰.

В период 1865-1866 гг. происходило рассмотрение проектов об устройстве казахов в Новолинейном канцелярией Оренбургского губернатора. Проект претерпел значительные изменения: за казахами осталось только участковое управление, а дистаночных начальников было предложено также назначать из русских чиновников и предоставить им права станового пристава. Губернатором были предприняты меры к проектированию административной структуры с привязкой к территории Новолинейного района. Исходя из ориентировочного количества казахов в Новолинейном районе в 10 тыс. кибиток и 25 тыс. душ мужского пола решено было увеличить надел казахов до 750 тыс. десятин. Это население предложено было разделить примерно на 10 общественных участков-волостей со средним количеством населения до 2000 душ мужского пола в каждом. Эти участки в целях единства управления и удобства полицейского надзора предложено было сконцентрировать в районе двух городов – Орска

и Троицка, а управление этими участками вверить двум дистанчным начальникам²¹.

Проект об устройстве казахов в Новолинейном районе, как и другие начинания местной администрации в области административного устройства казахов, не был поддержан центральными учреждениями империи в виду начала реализации проекта по преобразованию управления казахами на единых началах и открытия действий степной комиссии Гирса. Четко разграниченного отвода казахам 660 тыс. десятин земли в оброчное пользование так и не было отведено, чему препятствовали местные казачьи власти, опасавшиеся нехватки земли для наделения казачьих станиц и офицеров по окончании размежевания. Ими была закреплена сложившаяся практика пользования киргизами всеми свободными землями в Новолинейном районе при запрещении казакам вводить эти земли в хозяйственный оборот под опасением административной ответственности²².

Существенно не изменило положения и окончание межевания земель Новолинейного района. Председатель межевой комиссии Оренбургского казачьего войска полковник К. С. Безносиков в докладной записке от 18 января 1867 г. об окончании основных работ по межеванию в Новолинейном районе указывал на свободные земли в районе в количестве 1776576 десятин и высказывал предложение об отдаче части ее в оброчное пользование казахам «в видах общей, а не односторонней сословной, пользы»²³. ВП инициатива К. С. Безносилова была подвергнута критике, как выходящая за пределы его компетенции. Оно указывало, что земли в Новолинейном районе принадлежат казачьему войску и поэтому ими должны быть наделены в первую очередь войсковые обыватели²⁴. Подобные высказывания ВП свидетельствовали о том, что принятая им практика в отношении казахов Новолинейного района носила временный характер и не была регламентирована, что ставило их в зависимость от доброй воли казачьей администрации.

С введением временного положения об управлении степными областями 1868 г. казахи Новолинейного района были объединены в три волости, Саройскую, Чубарскую и Суундукскую, в составе Николаевского уезда Тургайской области²⁵. Эта мера только закрепила их неопределенный статус и зависимость от согласованности действий двух административных структур – войскового и областного правлений.

На протяжении 1860-х гг. землепользование казахов Новолинейного района и их административный статус оставались неопределен-

ными, чему способствовали противоречия во взглядах на этот вопрос ОПОК и ВП, отсутствие поддержки решительных мер к упрочению казахов в Новолинейном районе со стороны центральной имперской администрации и неполнота представлений административных учреждений о территории и населении района.

Примечания:

¹ Кортунов А. И. К вопросу о земельных спорах оренбургских казаков и киргизкайсаков (казахов) Новолинейного района Оренбургского казачьего войска (1835-1861 гг.) // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 477-481.

² Кортунов А. И. Указ. соч. – С. 479-480.

³ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 12.

⁴ Кортунов А. И. Указ. соч. С. 480.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 166об.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. 37 (1862). Ч. 2. № 38816. – С. 236.

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 166об.-167об.

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 13-13об.

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 168об.-169.

¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 177.

¹¹ Горбунова С. В. Урегулирование русско-казахских земельных конфликтов в Новолинейном районе (1835-1862 гг.) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года). – Нижневартовск, 2014. – Ч. I. – С. 27; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 171.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 170об.

¹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 16-16об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 79. Л. 6-6об.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. 40 (1865). Ч. 1. № 42058. – С. 482, 483.

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 104. Л. 5об.-6.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 1; Ф. 6. Оп. 17. Д. 104. Л. 6.

¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 169об.

¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 4-5.

²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 7.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7997. Л. 23об.-24об.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 176об.-178.

²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3413. Л. 5-5об.

²⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3413. Л. 21-22, 24об.-25.

²⁵ Карта административного деления Оренбургского края (приложение к статье: Баллюзек Л. Ф. Новое административное деление Тургайской области, пространство ее, народонаселение и населенность) // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Казань, 1870. – Вып. 1.

РОССИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ЦИВИЛИЗАТОР ИЛИ КОЛОНИЗАТОР?

Вот уже почти четверть века прошло после распада великой евроазиатской империи – Советского Союза, а споры о том, чем же он был: «тюрьмой народов» или «союзом нерушимым республик свободных» не утихают до сих пор. Столь же остро стоит вопрос и о роли в нем России, а именно: кем же она была? Осуществляла ли она полноценную колониальную экспансию, подобно западным странам, или разрасталась «вширь», защищаясь и обороняясь от агрессивных соседей? Была сама узником собственной империи или тюремщиком других народов? Иными словами, была она колонизатором, порабоцвавшим другие народы, или цивилизатором, приобщавшим народы менее развитые к благам современной цивилизации?

Одним из направлений, по которому Россия разрасталась вширь стало направление на Юго-восток, в сторону Казахстана

Исследуя колониальную политику России, Г.П. Федотов писал: «Ценой эксплуатации и угнетения Россия несла в дикий или варварский мир семена высшей культуры. Издеваться над ним смеет только тот, кто исключает сам себя из наследия эллинистического мира. ...На Востоке, при всей грубости русского управления, культурная миссия России бесспорна. ... В странах ислама, привыкших к деспотизму местных эмиров и ханов, русские самодуры и взяточники были не страшны. В России никого не сажали на кол, как сажали в Хиве и Бухаре. В самих приемах русской власти, в ее патриархальном деспотизме, было нечто родственное государственной школе Востока, но смягченное, гуманизированное. И у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере».¹

Действительно, на Востоке, в т.ч. и Средней Азии (геополитически к нему можно отнести и Казахстан) русская колонизация действительно проходила по иному сценарию, чем на Западе. Военная сила при подчинении Казахстана и Туркестана применялась чаще и в более жестокой форме. Русские генералы в войнах с «туземцами» особенно не миндальничали. После завершения завоевания было безжалостно по-

давлено сопротивление местного туземного населения. Все должны были видеть силу новой власти, ни у кого не должно было возникнуть сомнений в том, кто есть хозяин. Покоренные как мирным путем, так и силой, юго-восточные территории так и не были замирены окончательно и восставали часто, вплоть до Первой мировой войны. Это были обычные колониальные войны, аналогичные колониальным войнам, которые вели Испания, Португалия, Англия, Франция, Голландия, Германия, США в т.н. «период первоначального накопления капитала», с XVI по XX век.

Вместе с тем, завоевательная политика России, в отличие от аналогичной политики западных держав имела некоторые особенности. Особенности это проявились, во-первых – в масштабах жестокости русских «колонизаторов» по отношению к «туземцам», во-вторых – в том, что сила применялась ими лишь в случае необходимости, как ответная мера на насилие со стороны этих самых «туземцев». Подчинение и «замирение» Туркестана Кауфманом, Черняевым, Скобелевым, Веревкиным, при всей своей жестокости, было отнюдь не более жестоким, чем действия англичан в Индии, французов в Алжире или американцев на «Диком Западе».

Да и могла ли Россия вести себя иначе?

Покорение Центральной Азии, также как присоединение (в т.ч. и силовое) Поволжья, Сибири, Кавказскую войну ее недоброжелатели (и на Западе, и в самих центральноазиатских республиках, и «либералы» в самой России) часто ставят в упрек России, обвиняя ее в жестокости и колониальной экспансии. Но при более тщательном рассмотрении, это утверждение выглядит весьма сомнительно.

Вхождения Центральноазиатского региона в состав России началось еще в XVIII в., когда о намерении принять русское подданство заявили ханы Младшего и Среднего казахских жузов. Причины для этого у них были весьма серьезные.

Во-первых, военно-политическая. Она была вызвана реальной угрозой со стороны восточных соседей казахов - монголоязычных ойратов (джунгар), которые нападали на казахов, угоняли скот, грабили и убивали при малейшем сопротивлении. Физическое уничтожение проводилось, чтобы не дать врагу восполнить понесенные потери. Это был качественно иной тип войны - степной, резко отличный по своей сути от тех войн, которые велись между странами Запада. В европейской (и средневековой и Новой) истории, при всей ее жестокости, целенаправленные массовые истребления мирного населения, действительно от-

существуют. Резня и массовые убийства мирного населения во время многочисленных войн в Европе (и феодальной, и эпохи первоначального накопления капитала) конечно, имели место, но европейские правители даже в минуты сильнейшего военного гнева, прекрасно понимали, что мирное население – это потенциальная зависимая рабочая сила, а ее физическое истребление есть ненужная, немотивированная жестокость, способная нанести невосполнимый урон, прежде всего, самому себе. Этим «европейская» война качественно отличается от войн на Востоке, особенно кочевом, где завоеватели уже после победы и захвата территории вырезали своих противников подчистую.

Причина здесь в следующем. Обычаи и навыки войны на Востоке, особенно кочевом, где широкое распространение имел обычай кровной мести, войны, прежде всего за территории пастбищ, предусматривали тотальное, до последнего человека (чтобы не осталось мстителя) истребление племени или народа-соперника. И кочевые феодалы, воспитанные в этих традициях, выжившие и пришедшие к власти, переносили эти традиции истребительной войны на уничтожение на всех своих противников. Был в этом и определенный элемент психологической войны: любое сопротивление карается неминуемой смертью, лучше покориться сразу и безропотно.

Именно такой прецедент и произошел на территории, составляющей современный Казахстан. Конфликт между казахами и джунгарами, продолжавшийся в течение нескольких столетий приводил к истощению сил казахских жузов. Разобщенность и междоусобицы между жузами, племенами и родами также подрывали силы казахов. Именно поэтому попытки казахов организовать эффективное сопротивление приводили лишь к тактическим успехам. В стратегическом же аспекте, джунгарская экспансия грозила либо изгнанием казахов с территории их кочевий, либо массовым истреблением их как народа. Неудивительно, что принятие казахскими ханами подданства великой державы с сильной регулярной армией было мерой вынужденной или, по меньшей мере, меньшим из зол. Бытовала даже пословица: «Если придет черный джунгар, рыжий русский покажется тебе братом». Интересно, что джунгары тоже просили Россию о покровительстве и подданстве, однако им было отказано в пользу казахов.

Были также и экономические причины для вхождения казахских жузов в состав России. В страшные годы бескормицы и массового падежа скота, продукция русского сельского хозяйства, прежде всего зерно и мука становились серьезным подспорьем в жизни казахов-

кочевников. В благополучные же годы казахи-скотоводы имели в России гарантированный рынок сбыта животноводческой продукции. Так что выгода была очевидной и обоюдной.

Вхождение казахских жузов (по меньшей мере, Младшего и Среднего) в состав России было действительно добровольным. Эта добровольность во многом определялась тем, что подданство это было чисто формальным: казахи жили по своим законам (вернее обычаям), в их внутреннюю жизнь русская администрация до поры до времени не вмешивалась.

Вмешательства начались позже, когда Россия в Казахстане вновь напрямую столкнулась с реалиями кочевого мира, подобными тому, что было в предшествующие века, на своих юго-восточных, степных границах. Основным типом экономики для казахов было экстенсивное кочевое скотоводство, а оно не всегда могло обеспечить их всем необходимым. Отсюда с давних времен выработался и другой, весьма специфический для кочевых регионов «тип экономики» - набеги. Этот «тип экономики» породил и особенности кочевого общества, никем не контролируемого, живущего не по закону, а по родовым обычаям, военизированного, в котором каждый мужчина был воином: жестоким, агрессивным, равнодушным к страданиям и своим и чужим. Набеги с последствиями - разбоем и грабежом соседей, угоном скота, похищением и продажей в рабство людей стали реальной обыденностью жизни некоторых кочевых сообществ. Объектом же набегов, как правило, становились те, кто вел более эффективное хозяйство, был богаче, с кого можно было «получить» побольше. т.е. с русских поселенцев, успешно осваивавших плодородные земли Нижнего Поволжья, Приуралья и Южной Сибири. Нападения на русские поселения никем не контролируемых шаек степных разбойников, людокрадворботорговцев, с целью похищения людей и продажи их в рабство в среднеазиатские ханства вновь, как и раньше стали обыденностью русского юго-восточного пограничья. Примешивался и религиозный фактор – для мусульман-неофитов, каковыми были кочевники, грабеж и насилие в отношении «неверных» не только не считалось чем-то предосудительным, но напротив, делом весьма достойным мужчины и воина. И примечательно, что многие «официальные» казахские власти – султаны и прочие не только не сдерживали этих действий, но и негласно поддерживали их, покровительствуя разбойникам, давая им на своей территории убежище (и получая от них свою долю прибыли от работорговли). Выступить против «своих», поддержать «не-

верных» – значило навлечь на себя неприятности со стороны своих соотечественников. Принцип «кто прав – кто виноват» подменялся на принцип «свой - чужой».

Защитить от смерти, грабежа, пленения и продажи в рабство своих «старых» и «новых» подданных есть дело чести любого уважающего себя государства. Ответ насилием на насилие, кровью на кровь – только такой язык понимали кочевники. У России не осталось никакого выхода, кроме как начать действовать силой, грома и подавляя агрессивные кочевые сообщества, а заодно и «цивилизуя» казахскую территорию путем строительства крепостей, привлечения к сотрудничеству «лояльных» казахов, упразднения работорговли, упорядочения сбора налогов, а заодно и ограничивая власть султанов и родовых вождей в пользу русской администрации. Вот это властителям степи уже не понравилось. Так, что мятежи против Империи были явлением закономерным.

Весьма показательными являются примеры с такими мятежниками как Срым Датов (батыр Срым) и Кенесары Касымов. О первом известно (официально), что в конце XVIII в. он был одним из руководителей «национально-освободительного» движения казахов Младшего жуза как против местных властей, так и русской администрации. Известно, также что «национально-освободительное движение», возглавляемое им, сопровождалось грабежами, разбоями, угонами скоты, причем как у русских (включая сюда и уральских казаков), так и у казахов, лояльных русской администрации. Аналогичные действия наблюдались и в ходе антироссийских выступлений старшины Исатая Тайманова (30-е гг. XIX в. в Младшем Жузе) и хана Кенесары Касымова (40-е гг. XIX в. в Среднем Жузе). Столь же закономерным было и их поражение, вызванное не только техническим превосходством Империи (регулярных войск и казаков), но и тем, что большая часть казахов их не поддержала, оставшись в стороне. Уместно согласиться с мнением Д.А. Сапунова, отмечавшего «в борцы за свободу и независимость нередко автоматически зачислялись обычные головорезы, предводительствовавшие более или менее крупными шайками, ни о какой борьбе с царизмом не помышлявшие»².

Вслед за подавлением мятежей, Россия идет в глубь степи, присоединяя к своим владениям (добром и силой) и Старший жуз. Впрочем, даже после силового подавления мятежа, Империя сохранила за казахскими территориями значительную часть прежних прав и привилегий, заодно предоставив желающим казахам интегрироваться в русское общество. И таковые желающие нашлись: казахи доброволь-

цы на равных с другими нерусскими подразделениями участвовали в войне с Наполеоном, офицер и ученый Чокан Валиханов, поэт Абай Кунанбаев, ученый просветитель Ибрай Алтынсарин, оставаясь казахами, внесли вклад в развитие не только казахской, но и русской имперской культуры. Таковых примеров немало.

И все-таки говорить о полной интеграции казахских территорий в единое геополитическое пространство Российской империи не приходилось. Показательным примером стало восстание 1916 г. в Тургайской области, направленное против мобилизации мужского населения на тыловые работы. Обоюдная жестокость и казахских повстанцев А. Иманова и регулярных войск и казачьих отрядов, действовавших под контролем русской администрации, как минимум не способствовали укреплению русско-казахской дружбы. Подавление этого восстания происходило жестко, «по-имперски», то есть «железом и кровью», что в условиях военного времени в тылу воюющей страны закономерно. Напомним, подавить это восстание до конца российская администрация не смогла вплоть до февральской революции 1917 г., т.е. до падения Российской империи.

Подводя итог первого этапа пребывания Казахстана в составе Российской империи, мы далеки от того, чтобы «рисовать» ее в идиллическом виде. Было бы ошибочным представлять ее как «общий дом» для всех ее народов, живших в абсолютном равноправии и взаимоуважении. Нельзя отрицать, что пресловутый «национальный вопрос» в России возникали не раз и далеко не всегда они разрешались мирным путем. В 1922 г. основатель Советского государства, первый председатель Советского Правительства В. И. Ленин, говоря о взаимоотношениях «большой» (русской) нации с нациями «меньшими» писал: «Мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилий, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилия и оскорблений»³. В виду он имел войны, которые вели русские войска в XIX в на Кавказе, однако это частично справедливо и для Центральной Азии, в т.ч. Казахстана.

Ленин был прав, но лишь частично. Когда большевики, рвавшие к власти и захватившие ее, для завоевания авторитета среди нерусских народностей России, провозгласили «право наций на самоопределение», элиты многих народов России восприняли это как сигнал к действию. Центробежные тенденции взяли верх, и некоторые национальные окраины объявили о создании национальных государственных образований и о выходе из состава России (в т.ч. и Казахстан).

Именно поддержка национальностей в немалой степени помогла победе большевиков над «белыми», которые выступали с лозунгом унитарной «Единой и неделимой» России. Однако, удержав власть и достаточно окрепнув, большевики не только сломали сопротивление «белых», но и подавили национальный сепаратизм (в т.ч. и «алашистов» в Казахстане) и вновь объединили (в том числе и силой) большинство частей бывшей Российской империи.

Созданное большевиками новое государство объявило о полном разрыве с прежней политикой российской империи. В первые годы советской власти Российская империя объявлялась агрессором и колонизатором, силой подчинявшей «свободолюбивые народы» Казахстана и Средней Азии. Силы же противостоявшие ей, (в т.ч. мятежники-феодалы, боровшиеся за свои старые привилегии и обычные разбойники) объявлялись «прогрессивными борцами с царизмом». Именно в этот период из состава России были переданы образованным национальным республикам ряд территорий со смешанным или даже русским населением. Казахстан, в частности получил, территории бывшего Уральско-го и Семиреченского казачьих войск, с городами Уральск, Гурьев, Верный, а также территории на Севере: Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Правда в сталинский период официальное отношение к колонизационной политике царской России меняется: она по-прежнему считается злом, но теперь уже злом относительным. Наряду с «порабощением» народов Центральной Азии говорится также и о прогрессивном значении их вхождения в состав России.

Своей идеологией советское руководство провозгласило «пролетарский интернационализм» и «дружбу народов». За ширмой красивых деклараций о «союзе нерушимом республик свободных», сплоченных «великой Русью», происходило то, что из России (и двух других восточнославянских республик – Белоруссии и Украины), самых развитых в СССР, бывших стеновым экономическим и политическим хребтом государства, изымались средства на дотации для развития других национальных «братских» республик. В результате, в СССР одновременно наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны – рост привилегий «национальных» окраин, их экономики, взрывной рост уровня жизни, образования и медицинского обслуживания населения, товарное изобилие (по советским, разумеется меркам). С другой – пустеющие и вымирающие села российского Нечерноземья, товарный голод и дефицит всего и вся в Центральном регионе, Поволжье, на Урале. Особенно это стало заметно в т.н. «брежневский» пери-

од существования СССР. Все это порождало закономерное недовольство населения «коренной», «русской» России.

Этим проблемы не ограничивались. Тяжелейший удар по населению Казахстана нанесла коллективизация, превратившаяся в принуждение вчерашних кочевников к оседлости. Перегибы руководства Казахстана, стремившегося «выполнить и перевыполнить задание партии и правительства», привели к тому, что число погибших от голода на рубеже 20-30-х годов и откочевавших за пределы СССР исчисляется миллионами. Впрочем, Казахстан здесь не исключение. В 30-40 гг., национальные элиты, в т.ч. и в Казахстане были основательно «зачищены» в ходе репрессий. Начала складываться практика репрессий по отношению к некоторым народам, в том числе и их насильственного переселения. В годы великой Отечественной в Казахстан из родных мест было выселены чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, балкарцы, крымские татары, поволжские немцы и другие. Жестокость этих действий преподносилась советской пропагандой как ответ на сотрудничество депортированных народов с немецкими войсками. Все это отнюдь не способствовало укреплению дружбы между народами СССР, что впрочем, заглушалось демагогическими декларациями советского руководства о СССР как «семье братских народов», живущих в мире и согласии и заигрыванием центрального руководства с национальными элитами, особенно в т.н. «брежневский период». Последним прощались многие перекосы «социалистической законности», в т.ч. коррупция, клановость, «кумовство», за которые руководителей «русских» (а также украинских, белорусских) областей наказали бы скоро и жестоко. Напомним, что Первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. Кунаев, как известно, был одним из ближайших друзей Л.И. Брежнева, а «дорогого Леонида Ильича» в Казахстане принимали всегда с помпезностью и размахом.

Распад СССР кардинально изменил ситуацию на всем постсоветском пространстве. К власти в национальных республиках пришли национальные элиты, образовавшие этнократические кланы. Они объявили о разрыве прежних отношений с Россией и намерении строить национальные государства с привилегированным положением т.н. «титულიной» нации, или вообще «этнически чистых». Русские же и т.н. «русскоязычные» в ряде этих молодых государства из «старшего брата» сразу превратились в изгоев, людей второго сорта, «неграждан», оккупантов и т.д. Их сразу стали выдавливать из этих стран в Россию, причем формы этого давления были самыми различными.

До прямой физической расправы, как это было в охваченном гражданской войной Таджикистане, в Казахстане дело не дошло, однако ущемление русской культуры, образования на русском языке, ограничение русского языка как языка национального общения, блокирования поступления русских и «русскоязычных» на некоторые должности в государственной службе в пользу граждан т.н. «коренной» национальности – все это имело место и в Казахстане.

Началось и переписывание общей истории. В Казахстане «борцы с русским колониализмом» С. Датов и К. Касымов объявлены были национальными героями, им поставлены памятники, в честь них названы улицы в городах.

Распад СССР повлек за собой и возникновение на «постсоветском пространстве» разнообразных этнополитических конфликтов, обусловленных стремлением пришедших к власти в некоторых странах этнических элит укрепить свое политическое положение в стране за счет притеснения других народов и ущемления их прав, как это происходит в том числе и в центральноазиатских государствах.

Между тем, построение т.н. «этнически чистых» государств, роста благосостояния его гражданам (кроме, разумеется, элиты) отнюдь не дало. Напротив, ряд этих стран, под предлогом «укрепления национальной независимости» и «поиска идентичности» по многим параметрам (политическим, экономическим, социальным) скатились на уровень средневековья. В результате выдавливания русского (и русскоязычного) населения, как правило, самого образованного и экономически активного и разрыва отношений с Россией, в ряде их экономическая и социальная ситуация значительно ухудшилась. Справедливости ради, отметим, Казахстан это коснулось в меньшей степени, нежели центральноазиатские республики. Сказались различные факторы: и разумная, прагматичная политика руководства новообразованного государства, и значительное количество «некоренного» (не только русского, но и украинского, немецкого) населения, особенно на Севере и Западе, избавляться от которого было бы неразумно, но без последствий не обошлось и здесь. В целом же проблемы Казахстана постсоветского периода были во многом аналогичны российским.

Политика Казахстана, с момента образования его как суверенного государства, носила действительно прагматичный характер, во многом благодаря его бессменному руководителю – Н. Назарбаеву. Он не стал создавать из Казахстана «либеральное», «демократическое» государство по западному образцу, чем «согрешили» руководства неко-

торых других постсоветских государств (в т.ч. и Россия в 90-е). В новом государстве учитывалась сформировавшаяся геополитическая и этнокультурная специфика, поэтому оно сформировалось как авторитарное (с элементами демократии), с сильной персонифицированной властью лидера. Уже скоро после распада СССР Назарбаев выступил с идеей создания «Евразийского союза» с Россией (правда, в 90-е годы российское руководство, ориентированное исключительно на Запад, отнеслось к этой инициативе прохладно). Относительно успешные экономические реформы внутри страны и многовекторная внешняя политика (Казахстан как мост между крупными геополитическими игроками – Россией, Китаем, США и Европой), позволили даже в трудные (как для Казахстана, так и для России) годы сохранить относительную стабильность.

Сегодня хочется надеяться, что самое худшее уже позади. Центробежные тенденции постепенно сменяются сближением позиций постсоветских республик по многим позициям, прежде всего в сфере создания единого экономического пространства, Таможенного и Евразийского союза. Россия и Казахстан в этом интеграционном процессе самой историей играют определяющую роль. В связи с этим чрезвычайно полезно не отбрасывать опыт прошлого, а опираться на него, объективно оценивая его негативные и позитивные стороны. Опыт сравнительно мирного сосуществования различных народов в составе Российского государства на различных этапах его истории при строительстве новой России и нового Казахстана может быть очень ценен. Очевидно, что СССР не вернуть, и каждая, сформировавшаяся на его территории страна должна думать о защите собственных национальных интересов, заботиться о жизни и безопасности своих граждан. Однако цивилизованные и взаимовыгодные отношения между его бывшими союзными республиками вполне возможны.

Список использованной литературы

1. Федотов Г. П. Судьба и грехи России... Т. 2. М.: Мысль. 1991, С. 319.
2. Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России. (40-90-е гг. XIX в.) дис. к.и.н. Челябинск, 2001 С. 16.

Примечания:

- ¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России... Т. 2. – М.: Мысль. 1991. – С. 319.
- ² Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении средней Азии к России. (40-90-е гг. XIX в.) дис. к.и.н. Челябинск, 2001 С. 16.
- ³ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. изд. 5 Т. 45. С. 359.

Черниенко Д. А. (г. Уфа – г. Ижевск)

ИСТОРИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ УКРАИНЦЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬШЕЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

До середины XIX в. переселение украинцев на Южный Урал носило нерегулярный, преимущественно военно-колониционный характер. После отмены крепостного права в 1861 г. начинается новая волна переселенческого движения – массового и организованного, связанная с процессом обезземеливания большого количества крестьян на Украине. Во второй половине XIX – начале XX в. общая численность переселенцев на Южный Урал (Башкирия, Оренбуржье) превышало 40 тыс. человек¹. Большинство сел, основанных украинскими переселенцами, появляется именно на рубеже XIX – XX вв.

Поселения украинцев основывались «гнездами», образуя небольшие ареалы с преимущественно моноэтническим населением. Юго-западная часть Уфимской губернии стала одним из основных направлений переселенческого движения (52,8% от общей численности)². Украинцы предпочитали селиться здесь по нескольким причинам: во-первых, природно-географические условия (лесостепь, чернозем) напоминали родные места переселенцев и были благоприятны для развития земледелия; во-вторых, плотность населения в этих местах была еще не очень высока и оставались свободные земли; в-третьих, северные и северо-западные районы заселялись более интенсивно, прежде всего, русским населением. Территория современного Альшеевского района, бывшего тогда частью Белебеевского уезда, также оказалась затронута волнами массовых переселений, прежде всего, из Харьковской и Полтавской, а также Екатеринославской, Киевской, Подольской, Черниговской, Таврической губерний.

Первым появилось с. Казанка, основанное в 1892 г. переселенцами из Харьковской губернии. Местные жители так рассказывали о своем селе: «В конце XIX в. тысячи людей из Украины на повозках, пешком, по железной дороге отправлялись на восток России, в Приуралье в поисках свободной и дешевой земли и в надежде на лучшую жизнь. Рассказывают, с собой что везли даже древесную золу, чтобы быстрее обжиться на новой земле. Группа переселенцев из Харьковской и Полтавской губерний оказалась в Альшеевской волости, но,

выбирая землю, решили сначала проехать еще дальше на восток, за Урал, в Акмуллинскую область. Перезимовали там зиму, но не понравились ни природа, ни вода. Вернулись в Альшеевскую волость, по природно-климатическим условиям эти земли напоминали родные края...»³. В течение нескольких лет после основания Казанки на территории волости появились и другие украинские села: Ново-Константиновка (1894), Беяковка (1890), Байдаковка (1900), Нефорощанка (Нефороща, 1900), Тавричанка (1900), Островцы (1901), Писаревка (1901), Константино-Александровка (1903), Екатеринославка (1905), Черниговка (1906)⁴. По данным на 1912–1913 гг. в Альшеевской волости Белебеевского уезда всего проживало 5188 украинцев в 774 дворах.

Интерес представляет история возникновения названий населенных пунктов, что часто является показателем сохранения исторической и этнической памяти. В Альшеевском районе названия исторических украинских сел здесь можно разделить на несколько групп: 1) заимствованные из родных мест на Украине: Нефороща, Черниговка, Тавричанка, Херсонка и т.п.; 2) связанные с церковью: Казанка (в честь праздника Казанской Божьей Матери); 3) связанные с историческими или легендарными основателями сел: Байдаковка (Байда), Ново-Константиновка (Константин); 4) характеризующие окружающую местность или отношение к ней: Зеленый клин, Отрада, Равнина, Горянка, Колонка, Садовый и т.п.; 5) названия населенных пунктов, в целом типичные для Украины: Малиновка, Беяковка, Гоголевка, Островцы, Писаревка и т.п.

По характеру заселения украинские поселения подразделялись на деревни, поселки, хутора, реже – села. В Белебеевском кантоне из 268 поселений 125 (46,64%) относились к деревням, 81 (30,22%) селение – поселки, 44 (16,42%) – хутора, 7 (2,61%) – села, остальные 4,1% – другие типы поселений; 166 (61,94%) селений были малодворными (до 25 дворов), 69 (25,74%) – представляют группу населенных пунктов среднего размера (от 26 до 60 дворов). На практике такое разделение иногда было условным. Так, в «Списке населенных пунктов Баш-республики» 1926 г. с. Константино-Александровка Альшеевской волости Белебеевского кантона (ныне – Стерлитамакского района) отнесено к разряду деревень, в то время как в селе имелась церковь⁵. В некоторых случаях один населенный пункт подразделялся на несколько различных по типу поселений. Например, с. Ново-Константиновка было разделено на д. Ново-Константиновка 1-я с числом в 69 дво-

ров и на с. Ново-Константиновка 2-я в 43 двора; с. Байдаковка – на п. Березовка, п. Ново-Троицкий и п. Калиновка.

Самыми малодворными были товарищества, артели, отруба, разъезды, мельницы, количество дворов в них не превышало десяти. Исключение составляла артель Отрада Альшеевской волости, в которой насчитывался 31 двор. Планировка украинских поселений чаще всего была уличная или однорядовая. В Альшеевском районе можно встретить все три основных варианта застройки двора: 1) однорядный, когда жилой дом и хозяйственные постройки имеют одну длинную крышу («довга хата»); 2) «Г-образный» (углом); 3) свободная застройка. Первые два варианта были больше характерны для бедных слоев населения (природные условия, недостаток строительных материалов), последний вариант стал доминировать в послевоенный период.

Главным занятием украинцев на новом месте было сельское хозяйство, поэтому важнейшим вопросом являлось приобретение земли. Большая часть переселенцев покупали земельные участки и становились собственниками, часть брала государственные и частные земли в срочное пользование (арендаторы). На новых землях украинские крестьяне нередко объединялись в артели и товарищества на основе взаимопомощи. Земельная норма устанавливалась в зависимости от местных условий от 12 до 15 десятин на душу и от 40 до 50 десятин на двор (в качестве податной единицы принималась мужская душа). Массовый приток переселенцев в Башкирию вызвал резкий рост цен на землю – с 13 руб. за десятину в 1895 г. до 60 руб. в 1910 г. Но на Украине в это время земля все равно стоила в 3-6 раз дороже. Выгодная продажа земли на Украине позволяла переселенцам иметь на руках значительные денежные средства для покупки участков на новом месте. Кроме того, финансовую помощь в виде ссуд и кредитов с рассрочкой до 55,5 лет под высокие проценты предоставлял Крестьянский поземельный банк, отделение которого было создано в Уфе в 1883 г.

Платежи банку нередко разоряли крестьян, вынуждая выставлять на продажу не только прибавочный, но и часть необходимо продукта, главным образом, хлеба. Постоянно росла и арендная плата. Если в конце XIX в. за 1 дес. пахотной земли платили 1-3 руб., то в начале XX в., например, жители с. Байдаковка за арендованную землю вносили плату владельцам в размере 6 пудов зерна и 6 руб. за десятину. Член Уфимского Губернского Присутствия В.А. Абрютин, совершивший в 1897 г. по поручению Уфимского губернатора Н.М. Богдановича командировку по населенным пунктам Белебеевского уезда, в своем от-

чете так описывал переселенцев Альшеевской волости: «Поселок Раевка (близь железнодорожной станции Раевка). Переселенцы арендуют у башкир усадебные места у самой железнодорожной станции. Пашню покупают ежегодно в разных местах. Живут главным образом заработками на железной дороге. За усадьбу под двор и за право пасти свой скот платят 3 руб. от двора <...> Все поселки Альшеевской волости расположены в степной, волнистой местности; земля – чернозем, воды достаточно. Поселки, возникшие ранее последних двух годов, уже хорошо обстроились, живут зажиточно, положением свои довольны. Многие из арендаторов предполагают купить арендуемые участки»⁶. В.А. Абрютин писал преимущественно о русских и немцах, но схожая ситуация была характерна и для украинских крестьян. Таким образом, различные условия сделок на землю и различные финансовые возможности переселенцев приводили к значительной разнице в их имущественном положении.

Переселенцы из Украины отличались усердием и постепенно стали обживаться, занимались в основном земледелием, сеяли пшеницу, ячмень, просо, рожь, выращивали также картофель, свеклу, подсолнечник, коноплю. Кроме того, занимались огородничеством, выращивали арбузы, дыни, репу, огурцы, тыкву, лук. Обсаживали фруктовые деревья – вишни, яблони, грушу, черешню. Из животных разводили коров, овец, свиней, из птиц – гусей, индеек, кур, уток. Наличие большого количества мяса, овощей, фруктов позволяло их реализовывать на базаре. Помимо земледелия украинские крестьяне-переселенцы разводили скот. В большинстве случаев существовала уравнительная раскладка на скот: на один надел можно было иметь в то время 3 головы крупного рогатого скота или 9 овец, у кого скота более, тот доплачивал в общество определенные суммы. Для выпаса скота, как правило, нанимали пастухов. За «черед» (очеред) – одна голова крупнорогатого скота или 4 овцы, платили деньгами, хлебом, шерстью, маслом и другими продуктами по договоренности. Так, в с. Нефороща за 4 овцы платили 48 коп. и 1 пуд хлеба, за корову или подтелка 50 коп. и 2 пуда хлеба. В с. Байдаковка кроме этой платы еще доплачивали за черед $\frac{1}{4}$ фунта шерсти. Кроме традиционных видов хозяйства – земледелия и животноводства, на рубеже XIX – XX вв. украинские крестьяне Альшеевской волости Башкирии занимались также птицеводством, пчеловодством, подсобными работами, домашними промыслами. Например, по воспоминаниям жителей Нефорощи, мужчина в деревне искусно резали ложки из дерева на продажу⁷.

После революции 1917 г. процесс переселения украинцев на Урал, в том числе на территорию Башкирии, был продолжен и связан с хозяйственным развитием восточных районов страны. Вопросы распределения бывших помещичьих земель и земель зажиточных крестьян (кулаков) между сельской беднотой решались очень сложно, многие крестьяне сильно пострадали от «раскулачивания», но в целом обеспеченность крестьян землей возросла. В начале 1920-х гг. началось кооперирование сельского хозяйства, в селах стали появляться первые сельскохозяйственные кооперативы – ТОЗы и коммуны, созданные во многих украинских селах, иногда они объединяли два-три и более поселений. Позднее процесс коллективизации привел к складыванию колхозной собственности.

В послереволюционный период в переселении принимали активное участие не только крестьяне, но также и рабочие. Причины миграции становились иными, связанными уже не только с земельным вопросом, но и индустриальным освоением страны. На момент первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Башкирии проживало 76710 украинцев, из них 31469 (41%) в Белебеевском кантоне. На рубеже 1920–1930-х гг. наибольшая численность украинского населения на территории Башкирии зафиксирована именно в Альшеевской волости – 7511 человек или 25,2% всего украинского населения кантона, из 134 населенных пунктов волости 47 были преимущественно украинскими по национальному составу⁸. В дальнейшем в результате естественного прироста и продолжавшегося переселения в связи с развитием народного хозяйства численность украинцев в крае продолжала увеличиваться до конца 1930-х гг., когда достигла почти 100 тыс. человек⁹.

До Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. основная часть украинского населения республики проживала на селе (в 1930-е гг. – до 97%). В послевоенные периоды, во-первых, начался отъезд украинцев в города, во-вторых, численность украинского населения стала уменьшаться. В виде компактной группы украинцы были представлены в рабочем поселке Раевка. В селах оставались главным образом люди старшего поколения. В послевоенное время начались процессы урбанизации (активное переселение части сельского населения в города) и ассимиляции (утрата родного языка и самосознания), как следствие, численность украинцев в Башкирии постепенно снижалась. С середины XX в. продолжавшийся процесс индустриализации привел к внутренней миграции – переселению из сельской местности в горо-

да, утрате этнических особенностей ведения хозяйства, а активное межэтническое взаимодействие (языковое, брачное, культурное) ускорили процессы ассимиляции – утрате национального самосознания, языка, народных традиций. Все эти факторы в совокупности привели к поступательному уменьшению численности украинского населения, которое продолжает сокращаться до сих пор.

В 1950–1960-е гг. в районе насчитывалось 32 населенных села преимущественно украинские по этническому составу¹⁰. К началу 1970-х гг. в Альшеевском районе украинцы компактно проживали на территории 8 сельских советов из 22, в том числе в 13 населенных пунктах из 160¹¹. Наибольшая численность украинцев в 1970–1990-е гг. отмечена в Абдрашитовском (д. Богдановка, д. Михайловка), Байдаковском (с. Байдаковка, д. Беляковка, д. Нефорощанка), Казанском (с. Казанка), Кипчак-Аскардовском (с. Отрада), Крымском (п. Крымский), Кызыльском (с. Новоконстантиновка, д. Писаревка, п. Тавричанка), Сараевском (п. Литинка), Чуракаевском (д. Горянка, п. Колонка) сельских советах¹². Следует обратить внимание, что сведения в справочниках 1972 и 1981 г. не всегда точные: в 1972 г. отдельные населенные пункты считались по этническому составу русскими, хотя известно, что они были основаны и заселены преимущественно украинцами, а в 1981 г. вновь записаны как украинские. И наоборот, некоторые поселения, отнесенные справочником 1972 г. по этнической принадлежности к украинским, в 1981 г. уже указывались как русские, хотя преобладающая или значительная часть их населения оставалась украинской. В Альшеевском районе таковыми были с. Байдаковка, д. Беляковка, с. Нефорощанка, с. Новоконстантиновка, д. Писаревка, п. Тавричанка.

Значительное сокращение числа сельских украинских поселений к началу 1980-х гг. по сравнению с довоенным периодом объясняется несколькими причинами: 1) исчезали малодворные хутора, поселения на отрубках, выселках и т.п.; 2) при административно-территориальном делении, образовании колхозов и совхозов и их последующем укрупнении во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. центрами избирались более крупные поселения; оставшиеся на периферии от центральных усадеб украинские поселения превращались в так называемые «неперспективные» населенные пункты. Постепенно их население переселялось в более крупные села, близлежащие районные поселки, райцентры, города. Главным центром сосредоточения украинцев в Альшеевском районе стал пгт Раевский, который при-

влекал сельских жителей своей социальной инфраструктурой, возможностью трудоустройства, улучшения качества жизни. Следует отметить, что украинское население в Раевке, основанной в 1890 г., всегда было заметным. Еще по данным на 1917 г. в Раевском-1 проживало 419 украинцев, в Раевском-2 – 180, на станции Раевская – 17, в 1979 г. в Раевском проживало уже почти половина украинцев района – 45%, в 1989 г. – 58%. Сегодня в Раевском проживает значительная часть нынешних украинцев района – более 60%, в поселке можно встретить представителей почти всех бывших украинских сел края¹³.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Башкортостан проживало 55249 украинцев (1,3% от общего населения РБ), из них в сельской местности – 10972 (20%); в 2010 г. – 39875 (0,9%), из них сельских жителей – 10298 (25,8%)¹⁴. Тенденции ассимиляции и оттока населения из сел в города республики характерны и для Альшеевского района: в 1979 г. здесь проживал 3271 украинец (6,5% от общей численности населения района), 1989 г. – 2492 (5,3%), 2002 – 1774 (3,7%), 2010 – 1087 (2,5%)¹⁵, из них в пгт Раевский в 1979 г. – 1481 украинец (11,5% от общей численности населения поселка), 1989 г. – 1466 (8,6%), 2002 – 1102 (5,5%). Таким образом, в настоящее время украинцы в Альшеевском районе – это преимущественно население районного центра.

Кроме урбанизации другая заметная тенденция последних десятилетий – увеличение количества этнически смешанных браков. До середины XX в. украинцы Башкирии выбирали брачных партнеров преимущественно из представителей своего народа. По данным на 1920 г. моноэтнические браки среди украинцев составляли 85% от общего числа, смешанные – 15%; в 1939 г. – 52,4% и 47,6% соответственно. В послевоенное время это соотношение заметно изменяется: 1949 г. – 41,55 и 52,5%; 1959 г. – 36,8% и 63,2%; 1970 г. – 41,4% и 58,6%; 1979 г. – 17,9% и 82,1% соответственно. В настоящее время доля смешанных браков у украинцев в районе составляет около 90%. Чаще всего украинцы создают семьи с представителями наиболее многочисленных народов – русскими, татарами, чувашами, башкирами и др.

В формировании своеобразных этнокультурных черт рассматриваемого региона не последнюю роль играли традиции переселенцев – выходцев из разных историко-географических районов Украины. Так, дома возводились из разного материала и по разным технологиям, в зависимости от местных природных условий и имущественного положения населения – землянки, саманные, кизяковые, глинобитные,

деревянные хаты. Часто из-за неимения средств на дома строили с земляным полом. Для украинского жилища в Башкирии более характерна была четырехскатная крыша, крытая соломой, но, например, в с. Байдаковка ранее встречались и трехскатные крыши с усеченным фронтоном с четвертого ската. При южных ветрах это спасало крышу от больших наносов снега. Возможно, что эта традиция была принесена именно переселенцами из Украины. Двухскатные крыши встречались редко и широкое распространение получили только в послевоенный период. Основной кровельный материал для крыши – солома, камыш. Под влиянием местных природных условий особенностью построек стало то, что хата соединялась с сараем общей крышей так, что из сеней дома было два выхода – один на улицу через парадное крыльцо, другой – в сарай. Дом снаружи и внутри мазали глиной и белили белой глиной, мелом или известью. С середины 1950-х гг. села постепенно перестраивались, крыши крыли шифером, позднее кровельным железом, появился высокий фундамент, карниз и крыльцо с парадным входом украшали резьбой. В настоящее время в некоторых населенных пунктах еще сохранилось несколько саманных хат. Украинская же «изюминка» – хаты из кизяка и хаты с плетневыми дымоходами были разобраны около 10 лет назад.

Для хранения овощей в стороне от дома устраивались ямы-погребба. Лаз устраивался у одной из стен, над лазом из жердей строили сооружение, напоминающее по своей конструкции двух- или трехскатный шалаш («погребняк»). Такая конструкция зимой предохраняла от снега, летом – от дождя. Сооружения подобного вида широко бытуют в частных хозяйствах у украинцев Альшеевского района до сих пор¹⁶. В отличие от традиционного вида украинских сел с обилием садов и фруктовых деревьев, приусадебные сады в Альшеевском районе не были распространены. Исключение составляет село Казанка, где по воспоминаниям местных старожиллов на некоторых участках насчитывалось до 30 деревьев¹⁷.

Старожиллы вспоминают, что местные украинцы были «людьми трудолюбивыми, до войны обеспечивали всю округу огурцами, капустой, яблоками... Дружелюбный, открытый украинский народ принес на земли Башкирии не только свой быт, но и культуру – песни, танцы, обряды, одежду. Своим детям они старались передать исконную народную культуру. Духовное наследие бережно хранилось и передавалось из поколения в поколение... Раньше в Казанке все певучие были, бабушки пели перед домом на лавочке, просто так! Доярки на ферме,

пока ждут табун, сядут на жердочки и затянут песню, часто в несколько голосов! Самая певучая ферма была!»¹⁸. У украинцев района женская одежды состояла из сорочки со стоячим воротником, юбки, передника, безрукавки, головного убора. Мужской костюм – из сорочки, полотняных штанов, безрукавки и пиджака. Материалом для одежды служило полотно, которое ткали сами на деревянных станках вручную.

Традиционными мясными блюдами были: колбасы, кендюх («ковбух»), голубцы. Ковбух делали из свиной грудинки. Из голов и ног варили студень, заправляли различными специями. Но блюда из продуктов животного происхождения в конце XIX – начале XX вв. были редкими на столе украинцев и являлись праздничными. Среди украинцев широко распространялись квасы (сиривец) из хрена, хлеба, свеклы («буряковый»), меда. Как праздничное блюдо к чаю под влиянием русских готовили хворост, под влиянием башкирского и татарского населения – чак-чак (сак-сак). Наиболее известным ежедневным блюдом являл борщ, в том числе, с рыбой¹⁹. Кроме квашенной или свежей свеклы, в борщ кладут картофель, морковь, лук. Летом и осенью борщ варили из свежей капусты, зимой и весной – из квашеной. Сегодня под влиянием украинцев борщ широко распространен в селе как повседневное блюдо и у других народов.

Сегодня главным хранителем традиционной украинской культуры в Альшеевском районе считается с. Казанка. Здесь по-прежнему можно услышать украинский язык, увидеть остатки народной старины, услышать народные песни. В 1982 г. при сельском доме культуры создан фольклорный ансамбль «Чаровниці» («Чарівниці»), который считается старейшим среди подобных коллективов Башкортостана. Первыми участниками ансамбля стали именно потомки переселенцев из Украины. За 30 лет существования в коллективе занималось более 60 человек. В 2007 г. коллектив получил звание народного. Сегодня ансамбль «Чаровниці» включает 15 человек разных возрастов и профессий – это признанный коллектив «автентичного співу», т.е. первозданного пения в том виде, как пели их предки, с уникальной манерой исполнения, в украинском репертуаре около 50 народных песен. Благодаря представителям старшего поколения полностью восстановлен украинский традиционный обряд выкупа невесты, другие свадебные обряды, колядки, баллады, старинные лирические песни. В июне 1995 г., хотя и с трехлетним опозданием, с. Казанка отмечала свое 100-летие в рамках Республиканского фестиваля украинской

культуры! В мае 2010 г. в с. Казанка на альшеевской земле, принявшей более 120 лет назад украинских переселенцев, на месте старой церкви, возведенной в 1915 г. и разрушенной в 1926 г., был установлен поклонный крест, который предвдваряет давнюю мечту селян – восстановление часовни и церкви.

В Байдаковке при сельском клубе с 1985 г. существуют ансамбль «Любава», в котором до 10 постоянных исполнителей. В сельском клубе собраны результаты труда местных мастериц – рушники, дорожки, скатерти и т.п. Небольшая, но выразительная экспозиция дает общее представление о прошлом быте села. Записи местных легенд сохранились в библиотеке с. Крымский: «Поселился у «Горного озера» первый житель – переселенец из Украины. Тяжело людям там жилось, голодно. Вот и привела его судьба в Башкирию. Понравилась ему дикая природа – гора, поросшая красивым лесом, прикрывала его хижину, озеро неописуемой красоты плескалось у ног. Прошло много лет и у озера стали строится красивые, добротные дома. Видя красоту этой дивной природы, никто не проезжал мимо. Все старались поселиться в этих местах. Плодородная земля родила хлеба, леса были полны дичи, а озеро рыбой, разводили скот, благо корма было вдоволь. Стала деревня зажиточной и называлась она «Таврическая Покровка»²⁰.

Украинская культура представлена и в жизни с. Тавричанка. Во-первых, сведения по истории села, в том числе об основании села и первых переселенцах, собираются сохраняются в школьном музее. С 1965 по 1987 гг. учащиеся школы совершали регулярные экскурсионные поездки в Украину и посетили в разные годы Киев, Одессу, Днепрпетровск, Кировоград, Симферополь, Севастополь. Информационные материалы этих поездок занимают заметное место в экспозиции школьного музея. Во-вторых, доброй традицией стала подготовка семейных родословных учениками школы, благодаря чему удалось установить многие имена основателей села, данные о героях-фронтовиках, известных тружениках совхоза и т.д. В-третьих, с 1980 г. в с. Тавричанка существует вокальный ансамбль «Тавричаночка» Кызыльского СДК, который исполняет не только народные песни, в том числе и распространенные в селе украинские, но также поддерживает традиции колядования и других народных обычаев. В начале 2010-х гг. в коллективе было 15 человек – представители разных национальностей, которые с энтузиазмом познают и пропагандируют культуру своих народов.

Итак, сегодня украинцы в Альшеевском районе РБ занимают заметное место в общей этнокультурной структуре населения, будучи четвертым по численности народом. Они органично влились в духовное наследие многонационального края, стали его неотъемлемой частью и играют важную роль в общественно-экономической жизни. Старинные украинские села уже давно не являются моноэтничными, здесь живут люди разных национальностей: русские, башкиры, татары, чувашаи и многие другие напроды, что позволяет говорить о переплетении различных культур. Украинцы принесли на альшеевскую землю свой быт, песни, обряды, имеют богатую и насыщенную историю, глубокие интересные традиции, которые потомки первых переселенцев пытаются сохранять и популяризировать в различных формах, внося тем самым важный вклад в общее культурное и духовное богатство района и всего Башкортостана.

Примечания:

¹ Черниенко Д.А. Этнодемографическая ситуация и проблемы идентичности украинцев Южного Урала во второй половине XX – начале XXI в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-15360> (дата обращения: 27.01.2016).

² Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украинцы // Башкирская энциклопедия. Т. 6. Советы народного хозяйства – У. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2010. С. 412–413.

³ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, с. Казанка, Репенко В.И., июль 2012 г.

⁴ Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района. К 120-летию села Казанка / общ. ред. В.Я. Бабенко. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГТУ им. М.А. Шолохова, 2012. С. 86-96.

⁵ Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. С. 23.

⁶ Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Уфа: Типография Губернского правления, 1897. С. 90-91.

⁷ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, с. Нефороща, Дацун Н.З., июль 2012 г.

⁸ Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. С. 20-25.

⁹ Черниенко Д.А. Этнодемографическая ситуация и проблемы идентичности украинцев Южного Урала во второй половине XX – начале XXI в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-15360> (дата обращения: 27.01.2016).

¹⁰ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1961 г. Уфа, 1961.

¹¹ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1972 г.

Уфа, 1972.

¹² Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сентября 1981 г. Уфа, 1981; Административно-территориальное устройство РБ на 1 января 1999 г. Уфа, 1999.

¹³ При подготовке статьи использованы материалы историко-этнографической экспедиции в Альшеевский район РБ в июле 2012 г. из личных архивов М.М. Коваленко (с. Казанка), В.К. Марченко (с. Казанка), А.В. Надолько (с. Казанка), Г.А. Швайко (с. Казанка), Т.В. Федоровой (пгт Раевский), Л.И. Курылевой (с. Крымский), О.А. Грачевой (с. Тавричанка), Е.А. Журавлевой (с. Тавричанка), а также материалы школьных музеев и сельских домов культуры.

¹⁴ Бабенко Д.А., Черниенко Д.А. Украинцы // Народы Башкортостана. Энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2014. С. 313.

¹⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. В 2 ч. Ч.1 Уфа: Башкортостанстат, 2013. С. 58.

¹⁶ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, д. Байдакова, Авраменко Л.А., июль 2012 г.

¹⁷ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, с. Казанка, июль 2012 г.

¹⁸ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, с. Казанка, Швайко Г.А., июль 2012 г.

¹⁹ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, д. Нефороща, Маслак А.А., июль 2012 г.

²⁰ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Альшеевский район, с. Крымский, Чуприна В.Н., июль 2012 г.

Егоров Д. В. (г. Чебоксары)

РОЛЬ ЗНАХАРЕЙ И КОЛДУНОВ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

С древнейших времен важнейшую роль в жизни чувашского этноса играла религия, выполнявшая прежде всего мировоззренческую, коммуникативную, компенсаторную и регулятивную функции. В течение длительного исторического периода формировались система традиционных народных верований, своеобразный культ. Под воздействием различных фобий, сильнейшей зависимости от непредсказуемых явлений природы и стихий, распространившихся на этом фоне мифов и легенд чуваша стали проводить магические и очистительные ритуалы, жертвоприношения в честь разгневанных божеств и духов. Религиозно-мифологические представления людей стали тесно перекликаться с нормами обычного права и морали, системой поощрений

и наказаний. В связи с этим особое место в этносоциальной жизни стали занимать служители религиозного культа, которые по сей день являются весьма востребованными среди определенной части населения.

Данная статья посвящена выявлению роли знахарей и колдунов в правовой культуре чувашей во второй половине XIX – начале XX в. В региональной историографии достаточно весомо представлены работы о лечебной магии и ее ритуальной составляющей, однако проблематика в контексте правовой культуры исследована лишь спорадически.

В чувашских нарративных источниках встречаются разные названия знахарей и колдунов: «юмас» («юмса») – ворожей, знахарь, прорицатель; «тухатмаш» – колдун, ворожей, волшебник; «арамса» («арамас») – знахарь, колдун, волшебник, чародей; «верусе» – знахарь, заклинатель, колдун, ворожей; «асамас» («асамса») – волшебник, маг, колдун, знахарь; «насамса» – колдун, знахарь и др. Они являлись посредниками между людьми и добрыми или злыми духами. Крестьяне были глубоко убеждены в их сверхъестественных способностях исцелять больных, наносить порчу людям, домашним животным и растениям. Ритуальная практика знахарей и колдунов включала в себя специальные заговоры и заклинания с использованием стихий природы, предметов материальной культуры, различных фетишей, наделявшихся сверхъестественными свойствами.

Несмотря на определенную схожесть исследуемых служителей культа, важно акцентировать и их отличительные черты. Приведем интересную сравнительную характеристику между колдуном и знахарем («целителем»), данную венгерским этнографом Д. Месарошем: «Чувашский колдун в глазах народа – это провидец, который по своему желанию имеет непосредственную связь со злыми духами и с их силой и по тайному поручению разгневавшихся за плату может навести на людей порчу в отличие от целителя, имеющего такую же власть над духами, однако использующего свои знания для раскрытия причин отдельных болезней, ублажающего мелкими подарками злых духов, наславших болезни. Одним словом, его призвание – это исцеление. Он очень часто лечит хвори, возникшие в результате нанесения порчи колдуном»¹. Отметим также, что колдуны, в отличие от йомзей, скрывали от населения свою деятельность. Если знахари-целители в чувашских деревнях пользовались уважением и почетом, то колдуны, занимавшиеся порчей и зловредными действиями, восприни-

мались как опасные члены общества. Народное отношение к ним было всегда негативным².

Молва об опытности и эффективности йомзей в совершении различных обрядов распространялась не только по окрестным, но и дальним чувашским селениям. Поэтому крестьяне часто обращались к ним для разрешения различных проблем, что приносило знахарям значительный доход и авторитет в обществе³. За свой труд они получали водку, хлеб, холст и деньги⁴. К ворожеям чаще всего обращались во время болезней и различных несчастных случаев. Благодаря магическим действиям они якобы находили причину несчастья и давали советы: каким образом и какой жертвой нужно было умиловать то или иное божество. Иногда по совету ворожеи чуваша бросали в воду пряники, белый хлеб, свечи, монеты, яйца, подобия животных и птиц и др.⁵.

Рассмотрим наиболее распространенный способ ворожбы. Йомзи наливали воду в тарелку, на края клали небольшие хлебные сухарики на равном друг от друга расстоянии. Затем они брали в одну руку кусочек хлеба, втыкали в него иглу с ниткой. Взявшись за нитку, йомзи подносили кусочек с иглой на середину тарелки, отчего он начинал качаться, указывая на тот или иной хлебный сухарик на краю блюда. После этого ритуала знахари приходили к выводу, что болезнь произошла от известного духа, при произношении которого качнулась нитка, и что его необходимо умиловать, принеся в жертву определенных животных⁶.

Решения воспользоваться советом знахаря принимались даже на сельском сходе. В качестве яркого примера приведем случай ворожбы в одной из чувашских деревень по поводу коровьей эпизоотии. По велению знахаря для изгнания коровьей смерти из села члены общины соорудили антропоморфное полено, положили его в игрушечные сани, в которые впрягли петуха. К шее домашней птицы привязали две нитки в виде вожжей и с кнутами под крики погнали из села, загнали его в овраг и убили. После такой процессии, по представлениям чувашей, они должны были полностью избавиться от коровьей смерти. Однако, несмотря на это, эпизоотия продолжалась⁷.

Йомзи играли большую роль на свадьбах и родинах, предохраняя и избавляя своим влиянием и известными наговорами новобрачных от порчи, а новорожденных – от сглаза. В прошлом, согласно В.А. Сбоеву, йомзи разбивали над головой новорожденного два сырых яйца, отрывали голову живому петуху и выбрасывали все это за ворота.

Названный ритуал проводился при рождении, бракосочетании и смерти⁸.

Чувашские женщины обращались к йомзям и в случае семейного разлада, побоев. Для установления мира и спокойствия в семье они были готовы отдать все деньги и холст. Договорившись о гонораре, йомзя приступала к магическим действиям: доставала «приворотный корешок» (высушенный корень определенного растения), сыпала его солью, заворачивала в тряпку и шептала слова заклятия. Данный талисман женщина должна была отнести к *киремети* (священному месту жертвоприношения), положить у дерева и помолиться, а по возвращении домой тайно от членов семьи истолочь корешок с солью и посыпать его на домашний хлеб и воду. Употребив их в пищу, семейная жизнь должна была наладиться⁹. Имеются свидетельства, что к йомзям обращались молодые парни с целью приворота любимых девушек. По велению знахарей для проведения обряда они должны были принести нить из женской пряжи или одежды. Йомзя связывал ее концами с нитью из одежды молодого человека, сопровождая заклинаниями и заговорами. После этого отвергнутый жених вновь отправлялся к своей возлюбленной и ставил ультиматум: «Если ты не пойдешь за меня замуж, то знай, что я добыл нитку из твоего платья, я пойду и положу ее в *кереметь*; болезнь поразит тебя и ты высохнешь, как эта нитка». Суеверная невеста, напуганная возможной карой, давала согласие на брак¹⁰.

Ворожеи, знавшие и использовавшие язык заклинаний («*челхе пелекен*», «*челхе верекен*»), обладали большой сверхъестественной силой. Даже получив серьезные телесные повреждения от побоев за воровство, вскоре выздоравливали. Вместе с тем они могли моментально заболеть и умереть вследствие экзекуции рябиновой или черемуховой палкой. Данная категория ворожей могла умертвить своих обидчиков, дунув на хлеб, суп, или же с помощью одежды неприятелей со словами: «Пусть собственник этой вещи засохнет как эта река или дерево»¹¹.

Колдунами (впрочем, как и знахарями) могли быть и мужчины, и женщины. Однако чаще всего искусством колдовства обладали женщины. Свои знания они передавали одному из потомков¹². Так, например, если мать была колдуньей, то и ее дочь перенимала колдовские чары. По поверьям, *тухатмаши* не умирали, даже в случае серьезных заболеваний, пока не передавали способности своим детям или кому-нибудь другому¹³. Согласно верованиям чувашей, чтобы стать

колдуном, получить «силу», человек должен был съесть плоть «похищенного из утробы матери» ребенка или послед и пройти по кладбищам¹⁴.

Народное поверье также гласит, что колдуны приобретали сверхъестественные способности в результате заключения союза с нечистыми силами в обмен на свои души. По условиям сделки они вынуждены были постоянно заниматься порчей, в противном случае сами испытывали различные мучения и болезни. Местами заключения подобных союзов являлись кладбища, перекрестки дорог, *киремети*, заброшенные дома. Здесь в полночь собиралась целая свора колдунов¹⁵.

По чувашским поверьям, колдун мог испортить людей, наслать болезнь, умертвить, соединить в любви или разлучить, разводиться скот¹⁶. Порчу он накладывал при помощи хлеба и напитков¹⁷, яиц, масла и других съедобных продуктов питания¹⁸, различных трав и кореньев, ногтей, волос покойников, земли, взятой из могил, и др.¹⁹. Чуваша считали, что если дунуть на наговоренный кусок хлеба или напиток, то наговор терял силу. Порча имела определенный срок действия. Если в течение этого времени она не достигала адресата, то колдун сам начинал хворать, поэтому он старался обезопасить себя наговором, скажем, дерева²⁰. Приведем пример наложения порчи на человека. Согласно записи, составленной в 1915 г. А.Я. Аделеевым в д. Сугайкасы Цивильского уезда Казанской губернии, колдуньи отправлялись в *киремет* или на кладбище, закапывали в земле заранее отрезанные человеческие волосы, веревки от штанов или тесемки от рубашки. Результатом названных колдовских действий являлась тяжелая болезнь или слепота человека²¹.

Тухатмаш имел народную славу, так как его очень боялись²². По мнению чувашей, колдуна можно было узнать по следующим приметам: тряске во время целования креста, ямке под мышкой, синему лицу²³, длинным волосам и ногтям, голому хвостику («*ут хуре*» – «телесный хвост»)²⁴. Ему приписывали способность превращаться в кошек, собак, свиней, коров, гусей, коз, волков, медведей и других животных, птиц и даже в отдельные предметы²⁵. Как отмечал Н.И. Ашмарин, *тухатмаш* превращалась то в кошку и собаку, то в лошадь и корову, даже в огонь²⁶. В образе домашних и диких животных, птиц колдуны периодически собирались на кладбищах. Здесь они занимались порчей людей через украденные у них предметы; животных, подбрасывая к ним заговоренные лепешки; уничтожали урожай посредством вызывания града и пожара²⁷. Деятельность колдунов особенно

активизировалась в период поминальных праздников и обрядов: в ночь перед «симек» (Троицей), в «калам кас» (в ночь перед Пасхой) и др.²⁸. В это время в предохранительных целях хозяева домов втыкали рябиновые прутья на окна, двери, ворота, гумна, возводили вилами «железную ограду», наносили мелом кресты, убирали одежду и тряпки со двора²⁹.

Безусловно, зловредные деяния колдунов вызывали резкое недовольство и неприязнь среди чувашского населения. Поэтому крестьяне выработали комплекс мер по их выявлению и наказанию, ряд предохранительных средств. Сохранилось много мифов и легенд на этот счет. Довольно часто чувашаи преследовали кошек, собак и других животных, облик которых якобы принимали колдуны, избивали их палками, отрезали конечности, стреляли из ружей. Считалось, что в результате побоев *тухатмаш* вновь станет человеком и будет просить пощады. В любом случае на следующий день после экзекуции, членовредительства или выстрела предполагаемый колдун будет находиться в тяжелом болезненном состоянии³⁰.

Если *тухатмаш* был пойман с поличным во время своих зловредных действий, то его насильственно заставляли съесть заговоренные продукты питания, приготовленные для порчи, а затем подвергали избиению. В д. Юрмикейкино Ядринского уезда Казанской губернии колдунья, вредившая деревне своими наговорами, подверглась позорному шествию по деревне³¹. Однажды две женщины решили наложить порчу на богатую девушку, вышли в поле, разделись донага и стали изображать различных животных: лошадей, коров, свиней, собак и кошек, сопровождая действия криками и заклинаниями. Один из крестьян стал невольным свидетелем их колдовства. Он незаметно подполз к ним, забрал одежду и украшения и вскоре рассказал о порче богатой девушке. Нагие женщины вернулись в деревню с вестью о краже их одежды. Утром собрался сход. Члены общины, выслушав показания свидетеля, избивали женщин до полусмерти³².

В январе 1912 г. в газетах «Казанский телеграф» и «Санкт-Петербургские ведомости» были опубликованы статьи по резонансному делу об убийстве знахарки в Ядринском уезде Казанской губернии. Согласно материалам следствия у чувашского крестьянина д. Большие Атмени Ядринского уезда Алексея Васильева в конце декабря 1911 г. заболел 14-летний сын. Приглашенный для напутствия больного священник посоветовал обратиться к врачу. Однако А. Васильев по традиции решил обратиться за помощью к знахарке. 45-летняя целитель-

ница из Курмышского уезда Симбирской губернии прибыла в дом вечером накануне Нового года. В это же время с базара «Торжок Выла» вернулись пьяные соседи. Узнав, что сына Алексея Васильева лечила женщина травами и наговорами, крестьяне вообразили, что она колдунья, и зашли в избу. Сначала они придирались к ней, затем оповестили всю деревню о колдовских действиях женщины, о необходимости убить ее. Вскоре собравшаяся деревенская толпа избил знахарку, выдрала ей волосы, выколола глаза. В результате расправы женщина скончалась на месте. Убитой крестьяне засунули в рот кусок пирога. В ходе избиения хозяин дома успел убежать в соседнюю деревню. Озверевшие крестьяне искали его с фонарями. Не найдя А. Васильева, они избili до полусмерти его жену, а больного сына выбросили на улицу. Последнего кто-то из крестьян пожалел и унес в теплое помещение, чем и избавил от смерти. Участники расправы были найдены и арестованы³³.

Источники свидетельствуют, что убийство колдуна, согласно правосознанию чувашей, не являлось грехом, население с сочувствием относилось к подобным убийцам³⁴. Крестьяне считали, что смерть колдунов была страшной. Чувашское поверье гласит, что у них сначала отрезали язык, отрубали руки и ноги, затем отправляли в ад на вечное мучение³⁵. Д. Месарош в своем исследовании констатировал, что из-за дружеских отношений с сатаной и наведения порч колдун не умирал, а земля не принимала его тело. Однако люди хоронили его как умершего (как правило, в стороне от общественного кладбища). Правда, земля отвергала его тело из себя, иногда оно вязло в ней, вечно плавало на поверхности вод, а душа бродила по земле, причиняя болезни, наводя порчу на тех, кто осквернял его могилу или громко разговаривал возле нее. Бытовало поверье, согласно которому колдуна можно было убить окончательно, разрыв его могилу и забив сердце осиновым колом. Тогда его душа переставала наводить порчу на людей³⁶.

В случае обнаружения на территории своей усадьбы подозрительных предметов крестьяне избавлялись от них, тайком перебрасывая на двор соседа или же на усадьбу предполагаемого колдуна. Эффективными мерами отмщения являлись сжигание подброшенных предметов порчи на месте их находки либо их отнесение железными вилами в лес и защемление в стволе рябины. Суеверные крестьяне были убеждены, что названные меры должны были привести к болезненным страданиям лица, наложившего порчу³⁷. Традиционно рябина

считалась действенным средством защиты от порчи. Не случайно чувашаи при строительстве печки бросали под нее рябину³⁸, а женщины и девушки во время свадебных церемоний накалывали рябиновые ветки на головные уборы³⁹. Для того чтобы наказать колдуна-волшебника «асамса», виновного в падежах скота, крестьяне увозили падшую скотину в поле и сжигали, затем, сделав рябиновую лопатку, раскидывали оставшийся пепел по ветру. По поверьям, после этого ритуала колдун должен был умереть или захворать. Однако он якобы ухищрялся незаметно от хозяев являться в виде птицы или собаки и старался что-либо стащить до сжигания животного⁴⁰.

В случае совершения каких-либо правонарушений в крестьянской среде чувашаи прибегали к различным рациональным методам: опросу свидетелей, осмотру места происшествия, сбору улики и вещественных доказательств путем обыска, поиска по следу, изучению документов, выявлению знаков собственности и др. Если же нарушитель оставался неизвестным, то крестьяне обращались к знахарям, гадалкам и колдунам⁴¹. Гадалки и знахари обычно указывали не на самого преступника, а только на сторону его местопребывания, рост, внешность и другие общие черты, что можно было приложить к основной массе населения⁴². Приведем примеры ответов йомзи на вопрос «укажите похитителя драгоценности»: «вор боится, кабы не обнаружили покражу; потерянная вещь не ушла из деревни; вор захворал, вор подбросит вещь»⁴³. Знахари указывали лишь на общие приметы вора: например, это деревенский житель, одетый в черное, определенного цвета волос и др.⁴⁴.

Благодаря методам психологического воздействия йомзи иногда действительно помогали найти правонарушителя. Согласно записи, составленной 1 января 1917 г. респондентом Симеоном Петровым, у крестьянки с. Малые Яуши Ядринского уезда Казанской губернии похитили драгоценности на сумму 60 – 100 руб. Она пригласила чувашскую йомзю. Последняя велела собрать всех подозреваемых в воровстве. Во время нашептывания она каждому вручила палку одинаковой длины, отметив, что на следующий день палка вора удлинится. Воровка выдала себя тем, что укоротила палку⁴⁵. В 1906 г. в д. Белая Воложка Тетюшского уезда Казанской губернии произошла кража денег в сумме 143 руб. у богатого крестьянина Максима Андреева. Подозрение пало на мужчин, которые мылись вместе с ним в бане. Потерпевший сначала обратился к йомзе, чтобы преступник под страхом возмездия подбросил деньги. Действительно, вор выкинул 100

руб. через ворота М. Андреева, однако 43 руб. решил оставить себе. Тогда потерпевший обратился к колдунье «*тухатмаиш*», по совету которой отправился на кладбище, согнул ветку березы и принес оттуда горсть земли. После такого ритуала вор был обнаружен. Одного из тех, кто мылся в бане с потерпевшим, внезапно настигла мучительная болезнь⁴⁶.

Чувашская мифология богата примерами эффективных, со слов очевидцев, действий йомзей. Согласно сведениям неизвестного информанта из д. Очкасы Ядринского уезда Казанской губернии в 1911 г. свекор, подозревая свою сноху в краже денег, обратился к знахарю. В ходе гадания из подпола якобы вышло рогатое существо (дьявол) и обратилось к йомзе со словами: «Деньги съела корова, ты же обличи в пропаже сноху, тогда свекор побьет ее, женщина повесится, а ее душа будет нашей». Эти слова втайне подслушал и донес до свекра его внук. Мужчина зарезал корову и вытащил деньги изнутри⁴⁷.

Чтобы наказать виновного в краже скотины, чувашский йомзя должен был найти волчье горло (хрящ), надеть его на коровий рог и положить на ту дорогу, по которой увели животное со двора. В ходе данного обряда знахарь произносил слова заклятия над головой подозреваемого. Крестьяне были уверены, что через полгода или год вор сталкивался с различного рода несчастьями: падежом скота или смертью близких людей⁴⁸.

Нередко в крестьянской среде возникали дела о потраве – порче, истреблении посевов, трав. В таких случаях ответственность за причиненные убытки нес хозяин животного. Некоторые чуваша за потраву хлеба скотом мстили его владельцу наговорами, в результате чего животное умирало⁴⁹. В д. Нижние Куганары Ядринского уезда Казанской губернии жил известный знахарь «*Сара Павал*», который мог испортить любую лошадь. Стоило ему лишь найти след животного, совершившего потраву, он брал камень, накаливал его на огне, наговаривал и накладывал на обнаруженный след. В результате данного ритуала лошадь могла захворать и умереть⁵⁰. Существовал и другой способ мести – умерщвления животного – сжигание кала лошади в процессе наговоров⁵¹.

Решение социально-правовых проблем при помощи знахарей и колдунов было обычным явлением. Нередко им платили почти столько же, сколько стоила украденная вещь. Если потерпевший обращался к ворожеям, то преступником овладевал суеверный страх обличения и наказания. В нашем распоряжении имеется даже сви-

детельство убийства пострадавшего от кражи, который направлялся к знахарю⁵².

Немаловажная роль в крестьянском обществе отводилась знахарям и ворожеям в ходе тушения пожаров. Считалось, что огонь можно было быстро потушить наговоренной водой⁵³. Прекрасными знаками подобного наговора от пожара («*вут челхи*») были чувашские знахари. После заклинаний они брали горсть земли и бросали в огонь⁵⁴. Д. Месарош отмечал, что крестьяне в случае пожара с первым ведром воды бегали к знахарю, который нашептывал заклинание на воду, обращаясь к «матери огня» и «отцу огня», три раза отводил ведро железным инструментом и плевал в него. Сначала пожар нужно было тушить названным ведром, затем следовало полномасштабное тушение⁵⁵. Известные причитания нужно было произнести, по словам псаломщика с. Ерилкино Бугурусланского уезда Самарской губернии, и для того, чтобы изменить направление ветра во время пожара⁵⁶. Одним из способов быстрого тушения пожара являлось прохождение знахаря вокруг горящего дома, три раза плюнув и проклиная злые силы. Имеется поверье, что знахарь («челхе верекен») во время пожара мог сжечь дома и хозяйства своих обидчиков, лишь указав на них⁵⁷.

В 1884 г. в чувашской деревне Синьялы Норусовского прихода Ядринского уезда Казанской губернии случилось восемь пожаров один за другим, почти вся деревня пострадала. Распространился слух, что накануне каждого пожара сзади сгоревших зданий появлялась какая-то женщина, которая определенно что-то высматривала. Появлялась она перед закатом солнца, потом куда-то исчезала. Чтобы выяснить причины пожара, крестьяне пригласили трех авторитетных йомзей. Те потребовали чашку с водой, посмотрели в нее и объявили: «Под корнем вяза, росшего близ деревни, несколько лет тому назад была скрыта одной матерью незаконнорожденная ею девочка. Эта девочка достигла брачного совершеннолетия, она-то по вечерам и ходит позади строений жителей, высматривая себе жениха. Навещать деревню она будет до тех пор, пока в деревне не останется целых только восемь домов; в одном из них она и найдет себе жениха...»⁵⁸.

Чувашский священник с. Малые Яуши М.Д. Дмитриев сообщил В.К. Магницкому, что в крестьянской среде действительно шли названные слухи, но также добавил, что вяз срубило общество, чтобы сварить мирское пиво для моления *киремети*, в том же году и начались пожары. По его словам следует, что виновником пожаров был

«дух-киремет», мстивший жителям деревни за вырубку вяза, его места обитания. Согласно официальной версии случившегося поджогами мстили новожила деревни, которых хотели изгнать старожила. Конфликт дошел до судебного разбирательства. Решение суда было принято не в пользу новых жильцов, которые были вынуждены навсегда покинуть деревню⁵⁹.

Отношение народа к знахарям и колдунам можно проследить по чувашским пословицам, выработанным опытом повседневной жизни: «*Уркенмен аста пулна тет, ватанман йумас пулна тет*»⁶⁰ (Работящий стал мастером, а несмущающийся – знахарем), «*Тогатмышна вурра тора мала ямасть, тесьси*» (Бог не дает успеха колдунам и ворам)⁶¹. Паремия свидетельствует о негативных моральных качествах служителей культа. Чуваша полагаля, что знахарям и колдунам всегда помогал дьявол. По их мнению, йомзя обманывал чувашей, а колдун налагал порчу⁶². «Знахари, впрочем, известные жулики, которые все беды народа используют только для того, чтобы наполнить свой карман, – писал Д. Месарош. – И чуваша везде ругают их за вымогательство, но несмотря на это, если их настигнет беда, первым делом бегут за помощью к знахарю»⁶³.

Таким образом, знахари и колдуны играли весомую роль в правовой культуре чувашей в исследуемый период. Позиционируя себя в качестве посредников между мирами людей и духов, носителей сверхъестественных знаний и навыков исцеления и нанесения порчи, они принимали также активное участие в процессе поиска пропавших вещей, животных, преступников, назначении суровых наказаний и др. Нет сомнений в психотерапевтическом эффекте проводимых ими магических ритуалов.

Несмотря на стремление исследуемых служителей культа использовать свои знания и опыт в личных меркантильных интересах, крестьяне активно обращались к ним в трудных жизненных ситуациях. Необыкновенная живучесть знахарей и колдунов, а также их магии свидетельствует о высокой степени распространения религиозных предрассудков и суеверий в дореволюционной чувашской деревне.

Примечания:

¹ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 205.

² Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. С. 111-112.

- ³ Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. С. 166-167; И-в А. Чувашские юмзи // Этнографическое обозрение. 1899. № 1-2. С. 344.
- ⁴ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 215. С. 364; Ед. хр. 233. С. 97; Денисов П.В. Указ. соч. С. 293.
- ⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 678; Ед. хр. 285. С. 432.
- ⁶ И-в А. Указ. соч. С. 343-344; Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. С. 16-17; Месарош Д. Указ. соч. С. 215.
- ⁷ Камаров В. Очерк из жизни чуваш // Справочный листок города Казани. 1867. № 121. С. 483.
- ⁸ И-в А. Указ. соч. С. 344.
- ⁹ Виноградов Ф.В. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск: Губернская типография, 1897. С. 9.
- ¹⁰ Там же. С. 10.
- ¹¹ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. Шупашкар: Чаваш кенеке изд-ви, 2004. С. 265.
- ¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 362; Ед. хр. 247. С. 32; Ед. хр. 154. С. 324; Михайлов В.И. Обряды и обычаи чуваш. Оттиск // Записки Императорского РГО по отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XVII. Вып. II. С. 118; Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 421, 422, 435.
- ¹³ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 264-265, 421, 422, 424, 435.
- ¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 362-363.
- ¹⁵ Денисов П.В. Указ. соч. С. 112-113; Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 423, 427.
- ¹⁶ Михайлов В.И. Указ. соч. С. 118; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. С. 250, 322.
- ¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 363; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1937. Вып. XIV. С. 201.
- ¹⁸ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 422, 437.
- ¹⁹ Михайлов В.И. Указ. соч. С. 118.
- ²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 363.
- ²¹ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 265.
- ²² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 363; Ед. хр. 247. С. 134; Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 421.
- ²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 362.
- ²⁴ Месарош Д. Указ. соч. С. 207-208.
- ²⁵ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. Шупашкар: Чаваш кенеке изд-ви, 2004. С. 422, 424, 429, 432, 434, 435.
- ²⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIV. С. 201.
- ²⁷ Денисов П.В. Указ. соч. С. 113.
- ²⁸ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 422-423, 426-427.
- ²⁹ Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 159.
- ³⁰ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 426-439; Денисов П.В. Указ. соч. С. 115.

- ³¹ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919. С. 73.
- ³² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. С. 68.
- ³³ Ядринский уезд. Убийство знахарки // Казанский телеграф. № 5617. 14 января 1912 г. С. 5.
- ³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 320. С. 83; Никольский Н.В. Указ. соч. С. 83; Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 438.
- ³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. С. 75; Ед. хр. 247. С. 134; Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 421.
- ³⁶ Месарош Д. Указ. соч. С. 208-209.
- ³⁷ Денисов П.В. Указ. соч. С. 114.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. С. 433.
- ³⁹ Месарош Д. Указ. соч. С. 212.
- ⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. С. 250.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 211. С. 139-140; Ед. хр. 271. С. 209.
- ⁴² Там же. Ед. хр. 158. С. 105; Ед. хр. 285. С. 579.
- ⁴³ Там же. Ед. хр. 285. С. 579.
- ⁴⁴ Полевые материалы автора (ПМА). Зайцев А.И., 1940 г. р., д. Новые Шальгямы Канашского р-на Чувашской Республики; Ерофеев И.П., 1937 г. р., д. Бахтигильдино Батыревского р-на Чувашской Республики.
- ⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285. С. 579-580.
- ⁴⁶ Там же. Ед. хр. 160. С. 473-475; Салмин А.К. Указ. соч. С. 371.
- ⁴⁷ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 265.
- ⁴⁸ Виноградов Ф.В. Указ. соч. С. 6.
- ⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. С. 72; Ед. хр. 167. С. 246; Никольский Н.В. Указ. соч. С. 70.
- ⁵⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. С. 246.
- ⁵¹ Никольский Н.В. Указ. соч. С. 70.
- ⁵² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 271. С. 209.
- ⁵³ Там же. Ед. хр. 215. С. 311; Ед. хр. 243. С. 127-129.
- ⁵⁴ Там же. Ед. хр. 251. С. 298; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1936. Вып. X. С. 61.
- ⁵⁵ Meszaros Gyula. Csúvas nekoltesi gyujtemeny. Budapest: Kiadja a magyar tudományos академия, 1909. Kotet I. A csúvas osvallas emlekei. О. 306.
- ⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. С. 591.
- ⁵⁷ Чаваш халах пултарулахе. Мифсем, легендасем, халапсем. С. 265.
- ⁵⁸ Магницкий В.К. Из быта чуваш Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 135-136.
- ⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 517. Л. 234-235.
- ⁶⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 149. С. 197; Ед. хр. 230. С. 64; Ед. хр. 306. С. 432 а.
- ⁶¹ Михайлов С.М. Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853. С. 38.
- ⁶² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 181. С. 203; Месарош Д. Указ. соч. С. 205-206.
- ⁶³ Месарош Д. Указ. соч. С. 218.

МЕЦЕНАТСТВО КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ МОНАШЕСКОЙ ОБЩИНЫ НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОГО УСПЕНСКО-МАКАРЬЕВСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОВОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Монастыри всегда являлись центрами религиозной жизни православного населения Оренбургского края. Если проследить историю формирования монашеских общин, а позже и монастырей, то можно выявить определённую закономерность, которая заключается в одинаковых стадиях развития.

Первоначальным этапом является формирование общины, существование которой контролируется Духовной консисторией, и после испытательного срока данная община получала официальное открытие. Доказав собственную самостоятельность в материальном и бытовом плане, по ходатайству епархиального начальства и распоряжению Святейшего Синода община получала статус монастыря.

Отдельным блоком в этой, ставшей традиционной, системе стоит Оренбургский Успенско-Макарьевский мужской монастырь, который был основан на частные средства и по личной инициативе благодетеля Оренбургского купца Георгия Никифоровича Мещерякова.

Первоначально на образование монастыря Г.Н. Мещеряковым было пожертвовано около 300 тыс. рублей, после смерти благодетеля, дело обустройства монастыря было продолжено его сыном, купцом, Александром Григорьевичем Мещеряковым¹.

Монастырь располагался на выделенном участке семьи Мещеряковых, именуемым Бардин, в степной местности на берегу небольшой речки Каргалки, на расстоянии 14 верст от города Оренбурга по тракту в Чернореченский казачий поселок.

По замыслу Мещерякова предполагалось переселить в устроенную обитель монашескую братию с Афонской Свято-Троицкой общины. Во главе общины Мещеряковым предполагалось и спрашивалось разрешение у Преосвященного поставить иеромонаха Серафима (Масягина). «Так как давно иеромонах Серафим мне известен с отличной стороны и обладает качествами, необходимо нужными при благоустройстве новой общины»².

После получения благословения правящего архиерея и губернской канцелярии семейство Мещеряковых оплатило переезд монаше-

ствующих, к приезду которых уже были готовы жилые корпуса и достраивалась церковь.

Монашеская община 19 августа 1895 года была утверждена Святейшим Синодом на правах общежительного монастыря³.

Церковь в обители была одна, - Успения Пресвятой Богородицы, - освящена 13 августа 1895 года Преосвященным Макарием (Троицким), Епископом Оренбургским и Уральским; строительство велось на средства строителя обители - купца Мещерякова. Престол в Успенской церкви был один - во имя Успения Пресвятой Богородицы. Основные торжества, связанные с большим количеством богомольцев, приходились на день храмового праздника обители.

Ризниц, утвари и богослужебных книг по ходатайству семейства Мещеряковых было предостаточно.

Богослужение в Успенской церкви «совершалось применительно к монастырскому уставу, придерживаясь великих праздников и напевов Киевской лавры»⁴.

За пять лет существования монастыря число монашествующих в обители кроме настоятеля и иеромонахов насчитывало: 6 дьяконов, 3 указных послушника и двух человек, живущих на испытании. Всего в монастыре к 1900 году насчитывалось до 25 человек насельников⁵.

Построек в обители было мало, все строения были деревянные. Для проживания братии на территории монастыря имелось три жилых корпуса, один из них имел нижний каменный этаж, который служил одной половиной для трапезной, а другой для братской кухни. Кроме того на монастырской усадьбе были устроены две гостиницы для богомольцев. Одна именовалась среди братии монастыря «чистой», так как была рассчитана на состоятельных богомольцев, и другая для простого народа.

Несмотря на старания насельников монастыря, из-за ухудшения дел и финансового положения семейства Мещеряковых, все постройки за несколько лет пришли в ветхость, «тёплые строения стали ужасно холодны, так что нет возможности жить в них в зимнее время»⁶. Как отмечал в своей отчётности окружной благочинный, несмотря на все неприятности в бытовом плане, братия не покидала монастырь а со смирением принимала все испытания.

В материальном отношении Успенский мужской монастырь был в меру обеспечен, основные финансы на содержание монастыря приходились на пожертвования семейства Мещеряковых и частных лиц. Но,

несмотря на это, насельниками ежегодно проводились ремонтные работы в монастырских строениях за свой счет.

Хозяйственное имущество Успенского монастыря составляла два участка земли: один участок в 14 десятин 1587 кв. сажень, другой 48 десятин 1048 кв. сажень. Оба участка были закреплены за обителью с Высочайшего распоряжения от 23 сентября 1895 года⁷.

Ведение сельского хозяйства на обоих участках было мало удобно для хлебопашества, так как земля была «гориста и камениста»⁸, лугов для сенокоса было достаточно на небольшое число домашнего скота. «Лес на монастырских землях, как предполагалось, будет пригоден в будущем, так как он перед тем, как поступив в собственность обители, был начисто вырублен»⁹.

Кроме того монахи занимались изготовлением кирпичей в небольшом объёме для личных нужд, для чего имелась небольшая мастерская, выстроенная из самана, внутри которой был камнем выложен пол и построена печь для обжига кирпича. Отдельной статьёй доходов монастыря была рыбная ловля, но очень скоро данная статья в отчётности исчезла, т.к. объёмы промысла были незначительны и не всегда покрывали потребности самого монастыря, о продаже рыбы речь даже не шла.

В помощь на содержание монастыря был пожертвован строителем обители каменный одноэтажный дом в городе Оренбурге, приносящий первое время доход обители (за вычетом всех расходов на него) до 1800 руб. ежегодно; данный дом был закреплён за обителью по Высочайшему распоряжению 31 мая 1897 года¹⁰.

В этом доме с благословения Его Преосвященства была открыта часовня, где совершалось служение для приходящих богомольцев молебнов и панихид, для чего там проживал иеромонах и несколько послушников. Со временем, из-за нечастого посещения служб богомольцами, пользы в материальном отношении дом в Оренбурге монастырю приносил мало¹¹.

Источником материального поддержания обители служили добровольные пожертвования богомольцев за поминовение живых и умерших, но количество богомольцев в обители, за отдалённостью расстояния от города и селений, было малочисленно, а в весеннее время из-за разлива реки Сакмары, совершенно прекращалось всякое сообщение с городом.

Согласно страховой ведомости, к 1910 году на балансе Успенско-Макарьевского монастыря находились:

монастырская церковь, построена в 1893 году и освящена 13 августа 1895 г.;

двухэтажный братский корпус, построен 1893 году с пристройкой жилого флигеля;

братский корпус, построен 1895 г.;

мастерская 1899 г.;

просфорная 1899 г.;

два флигеля для проживания братии, построены 1899 и 1902 гг.;

настоятельский дом, построен 1908 году.

Помимо указанных строений на территории монастыря располагался дровяной сарай с навесом.

За оградой монастыря располагался Экономический или Экономный двор, обнесённый деревянной оградой, на котором располагались:

дом - гостиница для проживания богомольцев 1888г.;

дом для проживания наёмных рабочих 1888 г.;

конюшни 1906 г.;

привратницкая или караульная изба 1908 г., а также лесной двор, на котором был построен жилой дом в 1908г. с амбаром.

Помимо указанных строений в монастыре имелась баня, каретник, и каменное жилое помещение.

В результате к 1910 году страховая стоимость недвижимого имущества Успенско-Макарьевского монастыря составляла 52150 руб¹².

Успенско-Макарьевский общежительный мужской монастырь является примером образования монашеской общины по инициативе частного лица не духовного звания, которое подготовило имущественную базу и корректировало на начальном этапе процесс формирования монашеской общины.

Успенско-Макарьевский монастырь, как самостоятельная единица, показал свою несостоятельность в ведении хозяйственной деятельности, которая к XX века приблизилась к состоянию банкротства. Денежных вложений со стороны губернского и войскового правления не было по причине отсутствия заинтересованности со стороны властей.

Монастырь до самого своего закрытия продолжал своё существование за счёт частных пожертвований. В зависимости от материального благополучия семьи Мещеряковых зависели и материальные возможности братии Успенско-Макарьевского монастыря.

Ещё один факт говорит об «искусственности» положения данного монастыря. На примере того, что Успенско-Макарьевский мужской

монастырь полноценно не был включён в систему государственно-церковных отношений, братия меньше всех платила налог на епархиальные учебные заведения, и в данный монастырь не направлялись лица, находящиеся на епитимье по распоряжению церковного суда. В дополнение необходимо отметить, что братия монастыря не занималась самостоятельной хозяйственной деятельностью, а сдавала в аренду земли, находившиеся в собственности монастыря.

К 1918 году численность братии и насельников Успенско-Макарьевского мужского монастыря составляла: игумен, 11 иеромонахов, 3 дьякона, 15 монахов и 12 послушников¹³.

В настоящее время на месте монастыря располагается посёлок Зауральный. Сохранилась шахта колодца и один сильно перестроенный жилой дом. На месте Экономного двора сохранились в частично перестроенном виде монастырская гостиница и жилой дом. Помимо строений остались фрагменты стен конюшни, а так же несколько фрагментов каменной лестницы, ведущей от дома гостиницы к основанию холма.

Святые ворота Успенско-Макарьевского общежительного мужского монастыря

Сохранившиеся строения Оренбургского Успенско-Макарьевского общежительного мужского монастыря

1. Бывшая территория Успенско-Макарьевского общежительного мужского монастыря.
2. Жилой дом.
3. Шахта монастырского колодца.
4. Бывшая территория Экономного двора.
5. Гостиница.
6. Жилой дом.

Примечания:

¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4825. С. 76.

² ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 209. С. 29.

³ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 347. С. 84.

⁴ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 49. С. 6.

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5497. С. 24.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5513. С. 4.

⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. С. 73.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 6318. С. 18.

¹² Страховая ведомость 1910 г. Личный фонд Иеромонаха В. Коробова.

¹³ Ф. 173. Оп. 5. Д. 95. С.3.

РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Весьма значительны, хотя они и остались мало замеченными, были связи старообрядчества с ростом русского народного хозяйства, в частности русской промышленности, причем технологически – самой прогрессивной, а в политическом и военном отношении – самой важной ее отраслью, с промышленностью горно-металлургической. Если в XVIII и в начале XIX века Россия стояла на первом месте в мире по производству железа и оказалась в значительной степени благодаря этому одной из самых сильных военных держав, то этому она была обязана уральской металлургии, в которой командующую роль играли старообрядцы-металлурги.

Как и на Севере, старая вера развивалась на Урале почти что одновременно с зарождением там металлургической промышленности. Конечно, это была чистая случайность, что всего лишь через двадцать с небольшим лет после того, как в 1631 г. на Урале был построен первый Нитсинский завод¹, там начало распространяться старообрядчество. Аввакум на своем пути из Москвы в Тобольск и потом обратно по дороге из сибирской ссылки на родину неустанно, со всем свойственным ему энтузиазмом призывал местное русское население не принимать нововведения и не идти на компромисс с «врагами православия»².

Упорство и непримиримый фанатизм были отличительной чертой уральского и сибирского старообрядчества, во многом очень похожего на северное беспоповство и определенно связанного со старой верой Севера.

Проникновению старой веры на Урал и в Западную Сибирь содействовали и пути сообщения, связывавшие как раз главные центры старообрядчества в России с русскими новыми азиатскими владениями.

Помимо Севера, центр России тоже дал Уралу и Сибири немало старообрядцев, которые двигались по Волге и Каме на восток к Уральским заводам и дальше в Сибирь. Главным этапом на пути этой, уже не беспоповской, а поповской старообрядческой эмиграции стал Керженец – поповский центр около Нижнего Новгорода.

Блестящие промышленники и финансисты, Никита Демидов и его сын Акинф были твердыми последователями и приверженцами старой веры.

Эти почитатели старой веры широко открыли двери своих предприятий для старообрядцев, и не будет преувеличенным сказать, что коммерческое и техническое руководство их промышленной империи до начала, даже до середины XIX века было почти целиком в руках старообрядцев.

Невьянский завод, ставший в 1702 г. первым этапом демидовской экспансии на Урале, явился в то же время и первым центром старообрядческого движения в этом районе. Из Невьянского завода старая вера перебросилась в 1721-1725 гг. на Выйский и Верхнетурский³, а оттуда стала распространяться и на другие уральские заводы.

Акинфий Демидов, сын Никиты – основателя этой промышленной династии – успел уже проникнуть не только в правительственные и придворные круги, но и в местную знать и успешно там защищал своих старообрядческих горнозаводчиков и технократов-металлургов и их подчиненных. Вместе с ним по этой линии старался и другой владелец уральских предприятий, представитель стариннейшей русской промышленной семьи, барон Строганов, тоже вышедший, но гораздо раньше Демидовых, из капиталистов-предпринимателей в русскую знать⁴.

Не случайно олонецкие мастера порекомендовали Геннину построить новый центр уральской горной промышленности, названный им Екатеринбургом, всего лишь в нескольких верстах от скита Шарташ, старейшего религиозного центра уральского поповского старообрядчества, который сохранил свое влияние на весь Урал и в XIX веке.

Второй после Демидовых по влиянию на Урале горнопромышленной «династией», которой принадлежали многие заводы в Красно-Уфимском уезде, были старообрядцы Осокины⁵, основавшие Иргинский, первый из своих заводов, в 1730 г. Первый в горнопромышленной династии Осокиных, Петр, был тайным старообрядцем, сын же его Михаил официально объявил себя приверженцем старой веры.

На Урале распространителями старой веры являлись представители высшей заводской администрации, специалисты, мастера и вообще вольнонаемный, работавший по контрактам, персонал. Основная масса уральских простых, неквалифицированных рабочих состояла из крепостных крестьян, приведенных сюда из внутренней России своими владельцами или причисленных к казенным заводам по распоряжению правительства. Они переходили в старообрядчество уже под влиянием своей администрации.

Уже в самые ранние годы развития горно-уральской промышленности старая вера развивается здесь не снизу, как движение низших

классов, а сверху, под давлением администрации заводов, и впервые здесь устанавливается принцип «чье предприятие, того и вера», который в значительной степени соответствует западному «*cuius regio, ejus religio*» и который будет и в дальнейшем довольно часто определять характер роста старообрядчества в русских промышленных предприятиях.

Не приходится удивляться тому, что и частные горнопромышленники того времени, и казна так широко открывали двери заводских канцелярий и цехов старообрядцам – специалистам и администраторам. Рост уральских заводов в XVI-XVII веке был почти непрерывным, и нужда в специалистах в России того времени была не менее велика, чем и в начале XX века. А, судя по сведениям того времени, большинство металлургов-специалистов из Олонца, Великого Устюга, Тулы (на тульских заводах старая вера была сильна и в XIX веке)⁶ состояло в старообрядчестве.

Всего лишь за десять лет, с 1744 по 1754 г., число «записных» старообрядцев, не считая «незаписных», боявшихся из-за преследований регистрироваться, – а таковых было во много раз больше, чем записных, – только на Демидовских заводах выросло в полтора раза, с 2732 до 4029 человек⁷.

А ведь начиная с 1735 г. и до 1762 г. правительство и церковь не ослабляли своих усилий по искоренению старой веры, миссии для увещевания старообрядцев и попыток возвращения их в государственную церковь посылались на Урал одна за другой. Аресты продолжались.

Одним из результатов преследования было еще большее обозление старообрядцев против церкви и правительства.

Положение резко меняется только после 1762 г., когда манифесты Петра III и Екатерины II даровали старообрядцам свободу вероисповедания. Прежде гонимые и принужденные молиться и проповедовать свою веру в строгом секрете, старообрядцы теперь выходят в общественную жизнь, официально организуют свои общины, строят храмы. Начинается новая эпоха жизни уральского старообрядчества, во время которой уже не только заводская администрация, но и городская старообрядческая буржуазия начинают играть видную роль и в развитии края, и в росте старообрядческих общин. Уже до манифестов Петра III и Екатерины в 1760 г. на уральских заводах насчитывалось 5875 зарегистрированных старообрядцев, что составляло около трети всех служащих и рабочих, но *de facto* число их было значи-

тельно выше⁸. Теперь же, с получением свободы веры и организации общин, число их резко увеличивается.

Через шестьдесят лет после манифеста Петра III и Екатерины II, С.Д. Нечаев, ревизор императорского правительства, посетивший в 1826 г., то есть в самом начале царствования императора Николая I, уральский край, отмечал, что хозяйственная жизнь Урала и даже управление больших торговых городов этой важной горнопромышленной области находятся почти целиком в руках местных купцов-старообрядцев⁹. За столетие существования горнопромышленного Урала и особенно за годы царствования Екатерины II и Александра I здесь успела создаться богатая, предприимчивая и упорная торгово-промышленная среда, состоявшая главным образом из старообрядцев-поповцев.

Верхушка старообрядческой «аристократии», ведущего слоя уральской буржуазии конца XVIII и начала XIX века, была тесно связана с предприятиями новых магнатов местной промышленности, знаменитого заводчика и купца Саввы Яковлева и его сына Петра, которые в течение последней трети XVIII века играли на Урале ту же роль, которую в первой половине века играли Демидовы.

На своих заводах он полагался почти что только на старообрядцев, которые сделали его предприятия опорой старой веры. В 1767-1769 гг. он скупил ряд заводов, которые принадлежали Демидовым. В 1774 г. у него было уже 5 купленных заводов и 2 построенных им самим, а в 1779 г. в яковлевской промышленной империи было уже 12 заводов, к которым сын Саввы Петр прибавляет еще один, тринадцатый¹⁰. Центром старообрядчества на яковлевских заводах и основой его распространения по новым, построенным самим Саввой предприятиям стал бывший демидовский Верхнеисетский завод, на котором люди старой веры твердо укрепились еще в 1716 г. Следующим по влиянию был Верхненейвинский завод.

Вслед за Яковлевым, уже в самом конце XVIII века на Урале появляется и один из первых открытых, так сказать, официальных старообрядцев-заводовладельцев. Это был Иван Васильевич Расторгуев, богатейший Вольский купец, Вольский городской голова, зять знаменитого в конце XVIII века богатейшего дельца В.А. Злобина, первого петербургского старообрядца-миллионера, принятого в высшее общество и имевшего влияние даже в верхушках петербургской аристократии¹¹. Расторгуев скупил в начале 1800-х гг. Каслинский, Кыштымский и Нязе-Петровский заводы и оттуда систематически распро-

странял свое влияние в среднеуральской промышленной области¹². Около своих заводов Расторгуев организовал два старообрядческих монастыря: мужской на озере Сунгул и женский на озере Аншаба, которые вместе с другими монастырями, основанными старообрядцами-заводчиками, энергично действовали по распространению старой веры.

В свою очередь, в конце XVIII и начале XIX века заведующие демидовскими заводами, особенно директор Ревдинского завода Любимов, давали всевозможную поддержку местным старообрядцам и даже притесняли новообрядцев, стараясь добиться их перехода в старую веру¹³.

Поддержка старообрядцев заводской администрацией и непосредственное открытое участие их самих во владении и в управлении заводами не ограничивалось в начале XIX века только демидовскими, яковлевскими и расторгуевскими предприятиями. На заводах так называемой юговской группы, принадлежавших графу И.Г. Чернышеву, на заводах братьев Осокиных – Иргинском, Юговском, Бизярском и Курамшинском, на заводах Солодовщиковых, заводах Кнауфа и Губона – Нижне- и Верхнеуфалейских заводах – владельцы ценили и всячески оказывали помощь старообрядцам-технократам, которые стали почти что монополистами металлургической техники на Урале¹⁴.

Новая эпоха в жизни екатеринбургских старообрядцев начинается тогда, когда во главе их становится Яким Меркурьевич Рязанов, проявивший большие организационные способности. Яким Рязанов был сыном старообрядческого священника Меркурия¹⁵, тоже бывшего до 1804 г. главою екатеринбургской поповской общины. Яким Меркурьевич оставался в течение четверти столетия во главе екатеринбургских старообрядцев, но даже и, уйдя в 1829 г. на покой, он до 1838 г., когда он перешел в единоверие, был наиболее авторитетным деятелем старой веры на Урале (он умер в 1849 г.)¹⁶. (Единоверием называлось воссоединение части старообрядцев с православной синодальной церковью, причем старообрядцам разрешалось иметь от церкви священников, которые служили по дониконовским книгам и крестились двумя перстами. Единоверие было предложено митрополитом Платоном и утверждено императором Павлом в 1800 г. Император Павел вообще хорошо относился к людям старой веры. В единоверии священники подчинялись епархиальным епископам и Синоду, против чего был в 1820-1830-х гг. Рязанов, который предпочитал подчинение общим гражданским властям, чем Синоду).

Когда император Александр I посетил Урал, то он навестил и старообрядческие екатеринбургский и главный шарташский храмы, стоял там литургию, подошел к священнику под благословение и сделал даже значительное пожертвование, что еще подняло престиж уральского центра среди сторонников старой веры. На императора так же, как и на последующих посетителей края, местные старообрядческие святыни производили большое впечатление.

Неудивительно, что, обладая сам недюжинными способностями и имея поддержку со стороны не только своих непосредственных помощников, но и всего такого дисциплинированного и крепкого уральского старообрядчества, Рязанов создал колоссальную организацию, насчитывавшую 150 000 активных и жертвенных членов-мужчин в районах Екатеринбурга, Перми и даже Тобольска, всегда готовых поддержать своего руководителя¹⁷. К его обществу около 1830 г. принадлежали без малого все заводы края, управляющими которых со всеми своими поселками были старообрядцы. Это были, в частности, Верхненейвинский, Каслинский, Кыштымский, Тагильский, Исетский, Невьянский, Режевский, Нязе-Петровский, Верхне- и Нижнеуфалейские заводы Губина и многие другие (главным образом к югу от Екатеринбурга).

Переход в старую веру был нередко переходом в крепкое, богатое, дружно спаянное общество, дававшее среду, помощь, работу, связи, возможности кредита и отличные способы информации и сообщений.

Успех старообрядческой пропаганды стал особенно заметен на Урале в годы «правления» Рязанова, и в Пермской губернии в 1820-х гг. старообрядческие пропагандисты агитировали целые селения и заставляли опасаться, что новообрядческие церкви совсем заустеют¹⁸.

П.И. Мельников после четверти столетия борьбы и знакомства со старообрядчеством пришел к довольно неожиданным для долголетнего гонителя старой веры мыслям: по его мнению, дальнейшее существование и успехи Российского государства целиком зависели от существования и распространения старообрядчества, в котором он видел единственную прочную консервативную силу, способную спасти Россию от внутренних потрясений.

К сожалению, император Николай I был не знаком и вряд ли, если бы и был знаком, мог бы согласиться с П.И. Мельниковым.

Наставники беспоповцев и священники попавцев ссылались, общины лишались права легального существования и постепенно ликвидировались. Капиталисты-старообрядцы лишались своих предпри-

ятий, если не переходили в единоверие или прямо в господствующую новообрядческую церковь; управляющим, приказчикам-технократам и часто даже просто техникам из старообрядцев приходилось уходить с предприятий, в том числе и с уральских горных и металлургических заводов. К концу царствования, в 1850-х гг., борьба была закончена победой над всеми значительными центрами старой веры. Уральская металлургия потеряла бесконечное количество своих технократов и специалистов. Несомненно, что этот разгром промышленных кадров сказался и на ведении Крымской войны, к началу которой ликвидация старообрядческих организаций была как раз завершена.

Старая вера была страшно ослаблена, но не искоренена. Старообрядчество, несмотря на тяжелые потери и утраты важнейших позиций, продолжало жить, хотя и не так интенсивно.

Свой твердый дух, преданность вере, старым идеям и традициям, непреклонность в отстаивании своих убеждений уральские старообрядцы пронесли через три с половиной века. Многие из них верны своей вере и своим идеалам и до сих пор.

(С.Д. Нечаев и П.И. Мельников (Андрей Печерский), мнения и цитаты из произведений которых приводятся в этой работе, никак не принадлежат к числу либеральных писателей, увлекавшихся во второй половине XIX века проблемами старообрядчества, каковыми были Щапов, Кельсиев, Пругавин и многие другие. Оба долгие годы были чиновниками МВД, специализировавшимися на вопросах церкви. П.И. Мельников даже участвовал в преследованиях старообрядцев и закрытии их центров. Нечаев сделал блестящую карьеру, став в 1830-х гг. обер-прокурором св. Синода, и позже был видным и активным сенатором. Поэтому их мнения о старообрядчестве представляют особый интерес).

Примечания:

¹ Portal R. L'Orual au XVIII siacle. Paris, 1950. P.17.

² Аввакум, протопоп. Сочинения протопопа Аввакума // Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн.1. Вып.1. Л., 1927 (РИБ. Т. 39). С.194.

³ Палладий (Пьяное), архим. Обзорение пермского раскола так называемого старообрядчества. СПб., 1863. С.4.

⁴ Из доклада В.Н. Татищева в Генерал-берг-директорию, 4 октября 1736 года // Синод. Раскол. С.350-352.

⁵ Portal R. Op. cit. P.127-128.

⁶ Собрание постановлений по части раскола. Т. 1: Постановления Министерства Внутренних дел. Вып. 1-2. Лондон, 1863. С.381.

⁷ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск. 1974.

С.221.

⁸ Сырцов И. Я. Самосжигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1888.

С.22.

⁹ Нечаев С.Д. Из архива С.Д. Нечаева // Братское слово. 1893. № 11. С.578.

¹⁰ Portal R. Op. cit. P.303.

¹¹ Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Том 1: поповщина до 50-х гг. настоящего столетия. Саратов, 1888.

С.64.

¹² Палладий (Пьяное), архим. Указ. соч. С.62.

¹³ Там же. С.14, 23, 15,63.

¹⁴ Там же. С.14-15, 20-22, 55.

¹⁵ Сырцов И.Я. Указ. соч. С.24.

¹⁶ Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. Полное собрание сочинений. Изд. второе., Спб., 1909. Т. 7.

С. 161-176; Нечаев С.Д. Указ. соч.//Братское слово. 1893. №7. С.555-556.

¹⁷ Макарий (Булгаков), епископ. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. 3-е изд. Спб., 1889. С.355.

¹⁸ История Министерства внутренних дел // Сост. Н.В. Варадинов. Кн. VIII: История распоряжений по расколу. Спб., 1863. С.223.

Евгеньев А. А., Тугай Т. И. (г. Оренбург)

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ МАО Р.Г. ИГНАТЬЕВ (1818-1886) И ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Среди исследователей, внесших несомненный вклад в развитие археологического краеведения на Южном Урале в XIX веке, особое место принадлежит археологу, этнографу, историку Руфу Гавриловичу Игнатьеву (1818-1886). Р.Г. Игнатьев, окончивший Лазаревский институт восточных языков в Москве и Парижскую консерваторию¹, в разное время служил в Тверской, Новгородской, Минской и Оренбургской губерниях. Помимо Оренбургского и Уфимского, он был действительным членом губернских статистических комитетов (ГСК): Вятского, Пермского, Тобольского и Минского. Поэтому его исследования, в том числе, опубликованные в «Трудах» МАО², имеют широкую географию и тематику.

В 1854 г. Р.Г. Игнатьев, будучи почтмейстером в Новгородской губернии, допустил недостачу казённых денег, за что был лишен чина и

отдан в солдаты. С февраля 1855 г. он оказался в Оренбургской губернии – сначала в качестве рядового, затем унтер-офицера 10-го Оренбургского линейного батальона.³ В 1858 г. «за хорошее поведение и усердие в службе» был уволен в отставку, и с тех пор остался в Оренбургской губернии, проживая в Оренбурге, в селе Тунгатарово, в Верхнеуральске, а с 1865 г. – в Уфе. Здесь он занялся изучением истории населения Южного Урала. Особенно его привлекал древний и средневековый период, что, естественно, вызывало потребность в археологических методах постижения прошлого. По большому счету, именно он был первым исследователем, начавшим систематическое научное изучение археологических памятников на Южном Урале.

8 июля 1863 года Р.Г. Игнатьев дал согласие Оренбургскому (впоследствии Уфимскому) статистическому комитету заниматься изучением южноуральской археологии. Комитет, по словам самого Р.Г. Игнатьева, «обратил полное внимание вообще на древности края и поручил мне привести их в известность и описать».⁴

Время начала археологических изысканий Игнатьева (1863), как действительного члена Уфимского и Оренбургского ГСК, связано также с тем, что в апреле 1863 г. на имя оренбургского губернатора А.П. Безака поступил циркуляр из МВД – ЦСК «О содействии губернских и областных Статистических комитетов в изысканиях Императорской Археологической Комиссии», подписанный её председателем – гр. Строгановым⁵. В силу незначительного состава руководимой им Комиссии он предлагал ГСК привлечь к участию в археологических изысканиях «возможно большее число местных любителей и знатоков древностей» и выражал надежду, что «внимательное наблюдение за сбережением археологических находок мало-помалу обратит внимание общества на памятники нашей старины»⁶. К циркуляру была приложена «Записка для обозрения русских древностей», призванная «облегчить труд исследователя». По сути, это была первая программа краеведения, так как под «древностями» подразумевалась не только собственно археология, но и археография, церковная архитектура, историческая топонимика, метрология и т.п.⁷

В течение марта – ноября 1864 года Р.Г. Игнатьев занимался фиксацией и описанием памятников древности в Троицком, Челябинском и Верхнеуральском уездах, представив затем в Императорскую Археологическую Комиссию отчёт о своих работах.⁸ Р.Г. Игнатьев первым из исследователей Южного Урала понял необходимость составления археологической карты Оренбургской губернии и предложил план необ-

ходимых для достижения поставленной цели работ: 1) составление подробной карты местности с нанесением на него археологических объектов; 2) фиксация таковых с помощью чертежников, художников и фотографов; 3) проведение раскопок на отдельных могильниках.⁹ Зачастую Р.Г. Игнатьев производил исследования за свой счёт или за счёт статистического комитета. Поэтому раскопки велись не систематически, а в зависимости от появления средств. К тому же местная администрация практически не помогала учёному – ни финансами, ни организацией работы топографов, о чем в целях составления археологической карты губернии настойчиво просил Р.Г. Игнатьев.¹⁰

Тем не менее, Р.Г. Игнатьев внёс весомый вклад в выявление и изучение археологических памятников Южного Урала. И это связано, прежде всего, с его разведочными поездками по губернии, предварительные результаты которых печатались в уфимской и оренбургской прессе. Е.Ф. Лагодовская – автор очерка истории археологии Башкирии – отметила несомненные достоинства работы краеведа: «памятники Игнатьевым описываются по внешним данным, производятся соответствующие измерения, приводятся данные топографии, ведутся нужные опросы населения, приводятся существующие легенды и предания, делаются попытки исторической интерпретации их...».¹¹ Таким образом, деятельность Р.Г. Игнатьева в целом соответствовала предъявляемым наукой середины XIX века требованиям к археологическим разведкам.

По всей видимости, именно Р.Г. Игнатьев впервые оценил перспективы исследования «древностей земли Оренбургских киргиз», обращая внимание в докладной записке ИАК (1864 г.) на частые случаи разграбления крестьянами степных курганов и подчеркивая в этой связи необходимость научного изучения этих памятников: «все эти древности до ныне не обращали на себя внимание, между тем бывают частые случаи изпотребления курганов и этих случаев будет еще больше если со временем в киргизских степях разовьется золотой промысел, ... или же возникнет поиск руд».¹² В этой связи Р.Г. Игнатьев обратился в ИАК с просьбой назначить его членом-корреспондентом Комиссии, в чем ему было отказано с мотивировкой, что ИАК «причисляет к составу своему только таких археологов, которые сверх известной своей учено-археологической деятельности, оказали значительные услуги самой комиссии».¹³

В 1865 г. Р.Г. Игнатьев, проводя работы по обследованию и описанию в археологическом отношении Троицкого, Челябинского, Верх-

неуральского и Уфимского уездов Оренбургской губернии, обратился в ИАК с просьбой о денежном пособии на археологические исследования, однако в таком краеведу было отказано с довольно пространной мотивировкой: «доставленные Вами донные сведения не имеют научного достоинства, а заключают в себе лишь беглые, на скорую набросанные путевые заметки... Вам прежде всего необходимо значительно ограничить объем Ваших работ и сосредоточить деятельность Вашу на одном уезде или участке, а потом уже, по тщательном исследовании его, избирать новую местность. Предполагаемую Вами археологическую карту удобнее всего составлять также по уездам... обозначая на ней особыми для каждого рода памятников знаками находящиеся в уезде курганы, городища, валы, развалины и т.д.».¹⁴ В дальнейшем все эти резонные замечания и советы были Р.Г. Игнатьевым учтены, и искомое небольшое пособие от ИАК на проведение работ было ему выплачено.¹⁵

Посильную помощь ученому оказывали Оренбургский и Уфимский статистический комитеты. Так, в 1865 году на средства сотрудника УСК управителя Миасскими золотыми промыслами полковника К.Д. Романовского Игнатьев раскопал 7 курганов. Небольшие курганы он копал послойным снятием насыпи (полностью), а для раскопок крупных курганов он успешно применил методику траншей, характерную для науки этого времени. У Кавелинской горы было раскопано 5 курганов, из которых 4 оказалось разграбленными, а в пятом обнаружено парное захоронение с ориентировкой костяков на запад, с костями лошадей и древесным углем в заполнении могилы. В разграбленных курганах были найдены обломки серебряных изделий (гривна, серьга, браслет, пуговица, бляшки, бусы, пряжки), детали уздечного набора, стремена, фрагменты керамики.¹⁶ У Мулдакаевского рудника были раскопаны два больших кургана, один из них был разграблен, а во втором найдены человеческие, лошадиные, верблюжьи кости и обломки серебряных украшений.¹⁷ Сам Р.Г. Игнатьев затруднился с датировкой исследованных памятников, и обратился за помощью в ИАК. Специалисты ИАК датировали исследованные погребения XI или XII в. н. э., отнеся их «к разряду так называемых Чудских древностей».¹⁸

В 1867 году Р.Г. Игнатьев раскопал курган со склепом из плитняка на мусульманском кладбище в Уфе. В погребении, в котором находилось большое количество золы и углей, были обнаружены серебряные позолоченные скобочки, стеклянная бусина, камень в серебря-

ной позолоченной оправе, две серебряных пластинки, фрагменты железа, 4 бронзовых пластинки.¹⁹ Предположив, что курган был разграблен, Р.Г. Игнатьев попытался восстановить погребальный обряд. По его мнению, труп был сожжен в специально вырытой яме, затем пепел и кости были сложены в гроб, над которым возведен свод из плитняка, а затем насыпан курган.²⁰

Р.Г. Игнатьев описал и составил чертежи двух городищ с одинаковым названием «Чертово городище» в окрестностях Уфы и близ г. Бирска, обследовал развалины старинных мавзолеев около Уфы – дворца Тура-хана и гробницы Хусейн-бека. Эти археологические памятники на основании сведений, полученных от местного населения, он относит к ногайскому периоду.²¹ Согласно народным преданиям, городища были ставками ногайских ханов, а курганы – могильниками их подданных. При этом, однако, Игнатьев замечает, что необходима археологическая проверка этнографических сведений: «если бы находки были налицо, тогда бы научная оценка их решила... вопрос об обитавшем и исчезнувшем отсюда народе».²² Действительно, последующее археологическое изучение памятников Южного Приуралья доказало, что к ногайцам имеют отношение лишь немногие из них.

Занимаясь изучением археологии Южного Зауралья, Р.Г. Игнатьев в 1864 году описал городище «Чудской городок» близ деревни Гореховой на реке Юргамыш, и это было первое описание известного городища раннего железного века «Чудаки».

Деятельность Р.Г. Игнатьева по научному изучению и приведению в известность археологических памятников Приуралья не осталась незамеченной в Московском археологическом обществе, которое в 1865 году избрало учёного своим членом-корреспондентом. В июне 1868 года ученый был приглашен на I археологический съезд, состоявшийся в Москве в марте 1869 года. При этом Игнатьев выразил желание присутствовать на съезде как представитель Оренбургского губернского статистического комитета, а не как член МАО.²³ Председатель Оренбургского ГСК – губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска К.Н. Боборыкин никак не мог взять в толк, зачем нужно Р.Г. Игнатьеву ехать в Москву на Археологический съезд. Переписка по этому поводу продолжалась с 1 августа до конца ноября 1868 г. Р.Г. Игнатьев неоднократно подчеркивал, что он вовсе не просит денежного пособия – только «административного содействия, а именно – назначить [его] представителем со стороны Оренбургского Комитета». Вопрос о назначении Р.Г. Игнатьева на съезд от Губернс-

кого статкомитета был решен только 23 ноября.²⁴ Игнатьев предварительно выслал в Москву сведения «Об Оренбургских древностях», и Археологический съезд выразил признательность Оренбургскому статкомитету за оказанную «немалую ученую заслугу».²⁵ На съезде Игнатьев выступил с докладом о результатах своей работы по составлению археологической карты Южного Урала. В первом томе «Трудов I археологического съезда» появилась основанная на его докладе статья «Курганы и городища Оренбургского края». Игнатьев сообщил о результатах своих раскопок в Уфимской губернии, а также изложил сведения об обнаруженных им в губернии «чудских», «ногайских» и «ордынских» городищах и курганах. Тем самым, Игнатьев создал основу для создания археологической карты Оренбургской губернии.

На съезде Игнатьев предложил пересмотреть «Записку для обозрения русских древностей», которой руководствовались археологи того времени при раскопках. По его мнению, нужно было дополнить этот документ, носивший характер универсального пособия по исследованию всех памятников культуры (от археологических артефактов до церквей), конкретными рекомендациями по описанию археологических памятников.²⁶ Это было весьма существенное предложение, если вспомнить, что в середине XIX века археология ещё не была самостоятельной дисциплиной, учёные наряду с археологическими памятниками занимались исследованием других памятников культуры прошлого, методика проведения раскопок была весьма несовершенна. В дальнейшем подобная работа была сделана, и «Записку» в качестве пособия для проведения раскопок заменила «Инструкция для производства раскопок курганов», в большей степени соответствовавшая задачам научного изучения памятников древности.

Также на съезде Игнатьев поставил вопрос о сохранении от «уничтожения временем» археологических памятников – курганов, городищ, древних зданий.²⁷ Вместе с тем учёный посетовал на сложившуюся в обществе ситуацию, когда местные землемеры, даже получив прямое предписание ИАК, отказывались помогать исследователю в деле нахождения и фиксации археологических памятников.²⁸ Такое же отсутствие помощи наблюдалось, по словам Игнатьева, и со стороны уездных исправников, несмотря на просьбы Оренбургского статистического комитета.²⁹ Эта ситуация красноречиво характеризует отношение в середине XIX века общества к людям, занимающимся археологией, и к самой археологии. О том же писал и сам Игнатьев:

«Большинство современного нам общества и теперь ещё относится холодно к своим древностям, а современная нам Россия, хотя и желает, но ещё не может хвалиться многими деятелями по археологии». ³⁰

I Археологический съезд не стал единственным в жизни Р.Г. Игнатьева. Впоследствии Р.Г. Игнатьев был уполномочен от Оренбургского ГСК участвовать в качестве представителя комитета на VI Археологическом съезде в г. Одессе (1884). Также, согласно переписке Р.Г. Игнатьева с В.Н. Витевским, участвовал краевед (пусть и заочно) в работе 4 съезда: «Я теперь во всяком случае работаю и работаю, буду не буду на Съезде, а работы пришлю на Казанский Съезд». ³¹

Доклад Игнатьева на I Археологическом съезде произвёл впечатление на его делегатов, и 24 марта 1869 года съезд уполномочил краеведа проводить раскопки в Оренбургском и Орском уезде, с тем чтобы окончательно привести в известность археологические памятники Оренбургской и Уфимской губерний. ³² Деятельность ученого по осуществлению этой задачи привела в конечном итоге к созданию каталогов памятников древности Южного Урала. Следует заметить, что в середине 19 века такая форма научной работы была весьма распространенной. Тогда были созданы «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное по высочайшему повелению киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем», список курганов России П.И. Кёппена, 6-томный обзор древностей И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, и др. ³³ Археологическую карту Южного Урала Р.Г. Игнатьев создавал поэтапно, печатая промежуточные итоги своей работы в местной прессе и в центральных изданиях. В 1865 году в газете «Оренбургские губернские ведомости» (№№ 43-49) была напечатана его монография «Курганы в приуральских местах Оренбургской губернии». ³⁴ Данные своих раскопок в Уфимской губернии Игнатьев использовал при создании археологической карты «Памятники доисторических древностей Уфимской губернии». ³⁵ В отделе рукописей научного архива ИИМК РАН в фонде МАО нами была обнаружена рукопись Р. Игнатьева «О курганах Оренбургской Губернии» ³⁶.

В монографии «Городища и курганы Оренбургской губернии» Р.Г. Игнатьев собрал все известные ему сведения об археологических памятниках губернии. В этом первом своде памятников древности Южного Урала приводятся данные о курганах и поселениях в различных уездах губернии с указанием местоположения и размеров курганов и описанием раскопанных памятников. В Оренбургском уезде

Р.Г. Игнатьев зафиксировал и описал 63 кургана, в Орском – более 90 курганов, в Верхнеуральском – 65, в Троицком – 101 курган, в Челябинском уезде, – 419.³⁷ Исследователь провел значительную этнографическую работу, выяснив у местного населения названия курганов и связываемые с ними народные предания. В дальнейшем собранные Р.Г. Игнатьевым сведения были включены И.А. Кастанье в монографию «Древности Киргизской степи и Оренбургского края».

Все древности Оренбургской губернии Р.Г. Игнатьев разделил на чудские и монгольские, а в Уфимской губернии – на ногайские (татарские), чудские и болгарские.³⁸ Следует заметить, что этническая принадлежность археологических памятников определялась ученым не на основе научного, археологического подхода (при столь малом объеме раскопанных памятников это было невозможно), а на основе сведений, сообщаемых ему местным населением. Р.Г. Игнатьев выдвигал весьма спорный тезис: «все вообще курганы в разных местностях Уфимской губернии имеют один вид, одну форму, следственно, принадлежат, может быть, одному народу».³⁹ Вместе с тем учёный понимал необходимость подтверждения или опровержения этого тезиса, предлагая провести раскопки и, проанализировав погребальный обряд, инвентарь и антропологический материал, ответить на вопрос об этнической принадлежности археологических памятников Южного Урала.⁴⁰ Постановка такой задачи свидетельствует о несомненной исследовательской зрелости Р.Г. Игнатьева. В условиях, когда на Урале практически не проводились раскопки, способные дать материал для сравнительного анализа погребального обряда, когда были мало изучены памятники 2-1 тысячелетий до н.э., только этнографические сведения могли помочь исследователю в определении этнической принадлежности памятников. Ошибки на этом пути были неизбежны.

Р.Г. Игнатьев был первым на Южном Урале исследователем, который раскапывал с научной целью курганы; таким образом, он стоял у истоков научного изучения археологии Южного Урала. Указанные выше работы Р.Г. Игнатьева сыграли определенную роль в изучении археологии Южного Урала. Собранные и обобщенные им сведения о памятниках археологии Оренбургской губернии в дальнейшем были использованы И.А. Кастанье для создания свода археологических памятников Приуралья и Казахстана. Тот факт, что Р.Г. Игнатьев раскопал лишь малую часть зарегистрированных им памятников (что объясняется недостатком финансов на проведение раскопок), отнюдь не умаляет заслуг ученого.

Заслугой Р.Г. Игнатьева была популяризация археологических знаний: статьи его публиковались не только в специальных изданиях (например, в «Трудах МАО»), но и в местной прессе, что привлекало интерес общества к археологической проблематике.

Московское археологическое общество высоко ценило работу своего члена-корреспондента. Это следует из некролога «Р.Г. Игнатьев. (1819-1886)», опубликованного в юбилейном издании «Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования»: «Покойный не обладал громкими титулами, не щеголял общественным лоском, а ещё менее материальными средствами. Вся жизнь Р.Г. протекла в тяжёлых трудах, страданиях и лишениях, но резко выделяется он неустанными и безмездными научными трудами, известными нашему Обществу, которого он был одним из старейших членов (с 23 февраля 1865 г.)». Отмечая глубокие познания Р.Г. Игнатьева по истории, этнографии, археологии, археографии, в некрологе говорится о том, что в течение своей жизни он написал более 500 статей различного, «но преимущественно учёного, содержания». Особо выделялся его научный вклад именно в оренбургское краеведение: «Утрата Руфа Гавриловича Игнатьева чувствительна не только для нашего Общества но, смело можно сказать, и для науки, общества русского, а в особенности для всего Оренбургского края». ⁴¹

Список источников и литературы:

Источники

1. [Дело ИАК] об археологических исследованиях г. Игнатьева в Оренбургском крае // Архив ИИМК. Ф. 1. 1864. № 21.
2. Лагодовская Е.Ф. История археологического изучения Башкирии // Архив УНЦ РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15.
3. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10. Сведения о курганах и древностях, сохранившихся в Оренбургской губернии.

Литература

1. Зобов, Ю.С. Историки Южного Урала: вторая половина XIX - начало XX века / Ю.С. Зобов. – Оренбург, 1991. – 128 с.
2. Зобов, Ю.С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки / Ю.С. Зобов. – Оренбург: ОГПУ, 2007.
3. Игнатьев, Р.Г. Могильное поле / Р.Г. Игнатьев // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. – Уфа, 1868. – С. 15-18.
4. Игнатьев, Р.Г. Чергово городище в окрестности г. Уфы / Р.Г. Игнатьев // Сборник

статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. – Уфа, 1868. – С. 19-28.

5. Игнатъев, Р.Г. Археологические находки в курганах в землях Миасских золотых промыслов / Р.Г. Игнатъев // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. – Уфа, 1868. – С. 30-39.

6. Игнатъев, Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края / Р.Г. Игнатъев // Труды I Археологического съезда в Москве, 1869 г. – М., 1871. – С. 153-158.

7. Игнатъев, Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии / Р.Г. Игнатъев // Памятная книжка Уфимской губернии. – Ч. 2. – Уфа, 1873. – С. 167-186.

8. Игнатъев, Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии / Р.Г. Игнатъев // Известия Археологической Комиссии. Вып. 5. – СПб., 1903. – С. 96-122.

9. Обыдённов, М.Ф. Первооткрыватель уральских древностей / М.Ф. Обыдённов // Сб. «Рифей». – Челябинск, 1989. – С. 169-178.

10. Филоненко В.И. Руф Гаврилович Игнатъев // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. №5. – С. 162-172.

Примечания:

¹ Обыдённов М.Ф. Первооткрыватель уральских древностей // Сб. «Рифей». Челябинск, 1989. С. 169.

² См. Труды МАО: Т. 2. Вып. 2. 1869; Т. 4. Вып. 2. 1874; Т. XI. Вып. 2. 1886 и др.

³ Боже В.С. Игнатъев Р.Г. Краткая биография // http://resources.chelreglib.ru:6005/el_izdan/biograf/ignat.htm

⁴ Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. 2. Уфа, 1873. С. 168-169.

⁵ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.1. Л.72-73об.

⁶ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.1. Л.72.

⁷ Там же. Л.74-117об.

⁸ [Дело ИАК] об археологических исследованиях г. Игнатъева в Оренбургском крае // Архив ИИМК. Ф. 1. 1864. № 21. Л.л. 4, 6, 18, 42, 72.

⁹ Архив ИИМК. Ф. 1. 1864. № 21. 16-16об, 69.

¹⁰ Там же. Л. 82.

¹¹ Лагодовская Е.Ф. История археологического изучения Башкирии // Архив УНЦ РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

¹² Архив ИИМК. Ф. 1. 1864. № 21. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 74-74об.

¹⁵ Там же. Л. 97.

¹⁶ Архив ИИМК. Ф. 1. 1864. № 21. Л. 104-105.

¹⁷ Игнатъев Р.Г. Археологические находки в курганах в землях Миасских золотых промыслов // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868. С. 33-37.

¹⁸ Архив ИИМК. Ф. 1. 1864. № 21. Л. 121-121об.

¹⁹ Там же. Л. 109.

²⁰ Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей... С. 181.

²¹ Игнатъев Р.Г. Чертово городище в окрестности г. Уфы // Сборник статистических,

исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868. С. 19-28.

²² Игнатъев Р.Г. Чертово городище... С. 28.

²³ ГАОО. Ф. 164, оп. 1, ед. хр. 10. Л. 60-60об, 69-70об, 119-120.

²⁴ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10. Лл. 78, 89-90, 60-62, 69-69об., 84-85, 119.

²⁵ Там же. Лл. 120-123, 140.

²⁶ Игнатъев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды 1 Археологического съезда в Москве, 1869 г. М., 1871. С. 158.

²⁷ Игнатъев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края. С. 158.

²⁸ Игнатъев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края. С. 153.

²⁹ ГАОО. Ф. 164, оп. 1, ед. хр. 10. Л. 140.

³⁰ Цит. по: Обыденнов М.Ф. Первооткрыватель уральских древностей // Сб. «Рифей». Челябинск, 1989. С. 170

³¹ [Витевский В.Н. Вместо предисловия от издателя] Игнатъев Р.Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Том XI, вып. 2. Казань: Типография Императорского университета, 1893.

³² ГАОО. Ф. 164, оп. 1, ед. хр. 10. Л. 140.

³³ Формозов А.А. Страницы истории... С. 56-60.

³⁴ Зобов Ю.С. Историка Южного Урала: вторая половина XIX - начало XX века. Оренбург, 1991. С. 33.

³⁵ Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. 2. Уфа, 1873. С. 167-186.

³⁶ Отдел рукописей НА ИИМК РАН. Ф.4. МАО. № 205. Л. 1-29.

³⁷ Игнатъев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // Известия Археологической Комиссии. Вып. 5. СПб., 1903. С. 96-122

³⁸ Игнатъев Р.Г. Археологические находки в курганах в землях Миасских золотых промыслов. С. 31.

³⁹ Игнатъев Р.Г. Могильное поле // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868. С. 17.

⁴⁰ Игнатъев Р.Г. Археологические находки... С. 38.

⁴¹ Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 303-305.

Надршин Ф. М. (г. Оренбург)

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ

10 декабря 2015 г. исполняется 120 лет со дня рождения Ахметзаки Валиди Тогана, выдающегося общественного и политического деятеля, видного ученого-востоковеда, тюрколога. Он является создателем и первым руководителем Башкирской советской автономии, одним

из основоположников российского федерализма. Его имя тесно связано с историческими событиями 1917 г., которые дали громадный толчок для пробуждения национального самосознания народов России. В те переломные годы башкирский народ выдвинул из своей среды целую плеяду общественно-политических деятелей, возглавивших его освободительную борьбу. Среди них особая роль принадлежала личности Ахметзаки Валиди [1]. Длительное время, вплоть до 90-х годов XX века, в стране его имя было под запретом. Официальной пропагандой без обиняков эта личность была объявлена буржуазным националистом и злейшим врагом Советской власти. В советской историографии он рассматривался как противник большевиков, враг советской власти. Его сочинения подвергались односторонней политизированной и идеологизированной критике. В постсоветский период стали превалировать взвешенные, объективные оценки политической деятельности Ахметзаки Валиди. Тем не менее, наблюдались и наблюдаются попытки опорочить его имя. Многие страницы кипучей жизни и деятельности этой выдающейся личности связаны с городом Оренбургом.

Валидов (Валиди) Ахметзаки Ахметшахович родился 10 декабря 1890 г. в д. Кузяново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Его отец был весьма образованным для своего времени человеком и имел духовный сан. Начальное образование Валиди получил в медресе соседней деревни Утяково. Он был активным участником и свидетелем многих исторических событий. Ахметзаки Валиди – самый уважаемый лидер башкирского освободительного движения начала 20 века, основатель и первый руководитель Башкирской автономной республики, самого первого автономного государственного образования в составе Советской России.

Когда рухнули все надежды на создание подлинной автономии, он был вынужден покинуть родную страну. Эмиграция продолжалась ровно 50 лет. Всемирно признанный ученый-энциклопедист, историк-востоковед, тюрколог, филолог широкого профиля окончил свои дни 28 июля 1970 г. в Стамбуле. Научные интересы Валиди охватывали не только историю, но и археологию, этнографию, историческую географию, палеографию, политологию и фольклористику. Он свободно владел арабским, персидским (фарси), немецким, французским и турецким языками. На многих других языках, в первую очередь тюркских, он также мог вполне прилично изъясняться с собеседниками. Стоит ли говорить о том, что мировая наука потеряла бы такого уче-

ного, останься бы Валиди в России. Его участь была бы предрешена уже в 20-е годы прошлого века. У большевиков и лично у самого Сталина в борьбе с политическими оппонентами был лишь один метод – метод репрессий и террора.

Жажда знаний увела А. Валиди из отчего дома – 29 июня 1908 г. он направил свои стопы в г. Оренбург, обуреваемый мечтой об учебе в знаменитом медресе «Хусаиния». Он ушел тайком, оставив лишь записку с просьбой не сердиться на него и не забывать его имя в молитвах. Путешествие до Оренбурга заняло около десяти дней. Денег у него было очень мало, и он тратил их исключительно для еды. С согласия муэдзина стал ютиться в уголке мечети возле сенного базара. Сменной одежды юноша не имел, и поэтому ему приходилось время от времени стирать свои вещи в Сакмаре. Однажды течение подхватило и унесло его рубашку. Пытаясь спасти уплывшее белье, Валиди бросился в поток и чуть было не утонул. Помог корень подмытого дерева, за который он успел ухватиться, а затем выбраться на берег. По пути к оставшейся лежать одежде он встретил группу шакирдов «Хусаинии». Оказалось, что они увидели, как Ахметзаки смыло волной и бежали к нему на помощь. Потом они привели его в свое общежитие, а один из шакирдов подарил ему свою рубашку. После этого случая между ними зародилась крепкая дружба. Однако из-за его бедности, деревенского вида многие шакирды относились к нему насмешливо, как к простоватому малому из глухого аула. Однако, узнав, что их новый знакомый владеет фарси и арабским, а русский язык знает лучше их, то были весьма удивлены. Он отказался от предложения поселиться в общежитии и стал жить в доме переехавшего из его аула и занимавшегося торговлей мишарина. Ознакомившись с программой «Хусаинии», А. Валиди пришел к выводу, что имеющихся у него знаний недостаточно и отказался от поступления в это медресе. Во время своего первого пребывания в Оренбурге Ахметзаки Валиди познакомился со многими известными мусульманскими литераторами- просветителями, общественными деятелями. Заметное влияние оказало на него знакомство и общение с татарским богачом Камалбаем Габидуллиным, выдающимся ученым Ризаитдином Фахретдином. Последний был близким другом его отца и принял его очень приветливо и отнесся как к взрослому. Ризаитдин Фахретдин проживал в отдельном доме, принадлежащем местным татарским богачам Рамиевым, находившемся на пересечении современных улиц Пролетарской и Правды. А.Валиди поведал ему о своих колебаниях

– учиться ли в русской школе или отправляться в Сирию. Он посоветовал остаться в своей стране. Способности А.Валиди к науке и литературе не остались без внимания мусульманской общественности Оренбурга. Миллионер и поэт Закир Рамиев, с которым Валиди познакомился на почве общего почитания поэзии Навои, оказал ему денежную помощь.

Побыв около месяца в Оренбурге, А. Валиди решил для продолжения образования поехать в Казань. Для этого вначале он поехал товарным поездом до Самары, но прежде чем направиться в Казань, совершил путешествие в Астрахань. Затем были годы учебы в медресе, занятий научными исследованиями. По заданиям Казанского университета и Петербургской академии наук осенью 1913 г. и весной 1914 г. направлялся в научные командировки в Среднюю Азию. И каждый раз его маршрут пролегал через наш город.

Революционные события 1917 г., под влиянием которых оформилось мощное национальное движение, превратили Оренбург в колыбель башкирской государственности. Это было обусловлено целым рядом причин. В частности, в южных и юго-восточных районах Башкортостана, находившихся в составе Оренбургской губернии, компактно проживало башкирское население, в наибольшей степени сохранившее национальные традиции и обычаи, дух. Также с башкирским движением связана история Караван-Сарая, построенного за счет сил и средств башкирского народа. И, наконец, тот факт, что Оренбург был основан на этноисторической территории башкирского народа.

На I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в Москве в начале мая 1917 г., шла острая дискуссия по вопросам национально-государственного переустройства бывшей Российской империи. В итоге сторонники федерации одержали верх над унитаристами. С обстоятельным докладом на тему «Этническое происхождение российских мусульман и их роль в политической жизни» перед собравшимися выступил Валиди. Члены башкирской делегации ратовали за строительство самостоятельной территориальной автономии Башкортостана в составе России. Данный съезд стал отправной точкой формирования башкирского национального движения.

Вернувшись из Москвы, башкирские делегаты I Всероссийского мусульманского съезда развернули большую работу по подготовке Всебашкирского съезда (курултая). В конце мая-начале июня 1917 г. в Оренбурге прошли первые совещания и собрания Башкирского областного бюро по обсуждению вопросов созыва Всебашкирского

съезда. С 14 июля 1917 г. здесь же было начато издание газеты «Башкорт», как печатного органа башкирского национального движения. В ее первом номере было опубликовано «Обращение к башкирскому народу» в связи подготовкой к съезду. И вот 20 июля 1917 г. в здании Караван-Сарае начал свою работу первый Всебашкирский съезд (Курултай), обсудивший и принявший решения о башкирской автономии, земле, башкирском войске и др. На съезде был образован Башкирский центральный совет (шуро), как руководящий орган национального движения, в состав которого вошел и А.Валиди. На этом же съезде обсуждался вопрос о Караван-Сарае, и было принято решение об объявлении его «национальным имуществом башкир». В нем намечалось размещение Центрального шуро и других башкирских учреждений. Второй башкирский съезд состоялся в Уфе 25 – 29 августа 1917 г. В его решениях также было записано о размещении Центрального шуро в Оренбурге, в здании Караван-Сарае.

После победы Октябрьской революции Башкирское шуро, находившееся в Оренбурге, провозгласило знаменитый Фарман (приказ) №1, в котором были определены основные цели и задачи башкирского движения в новых политических условиях. В этом документе от 11 ноября 1917 г. говорилось, что в России «начались междуусобные (гражданские) войны» и «во всю господствуют грабежи и убийства, суда же нет». В нем подчеркивалась мысль, что в условиях надвигающегося хаоса «...для Башкирии единственной мерой к спасению является захват власти башкирским народом в свои руки, забота народа о себе самом, охрана своей жизни, крови, души своими собственными силами». Было также заявлено, что «... мы не большевики и не меньшевики, мы лишь башкиры. На какой (чьей) стороне мы должны быть? Ни на какой. Мы на своей собственной стороне. Нам нечего делать в этих спорных вопросах. Наше дело – охранять нашу личную и имущественную безопасность (собственность). Двухмиллионный башкирский народ не может быть игрушкой в таких ничтожных политических играх». 16 ноября 1917 г. в Оренбурге Центральное шуро выпустило фарман №2, в котором обнародовало свое решение о создании башкирской автономии. Бесспорно, основным автором этих исторических документов является сам А. Валиди.

8 декабря 1917 г. в Оренбурге открылся третий Учредительный всебашкирский съезд, в работе которого приняло участие 223 делегата из Оренбургской, Уфимской, Самарской и Пермской губерний. В работе съезда принимали участие не только башкиры, но и русские,

татары, чувашы, марийцы. Съезд утвердил объявленную Шуро башкирскую автономию, образовал руководящие органы республики – предпарламент и правительство. Им устанавливалось, что первоначально автономия будет осуществляться в пределах территории, названной «Малой Башкирией», площадь которой составляла 79560 кв. км., население доходило до 1259059 человек. В состав Малой Башкирии включались только те волости, где башкирское и татарское население значительно преобладало (не менее 70 % над представителями других национальностей). Вся территория автономии была разделена на 9 кантонов, разделенных в свою очередь на волости. Кантональное управление организовывалось демократическим, выборным путем на основе особого избирательного закона.

Курултай, как и шуро, также высказался против создания единой татаро-башкирской автономии, пропагандировавшей татарскими националистами, имевшими великодержавные устремления и претензии на руководство всеми мусульманами России. Деятельность бюро союза башкирского народа по организации самостоятельного башкирского движения вызвала их яростное противодействие. В этой связи Валиди писал: «Все это свидетельствовало о том, что мы встретим в своем движении сопротивление не только со стороны русских, но и в нашей собственной среде найдутся противники, и борьба против них будет вынуждать тратить много сил и времени. Это явилось самым прискорбным открытием»[2].

Хотя г. Оренбург и являлся тогда центром башкирского движения, однако он не рассматривался его лидерами в качестве столицы будущей автономии. Резолюция съезда по этому поводу гласила: «Резиденция правительства Башкурдистана должна быть в городе, находящемся в центре края». В данном случае съезд подразумевал Уфу. Выбор Уфы в качестве будущей столицы республики был продиктован ее центральным положением на исторической территории башкир.

Башкирское правительство делало попытки установить связь с Советским правительством. 7 января 1918 г. председатель Центрального шуро Ш. Манатов был на приеме у В.И.Ленина. Вождь революции заявил, что не считает движение башкир контрреволюционным, поскольку все народы Востока к социальной революции придут «только через национальные революции». Однако в Центре дело не дошло до признания Башкирской автономии. Членам Башкирского правительства, стремившимся любой ценой сохранить автономию, пришлось лавировать между Советской властью и ее противниками. По суще-

ству Башкирское правительство после своего образования оказалось между молотом и наковальней. После восстановления Советской власти в Оренбургской губернии и в ее центре 17 февраля 1918 г. члены башкирского правительства были арестованы и заключены в тюрьму в здании Караван-Сарая. Жизнь А.Валиди и его соратников висела на волоске, в любой момент они могли быть расстреляны. В конце марта 1918 г. в его одиночную камеру пришел председатель Оренбургского губернского комитета Цвиллинг. Он предложил А.Валиди дать приказ распустить формирующиеся в горах Башкортостана отряды добровольцев и в недельный срок сдать оружие и пригрозил, что если эти условия не будут выполнены, то все они будут расстреляны. Однако этой угрозе не суждено было сбыться. В ночь с 3 на 4 апреля на Оренбург был совершен набег казачьих войск, в результате которого А.Валиди и его соратникам удалось бежать из-под ареста.

Башкирское правительство обосновалось в Челябинске, захваченном восставшими белочехами. 7 июня 1918 г. оно возобновило свою работу и приступило к формированию башкирских частей. В общей сложности были сформированы 2 дивизии, ряд полков, которые сражались против Красной Армии на стороне Колчака и Дутова. В начале июля 1918 г., когда Оренбург снова оказался в руках атамана Дутова, Башкирское правительство и созданные им в Челябинске военные учреждения, переехали в Оренбург. Однако в дальнейшем, в связи с известным «государственным переворотом» Колчака, объявившего о роспуске всех национальных правительств и провозгласившего себя Верховным правителем России, отношения между Башкирским правительством и белым движением, в том числе атаманом Дутовым, ухудшились. В ночь с 1 на 2 декабря 1918 г. в Караван-Сарае было проведено тайное совещание с участием членов Башкирского правительства, некоторых дутовских атаманов. Заговорщики хотели арестовать Дутова и взять власть в свои руки. Но из-за предательства этот заговор провалился. В этой обстановке было принято решение в срочном порядке искать новую резиденцию. Башкирское военное командование перебралось из Оренбурга в село Ермолаево (ныне центр Куюргазинского района Республики Башкортостан). Позднее Башкирское правительство обосновалось в с.Темясово (Баймакский район Республики Башкортостан). Этими событиями заканчивается оренбургский период башкирского национального движения и ее вождя – Ахметзаки Валиди.

Уже во время пребывания в Оренбурге А.Валиди обсуждал со своими соратниками принципы возможного соглашения и договора с Советской

властью. В конце 1918 г. Башкирское правительство начало переговоры с Советским правительством о признании им самоопределения башкир. А. Валиди обращается за поддержкой к М. Горькому, Ф. Шаляпину и многим другим известным людям, которых знал лично. 18 февраля башкирские войска переходят на сторону Советской власти и Красной Армии. Переговоры завершились подписанием «Соглашения Центральной советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии 20 марта 1919 г. В основу «Соглашения» легли в основном положения, принятые еще третьим Всебашкирским учредительным съездом.

В отличие от других автономных республик, которые стали создаваться с 1920 г., Башкирская Советская Автономная Республика была провозглашена в сложнейшей политической ситуации и по форме весьма своеобразно – путем двусторонних переговоров. Невзирая на все нюансы, образование БАССР в марте 1919 г. имело положительное значение. Следует отметить и заслугу В.И.Ленина в деле предоставления башкирскому народу возможности образования, хотя и урезанной, автономии. Несмотря на официальное признание с первых же дней своего существования башкирская автономия подвергалась ожесточенным нападкам со стороны шовинистически настроенных деятелей, стремившихся выхолостить суть достигнутого соглашения. Так, бюро Оренбургского губкома РКП(б) в январе 1920 г. обратилось в ЦК РКП(б) с докладной запиской, где утверждалось, что самоопределение культурно-отсталых башкир-номадов является «величайшей нелепостью»[3]. Аналогичную позицию занимали и партийно-советские номенклатурщики ряда других соседних регионов. Думается, что это было обусловлено их поверхностными представлениями о башкирах.

Принятое ВЦИК и СНК РСФСР 19 мая 1920 г. постановление «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», подписанное В.И. Лениным и М.И. Калининым, фактически перечеркнуло достигнутые прежде договоренности. Сам А. Валиди, вызванный для переговоров в Москву, фактически находился в положении заложника. Не видя смысла в дальнейшем противостоянии члены «националистического» Башревкома стали «15 июня покидать свои посты и уезжать из Стерлитамака»[4]. Так же поступили и их сторонники в кантонах. В последующий период факт участия в башкирском движении стал основанием для жесточайших репрессий. Например, один из ближайших соратников А. Валиди Т.Г. Имаков, проживавший и работавший в Оренбурге, был незаконно расстрелян в 1937 г. по приговору «тройки».

Жизнь и деятельность А. Валиди давно стали достоянием истории. В советский период его имя было предано анафеме, и как было завешено тогда, увешано идеологическими ярлыками. Одно упоминание его имени было чревато серьезными неприятностями и репрессиями. Наконец-то мы получили возможность объективно оценить его заслуги и воздать им дань уважения. Жители Оренбурга могут гордиться тем, что с нашим городом связаны многие страницы жизни и деятельности этого выдающегося ученого и политического деятеля.

Ахметзаки Валиди вошел в историю не только как выдающийся востоковед и тюрколог с мировым именем, но и как отец современной башкирской государственности, основоположник Башкирской Республики, как политик, заложивший основы федеративного устройства России. Он последовательно боролся за право народов на самоопределение, чтобы покончить с колониальным прошлым царской России, и дать каждому народу бывшей Российской империи возможность свободно и самостоятельно развивать свое политическое, экономическое и культурное будущее. Российскую Федерацию Ахметзаки Валиди хотел видеть как равноправный политический союз всех народов, населяющих Россию. Признание центральной властью Башкирской Республики открыло дорогу для получения другими народами России своей государственности в советской форме (в виде национальной автономной республики, национальной автономной области и т. д.). При всех издержках советской тоталитарной системы эти народы смогли приступить к созданию национальной промышленности, современных институтов, национальной науки и культуры.

До сих пор актуальными остаются идеи Ахмет-Заки Валиди относительно отношений западного мира и исламского Востока на фоне обострившихся противоречий между Западом и исламским миром в последние десятилетия. В своей работе «Методология исторического исследования» он подверг обоснованной критике представления, основанные на империалистических предрассудках европейцев, желающих «научно» оправдать свою политику по ограблению природных богатств своих восточных колоний и угнетению подвластных им мусульманских и немусульманских народов Востока.

Противники Валидова нередко обвиняли его в авантюризме и непомерном честолюбии. Действительно, после Февральской революции он повел себя как типичный революционер. В сложнейших условиях развала империи деятели подобного типа вынуждены были постоянно менять ориентацию, выступая то в качестве национального

лидера, то пророссийского деятеля, рассчитывавшего попеременно то на Ленина, то на Колчака. Но подобная тактика характерна для многих политиков, в том числе и для большевистских руководителей. Думается, масштабы «прегрешений» Валиди умышленно преувеличивались его оппонентами.

Сегодня среди населения России отмечается рост протестных настроений против сегодняшних условий жизни из-за нерешенности насущных социально-экономических проблем. Некоторые политики стремятся чисто бюрократическими методами (сверхцентрализацией страны) снять социальное напряжение. Их усилиями населению страны исподволь навязывается мысль, что спасение России состоит в упразднении национальных автономных республик путем «губернизации», построения унитарной «единой и неделимой России». С точки зрения такого вульгарно-упрощенческого подхода не нужны никакие усилия по экономическому подъему регионов, по проведению социально ориентированной внутренней политики государства. Этими безответственными деятелями предлагается очередной простой и «чудесный» рецепт решения всех проблем – поменять вывески официальных учреждений и «зажечь счастливо». Все попытки ошельмовать и «разоблачить» А. Валидова являются производными деятельности определенных политических сил.

Творческое наследие Ахметзаки Валиди огромно и все еще ждет своего глубокого и всестороннего изучения, которое является олицетворением лучших традиций русской востоковедческой школы и западной ориенталистики. Он оставил после себя почти 400 научных трудов – монографий и статей, а некоторые его книги (как, например, «Методология исторического исследования», «Введение во всеобщую историю тюрков» и др.) представляют фундаментальные исследования. Он ввел в научный оборот ценнейшие исторические сведения о древних славянах, германцах и угрофинских народах. Валиди ценен «матери истории» во всех своих ипостасях.

Примечания:

1. Кульшарипов М.М. У истоков суверенной республики (к 80-летию объявления автономии Башкортостана). – Уфа, 1997. – С. 3.
2. Тоган З.В. Воспоминания. Книга 1. – Уфа, 1994. – С. 184.
3. Образование Башкирской АССР. Сборник документов и материалов. – Уфа, 1959. – С. 451.
4. Очерки по истории Башкирской АССР, Т. II. – Уфа, 1966. – С. 165.

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ (О СУДЬБАХ ДЕТЕЙ МУФТИЯ ЦДУМ РИЗАИТДИНА ФАХРЕТДИНОВА)

О религиозной и мирской деятельности Ризаитдина Фахретдинова написано много. О нем одно время писала преподаватель Оренбургского сельскохозяйственного института Мадина апай Рахимкулова. Много публикаций было в журнале «Ватандаш», выходящем в Уфе. Если и мы короткими штрихами затронем биографию величайшего просветителя Ризаитдина Фахретдинова, наверное, не будет излишним. В нашем повествовании лишь прибавится информация о судьбе его двоих детей: Абдулахаде и Абдрахмане.

Общеизвестно, что Ризаитдин Фахретдинов родился 31 декабря 1858 года в селе Кичучатово (*Кисеусе ат – по-башкирски – Ф.И.*), Бугульминского уезда, Самарской губернии, хотя в метрике было записано, что он родился 4 января 1859 года. Он был сыном муллы. По старой тюркской традиции у него была своя родословная, по-башкирски – шэжэрэ. Основателем рода Фахретдиновых был Тансар, его сыном был Кормаш, сыном Кормаша был Бахшанди, его сыном был Кайбулла (Хабибулла), его сыном был Янкилде, его сыном был Туймухамет, сыном Туймухамета был Ишмухамет, сыном Ишмухамета был Юлдаш, у Юлдаша сына звали Бикмухамет, у Бикмухамета сына звали Собханкол, у Субханкола сыном был Сайфетдин, от Сайфетдина родился Фахретдин, у Фахретдина сыном был Риза и, по старой тюркской традиции, имя отца стало фамилией Ризаитдина. По сегодняшнему дню фамилия, имя и отчество его звучали бы так: Фахретдинов Ризаитдин Фахретдинович.

Риза рос смышленным мальчиком. Его с детства тянуло к знаниям. Как он получал первые жизненные уроки, Риза впоследствии написал в своих воспоминаниях. В дореволюционные времена мусульманским детям, особенно – детям религиозных деятелей, знания можно было, в основном, получать только в медресе. Поэтому его путь к знаниям лежал через медресе.

Начальное образование Риза получает при Первой мечети города Чистополя, где обучается с 1867 по 1868 год.

Затем с 1869 по 1889 год обучается и преподает в медресе села Нижние Шыршылы. В 1885 году он заключает брак с дочерью ахуна Габдынасыра Тухватуллина по имени Нурьямал. Он старается не терять

время даром и пока обучается в медресе в 1887 году едет в Уфу и сдает экзамен на звание мудариса.

Ризаитдин Фахретдинов еще с детства мечтал путешествовать. Обойти весь мир – это его детская мечта. Он всегда говорил своим детям, что чем больше путешествуешь, тем больше знаешь. Поэтому, когда в 1888 году войсковой мулла Хамидулла пригласил его в Петербург, он с удовольствием принял приглашение и поехал туда.

В 1889 году после сдачи экзаменов Ризаитдина Фахретдинова назначают имам-хатипом и мударисом в мечеть села Ильбеково Бугульминского уезда Уфимской губернии.

Вскоре молодого мусульманского религиозного деятеля приглашают в Уфу, куда он прибывает в феврале 1891 года. Здесь продолжается его служба в качестве казья в Духовном управлении мусульман.

В 1898 году Ризаитдин Фахретдинов впервые побывал в Оренбурге. Летом 1902 года он вторично посетил этот город.

В мае 1906 года он, по приглашению братьев Рамеевых Шакира и Закира, прибывает в Оренбург. Хотя в Духовном управлении мусульман ему обещают должность муфтия, он не соглашается и едет в Оренбург. Вскоре Ризаитдин Фахретдинов начинает жизнь на новом поприще – он становится помощником редактора газеты «Вақыт».

В 1908 году и 1918 года он работает главным редактором журнала «Шуро».

Надо сказать, что Фахретдинов не разрывает отношения с мусульманской религией и в свободное от работы время преподает в медресе «Хусаиния». Фахретдинов ни на один день не прекращает свою просветительскую деятельность: он пишет статьи на философские и воспитательные темы.

Летом 1908 года Риза Фахретдинов на две недели едет в город Орск.

В 1914 году он опять едет в Петербург, оттуда совершает путешествие в Финляндию.

Летом 1915 года по приглашению своих соплеменников – башкир, он едет в гости в деревню Зианчурино Орского уезда (современный Кувандыкский район) Оренбургской губернии, где его усерганские башкиры угощают традиционными кумысом и бишбармаком.

В октябре 1917 года в России происходит революция. Власть переходит в руки большевиков. Страна расколота на два лагеря. Обстановка очень напряженная. Вскоре начинается гражданская война.

В марте 1918 года по приглашению работников Духовного управления мусульман он возвращается в Уфу. В пути Фахретдинов пере-

жил много лишений и страданий. Испытания переживает и его семья, потому как семья - всегда рядом.

В голодные 1921-1922 годы страна пережила борьбу с религией. Ризаитдин Фахретдинов становится свидетелем, как ломают церкви и мечети, уничтожают религиозную литературу. Он открыто выражает свое недовольство действиями властей.

Вскоре, когда ввели НЭП, кажется все утихло и страна обрела некое спокойствие.

В эти трудные дни Ризаитдин Фахретдинов находится рядом с руководством молодой Башкирской Автономной Республики. Это факт подтверждает один документ, который мы нашли в материалах уголовного дела по обвинению Мухаметши Бурангулова-известного башкирского писателя, драматурга, Народного Сээна, осужденного по надуманным обвинениям в 1952 году.

Из названного документа видно, что в 1922 году руководство молодой Башкирской Автономной Республики, зная, что Ризаитдин Фахретдинов обладает высоким авторитетом, решило использовать его имя на благо народа. Впоследствии Фахретдинов вместе с сыном Абдрахманом входят в состав научного общества по изучению быта, истории и культуры башкирского народа (по современному – институт истории, языка и литературы УНЦ УРО РАН). Кстати, первым решением этого органа Башкирии стало обращение во ВЦИК об увековечении памяти замечательного сына башкирского народа, поэта Шаихзады Бабича. Членами общества тогда были: Фахретдинов Риза, Сагадеев, Габитов, Мухаметша Бурангулов, Сулейманов, Фахретдинов Абдрахман. Казалось бы – один лист бумаги, а как много говорит (документ прилагается).

В сентябре в 1925 года в Ленинграде проходит празднование 200 – летнего юбилея Академии наук СССР, Ризаитдина Фахретдинова приглашают туда. Он, конечно, с удовольствием принимает приглашение и едет на это мероприятие.

Из не менее важных фактов из биографии Ризаитдина Фахретдинова – это поездка в Мекку. Он едет туда по приглашению руководителя Арабского государства на всемирный конгресс мусульман. Весной 1926 года он держит путь в священный город - Мекку и лишь осенью возвращается домой. Он фактически совершает хадж.

Конечно, о нем можно было бы написать много, но мы можем с достаточной уверенностью сказать, что он посвятил свою жизнь не столько служению религии, сколько просветительской деятельности.

Прожив 77 лет Ризаитдин Фахретдинов скончался 12 апреля 1936 года и похоронен на мусульманском кладбище города Уфы. На момент смерти он был муфтием Центрального Духовного Управления мусульман Внутренней России и Сибири, где служил с 1922 года до кончины.

Известно, что у Ризаитдина Фахретдинова было шестеро детей: Абдулахат, Абдрахман, Абдрашит, Сагит, Зайнаб и Асма.

После смерти Ризаитдина Фахретдинова по стране прокатилась волна массовых репрессий, хотя зачатки этих репрессий были видны уже в 1934 году, после убийства секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова.

Пик репрессий пришелся на 1937 год. Страна была расколота на два лагеря: на «врагов народа» и на тех, кто их выявлял. Никто не знал, кто является врагом народа и где их искать. Но руководство страны сигнализировало, что враги везде и, что их нужно выявлять. Начался тотальный поиск «врагов народа». В обществе витал жуткий страх. Все боялись попасть в число «врагов народа». Страх привел людей к самозащите в форме доноительства. Все стали писать друг на друга. Это была вынужденная мера: люди надеялись, что если они напишут на соседа первым, то спасутся от карающей руки органов. Ведь все знали, что в каждую ночь люди исчезают бесследно. Но система никому не давала гарантий безопасности: ни работникам партийных, ни государственных органов. Даже работникам НКВД.

Так вот, в эти дни жертвами органов НКВД стали два сына Ризаитдина Фахретдинова: Абдулахат и Абдрахман. Оба они пали жертвами политических репрессий.

Первым арестовали Абдрахмана. 17 июля 1936 года (12 апреля умер отец) к нему в квартиру ввалились люди в форме работников НКВД, затем они произвели обыск, а потом скрутив ему руки увезли во внутреннюю тюрьму управления НКВД по Башкирской АССР. На момент ареста он жил в городе Уфе на улице Лассалья дом 11. Во время предъявления обвинения и ареста Фахретдинову Абдрахману было задано несколько вопросов, на которые он дал исчерпывающие ответы.

Нам представляется, что будет лучше, если мы приведем ответы, полученные у Абдрахмана Фахретдинова. В протоколе допроса есть следующие пункты, на которые он дал ответы:

1. Фамилия – Фахретдинов
2. Имя и отчество – Абдрахман Ризаитдинович

3.Дата рождения – 1887 г.

4.Место рождения – Кичучатово, (Кисеусе ат – Ф.И.), Альметьевского района Тат. АССР (в паспорте указано – дер. Кичучатово (Кисеусе ат - Ф.И.), Варваринской волости, Белебеевского уезда - Ф.И.).

5.Местожительство – г. Уфа, улица Лассалья, дом 11.

6.Национальность и гражданство (подданство) - башкир, СССР.

7.Паспорт выдан 17-м паспортным пунктом Управления рабоче-крестьянской милиции 4-го августа 1933 г.

8. Род занятий – переводчик на дому, для госучреждений

9. Социальное происхождение – сын муфтия.

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции – сотрудник газеты «Вақыт» в г. Оренбурге, имущества не имел.

б) после революции – служащий, имущества не имел.

11. Состав семьи: жена – Зайнаб Латыповна -44 лет; сын Ялгит- 23 года; дочь Надия – 21 год; сын Д. -20 лет; брат Абдулахат – 47 лет, работает в Москве в Наркомвнутторге СССР; брат Рашит в г.Уфе работает преподавателем рабочего факультета Востоксталь; брат Сагит

– инженер-лесомеханик, работает на пятом Литерном заводе; сестра Зайнап – в г.Казани- врач поликлиники; сестра Асма – домохозяйка; Жена – преподаватель высш. пед.института в г. Казани.

12. Образование (общее, специальное) -4-х классное, городское училище.

13. Партийность В прошлом и настоящем) – беспартийный.

О службе в армии он указал, что в 1916 году служил один год рядовым.

Далее в ходе допроса следователь установил, что Абдрахман Фахретдинов в начале 1930-х годов работал в качестве переводчика и корректора в Союзоргучете. Он говорит, что службу был вынужден оставить в связи с сокращением штатов. После увольнения из Союзоргучета он один год работал инструктором в Башколхозсоюзе. После ликвидации этого органа он устраивается работать в качестве секретаря земельной комиссии в Наркомземе. Далее он говорит, что с 1933 года работает на дому и занимается переводами статей.

Перед допросом следователь предъявил обвинение Абдрахману Фахретдинову, что он знает о контрреволюционной деятельности заместителя муфтия Тарджиманова и других лиц и скрывает об этом.

Мы хотим обратить внимание читателя на главное обстоятельство: ему не говорят, что именно он виновен в контрреволюционной деятельности, а обвиняют в доносительстве, что он не проинформировал органы НКВД о контрреволюционной деятельности других лиц.

Надо сказать, что 17 июля 1936 года среди арестованных Абдрахман Фахретдинов был не один. Вместе с ним арестовали еще 12 человек. Вот их имена:

1. Абызгильдин Джиангир Талхич
2. Камалетдинов Мутагар Мирхайдарович
3. Шагар-Шараф Шарафутдинович
4. Усманов Муллаторя Багаутдинович
5. Ахтямов Хабибулла Абдулхакович
6. Мужавиров Зия Фаттахович
7. Ханисламов Галямутдин Хуснутдинович
8. Мананов Абдулхак Кадинович
9. Мустафин (имя не читается - Ф.И.) Мухаметович
10. Абдрахманов Халим Кадинович
11. Хабиров Гумда Сагдулович

Всем им предъявили обвинение в том, что они состоят в контрреволюционной организации и проводят антисоветскую агитацию, то есть

в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Абдрахмана Фахретдинова допрашивали 17, 19, 28 июля 1936 года. 28 июля 1936 года его допрашивает сам начальник 3-го Особого отдела Управления Госбезопасности Управления НКВД по Башкирской АССР. Он требует от Абдрахмана Фахретдинова показаний против отца. Он говорит, что Ризаитдин Фахретдинов и его заместитель по Духовному управлению мусульман Тарджиманов Кашаф занимались контрреволюционной деятельностью. На что, Абдрахман Фахретдинов заявляет, что ни его отец, ни Тарджиманов контрреволюционной деятельностью не занимались. Абдрахман Фахретдинов говорит, что отец переписывался со многими религиозными деятелями, но это не говорит, что он занимался контрреволюционной деятельностью.

Сколько раз еще допрашивали Абдрахмана мы сказать не можем, но 22 декабря 1936 года обвинительное заключение было подписано и дело направлено в Верховный Суд Башкирской АССР для рассмотрения по существу.

В обвинительном заключении фигурируют фамилии Ризаитдина Фахретдинова и его заместителя по Духовному управлению Тарджиманова Кашафа, как руководителей контрреволюционной организации, которые проводили шпионскую деятельность против соввласти и собирались свергнуть советскую власть в период войны (*войны с Германией еще не было, а разговор идет о смене власти в ходе войны - Ф.И.*).

16 марта 1937 года Верховный Суд Башкирской АССР проводит предварительное слушание дела и выносит решение о предании суду Абдрахмана Фахретдинова и других 11 человек.

13 июля 1937 года спецколлегия Верховного Суда БАССР в составе председательствующего Токарева, членов коллегии Бундина и Ожгихина, с участием прокурора Атнакаева, и защитника в лице Анифоровой, при секретаре Петляевой, рассматривает дело по обвинению Абдрахмана Фахретдинова. Надо сказать, что его уголовное дело было выделено в отдельное производство и поэтому остальные обвиняемые в рассмотрение дела не принимали участия.

Суд допрашивает Абдрахмана Фахретдинова и вскоре, после заключения прокурора, приходит к выводу, что дело нужно отложить рассмотрением, так как по материалам дела выясняется, что вина Абдрахмана не доказана. Суд выносит решение отложить дело до поступления основного дела, где обвиняемыми проходят еще 11 человек. В дальнейшем прокурор БАССР, видя, что дело «разваливается», принимает решение направить дело на рассмотрение Тройки, где реше-

ния принимались мгновенно, без участия обвиняемых и защиты.

О том, что дело Абдрахмана Фахретдинова направлялось в Тройку мы узнали из текста постановления прокурора БАССР. В ноябре 1959 года по заявлению дочери Абдрахмана Фахретдинова Надии прокуратурой БАССР проводилась проверка законности ареста и предъявления обвинения. В заключении прокурора Республики указано, что 22 июля 1937 года дело по обвинению Абдрахмана Фахретдинова с санкции прокурора БАССР было направлено на рассмотрение тройки УНКВД по БАССР. Но Тройка не успела вынести приговор: вскоре, то есть 23 сентября 1937 года Абдрахман Фахретдинов скончался в камере внутренней тюрьмы УНКВД по БАССР

Мы никогда не узнаем причину смерти Абдрахмана Фахретдинова. Из материалов дела не усматривается, что он жаловался на какие-то болезни. На момент ареста он был здоров, никаких жалоб не было. Его смерть в камере более чем странно. Сегодня всем известно, что в год большого террора в камерах применялись физические методы воздействия. Не исключено, что Фахретдинова избивали. Теперь мы знаем, как издевались над арестованными: им не давали спать, есть, пить, ставили к стенке и имитировали расстрел. Все это делалось ради того, чтобы получить желаемое-подпись арестованного.

В качестве причины смерти Абдрахмана Фахретдинова работники УНКВД БАССР записали туберкулез легких. Запись сделана в 1959 году. Как они определили причину смерти, если нет никакого заключения врачей, непонятно.

29 июля 1959 году прокурору Башкирской АССР с заявлением о реабилитации обратилась дочь Абдрахмана Фахретдинова Надия. В заявлении она сообщила, что всю жизнь в своей автобиографии указывала, что ее отец репрессирован и скончался будучи находясь под следствием.

По ее заявлению органы прокуратуры Башкирской АССР провели проверку и вынесли свой вердикт. Постановлением прокурора БАШАССР от 25 ноября 1959 года постановление Особого отдела УГБ УНКВД БАССР от 15 декабря 1936 года в отношении Абдрахмана Фахретдинова отменено, уголовное дело прекращено за отсутствием события преступления. Из данного постановления прокурора БАССР видно, что Абдрахман Фахретдинов ничего противоправного не совершал и все, что было записано в материалах уголовного дела – этот домысел работников НКВД. Абдрахман Фахретдинов реабилитирован посмертно.

В ходе расследования дела работники НКВД где-то нашли стихотворение без названия и подшили в уголовное дело Абдрахмана Фахретдинова. Они всегда ее приводили в качестве одного из доводов, что автором стихотворения является он. Хотя Абдрахман говорил, что в жизни не написал ни одной строчки. Стихотворение написано арабской вязью и до сих пор хранится в деле. В переводе на русский звучит так:

*Если вождем страны окажется ворона,
То поведет она последователей своих к навозной куче.
Природа на этом свете уж так создана,
Что каждая вещь следы свои оставив пройдет, исчезнет.
Видите, вчера еще лютая зима,
А сегодня уж ослабла, льет слезы свои,
Солнце, которое «светило, но не грело»,
А сегодня уж зажгло огонь для вселенной и навевает грезы.
Вчера еще рычащий могучий лев,
Сегодня попал в ловушку и голову склонил.
Дерево одно, которое долго росло ввысь
Сегодня поражено молнией и облик его приуныл.
Таковы законы мира и природа его такова,
Наподобие им и общество сложено,
Но далеко не уходит также
Личность от общества своего.*

Может работники НКВД в словах: «Солнце, которое светит, но не греет» и во «льве, рычащем» увидели образ Сталина? Трудно сказать!

Со вторым сыном Ризаитдина Фахретдинова – Абдулахатом органы НКВД поступили примерно также, как и с Абдрахманом. После ареста вскоре его расстреляли. Он был арестован 28 мая 1938 года, а уже 16 сентября того же года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. ст.58-:58-8, 58-11 УК РСФСР был расстрелян. Приговор привели в исполнение в тот же день.

В день ареста сотрудники НКВД составили анкету. Приводим текст его ответа на заданные вопросы:

1. Фамилия – Фахретдинов
2. Имя и отчество – Абдулахад Ризаитдинович
3. Год рождения – 1889 г.
4. Место рождения – дер. Илибекова, Бугульминского района, Татарской АССР.

5. Место жительства – г. Москва, ул. Горького, дом 19, кв. 320.
6. Специальность – агроном.
7. Место последней работы – Роспищеторг, экономист – финансист
8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста – служащий.
9. Паспорт – П 14 № 589748
10. Партийность – беспартийный.
11. Национальность – башкир.
12. Гражданство (подданство) – СССР.
13. Каким репрессиям подвергался в годы Соввласти – не подвергался.
14. Состав семьи: брат Абдрашит Фахретдинов – преподаватель математики Уфимского рабфака, г.Уфа, ул. Земцова, 48; брат Сагит Фахретдинов-инженер Кустпромсоюза, г.Уфа, Ильинская, 80; Мать Нуриял – живая пока; сестра Зайнаб Фахретдинова – врач; сестра Асьма Шараф – домохозяйка, все трое живут в г.Казани, ул. Жуковского, дом 15, кв.4.

В заключении можем сказать, что Фахретдинов Абдулахат Ризаитдинович определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 10 сентября 1960 года реабилитирован посмертно.

Из всех детей Ризаитдина Фахретдинова жертвами репрессий стали только двое: Абдрахман и Абдулахат. Остальных детей по неизвестной причине органы не стали привлекать к уголовной ответственности, хотя и могли.

Мы полагаем, что Абдрахман и Абдулахат были обречены, потому как они все время были с отцом и помогали ему во всех делах. Мы также полагаем, что главным пунктом обвинения было (хотя оно не фигурирует нигде) – содействие в становлении Башкирской Автономной Республики, где одним из руководителей был Ахмет-Заки Валидов. В 30-ые годы были расстреляны или сгинули в лагерях все, кто был соратником Ахмет-Заки Валидова. Поэтому есть сомнения в причинах смерти самого Ризаитдина Фахретдинова. Не исключено, что его, как и Абдрахмана, отравили.

Его не могли арестовать и судить, так как он был слишком значимой фигурой. Власть боялась арестовать такого человека. Его можно было устранить только одним путем – отравить. Поэтому, на наш взгляд, было бы уместным провести проверку костных останков Ризаитдина Фахретдинова и его сына. Лабораторные исследования показали бы точную причину их смерти.

СПРАВКА.

Приговор о расстреле Фахретдинова
Абдулахата Ризаитдиновича приведен в исполнение в
гор. Москва "16" / IX 1938 г. Акт о приведении
приговора в исполнение хранится в Особом архиве
1-го спецотдела НКВД СССР том №- 3 лист №- 310

НАЧ 12 ОТД. 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
Лейтенант Госбезопасности:

Справка о расстреле Абдулахата Фахретдинова

В обвинительном заключении по делу Абдрахмана Фахретдинова упоминается, что его отец – Ризаитдин Фахретдинов и Тарджиманов Кашаф являются руководителями шпионско-диверсионной организации, которые занимаются шпионской деятельностью и планируют свергнуть советскую власть в годы войны. В силу ряда причин мы не смогли ознакомиться с материалами уголовного дела других обвиняемых, привлеченных вместе с Абдрахманом Фахретдиновым, поэтому полагаем, что будущим исследователям еще предстоит установить, в чем конкретно обвинялись Ризаитдин Фахретдинов и его заместитель по муфтияту Тарджиманов Кашаф.

Литература:

Материалы уголовного дела № 4506 по обвинению Фахретдинова Абдрахмана Ризаитдиновича. Дело хранится в архиве УФСБ РФ по Республике Башкортостан.
Материалы уголовного дела № Р-10770 по обвинению Фахретдинова Абдулахата Ризаитдиновича. Дело хранится в архиве ФСБ Российской Федерации.
Материалы уголовного дела № В – 6595 по обвинению Мухаметши Бурангулова. Дело хранится в УФСБ РФ по Республике Башкортостан.

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
БАШКИРСКОГО ЭТНОСА (НА МАТЕРИАЛАХ БАССР
1959–1989 ГГ.)**

Рост культурного уровня башкирского этноса был осложнен разновекторными направлениями развития и функционирования культурной сферы. Степень приобщения башкир к духовным ценностям посредством профессиональных форм культуры различалась и зависела от многих факторов. Национальное изобразительное искусство, театр, профессиональная музыка и хореографическое искусство играли особую роль в формировании и развитии духовной, эстетической культуры башкирского народа. Являясь довольно молодыми формами национального искусства и находясь на стадии дальнейшего развития, они способствовали приобщению башкирского этноса как к комплексу «городской», урбанистической культуры, так и к некоторым общемировым, классическим канонам культурного наследия.

Языки, фольклор, музыка народов, проживающих в полиэтничном регионе, всегда были предметом интереса деятелей профессиональной культуры – писателей, артистов, музыкантов. Народная культура обогащала профессиональную, делая ее в определенной степени «национальной»¹. В Башкирии, как и в целом по стране, наряду с сохранением элементов традиционной культуры, развивался и постоянно увеличивался пласт профессиональной культуры, являющийся результатом деятельности представителей творческой национальной интеллигенции.

Освоение духовных ценностей, воспитание и удовлетворение духовных потребностей и интересов людей во многом определяются культурной средой, образуемой совокупностью социально-культурных институтов, включающих в себя систему образования и воспитания, массовые средства информации и пропаганды, культурно-просветительные учреждения, систему распространения продукции культурного назначения. Названную совокупность социально-культурных институтов дополняет система социальных институтов, основная задача которых – «производство культуры»: научные учреждения, творческие организации различных отраслей культуры, издательства и т.п.²

Целью данной статьи является анализ таких аспектов развития культурной жизни башкирского этноса, как уровень развития куль-

турной среды, степень освоения культурных ценностей, культурно-национальные ориентации и предпочтения башкир.

Театральное искусство оказывало существенное влияние на развитие культурного уровня практически всех слоев башкирского населения. Естественно, наиболее доступной эта форма культурного досуга была для горожан, но и сельские зрители могли приобщиться к ней, так как театры часто гастролировали по районам БАССР. В республике наряду с Башкирским государственным академическим театром драмы им. М.Гафури функционировали Башкирский государственный театр оперы и балета, Республиканский русский театр драмы, Стерлитамакский театр драмы, Салаватский башкирский театр драмы, Башкирский целинный театр, Уфимский государственный объединенный театр кукол. В 1966 г. из семи профессиональных театров в пяти постановки шли на башкирском языке. Выявить степень посещаемости башкирами театров республики представляется довольно сложным. Но в целом можно дать приблизительные цифры. Учитывая то обстоятельство, что Башкирский драмтеатр пользовался популярностью не только у башкир, но и у значительной части татарского населения, следует отметить, что в 1960 г. на его спектаклях побывали 161 тыс. чел., в 1971 г. – 232 тыс. человек. На наш взгляд, Стерлитамакский, Салаватский и Башкирский целинный театры драмы можно в большей степени отнести к «башкирским»; в указанные годы они обслужили в целом 276 и 345 тыс. человек. В целом театры республики посещало от 1100 тыс. до 1400 тыс. человек в год³.

Театральной творческой интеллигенцией республики была проделана поистине гигантская работа, явившаяся своеобразным культурным подвижничеством и напрямую связанная с внедрением культуры в широкие слои населения. Так, Башкирский академический театр драмы летом 1970 г. побывал в 35 сельских районах, провел 518 спектаклей в колхозах и совхозах и обслужил 191,5 тыс. зрителей. Коллективы Стерлитамакского, Сибайского, Салаватского театров, эстрадные бригады Башкирской государственной филармонии практически круглогодично работали в сельской местности. Одной из форм приобщения к искусству являлось проведение театрами дней искусства. Если в 1970 г. на спектакли и концерты Башдрамтеатра в Уфу приехали 3 тыс. представителей Кармаскалинского, Благовещенского, Уфимского, Аургазинского районов, то в 1971 году – уже свыше 7 тыс. человек из 22 районов⁴.

В последующие годы театрально-зрелищные учреждения республики продолжили работу по идейно-нравственному и эстетическому воспитанию сельского зрителя. Если в 1978 г. театрами и концертными бригадами Башгосфилармонии было показано на селе 3540 спектаклей и концертов с количеством зрителей более 808 тыс. человек, то в 1979 г. было проведено 3640 мероприятий, которые посмотрело 881 тыс. зрителей. Число зрителей постоянно возрастало⁵. Значительная часть сельских башкир могла приобщиться к театральному искусству, представленному в большей степени национальным театром. Безусловно, в развития башкирского театра имелись определенные недостатки. Поскольку пласт собственно урбанистической культуры башкирского этноса был еще недостаточно развитым, в репертуаре национального театра ощущался дефицит произведений мировой классики, современной российской и зарубежной драматургии.

В последующие годы влияние театрально-зрелищных учреждений республики на нравственное и эстетическое воспитание городского и сельского зрителя было очень масштабным. В целом, посещаемость театров уменьшилась с 1415,9 тыс. зрителей в 1979 г. до 1165,3 тыс. в 1985 г.⁶, что было связано с усилением роли кино и телевидения в культурной жизни населения. Тем не менее, примерно одна треть населения республики продолжала регулярно посещать театры.

В рассматриваемые годы произошла активизация издательского дела в республике. Активно переводились на башкирский язык и издавались произведения мировой литературной классики и современных зарубежных писателей, в общей сложности более 100 переводных книг, тираж которых составил 930 тыс. экземпляров. В свою очередь, произведения башкирских писателей переводились на русский язык. В 1969 г. башкирские читатели имели возможность знакомиться на родном языке с художественными произведениями, переведенными с 32 языков народов СССР и 25 языков народов зарубежных стран. К тому же времени произведения писателей Башкирии были изданы на 23 языках народов СССР и 19 иностранных языках⁷. Чтение художественной литературы являлось одним из основных способов приобщения башкир к культуре. Коренное население было ориентировано как на национальную литературу, так и на произведения русских и зарубежных авторов.

Как показывают результаты опросов, в период «расцвета интернационализма» наблюдался определенный интерес к башкирской культуре со стороны русского и других народов республики. В 1967–1968

гг. участники экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР распространили среди русского населения Абзелиловского, Учалинского, Кугарчинского и Кумертауского районов анкеты с вопросами о влиянии башкирской литературы и искусства на их духовный облик. Из 1481 респондентов 54% читали книги башкирских и татарских авторов в переводе на русский язык, 73,6% посещали концерты башкирских артистов, 78% регулярно слушали башкирские, татарские народные песни, 585 – песни композиторов Башкирии и Татарии⁸. Насколько башкирская литература и искусство влияли на формирование духовно-ценностных ориентаций русского населения республики судить довольно сложно, как и оценивать степень достоверности представленных данных. Отметим, что длительный период в «дореволюционной» истории Башкортостана башкиры и русские занимали относительно различные социальные ниши и развивались при довольно слабом культурном взаимодействии. В период после окончания Великой Отечественной войны различия в социально-культурном развитии этносов сгладились, но не исчезли совсем, что не могло не отразиться на их культурных ориентациях. Особенно данное положение касалось городского населения республики.

В целом, несмотря на активизацию издательского дела, для сельских башкир, в отличие от городских, книжная продукция была мало доступна из-за слабого развития сети сельских библиотек, книжных магазинов и киосков. Уровень потребления книжной продукции в башкирских селах был не на высоком уровне. Материалы республиканских архивов фиксируют незначительное количество посещений и книговыдач в сельских библиотеках. В 1970–1980-е гг. с развитием централизованной библиотечной сети ситуация улучшилась, но в целом степень приобщения к художественной литературе башкирского, в основной своей массе сельского, населения была недостаточной. Свободное время башкиры-сельчане предпочитали посвятить отдыху, сну, приему гостей и т.п. Более ориентировано на чтение художественной литературы было молодое поколение, студенчество, представители городской и сельской интеллигенции.

Более низкая интенсивность потребления культуры сельчан по сравнению с горожанами, особенно жителями столиц, была отмечена в ходе социологических обследований русского населения РСФСР. Причина такого отставания заключалась не в меньших потребностях сельского населения, а в меньших возможностях удовлетворения этих потребностей. Так, вообще не бывавших в театре среди сельчан в начале

1970-х гг. было не менее двух третей, бывавшие же хотя бы один-два раза в год составляли примерно пятую часть населения. Однако уровень интенсивности потребления культуры у горожан был также не очень высоким. Так, даже к концу 1980-х гг. в крупных городах России постоянно читали художественную литературу около половины взрослого русского населения, остальные – лишь от случая к случаю. Невелика была среди русских горожан доля настоящих театралов. Телевидение, радио и кино – вот те каналы распространения культуры, по которым русское сельское население практически выровнялось с городским⁹. Следовательно, уровень потребления культуры башкирами характеризовал в целом общероссийские тенденции развития культурного уровня населения, с присущими ему особенностями.

Роль национальной интеллигенции в развитии социально-культурных характеристик этноса неоднозначна. Сложно не согласиться с мнением авторитетных ученых, выделяющих этномобилизационные функции интеллигенции. Так, по мнению В.А. Тишкова, для многих интеллектуалов, особенно для деятелей культуры и ученых-гуманитариев, этничность, язык и представление о культуре – это не просто жизненная среда, а форма профессиональной деятельности и карьеры, независимо от того, осознанно или неосознанно они выступают глашатаями идей национализма или мобилизуют вокруг них людей. Для широких масс и даже для целых народов, особенно небольших и компактно проживающих, где легче осуществляется коммуникация и пропаганда лидеров, этничность и «национальная идея» в условиях социальной дезорганизации становятся самой понятной и легкодоступной основой коллективных действий¹⁰. Следует отметить, что данное высказывание во многом характеризует процессы роста общественного сознания, национального самосознания башкирского народа, начавшиеся в период реформирования общественной сферы. Одним из проявлений этнической мобилизации коренного этноса с конца 1980-х гг. и в последующие годы стал своеобразный «ренессанс» национальной башкирской культуры в ее профессиональном преломлении, поощряемый и направляемый той самой национальной интеллигенцией.

Башкирская интеллигенция являлась основным выразителем национальных интересов своего народа, создавая представление о его национально-культурном потенциале. Поэтому представляется важным анализ наиболее значимых произведений башкирской литерату-

ры с точки зрения их социально-нравственных установок, ориентаций на раскрытие проблем национального самосознания.

Если в 1970 – начале 1980-х гг. для русской интеллигенции стало характерным возрождение интереса к собственной истории, выражавшееся в реставрации исторических памятников, проведении исторических юбилеев и т. п.¹¹, то башкирская интеллигенция республики на первый план выдвигала вопросы гражданственности и гражданской позиции. Башкирская литература была представлена рядом произведений, основной направленностью которых было раскрытие социально-нравственных аспектов существования. Стремление к углублению психологического анализа, внимание к проблемам нравственности нашло отображение в произведениях Ш.М. Янбаева («Голубой шатер»), Р.Г. Низамова («Гудки пароходов»), З.А. Султанова («Лучи зари»), А. Хакима («Гульбика», «Радуга»), Ф.А. Асянова («Остались лишь огни»), Д.М. Булякова («Колокольчик», «Самая долгая ночь») и др. В литературе этого периода наряду с традиционными темами раскрывались проблемы экологии, освещались достижения науки и техники. Происходила ориентация на создание образа современника как активного члена советского общества¹².

В те годы призыв к гражданственности становился актуальной задачей для каждого башкирского писателя. Секретарь партбюро Союза писателей БАССР Нажиб Асанбаев в отчетном докладе бюро Союза в декабре 1971 г. отмечал, что на современном этапе стали вновь появляться стихи «страстные, боевые, наполненные глубокими раздумьями, с большим гражданским накалом». Выделялось творчество поэтов М. Сюндукле, С. Кулибая, Г. Рамазанова, Т. Арслана, Ш. Биккула, А. Игебаева, А. Атнабаева, Р. Гарипова, М. Карима, Р. Сафина. В докладе отмечалась преемственность современной башкирской поэзии с народным поэтическим творчеством, фольклором и т.п.¹³ Безусловно, создавались и произведения, целью которых ставилось выявление смысла человеческого бытия. Это трагедии Мустая Карима «Салават. Семь сновидений сквозь явь», «Не бросай огонь, Прометей!» и др. Они вошли в золотой фонд башкирской драматургии. Собственно историческое направление в башкирской литературе 1970–1980-х гг. было представлено произведениями, воссоздающими жизнь башкирского народа в годы Октябрьской революции («Золото собирается по крупицам», «Акман-токман», «Грозное лето» Я.Х. Хамматова), а также рядом историко-биографических романов В.М. Исхакова, Г.Г. Ибрагимова, произведений на военную тематику и др.¹⁴

Башкирская литература развивалась как по направлению создания идейно-патриотических, идеологизированных, так и философско-этических, историко-культурных произведений.

Со второй половины 1980-х годов в республике идут процессы дальнейшего становления научно-художественного мировоззрения, освобождения от догматических установок, идеологических клише, характерных для башкирской литературы советского периода. Знаковым событием данного периода является публикация произведений, раскрывающих трагические моменты в истории башкирского народа – К. Мэргена («Крылья беркута»), А. Хакима («Плач домбры», «Кожаная шкатулка»), Я. Хамматова («Северные амуры»), Б. Рафикова («Карасакал») и др.¹⁵ Литература данного периода, как один из способов выражения национального самосознания народа, ясно показала, что башкиры обладают устойчивыми этническими стереотипами, представлениями об историческом прошлом народа, его культуре, общенациональных интересах.

Перестроечные процессы нашли отражение в поэтическом творчестве Р. Бикбая. В поэме «Жажда – дайте воды!», а также в поэтическом послании «Письмо моему народу» центральное место занимали проблемы экологии, вопросы взаимоотношений народа и личности, роль личности в обществе. В поэме «Система» автор выражал свое критическое отношение к застойному периоду в жизни страны, находящейся в состоянии общественно-политического коллапса. Поэма «Базарный топор» обличала безнравственность, беспринципность, алчность правящих кругов и страдания жертв рыночной экономики, влачащих нищенское существование. Эти произведения явились своеобразной летописью перестроечного периода страны. В них национальные проблемы тесно переплетались с социальными, демографическими и миграционными процессами¹⁶. Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. мировоззренческие установки, общественные настроения, проблемы развития национального самосознания нашли широкое отражение в произведениях башкирских писателей и поэтов.

К сожалению, сложно проследить литературные предпочтения башкир. Более поздние (конца 1990-х гг.) социологические исследования культурных предпочтений башкир в городах показали, что наиболее известными городскому жителю писателями были Мустай Карим, Зайнаб Биешева, Мажит Гафури, Шайхзада Бабич, Газим Шафиков, Баязит Бикбай, Роберт Баимов, Булат Рафиков, Равиль Бикбаев и

др. Причем в этнокультурном развитии башкир наблюдалась некоторая «этнотерриториальная» дифференциация. В г. Сибая, где башкиры обладали устойчивой этнической и языковой самоидентификацией, уровень знания и чтения башкирской литературы был гораздо выше, чем у этнически дезориентированных башкир г. Туймазы и в целом городов западного Башкортостана¹⁷.

Музыкальная жизнь Башкирской АССР была достаточно интересной и насыщенной. Активно шло зарождение жанра инструментального концерта. Основоположником его в башкирской музыкальной культуре считается автор «Концерта для скрипки с оркестром» Н.Г.Сабитов. Выпускник башкирского отделения Московской консерватории, член Союза композиторов СССР Н.Сабитов сочинил музыку к балетам «Горный орел», «Гульназира», «Люблю тебя, жизнь», а также произведения для симфонического оркестра, фортепиано, хора¹⁸.

Значительный вклад в развитие музыкальной культуры Башкирии внес композитор З.Г.Исмагилов. В 1954 г. он закончил героико-эпическую оперу «Салават Юлаев». Имевшая успех на Декаде башкирской литературы и искусства в Москве (1955 г.), опера не утратила своей популярности. Видный башкирский композитор написал еще ряд значительных музыкальных произведений, таких как музыкальная комедия «Кодаса», лирико-психологическая опера «Шаура» и др. Примечательны достижения и в области симфонической и камерной музыки, где ярко проявили себя З.Г.Исмагилов, Р.А.Муртазин. Композиторами З.Г.Исмагиловым, Х.Ф.Ахметовым, М.М.Валеевым, Т.Ш.Каримовым, Ш.Ш.Ибрагимовым, К.Ю.Рахимовым, Р.В.Сальмановым, Ш.К.Кольбарисовым и другими было создано много прекрасных песен и романсов.

Центром музыкальной и хореографической жизни республики оставался Башкирский государственный театр оперы и балета. Он осуществил постановку всех основных сценических произведений башкирских композиторов, ознакомил любителей музыки с операми и балетами из золотого фонда русской, советской и зарубежной классики. В театре выросла целая плеяда талантливых режиссеров, дирижеров и исполнителей. Наряду с вокалистами старшего поколения, народными артистами Российской Федерации С.Г.Хабибуллиным, Б.Н.Валеевой, М.Х.Хисматуллиным, М.Г.Салигаскаровой достойный вклад в развитие оперного искусства республики внесли певцы, пришедшие в театр в 1960 – 1970-е годы – Х.З.Мазитов, З.Г.Махмутов, Н.З.Абдеев, Н.И.Бызина, С.К.Галимова, Н.Х.Аллаярова, З.А.Фархут-

динова, Г.А.Халдеева, Г.С.Родионов. Путь башкирского балета неразрывно связан с именами З.А.Насретдиновой, Т.Ш.Худайбердиной, Г.Г.Сулеймановой, Ф.М.Саттарова, Ш.А.Терегулова, Л.С.Куватовой. Яркую страницу башкирского балета вписал талантливый танцор, балетмейстер и педагог Х.Р.Сафиуллин¹⁹.

Профессиональные творческие союзы отличались высоким уровнем квалификации. Творческий состав Союза композиторов БАССР состоял из людей высокообразованных, окончивших консерватории, некоторые имели ученые степени кандидатов искусствоведения. Отметим, что в 1985 г. в творческий состав Союза входило 24 человека, из них 14 башкир, 4 русских, 6 татар²⁰, таким образом, башкиры активно пополняли музыкальную элиту республики.

В то же время уровень музыкальной культуры среди широких слоев башкирского населения значительно дифференцировался. Национальная опера, симфоническая и камерная музыка без преувеличения оставались «элитарными» видами искусства, и постоянно «потреблялись» узким кругом национальной интеллигенции. Приобщение к ним у других слоев населения носило преимущественно поверхностный, ознакомительный характер. Предпочтение отдавалось «легкой», эстрадной музыке. В то же время, как среди сельских, так и городских башкир была популярна башкирская народная музыка и танцы в их профессиональной, «вторичной» обработке, что на наш взгляд свидетельствует о сложном «архаичном» типе культурного сознания этноса. Башкирский балет был хорошо принят башкирским зрителем, поскольку этот вид искусства сохранил некоторые черты традиционной культуры народа.

Башкирская профессиональная культура (составляющими которой являлись такие направления, как театральное, музыкальное, изобразительное искусство, литература и др.) в рассматриваемые годы находилась в центре сложных, противоречивых событий. Ограниченная идеологическими рамками она была лишена многих стимулов для собственного развития. В то же время научно-гуманитарная, художественная интеллигенция с честью выполняла культурологическую миссию просвещения народа и повышения его престижа среди других народов СССР.

В целом, несмотря на очевидные позитивные сдвиги в культурном развитии, башкирская национальная культура была, в определенной степени, подвергнута комплексной деформации. Поскольку среди остального населения республики в значительной мере отсутствовало

стремление приобщиться и поддержать развитие башкирской культуры, она оказалась включенной в неблагоприятную внешнюю среду. В то же время село являлось своеобразным носителем башкирской субкультуры, сохраняя в своей среде язык, фольклорные, этнические элементы сельской культуры, традиционной обрядности и т. п.

Такие формы национальной духовной культуры как литература, театр, музыкальное, хореографическое и изобразительное искусство активно воздействовали лишь на ограниченную часть башкирского этноса. Помимо этого, комплексы «городской» и «сельской» башкирской культуры были дифференцированы и имели свою специфику. Из-за отсутствия или недостаточного развития собственно башкирских городских традиций происходила активная культурно-языковая ассимиляция, аккультурация части городских башкир.

Примечания:

¹ Русские (Этносоциологические очерки). М, 1992. С.224.

² Там же. С.226.

³ Народное хозяйство Башкирской АССР. Стат. сб. 1917-1967. Уфа, 1967. С.236-237.

⁴ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 185. Д. 238. Л. 56.

⁵ История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Выпуск 5. Культурная жизнь в Башкортостане. Сборник документов и материалов. 1960 – 1994 гг. Уфа, 1995. С. 106.

⁶ Народное хозяйство Башкирской АССР за годы одиннадцатой пятилетки (1981 – 1985 гг.) Стат. сб. Уфа, 1986. С. 244.

⁷ Об интернационализме и интернациональном воспитании студентов. Уфа, 1975. С.105-109.

⁸ Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. (Советский период). Уфа, 1972. С.199.

⁹ Русские (Этносоциологические очерки). М, 1992. С.249.

¹⁰ Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989 – 2004 гг. М., 2005. С. 41.

¹¹ Русские (Этносоциологические очерки). М, 1992. С.372.

¹² Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.1: А. Уфа, 2005. С.352; Писатели земли башкирской. Справочник. Уфа, 2006, С. 99.

¹³ ЦАОО РБ. Ф.122. Оп.85. Д.245. Л.174-175, 182.

¹⁴ Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.1: А. Уфа, 2005. С.353.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Писатели земли башкирской. Справочник. Уфа, 2006. С.82-83.

¹⁷ Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт и историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 120.

¹⁸ Коваленко Г.А. Художественная культура Башкортостана. Уфа, 2003. С.74-75.

¹⁹ Каримов К.К. Очерки истории культуры Башкортостана (1917-1997 гг.). Уфа, 1999. С. 99-101.

²⁰ Там же. С. 126-127.

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КАРТОФЕЛЬНЫХ БУНТАХ (НА ПРИМЕРЕ АКРАМОВСКОЙ ВОЙНЫ 1842 Г.)¹

В современной России особую актуальность приобретают вопросы развития фермерского хозяйства во взаимосвязи с государственным стимулированием аграрного сектора экономики. При Николае I государство активно пыталось влиять на формы управления и бытования традиционного коренного населения национальных регионов Поволжья. 16 февраля 1842 г. вышло распоряжение царского правительства «О мерах к распространению посевов картофеля»². Появление этого нормативно-правового акта было вызвано неурожаем хлеба в 1839, 1840 и 1841 гг. и стремлением правительства обеспечить государственных крестьян в голодные годы народным продовольствием. Для этого предлагалось ввести общественные запашки под посев картофеля на всей территории Российской империи.

На восстание крестьян 40-х гг. XIX в. в исторической науке существуют две точки зрения:

1) некоторые историки считают, что причина волнения заключается в насильственном введении общественных запашек для посадки картофеля;

2) другие – полагают, что крестьяне выступили против введения реформой П.Д.Киселева аппарата управления государственными крестьянами по типу удельного ведомства³.

Необходимо подчеркнуть, что общественная запашка внедрялась у казенных крестьян с 1835 г., но она вводилась по согласованию с крестьянами, по мирским приговорам, и не вызывала никакого протеста с их стороны. Начиная с 1840 г., министерство государственных имуществ, усиленно внедряет общественную запашку у государственных крестьян. Насильственное распространение картофеля и общественных запашек ассоциировалось у них с порядками удельного ведомства.

В начале 40-х гг. XIX в. в Приуралье, Поволжье и на Севере России прокатилась волна крестьянских движений, известная под названием «картофельные бунты». Движение охватило казенных крестьян Пермской, Оренбургской, Вятской, Казанской и Саратовской губерний. Несомненно, название «картофельные бунты» является услов-

ным, поскольку крестьяне восстали не против культуры картофеля, а против нововведений в системе управления государственными крестьянами.

Необходимо упомянуть о письме казанского военного губернатора Сергея Павловича Шипова министру внутренних дел Льву Алексеевичу Перовскому от 24 мая 1842 г., в котором первый из них писал: «Введение общественной запашки и посева картофеля не являются существенными причинами восстания. Общественная запашка начала вводиться в Казанской губернии ещё в 1840 г., а в 1841 г. она введена между крестьянами в двух полях почти повсеместно, в 1842 г. предпринят был посев в третьем поле. На общественную запашку отделено не более одной десятины в поле на 100 душ, следовательно, около одной сотой доли земли во владении крестьян находящейся, а в некоторых местах и менее. Посев картофеля здесь также дело не новое. В разных местах возникли беспорядки: крестьяне оказали дерзость чиновникам государственных имуществ, прибыли волостных голов, отказались от взноса податей, которые тогда были собираемы, разграбили магазины, разобрали из них хлеба и наделали другие беспорядки, собирались в толпы и кричали, что хотим жить по-старому»⁴.

Основные причины беспорядков, по мнению казанского военного губернатора, заключались в следующем:

1) назначенные административные чиновники, особенно окружные начальники государственных имуществ, имели сомнительную репутацию;

2) введение новых органов сельского управления и исходящие с центральных учреждений распоряжения тяжелым бременем легли на казенных крестьян, увеличивающимся от некомпетентности или злоупотреблений местных властей;

3) вновь созданные учреждения в наивысшей степени ограничивали государственных крестьян, ослабили дисциплину, развили в поселениях самоуправство⁵.

В 1841 г. среди чувашских, марийских и русских государственных крестьян Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии распространились слухи о том, что они с введением запашек будут переведены в удельное ведомство и окажутся привлеченными к отработкам так же, как и помещичьи крестьяне. Они открыто отказывались от выделения земель под запашки.

С приближением весны 1842 г. во все выше упомянутые уезды направили чиновников Казанской палаты и окружных управлений с

казаками для понуждений крестьян к общественным запашкам. Однако крестьяне категорически отказывались отводить земли под запашки. В середине апреля 1842 г. волнениями было охвачено более 200 селений. Крестьяне отказывались от платежа общественных сборов, отнимали у сборщиков податей собранные деньги,

В конце апреля – начале мая крестьянским движением было охвачено восемь волостей Ядринского уезда. Здесь крестьяне не только отказывались от запашек и платежа общественного сбора, но и не признавали представителей власти. 7 мая 1842 г. ядринский исправник потребовал немедленно прислать солдат из г. Васильсурска.

Крестьяне Асакасинской волости Ядринского уезда избили казаков и, захватив одного из них и старшину, держали их под караулом около суток. Собравшись в деревне Кожары под предводительством отставных солдат, участников Отечественной войны Сидора Семенова и Михаила Евдокимова, вооруженные дубинами, крестьяне не допустили в деревню отряд казаков.

12 мая 1842 г. в Асакасинскую волость прибыл из Казани воинский отряд во главе с Крюденером. Сюда стянули отряды земской полиции и инвалидные команды Цивильского и Ядринского уездов. В волости было сосредоточено до 150 казаков, полицейских и солдат. 14 мая в Ядринский уезд прибыла из Казани команда из 150 солдат.

В Ядринском уезде отмечалось активно сопротивление отряду Крюденера: «Крестьяне, собравшиеся в весьма большом количестве с вилами и рогатинами, объявили ему решительно, что они не хотят вновь введенного управления, не хотят иметь ни окружных начальников, ни волостных и прочих»⁶. В это время в уезде волнениями было охвачено 9 волостей с населением 60 тыс. человек. Сюда прибыл управляющий палатой государственных имуществ с полусотней солдат.

К утру 16 мая 6 тысяч повстанцев Асакасинской волости собрались в деревне Муньял. Они вступили в бой с казаками и солдатами, стаскивали их с лошадей, отнимали оружие. Казаки напали на крестьян с пиками, но не добились успеха. Вооруженные вилами, рогатинами и дубинами повстанцы стеною шли на войска. Бой тянулся около часа. Войска открыли огонь. После нескольких залпов крестьяне отступили. Преследуя крестьян, казаки захватили более 400 человек, связали их и посадили под караул. Было тяжело ранено 14 крестьян, из которых трое умерли на следующий день. Из состава карательных войск ранения получили 8 солдат и два казака. Войска приступили к подавлению выступлений крестьян в других волостях уезда.

В Цивильском уезде крестьяне на массовых сходках принимали приговоры об отказе выделить земли под запашки, отвергали новое управление. Волнения крестьян Шоркистринской и Шибылгинской волости Цивильского уезда были подавлены отрядом в 150 солдат.

В мае 1842 г. крупные события произошли и в Козьмодемьянском уезде. Волнения крестьян начались ещё в марте. Крестьяне решительно отказывались отводить земли под запашки, заявляя, что с введением запашек их зачислят в удельное ведомство.

С первых чисел мая чувашские крестьяне, по словам управляющего Казанской палатой, «своими буйными поступками против местных органов власти самовольно стали расхищать из магазинов хлеб, отказывались уплачивать подати и сборы»⁷. В середине мая крестьяне Козьмодемьянского уезда собирали деньги, чтобы отправить доверенных лиц в Петербург для ходатайства об отмене запашек.

Особенное упорное сопротивление оказывали властям чувашские и марийские крестьяне Тептяевского сельского общества, которые совершенно отказывались слушать какие бы то ни было приказания местных органов власти.

Вскоре выступили крестьяне всей Акрамовской волости. 18 мая 1842г. в селе Акрамово собралось до пяти тысяч чувашских и марийских крестьян пяти волостей Козьмодемьянского уезда. Сюда же прибыло около двух тысяч крестьян Ядринского уезда. По принятому на сходках решению, каждый домохозяин должен был обязательно явиться в с. Акрамово. Восставшие вооружались железными вилами, насаженными на шесты топорами, дубинами, косами, рогатинами.

Движением крестьян руководили участники Отечественной войны 1812 г. отставной офицер Василий Григорьев (из д. Юваново), отставной солдат Сергей Афанасьев (из д. Байгулово Ядринского уезда), крестьяне Степан Палатай (из д. Тептяево), Александр Саватька (из д. Юваново)⁸.

18 мая 1842г. уездная власть безуспешно пыталась уговорить восставших разойтись по домам. Рано утром следующего дня в село прибыл отряд полковника Поля в 250 человек.

Представитель министерства государственных имуществ барон Корф и управляющий Казанской палатой более двух часов уговаривали крестьян повиноваться «властям во всех законных требованиях», но не добились никакого результата⁹. В село прибывали новые группы крестьян. Общее количество восставших достигло 8 тысяч крестьян, которые с криком и шумом выражали свое него-

дование против нового управления, запашек, обременительных налогов.

Отряд Поля напал на восставших. Крестьяне вступили в бой, но войскам удалось одолеть бунтовщиков и арестовать 464 человека. Более тридцати крестьян получили ранения.

Вечером 19 мая 1842г. в Акрамово прибыл военный губернатор вместе с отрядом Крюденера, вызванным из Асакасинской волости. Общее число солдат составляло 478 человек. В полдень 20 мая того же года началось избиевание ранее захваченных восставших. Но в это время к Акрамову со стороны с. Оринино из д. Костерьяк стали приближаться восставшие, насчитывавшие в своих рядах до десяти тысяч человек. Все они шли в Акрамово с целью «разбить отряд войск, убить чиновников, освободить захваченных товарищей»¹⁰.

Когда восставшие приблизились к селу, войска выступили им навстречу. Бунтовщики заняли за речкой Моргаушкой и разобрали мост. Войска окружили восставших с двух сторон и вступили в бой. Солдаты совершили по восставшим до 30 залпов. На поле осталось 8 убитых, тяжелые ранения получили более 80 крестьян, около 200 участников восстания отделались легкими ранениями. Из числа тяжело раненных впоследствии скончались 28 человек. Со стороны правительственных войск получили ранения два офицера и около 70-80 человек из низших чинов.

Так жестоко расправились царские войска с государственными крестьянами Среднего Поволжья. О подавлении крестьянских восстаний в Казанской и Вятской губерниях А.И.Герцен писал: «Довольно сказать, что дело дошло до пушечной картечи и ружейных выстрелов. Мужики оставили дома, рассыпались по лесам, казаки выгоняли их из чащи, как диких зверей, тут их хватали, ковали в цепи и отправляли в военно-судную комиссию в Козьмодемьянск....Ну и следствие прошло обычным русским чередом: мужиков секли при допросах, секли в наказание, секли для примера, секли из-за денег и целую толпу сослали в Сибирь»¹¹. Далее, упрекая министра Киселева в «картофельном терроре», Герцен писал; «Замечательно, Что Киселев проезжал по Козьмодемьянску во время суда. Можно было бы завернуть в военную комиссию...Он этого не сделал.

....Знаменитый Тюрго, видя ненависть французов к картофелю, разослал всем откупщикам, поставщикам и другим подвластным лицам картофель на посев, строго запретив давать крестьянам. С тем вместе он сообщил им тайно, чтобы они не препятствовали крестья-

нам красть на посев картофеля. В несколько лет часть Франции обсеялась картофелем. Ведь это лучше картечи, Павел Димитриевич»¹².

В дальнейшем проводимые министерством государственных имуществ мероприятия встречали сопротивление крестьян¹³.

На протяжении всей второй половины XIX в. и в начале XX столетия крестьяне не поддерживали действия правительства, связанные с общественными запашками и созданием продовольственных запасов, которые воспринимали как очередные поборы со стороны государства¹⁴.

Волнения чувашских и марийских крестьян проходили на фоне продолжавшейся борьбы православной церкви с традиционными языческими верованиями населения Поволжья и с распространением ислама от татар к соседним народам¹⁵.

Движение государственных крестьян в 40-х г. XIX в. охватило 8 губерний в составе 28 уездов. Оно проявилось в разгроме сельских расправ и волостных правлений, избииении волостных начальников, чиновников управления государственных имуществ и земской полиции, расхищении хлебозапасных магазинов, вооруженном сопротивлении посланным для усмирения воинским командам пр. В крестьянском движении 1841-1843 гг. всюду сказывались стихийность и раздробленность. Выступления в разных уездах проходили в разное время. Так, например, в 1842 г. в Вятской губернии восстания проходили летом, а в Чувашии – весной.

Акрамовская война является составной частью картофельных крестьянских бунтов. Однако надо сказать, что трудно отметить прямую связь этой войны с предшествующими выступлениями крестьян, с картофельными бунтами в других – русских губерниях. Но, несомненно, в участниках Акрамовской войны присутствовало чувство солидарности.

Примечания:

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-21003.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825?1881 гг. (в 55-и томах + тома дополнений и указателей) – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830?1885. – Т.17. – Ч. 1. – С.93. – №15296.

³ Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. – Киров: Кировское областное издательство, 1939. – С.5-35. Магницкий В.К. Рассказы об Акрамовском картофельном бунте // Волжский вестник. – 1883. – № 34. – С. 682. Зотиков А.В. Акрамовское

крестьянское восстание 1842 года в отечественной историографии // В.Л.Кузьмин и вопросы археографии, историографии и истории Чувашии: материалы региональной научно-практической конференции (Чебоксары, 4 марта 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В.Гусаров. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – С. 76 – 82. Кузнецов И.Д. Акрамовская война (Восстание чувашских и марийских крестьян). – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1972. – С.3. Иванов А.Г. С. М. Михайлов и Акрамовская война 1842 года // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 19–23.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1021. Оп. 2. Д. 59. Л. 1об.-2.

⁵ РГИА. Ф. 1021. Оп. 2. Д. 59. Л. 2 об.

⁶ История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней. Кн. 1. (дореволюционный период). – Чебоксары: Типография Мин-ва культуры Чувашской АССР, 1963. – С. 174.

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Сб. док. – Чебоксары, 1943. – С.177, 184 – 187.

⁹ Там же. С. 101-102.

¹⁰ История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней. Кн. 1. (дореволюционный период). – Чебоксары: Типография Мин-ва культуры Чувашской АССР, 1963. – С. 176.

¹¹ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. VIII. Былое и думы. 1852-1868. – М., 1956. – С. 219.

¹² Там же. С. 219.

¹³ Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 72–77.

¹⁴ Ялтаев Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформы 1900 года // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 195–201.

¹⁵ Евдокимова А.Н. Система управления сельским населением Чувашского края в церковной документации XIX в. // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н.Ульянова (VI Арсентьевские чтения) Сборник статей. – Чебоксары, 2015. – С.84-95.

Савинова Т. Н. (г. Оренбург)

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ НЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГА (КОНЕЦ XIX – 1919 Г.)

Целостная картина социокультурного пространства региона невозможна без наличия такой его составляющей, как библиотеки.

В конце XIX – начале XX вв. в России создавались национальные учебные заведения с библиотеками и национальные и конфессиональ-

ные общества с целью просвещения как русского населения России, так и народов, говорящих на других языках. Такие объединения открылись и в Оренбурге.

Одной из многочисленных диаспор Оренбурга была татарская. По данным переписи 1897 г. в Оренбурге проживало 11306 татар¹. В 1899 г. было основано одно из самых известных оренбургских мусульманских частных учебных заведений – медресе «Хусаиния». Оно имело две библиотеки: ученическую и фундаментальную, которые располагали большим количеством художественной, философской и педагогической литературы, учебников и периодических изданий, энциклопедий на татарском, русском, арабском, турецком, персидском, немецком, французском языках. В библиотеку медресе выписывались все татарские периодические издания России со дня выпуска (особенно после 1905 г.) и все издававшиеся в Оренбурге на татарском, русском и казахском языках, а также специальная периодическая литература на русском, турецком, арабском языках². С 1906 г. в новое здание медресе была переведена библиотека Оренбургского мусульманского общества «Белек» с тем, чтобы книгами этой библиотеки могли пользоваться педагоги и воспитанники медресе³. Книгами из библиотек «Хусаинии» пользовались также семьи служащих и рабочих⁴.

В целом состав фондов библиотек медресе зависел от решения попечительских советов. Только в 1906 г. на III съезде мусульманских учителей в Нижнем Новгороде впервые был разработан список учебников для учащихся 5-8 классов и книг для библиотек⁵. Но можно предположить, что его строго не придерживались⁶ и обучение велось исходя из представлений преподавателей об образовании.

Мусульманские просветительские общества одной из главных своих целей называли распространение дешевой и полезной книги⁷.

В 1906 г. собрание Оренбургского мусульманского благотворительного общества постановило возбудить ходатайство об открытии в городе бесплатной библиотеки⁸. Для этого была выбрана комиссия, которая собирала у населения деньги, заказала оборудование, арендовала частное помещение. В 1907 г. состоялось открытие библиотеки. В первые годы работы в нее выписывалось 17 газет и журналов на татарском языке и 6 на русском⁹. Подписка расширялась за счет средств общественности. Во многом благодаря инициативе читателей осуществлялась и ее работа. В 1908 г. мусульманское общество ходатайствовало перед городской думой об ассигновании из городских средств пособий на нужды библиотеки в размере 500 руб.¹⁰ В ав-

густе 1908 г. благотворительное общество приобрело для библиотеки двухэтажный дом. В 1910 г. книжный фонд состоял из 1510 книг, библиотеку посетило 9700 человек. Помимо выдачи литературы библиотека проводила большую культурно-просветительную работу среди татар, башкир, казахов города, ее можно было считать библиотекой-клубом. В 1913-1914 гг. частные пожертвования уменьшились, а в 1915 г. совершенно прекратились в связи с Первой мировой войной, но библиотека продолжала работать, причем бесплатно. В 1914 г. фонд библиотеки состоял из 4414 томов книг на тюркских языках и популярных русских. Ею пользовались представители различных национальностей. Ежегодно эту библиотеку посещали от 15 до 20 тыс. читателей и им выдавались на дом 5-6 тыс. книг¹¹. По ходатайству Оренбургского мусульманского благотворительного общества губернской земской управой в 1916 г. была выделена субсидия татарской библиотеке-читальне¹². Деятельность организации прекратилась в мае 1918 г., когда решением общего собрания Оренбургского городского комиссариата по мусульманским делам все ее имущество было передано в ведение последнего¹³.

В начале ноября 1917 г. «новой» Оренбургской городской управой был составлен доклад о необходимости открытия библиотеки для населения, «говорящего на татарском языке» и курсов для взрослых. Разрешение подписал «старый» городской голова В.Ф. Барановский. Открытие городской мусульманской библиотеки состоялось 28 ноября 1917 г.¹⁴. Комплектование осуществлялось из книжных магазинов и складов Оренбурга (Х. М. Хусаинова, городского попечительства о народной трезвости, Михаило-Архангельского братства, издательства «Вакт» и др.), продолжавших в тот период свою работу, Уфы и Казани, причем не только на татарском, но и руссом языке¹⁵. Покупка книг, судя по сохранившимся документам продолжалась до октября 1918 г.¹⁶

В 1919 г. в Оренбурге работала 2-ая городская мусульманская библиотека-читальня, испытывавшая острую нужду в «последних изданиях литературы и научных книг и брошюр», а также газет¹⁷, и планировалось открытие еще трех татарских библиотек-читален¹⁸.

Помимо библиотек и просветительских мусульманских обществ книги на татарском языке в Оренбурге распространялись через торговую сеть и книгоиздательские фирмы. Особую роль в производстве и распространении книг сыграли книгоиздательства «Белек», «Хезм?т», «Филад», «Файда», «Х. Хусаинов и К^о», «Каримов, Ху-

саинов и К^о». Книгоиздательство «Хезм?т» («Труд») ¹⁹ сначала печатало книги в типографиях Казани, затем – в Оренбурге и осуществляло продажу книг на татарском, русском и восточных языках (последние поступали из Египта, Ливана, Турции, Индии), С 1906 по 1917 гг. в Оренбурге одновременно выходили 10 журналов и 7 газет на татарском языке ²⁰, одна газета – «Казак» ²¹ – на казахском (с 1913 по 1918 гг.). Их распространение шло в том числе и через библиотеки.

В августе 1895 г. была предпринята попытка открытия народной библиотеки, в фонде которой планировалось собрать книги и газеты исключительно по одному вопросу – о положении евреев в России и за границей. Для этой цели была собрана некоторая сумма денег, равнин местной синагоги пообещал учредителям – «кружку еврейской молодежи» – похлопотать о разрешении. Ее организаторы обсудили и составили списки необходимых книг. Но библиотека в то время так и не была открыта ²². Возможно, эта попытка потерпела неудачу из-за того, что среди организаторов были люди, разыскиваемые полицией.

До настоящего времени автору данной публикации не удалось обнаружить документов, содержащих сведения о времени открытия и работе еврейской библиотеки. Известно, что в 1919 г. ее фонд состоял примерно из 3000 книг и она испытывала необходимость в пополнении фонда научными и детскими изданиями. Сотрудников было трое; заведующий, его помощник и сторож ²³.

В 1897 г. численность поляков в губернии составляла 1696 человек (0,09%), а в Оренбурге проживало 718 чел. ²⁴ В 1902 г. открылась библиотека при Оренбургском костёле. Пользование библиотекой было платным, но читательские взносы не покрывали расходы на ее содержание. Тем не менее фонды библиотеки постоянно пополнялись и обновлялись, в частности – благодаря пожертвованиям. На конец 1905 г. фонды библиотеки насчитывали 1300 книг, 1906 г. – 1397, 1907 г. – 1524, 1908 г. – 1484, 1909 г. – 1665 томов на польском, русском, немецком и французском языках. Здесь же продавались катехизисы, календари и другие издания ²⁵.

С началом Первой мировой войны численность поляков значительно увеличилась. В 1916 г. только в Оренбурге проживало 5514 поляков (4,1% населения города) ²⁶, что по численности ставило их на третье место после русских (74,2%) и татар (12,2%).

В 1917 г. польская интеллигенция решила образовать в городе Польский дом, который должен был выполнять социальные, образо-

вательные и культурные функции. При нем планировалось также создание библиотеки и читальни, проведение научно-популярных лекций, литературных вечеров и пр.²⁷ Но дальнейшие политические события не позволили выполнить задуманное.

Считаем уместным привести статистических данных по Оренбургу о других национальностях. Следующими по численности, после поляков, были немцы – 3882 чел. (2,9 %), украинцы – 2969 (2,2 %), евреи – 2573 (1,9 %), «прочие и неизвестные», как указывает Я.В. Бляхер, т.е. те, чей процент составлял менее единицы – 3523 (литовцы – 0,6 %, башкиры и латыши – по 0,3 %, мордва, белорусы, казахи – по 0,2 %, прочие – 0,6 %) ²⁸.

Казахское население в городе было незначительно. Известен факт, что, приступая к изданию в 1875 г. «Образцов киргизской поэзии»²⁹, сотрудники Оренбургского отдела Русского географического общества сомневались, что эта работа будет иметь читателей³⁰. В 1897 г. в Оренбурге проживало 385 казахов³¹, в 1916 г. – примерно 269 чел.³². Киргизское (казахское) национальное общество «Еркин дала» было создано в 1917 г.³³ с целью распространения «начал цивилизации» среди казахского населения, для чего планировалось устраивать культурно-просветительные учреждения, в том числе библиотеки и курсы для обучения взрослых.

Книгами и периодическими изданиями на разных языках комплектовалась и Городская общественная библиотека Оренбурга, открытая 19 февраля 1888 г. Каталоги дают полное представление о составе фондов библиотеки. По ним можно проследить не только их состав и динамику, но и появление новых отделов, что диктовалось читательскими потребностями горожан. В 1902 г. на русском языке было 6300 томов книг, на иностранных языках – 951 том, и на языках народов, населявших Оренбургскую губернию – 10 томов, кроме того имелись 3377 томов русских периодических изданий и 182 – иностранных³⁴. Из местных газет в каталоге 1900 г.³⁵ отмечены только «Оренбургские епархиальные ведомости» за 1888-1900 гг. В «Прибавлении к каталогу»³⁶ видим уже семь газет за 1871-1905 гг., а во «Втором прибавлении к каталогу»³⁷ – 20 газет за 1906-1914 гг. выделены в отдельный подраздел – «Периодические издания местные». Хотя нельзя говорить о том, что городская общественная библиотека могла удовлетворять потребности грамотного нерусского населения в чтении, но намечался некоторый сдвиг в сторону комплектования литературой на разных языках, в том числе и местных народов.

Резюмируя выше сказанное, можно отметить, что библиотеки для населения, говорившего и читавшего на других языках, кроме русского, комплектуя фонды своих библиотек, отдавали предпочтение изданиям на своем национальном языке, но включали определенный процент и русскоязычной литературы. В совокупности все это ломало узко национальные границы в комплектовании фондов и могло увеличить контингент читателей за счет читавших на разных языках. К полиэтничности фондов стремилась и городская общественная библиотека.

Примечания:

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. [СПб.], 1904. Т. 28. Оренбургская губерния. С. 57.

² Медресе «Хусаиния» в Оренбурге : (посвящается 160-летию Ахмет бая Хусаинова). 2-е изд., доп. Оренбург, 1997. С. 26.

³ Рахимкулова М.Ф. Преподавание естественных наук в татарских школах дореволюционной России: (страницы истории татарских школ в России). Оренбург, 1998. С. 54-55.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Валишина А.Н. Мусульманские школы Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Уфа, 2009. С. 152.

⁶ Там же. С. 145-151

⁷ Владимирцева В.Г. Народное просвещение и демократические общества в России на рубеже XIX-XX вв. // Книга. Чтение. Культура : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 26-27 окт. 2007 г. Оренбург, 2008. С. 130.

⁸ Шарафутдинова В.Х. Страницы истории библиотеки им. Х. Ямашева // Татары в Оренбургском крае (к 100-летию газеты «Вақыт» и библиотеки им. Х. Ямшева). Оренбург, 2008. С. 113-117.

⁹ Муксимова Н.М. История библиотеки им. Х. Ямашева // Татары в Оренбургском крае. Оренбург, 1996. С. 42.

¹⁰ Мусульманская библиотека (мест. хроника) // Оренбургская газета. 1910. 16 янв.

¹¹ Доклады Оренбургской губернской земской управы 2-й очередной сессии Губернского земского собрания. Оренбург, 1915. № 48-50. С.127.

¹² Дубинин А.Н. Место и роль внешкольного образования в социокультурном развитии Оренбургской губернии начала XX века // Четвертые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность. Оренбург, 2009. С.178.

¹³ ГБУ «ГАОО» (Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области»). Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 5. Л. 93-94, 99.

¹⁴ ГБУ «ГАОО». Ф. 41. Оп. 1. Д. 1546.

¹⁵ ГБУ «ГАОО». Ф. 41. Оп. 1. Д. 1546. Л. 4.

¹⁶ ГБУ «ГАОО». Ф. 41. Оп. 1. Д. 1546. Л. 98.

¹⁷ ГБУ «ГАОО». Ф. 450. Оп. 1. Д. 1120. Л. 225-226.

¹⁸ ГБУ «ГАОО». Ф. 450. Оп. 1. Д. 1120. Л. 227.

¹⁹ Бакирова А.М. Татарское просвещение в Оренбургской губернии в конце XIX -

начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2005. С. 137.

²⁰ Узбеков И.Г. Татарское информационное поле в духовном пространстве Оренбуржья. Становление и развитие // Татары в Оренбургском крае (к 100-летию газеты «Вақыт» и библиотеки им. Х. Ямшева). Оренбург, 2008. С. 21.

²¹ Лихтин А.Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти: на материалах Оренбургского края XIX – XXI веков: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2005. С. 62.

²² ГБУ «ГАОО». Ф. 21. Оп. 1. Д. 226.

²³ ГБУ «ГАОО». Ф. 450. Оп. 1. Д. 1120. Л. 223.

²⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. [СПб.], 1904. Т. 28. Оренбургская губерния С. 56.

²⁵ Денисов Д.Н. Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII – начало XXI вв.). Оренбург, 2014. С. 60-62.

²⁶ Бляхер Я.В. Итоги однодневной переписи населения г. Оренбурга 7 февраля 1916 года и нормы потребления продовольственных продуктов и топлива по данным выборочного исследования 14–18 февраля 1916 года. Вып. 1. Оренбург, 1916. 15, С. 66.

²⁷ ГБУ «ГАОО». Ф. 10. Оп. 2. Д. 263.

²⁸ Бляхер Я.В. Итоги однодневной переписи ... С. 15, 66.

²⁹ Образцы киргизской поэзии / собр. и пер. Т.А. Сейдалиной, С.А. Джантюрина // Зап. Оренб. отд. Император. Рус. геогр. о-ва. Оренбург, 1875. Вып. 3. С. 249-419.

³⁰ ГБУ «ГАОО». Ф. 94. Оп. 1. Д. 12. Л. 63 об.

³¹ Первая Всеобщая перепись ... С. 57.

³² Бляхер Я.В. Итоги однодневной переписи ... С. 15.

³³ Устав Киргизского национального общества «Еркин дала». Оренбург: Тип. газеты «Казак», 1917. 22 с.

³⁴ СПФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 158. Оп. 4. Д. 13. Л. 43.

³⁵ Каталог Оренбургской городской общественной библиотеки. (По 1-ое сент. 1900 г.) / сост. Ободовская и Аверианова. Оренбург, 1900 [обл. 1901]. 1333 с.

³⁶ Прибавление к Каталогу Оренбургской городской общественной библиотеки 1905-1910 гг. / сост. зав. б-кой Н. Ободовская. 1910. 88 с.

³⁷ Ободовская Н.И. 2-е прибавление к каталогу Оренбургской городской библиотеки 1913 года: сост. завед. б-кой Н. Ободовская. Оренбург: тип. г.М. Мильберг, 1913. 200 с.

Четвериков С. А. (г. Оренбург)

ССЫЛЬНЫЕ КСЕНДЗЫ МЕЧИСЛАВ ТАБЕНСКИЙ И ИОСИФ ДРЖЕВИНСКИЙ В ВЕРХНЕУРАЛЬСКЕ В 1869 – 1871 ГОДАХ

В 1860 – первой половине 1861 года патриотические манифестации в Варшаве, посвященные памяти борцов за независимость Польши приобрели массовый характер. В процессиях, выходивших из костелов и

имевших ярко выраженный политический подтекст, участвовали воспитанники учебных заведений, женщины и дети. Манифестанты в национальных одеждах проходили по городу со значками и эмблемами, неся портреты участников восстания 1831 года, и распевая полурелигиозные патриотические гимны: «Boże! cos Polske», «Z dymem pozarow» и различные вариации «Jeszcze Polska nie zginela»¹. В этих песнях-гимнах содержались призывы к независимости Польши и необходимости борьбы с «немецкими и русскими» захватчиками. Восхвалялись утраченная польским народом свобода и ее «прежний блеск», вспоминалось о подвигах, совершенных предками в сражениях за свободу Польши.

Первая крупная политическая демонстрация, в которой участвовали 20 тысяч человек, прошла 11 июня 1860 года, когда собравшиеся на похоронах Екатерины Совинской, вдовы генерала, участвовавшего в восстании 1831 года, прошли маршем по предместьям Варшавы в память защитников города, павших в сентябре 1831 года. Затем, 29 ноября 1860 года, в годовщину начала восстания, в костеле кармелитов был отслужен торжественный молебен, в котором принимали участие несколько тысяч человек.

В начале 1861 года, не желая выслушивать оскорбления сотрудников полиции и русской администрации в Польше, Варшавский полицмейстер Ф.Ф. Трепов приступил к жестким действиям против спонтанно возникавших демонстраций. 13 февраля 1861 года, в годовщину сражения под Гроховым полем, собравшаяся толпа была разогнана по его распоряжению казаками. Повторная попытка поляков собрать демонстрацию 15 февраля закончилась при ее разгоне нападением «увлекшихся» казаков на похоронную процессию, сопровождавшую тело одного из участников восстания 1831 года. Увидевшая это ремесленная молодежь, стала бросать в казаков кирпичи строившегося дома. Генерал В.И. Заблоцкий, пришедший на помощь казакам с отрядом пехоты, приказал стрелять по «мятежникам». В результате пять человек были убиты, а Наместник Царства Польского вынужден был принять делегацию от жителей города, с требованиями наказать виновных в убийстве и провести торжественные похороны. 20 февраля 1861 года на похоронах погибших собрались более 100 тысяч жителей Варшавы, в городе был объявлен траур².

6 апреля 1861 года Наместник Царства Польского Михаил Дмитриевич Горчаков докладывал Министру Внутренних Дел П.А. Валуеву о сложившейся ситуации, что главными элементами происходящих беспорядков являлись:

Во-первых, представители сельского общества (в том числе помещики), делившиеся на людей «движимых против правительства влиянием своих товарищей, духом времени и событиями последних шести недель, из коих ошибочно заключили, что правительство потеряло силу». Умеренных – лиц, выступающих против правительства, но опасющихся уличных потрясений и поэтому не принимающих в них участия. И большинства молодых людей, «кои в ненависти своей к существующему порядку вещей, не только мечтают о восстановлении самобытной Польши в полном ее составе, но полагают, что и настало время приступить к делу, возбуждая и поддерживая всякого рода беспорядки».

Во-вторых – учащиеся, которые «совершенно развращены, и пользуясь безнаказанностью, подвигают народ ко всяким бесчинствам».

В-третьих – католическое духовенство, которое «вообще по одному религиозному чувству нам враждебно»³.

В результате чего, 5 августа 1861 года Комитетом Министров были утверждены положения «О правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении»⁴ и «Об учреждении Полицейских Судов в Западных губерниях»⁵. По ним все жители и чиновники Западных губерний, в которых вводилось военное положение, объявлялись подвластными военному суду. Военные начальники губерний могли удалить из местности, объявленной на военном положении, всех иностранцев, празднично-проживающих и подозрительных людей. В целях прекращения беспорядков запрещалось публичное пение гимнов и песен, направленных против существующего правительственного порядка, публичное ношение условных отличительных знаков, публичные денежные сборы, без предварительного разрешения полиции, в пользу лиц, подвергшимся правительственным взысканиям, всякое оказание неуважения или противодействия должностным лицам.

Организаторы и активные участники возникавших беспорядков согласно принятым правилам осуждались на различные сроки заключения и выплате денежных штрафов. За первый раз аресту на время от трех дней до двух недель и денежному взысканию от 10 до 200 рублей серебром. За второй раз аресту сроком до трех недель и денежному взысканию от 20 до 400 рублей. За третий раз аресту до одного месяца и денежному взысканию от 40 до 800 рублей. За следующие аресты размер наказания возрастал в такой же прогрессии. За оскор-

бление должностных лиц назначался арест, сроком от двух недель до двух месяцев с сохранением штрафов. В случае «особых обстоятельств», на основании пункта 9, данные поступки могли быть приравнены к политическим преступлениям, а лица, совершившие их, удалены из края в административном порядке.

Расследование преступлений против общественного спокойствия было передано в Полицейские Суды, состоявшие из уездного судьи, одного из заседателей уездного суда и члена комиссара, назначаемого правительством. Приговор по данным делам должен был выноситься на основании показаний свидетелей и чинов полицейского управления, доказательств и улик. Срок составления письменного приговора был установлен в три дня. Подсудимый, согласно статье 18, обязан был объявить, доволен ли он решением суда или нет. В тот же день разрешалось подавать апелляцию в Апелляционные Полицейские Суды, располагавшиеся в Вильно и Киеве. Решения этих Судов выносились на основании повторного допроса свидетелей, признавались окончательными и могли быть отменены только Высочайшей властью.

31 августа 1861 года Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору было предоставлено право: проводить расследование и суд над лицами, подозреваемыми в политических беспорядках с вынесением окончательного приговора в течение 24 часов⁶.

14 января 1863 года на основании Высочайшего рескрипта Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору предоставлялось право принимать любые меры, необходимые к охранению спокойствия в крае⁷. Для определения степени виновности лиц, взятых в плен с оружием в руках; лиц, обвиненных в содействии мятежникам через доставление им продовольствия и оружия; а также лиц, подозреваемых в укрывательстве участников мятежа, создавались Военно-Судные Комиссии, решения которых вступали в силу по конфирмации Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора.

11 мая 1863 года на основании особых правил Министерства Внутренних Дел «О наложении взысканий на мятежников» все участники восстания были разделены в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений на пять категорий. Первая категория мятежников осуждалась на каторжные работы в Сибири. Ее составляли лица, захваченные с оружием в руках и принимавшие участие в сражениях с русскими войсками. Вторая – подлежала отправке в Сибирь с лишением всех прав состояния. Третья – ссылке на жительство в отдаленные губер-

нии России под надзор полиции. Четвертая – высылке на жительство под надзор полиции в отдаленные губернии России с лишением всех прав состояния. К этим категориям относились лица, находившиеся в «мятежнических бандах», не принимавшие участия в сражениях с русскими войсками, а также лица, сочувствовавшие восставшим. Пятая категория мятежников водворялась на казенных землях отдаленных губерний империи. Ее составляли лица, добровольно возвратившиеся из «мятежнических банд», но не принятые на поруки обществом, а также лица, чье участие в восстании не было доказано, а потому оставленные «под сильным подозрением».

О назначении Оренбургской губернии местом ссылки для признанных вредными по политическим стремлениям лиц, Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку было сообщено в циркуляре Министерства Внутренних Дел № 80, от 28 мая 1863 года⁸. Всего к концу 1864 года на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию было доставлено 483 человека⁹.

17 марта 1867 года недовольный большим количеством находящихся на территории губернии политических ссыльных, Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский писал Министру Внутренних Дел П.А. Валуеву: «У меня Бог знай что стал за народ в губернии: разные раскольники, бабки – яги, офицеры, купцы, мастеровые и масса политических преступников»¹⁰. Причиной его возмущения было нежелание большинства из польских политических ссыльных отказываться от своих политических взглядов, несмотря на отдаленное положение Оренбургской губернии. Чему способствовали, в первую очередь, высланные на жительство под надзор полиции в провинциальные города ксендзы, пытавшиеся проводить богослужения в соответствии со всеми церковными обрядами.

Наибольший резонанс вызвало поведение высланных под надзор полиции в Верхнеуральск политических ссыльных, ксендзов Мечислава Табенского и Иосифа Држевинского. 14 февраля 1869 года Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский получил от князя А.Б. Лобанова-Ростовского уведомление, о том что, данные лица на своей съемной квартире ежедневно проводили богослужения и церковные требы. В этих незаконных богослужениях принимали участие политические ссыльные Валериян Бружевич, Франц Понфилович, Александр Яздовский, Сигизмунд Яздовский и Владислав Липский¹¹. Поэтому Н.А. Крыжановскому поручалось провести тщательное расследование, с целью собрать сведения о распространении католицизма среди местного населения.

Согласно имевшимся в Канцелярии данным ксендзы М. Табенский и И. Држевинский были высланы под надзор полиции в Верхнеуральск по распоряжению Главного Начальника Северо-Западного Края 19 марта 1867 года за неблагонадежность в политическом отношении. В. Липский был отправлен на жительство в Верхнеуральск за нахождение в мятежных шайках. В. Бружевич, Ф. Понфилович и братья Яздовские проживавшие в городе были возвращены на родину в ноябре 1868 года. При этом все они аттестовались местным начальством одобрительно.

15 марта 1869 года Н.А. Крыжановский поручил расследование обстоятельств дела находящемуся в Верхнеуральске чиновнику по особым поручениям при Оренбургском генерал-губернаторе титулярному советнику Хотяинцеву. Проведя обыски и опросив свидетелей, Хотяинцев 12 апреля 1869 года сообщил в Оренбург, что «каплицы здесь в настоящее время нет, и нет положительно данных предполагать, чтобы она могла быть устроена и в прошлое время. Ссылные ксендзы Тобенский и Држевинский, живя вместе на одной квартире, ежедневно производят моление в обыкновенной жилой комнате, большей частью утром, и иногда число приходящих к ним в это время соотчичей доходит до пятнадцати человек; моление сии принимали более торжественный вид, при хоре нескольких музыкантов во время приезда сюда Оренбургского Католического Ксендза. Обстоятельства эти были известны местной полиции, которая имела негласный надзор над ссылными ксендзами. Распространение католицизма здесь также быть не могло, и попытка ссыльных поляков осталась бы всегда не успешна в крае, где все население не имеет к ним сочувствия»¹².

Однако 27 апреля 1869 года Хотяинцев отправил Н.А. Крыжановскому новый рапорт, в котором сообщал, что вещи, используемые при совершении богослужения, были обнаружены при проведении 22 апреля 1869 года обыска на чердаке хозяина квартиры, унтер-офицера Миронова, в одном из углов завернутые в особую скатерть, лежащую на деревянном столе. Согласно сохранившейся в материалах дела описи Хотяинцевым были найдены¹³: Аспидный четырехугольный камень, величиною в четвертую долю листа, оправленный в дерево, на обратной стороне которого (на дереве) латинская надпись, а ниже этой надписи приложена сургучная печать с латинской же надписью. Три листа, напечатанные на латинском языке, и наклеенные на картон. Три шелковых куса, обшитых позументом и с позументными крестами в середине. Серебряная (польского серебра) позолоченная внутри чаша

и тарелочка. Жестяная коробка с облатками, употребляемыми для причащения. Стеклообразная небольшая бутылочка с водой. Лоскут белого полотна на манер скатерти. Небольшой лоскуток полотна с вышитым посередине оного красной бумагой крестом. Лоскут белого полотна с завязками. Шелковая обшитая позументами риза. Наружники из парчи. Служебник в кожаном переплете. Два шелковых пояса. Белая длинная миткалевая рубашка с вязаной обшивкой на рукавах. Такая же короткая рубашка. Гарусный голубой с кистями шнур, и два деревянных, ручной работы подсвечника с огарками восковых свечей. Таким образом, найденные вещи свидетельствовали о проведении ими богослужения в соответствии со всеми церковными обрядами.

Ксендзы были арестованы, а 24 ноября 1869 года расследование обстоятельств дела было передано чиновнику по особым поручениям при Оренбургском генерал-губернаторе титулярному советнику Соколову. При этом Иосиф Држевинский, получавший 4 апреля 1870 года разрешение на выезд в Тамбовскую губернию, был оставлен в Верхнеуральске до окончания расследования. На допросе ксендз Табенский заявил, «что все найденные вещи принадлежат ему, а из числа их чаша освящена епископом в Вильно». Однако он отрицал совершения им общественных богослужений, так как «в служебнике, имеющемся у него не достает некоторых молитв, без которых не может совершаться полное литургическое богослужение по образцу римско-католической церкви». Найденные вещи он хранил на чердаке с целью обезопасить их от детей хозяина дома, которые могли разбросать их, так как двери не запирались на замок. Устройство чердака, имевшего один вход и наполнявшегося сеном, не имело ни в каком случае вида часовни¹⁴.

Согласно показаниями унтер-офицера Миронова, найденные вещи были перенесены на чердак с его дозволения, за три, или четыре дня до повторного обыска. Проживавшие у него ксендзы ходили молиться на чердак одни, хотя до этого к ним приходили для общей молитвы пять или шесть поляков, но находились ли в то время ксендзы в ризах ему неизвестно¹⁵.

Урядник Павел Федоров, у которого ксендзы снимали квартиру ранее, сказал, что в одной из комнат, занимавшихся ими, собирались каждодневно для моления человек пять или десять поляков, а Држевинский однажды стоял вовремя молитвы в белой одежде. Кроме того, моления посещали казаки Верхнеуральской станицы Степанов и Ива-

нов, отставные солдаты: Валинский, Мачальский, Андрианович и семейство поручика Кудрявцева. Казаки Степанов и Иванов показали, что по приглашению состоявшего под надзором полиции поляка Владислава Силича они участвовали в музыкальном концерте, моление совершалось ксендзом, приехавшим из Оренбурга. Андрианович сказал, что посещал ксендзов для получения наставлений в делах веры, в Троицын день, но музыки не слышал, хотя и видел в это время поляков Силича и Румеля, и казаков Степанова и Иванова. Валинский утверждал, что был у ксендзов не более четырех раз для присутствия при чтении молитв. Жена отставного поручика Кудрявцева сказала, что они посещали ксендза Табенского во время его болезни.

Рассмотрев обстоятельства дела, Соколов пришел к выводу, что так как в циркулярных распоряжениях Министерства Внутренних Дел, состоявшихся в разное время о порядке надзора, не имеется никаких указаний на этот случай, то при поступлении в суд, данное дело встретит затруднения, вследствие отсутствия оснований к объявлению нарушения¹⁶. Притом, что ксендзам Табенскому и Држевинскому не было запрещено «совершать духовные требы и вообще исполнять священнические обязанности»¹⁷, как например ксендзу Виленского Остробрамского Костела Шульцу.

Сообщив о результатах расследования Министру Внутренних Дел, Н.А. Крыжановский 5 мая 1871 года получил приказ выслать ксендзов Мечислава Табенского и Иосифа Држевинского на жительство в один из уездных городов Оренбургской губернии, где нет католиков, с установлением за ними полицейского надзора. Найденные у них вещи, необходимые для совершения церковного богослужения, передать Епархиальному Начальству¹⁸.

Однако выполнение данного распоряжения было невозможно, так как согласно рапорту Оренбургского генерал-губернатора от 28 мая 1871 года «во всех городах Оренбургской губернии проживают поляки, сосланные за политические преступления. Только в городе Орске их находится меньше чем в прочих городах, именно там состоит на жительстве 1 рядовой из Царства Польского, 1 мещанин и 1 крестьянин из Ковенской губернии»¹⁹. Поэтому Иосиф Држевинский и Мечислав Табенский были отправлены в Орск, а 29 июля 1873 года получили разрешение возвратиться на родину.

Таким образом, из результатов проведенного в отношении названных ксендзов расследования следует, что некоторые из высылаемых под надзор полиции в Оренбургскую губернию католических священ-

нослужителей стремились проводить богослужения в соответствии со всеми церковными обрядами, в присутствии большого числа лиц. Этим они оказывали польским ссыльным моральную поддержку, помогая пережить потерю связи с родиной и сохранить их собственные убеждения.

Примечания:

¹ Воробьев, Г.А. Польские патриотические песни, именуемые «революционными» (Историческая справка)/ Исторический вестник. Т.104, 1906. – С.572 – 578.

² Студницкий, Вл. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб, 1908. – С.60 – 62.

³ Отрывки из дневника П.А. Хрущова / Исторический вестник, 1881. Т.5. – С.71.

⁴ ПСЗРИ. Собрание 2, Том 36-2, № 37328. – Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении».

⁵ ПСЗРИ. Собрание 2, Том 36-2, № 37327. – Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об учреждении Полицейских Судов в Западных губерниях».

⁶ ПСЗРИ. Собрание 2, Том 36-2, № 37370. – именной указ, объявленный Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору управляющим Министерством Внутренних Дел «О предоставлении Главным Начальникам Западных губерний права предавать военному суду, по Полевому Уголовному Уложению, виновных в беспорядках, подавших повод к объявлению каких-либо местностей в военном положении и приводить приговоры о них в исполнение немедленно».

⁷ ПСЗРИ. Собрание 2, Том 38-1, № 39161. – Высочайший рескрипт, данный Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору, предложенный Правительствующему Сенату Управляющим Министерством Юстиции «О облечении Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора особой властью и предоставлении ему принять меры, необходимые к охранению спокойствия в крае, по случаю беспорядков, возникших в царстве Польском».

⁸ ГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.461. Л.1.

⁹ ГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.533. Л.154.

¹⁰ ГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.598. Л.1.

¹¹ ГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.636. Л.1.

¹² ГАОО. Ф.6, Оп.18, Д.636, Л.9.

¹³ Там же. Л.13 – 14.

¹⁴ Там же. Л.25об.

¹⁵ Там же. Л.26.

¹⁶ Там же. Л.28.

¹⁷ ГАОО. Ф.6, Оп.18, Д.440, Л.1об.

¹⁸ ГАОО. Ф.6, Оп.18, Д.636, Л.41.

¹⁹ Там же. Л.44.

Шурбаев К. К. (г. Оренбург)

ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 ГГ.

Известие о внезапном нападении японской эскадры на Порт-Артур в ночь на 27 января 1904 года было встречено в России массовым подъемом патриотических и национальных чувств. В церквах читался царский манифест, служились торжественные молебны о победе русского оружия. В Оренбурге Высочайший манифест императора Николая II о войне с Японией был прочитан в Казанском кафедральном соборе 1 февраля 1904 г., в 12.30 епископом Оренбургским и Уральским Иоакимом¹.

С самого начала войны общее руководство всеми делами по духовному окормлению воинов, отправляющихся в действующую армию, решением Синода было возложено на Протопресвитера военного и морского духовенства Желобовского А. А. Численный состав священнослужителей в русской армии определялся штатами, утвержденными Военным ведомством. В течение XIX – начала XX веков численность духовенства Военного ведомства постоянно увеличивалось, пропорционально опережая рост численности армии. Численности военного духовенства (протоиереев, иереев, диаконов, псаломщиков) на начало и конец Русско-японской войны 1904-1905 годов составляла в 1904 г. – 885 чел., а в 1905 г. – 964 чел².

Во время второй частной мобилизации Русско-японской войны 1904-1905 годов Оренбургская губерния должна была активно привлекаться, так как на ее территории формировались части 61-й и 78-й пех. дивизий. В начале мая 1904 г. утверждается число офицеров и нижних чинов, которые должны были прибыть в формируемые части до объявления мобилизации. Сведения, предоставленные в Штаб Казанского военного округа, касались списков офицеров, врачей, ветеринаров, чиновников, и нижних чинов, необходимых для начала формирования 61-й и 78-й пехотных дивизии по военному штату. Списки содержали и священнослужителей местного Успенско-Макарьевского мужского монастыря, которые вместе с оренбургскими частями должны были отправиться на фронт. Из 61-й пехотной резервной бригады в Оренбурге разворачивались 241-й пех. Орский и 242-й пех. Белебеевский полки – в них назначались иеромонах Никандр и иеромонах Нифонт соответственно. Из 78-й пехотной резервной бригады

в Оренбурге формировались 309-й пех. Илецкий (иеромонах Исаакий) и 310-й пех. Стерлитамакский полки (иеромонах Софроний), еще два священника должны были состоять при Штабе 78-й пех. дивизии. Дата прибытия в места дислокации частей варьировалась от 4 до 18 дней с момента составления сведений. Однако после изменения мобилизационного расписания 78-я пех. дивизия в усеченном виде осталось на месте формирования для несения гарнизонной службы, а на театр военных действий отправились лишь оренбургские полки 61-й пех. дивизии³.

Важными задачами Православной Церкви во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. были духовное наставление и окормление не только мирного населения в тылу, но также военнослужащих и гражданского персонала, отправляющихся непосредственно на фронт. 7 сентября 1904 г. прошли торжественные проводы на войну с японцами 241-го пех. Орского и 242-го пех. Белебеевского пехотных полков, дополнительно развёрнутых из местных резервных батальонов. Отправка частей на фронт совпала с ежегодной встречей в Оренбурге чудотворной Табынской иконы Божией Матери. В сопровождении массы богомольцев она прибыла на Форштадтскую площадь к востоку от города. Из оренбургских церквей сюда были принесены кресты, иконы и хоругви, собралось многочисленное городское духовенство во главе с епископом, руководители военных и гражданских властей, полки со знамёнами и оркестрами. У часовни на площади перед Табынской иконой было отслужено молебствие с присоединением напутственного молебна частям, выступающим на Дальний Восток. Епископ Оренбургский и Уральский Иоаким, благословляя войска святой иконой⁴.

В каждом полку были оберегающие их святые, дни почитания которых были важны. У 241ого пех. Орского полка – Св. Николай Чудотворец (9 мая), 242ого Белебеевского полка – Св. Александр Невский (30 августа), 243ого Златоустовского полка – Нерукотворный Образ Спасителя (16 августа), 244ого Борисовского полка – Св. Митрофания (23 ноября)⁵. Поэтому у командования 61-й пехотной дивизии возник вопрос об оплате созданий четырех полковых походных церквей, а именно на что ссылаться – на указ Главного Интендантского управления от 1881 г., где не восполняются затраты, или указ 1892 г., когда выдаются 400 рублей на иконы и образа⁶. Главный вопрос заключался не только в оплате, но и в целесообразности, так опыт Русско-турецкой войны 1877-1878 годов показывал, что, например, по-

ходная церковь 12-ой пехотной дивизии не ставилась ни разу, а в 31-ой пехотной дивизии во все время войны походная церковь ставилась только один раз и в ней служились только две литургии. Между тем, для перевозки походной церкви требовалось две повозки и 6 лошадей. Поэтому решением Военного Совета 1899 года было решено походной церкви при первых полках пехотных дивизий не иметь, а решением Главного Интендантского управления за 1896 год – возить лишь установленные для прочих войсковых частей, имеющих священника, церковные вещи, в том числе и все богослужебные книги. Ответом для Штаба 61-й пехотной дивизии стала телеграмма Интендантского управления Казанского военного округа с сообщением о приобретении необходимых церковных вещей и книг с последующим восполнением всех затрат.

Полковые и судовые священники были чрезвычайно востребованы в военное время. По свидетельству современников, особо трогательными были богослужения в боевых условиях, когда тень смерти витала над воинами. При этом знакомые с детства песнопения и слова молитв приобретали особый, сокровенный смысл. 17 февраля 1905 г. 241-й пех. Орский и 60-й пех. Замосцкий полки развернувшись начали атаку на д. Пейтхоцзы. Глинобитные заборы и валики с канавами давали японцам возможность защищаться с большим упорством. Однако, несмотря на это, 5-я, 7-я и 10-я роты 60-го пех. Замосцкого полка и 15-я рота 241-го пех. Орского полка первыми ворвались в д. Пейтхоцзы. После занятия деревни, офицеры 241-го пех. Орского полка приказали петь молитвы «Господню» и «Спаси, Господи, люди Твоя». Пение молитвы, подхваченное солдатами 60-го пех. Замосцкого полка, предотвратило стрельбу по своим и ободрило отставших, которые собирались в деревне⁷.

В мирное время основным мотивом для награждений военного и епархиального духовенства, как и военных и гражданских чиновников, была беспорочная выслуга лет. В период военных действий отличия, за которые священники могли быть пожалованы орденами с мечами или наперсным крестом на Георгиевской ленте, это подвиг священника в решительные минуты боя. Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. всего было пожаловано немногим более 300 орденов для около 500 священнослужителей, участвовавших в войне⁸. Один из них, священник 242-го Белебеевского пехотного полка, отец Нифонт был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества за то, что «в тече-

ние 5-дневного обстреливания – с 15–19 февраля 1905 г. у д. Дашаньтунь и Безымянная совершал церковные службы и обходил окопы, внушая людям святость присяги и ободряя личным примером самоотвержения»⁹.

Стоит также отметить нахождение полевых римско-католических капелланов при Маньчжурских армиях в Русско-японскую войну 1904-1905 годов. Это было регламентировано еще 1890 г., когда согласно штатам управления войск в военное время, в состав каждой армии должны быть назначены духовные представители иноверных исповеданий, а именно: по одному римско-католическому полевому священнику с причетником и по одному евангелическо-лютеранскому полевому пастору¹⁰. Одно из лютеранских богослужений прошло 6 июля 1905 г. в 5-ом Сибирском корпусе – в приказе по корпусу говорилось, что в 11.00 в д.Яугоу должны быть высланы немцы и все лютеранского вероисповедания нижние чины 54-й и 61-й пехотный дивизий¹¹.

С привлечением к формированию полков в Оренбурге во время Русско-японской войны 1904-1905 годов нижних чинов из Уфимской губернии позволяет подробнее рассмотреть функции и деятельность мусульманского военного духовенства.

С введением всеобщей воинской повинности заметно увеличилась численность мусульман из поволжско-уральских губерний в регулярных войсках и во флоте, однако принцип комплектования регулярных полков и экипажей делал невозможным появление в этот период института полковых мулл, ибо количество мусульман в каждом воинском подразделении не могло составить и половины от личного состава. В то же время взаимное исполнение нижними чинами религиозных треб не возбранялось и было официально узаконено в 1877 году. Прежде всего, в муллах нуждались командиры войсковой части или лазарета (госпиталя) при похоронах умершего иноверца. Постепенно такой человек становился представителем локальной группы военнослужащих мусульман в регулировании вопросов, связанных с реализацией их религиозных потребностей. Общественный мулла нес службу наряду с другими солдатами, и привлекался лишь по необходимости, по вызову командиров. После того, как мусульман стали освобождать от посещения церкви наряду с основной массой солдат христианского вероисповедания, именно к ним, как к сведущим в исламе лицам, командиры обращались для организации для военнослужащих мусульман в «царские дни» праздничной общественной молитвы в честь чле-

нов императорской семьи. Как правило, согласно исламской традиции, общественную молитву возглавлял один из мусульман, лучше других знающий порядок совершения богослужения. Однако начавшееся в 90-е годы сокращение штатов для мусульманского духовенства в некоторых городах завершилось полным упразднением института штатного мусульманского духовенства в регулярных войсках в 1896 году, за исключением военно-морского флота, что объясняется как сокращением расходов в военном ведомстве, так и общей консервативно-охранительной политикой того периода¹².

С началом военных действий на Дальнем Востоке, а именно 4 февраля 1904 г., оренбургский муфтий М. Султанов, предвидя значительные людские потери, обратился в Военное министерство с предложением об определении призванных в действующую армию духовных лиц в госпитали, санитарные отряды или в части войск, где окажется много солдат-мусульман, для напутствования раненых и умерших мусульман по законам ислама¹³. На период войны с Японией Военное министерство ввело в октябре 1904 г. должности военных мулл при штабах Маньчжурской армии, Приамурском военном округе с присвоением жалованья в размере 600 руб. в год и всех особых видов довольствия наравне с младшими унтер-офицерами¹⁴. В начале ноября, по рекомендации Духовного собрания, Департамент духовных дел иностранных исповеданий представил Военному министерству фамилии солдат-татар для занятия должностей военных мулл при штабах 2-й Маньчжурской и 3-й Маньчжурской армий¹⁵.

Упразднение штатного мусульманского военного духовенства было признано, в конечном счете, ошибочным. Представители гражданского духовенства не могли в должной мере обеспечивать отправление религиозной деятельности в отношении военнослужащих, что со всей очевидностью проявилось в ходе русско-японской войны 1904-1905 годов, когда командование вынуждено было назначать к войскам гражданских имамов, призываемых на действительную службу. 25 июля 1904 г. Начальник Оренбургской местной бригады г.-м. Черевко получил приказ о привлечении изъявившим желание быть назначенными муллами в действующую армию. Им было приказано немедленно призвать на службу и отправить в Хабаровск в распоряжение ген. Холщевникова, запасных нижних чинов состоящих при мечете Уфимского уезда д. Улукулевой Исмагила Султангалеева и при мечете Бирского уезда д. Таймурзиной Мирсаид Шарифа Габдулгаирова и прочих отставных нижних чинов – мулл д. Уртали Асты Бирского уезда

Сафарова и Акуна Троицкого уезда д. Ливкулуловой Гайсы Рясулеева¹⁶. На вопрос г.-м. Черевко в Штаб Казанского военного округа, каким денежным и вещевым довольствием следует удовлетворить мулл коих разрешено призвать¹⁷, было сообщено, что муллы призваны как нижние чины, а потому должны получить довольствие положенное нижним чинам¹⁸. По окончании войны пришел приказ об увольнении всех магометанских мулл, муллам 61-й пехотной дивизии было приказано прибыть в 242-й пех. Белебеевский полк, откуда под командой зауряд-прапорщика Мухаметзянова отправляться домой¹⁹.

Таким образом, военное духовенство оказывало самую активную и действенную помощь русской армии во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. Со стороны военного и морского духовенства РПЦ все регулярные соединения сухопутной армии были укомплектованы штатными священниками. Своевременно проводилось назначения достойных пастырей во вновь формируемые из запасных части и соединения, а также обеспечение их необходимым церковным имуществом. Для мусульманских военных мулл в русской армии Русско-японская война 1904-1905 гг. стала определяющей. Сначала в 1904 г. были введены должности военных мулл при штабах фронтов и госпиталей, а уже с 1908 г. Военное министерство утвердило 9 штатных должностей в пяти военных округах, уравнивая их в материальном плане с христианскими военными священниками. Это решение было направлено на удовлетворение минимума религиозных потребностей нижних чинов в мирное время. В Оренбурге при формировании полков особое место уделялось религии, в составе 78-й пехотной дивизии числилось два иеромонаха Успенско-Макарьевского мужского монастыря, однако на театр военных действия дивизия так и не отправилась. В составе же 61-й пехотной дивизии два оренбургских полка были пополнения иеромонахами Оренбургской епархии, в полках также имелись походные храмы, которые легко разворачивались в полевых условиях. Во время частных мобилизаций Начальник Оренбургской местной бригады отвечал и за призыв в действующую армию мусульманских мулл, которые изъявляли желание отправиться на театр военных действий.

Примечания:

¹ Денисов, Д. Н. Патриотическое служение Оренбургской епархии РПЦ во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. // Народы Южного Урала на страже Родины.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В. В. Амелина. – Оренбург, 2014. – С. 359.

² Капков, К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. – С. 37-38

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 3. Д. 25. Л. 19-22.

⁴ Денисов, Д. Н. Указ. соч. – С. 364.

⁵ РГВИА. Ф. 13619. Оп. 1. Д. 17. Л. 292.

⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 33. Л. 24.

⁷ Русско-японская война. Т. V. Мукденское сражение. Ч 1. Организация и управление действующей армии. СПб., 1910. – С. 209.

⁸ Капков, К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. – С. 96

⁹ Список священнослужителей, убитых, раненых, умерших от ран и награждённых в минувшую войну (приложение к краткой записке священника В. Слюнина) // Летопись войны с Японией 1904–1905 гг. – №№ 82–83. – С. 1-3.

¹⁰ Капков, К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. – С. 43-44.

¹¹ РГВИА. Ф. 15427. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

¹² Загидуллин, И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874-1914 г. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies, 2009, issue 10 // <http://www.pipss.org/index3745>.

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.8. Д.1064. Л.71.

¹⁴ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.1064. Л.100.

¹⁵ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.1064. Л.108–110.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 25. Л. 92.

¹⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 25. Л. 93.

¹⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 25. Л. 94.

¹⁹ РГВИА. Ф. 15427. О. 1. Д. 1. Л.58.

Бахарева О. Я. (г. Оренбург)

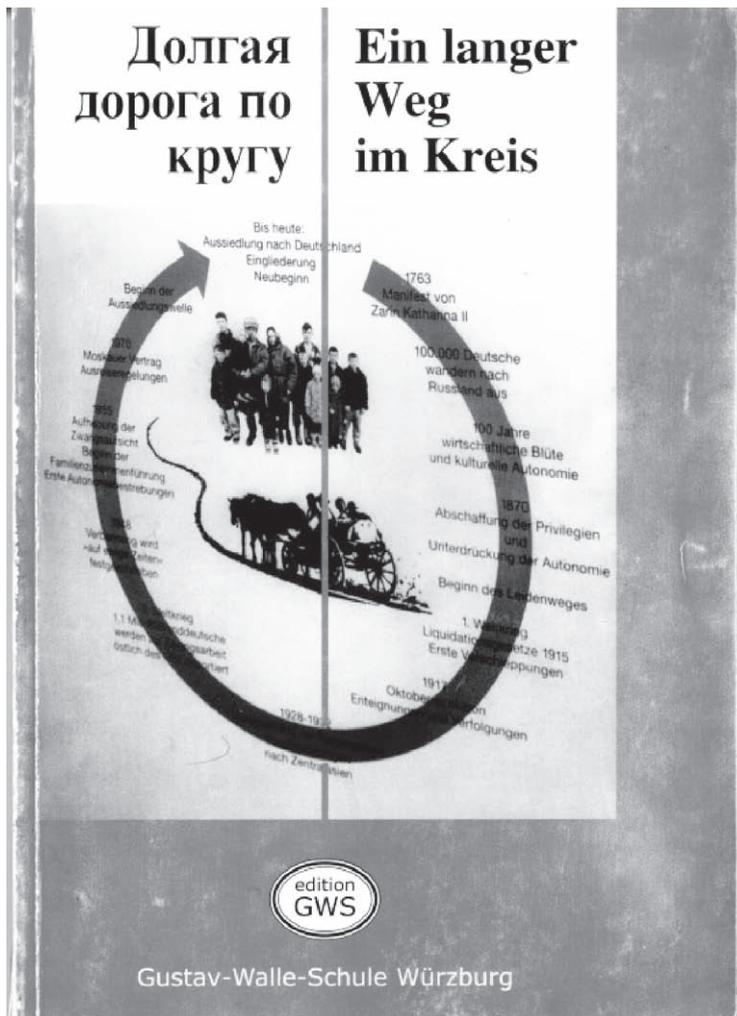
ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЦЕВ О ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ В С. ФЕДОРОВКА АКБУЛАКСКОГО РАЙОНА ПОСЛЕ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИЮ

Среди немецкого населения Оренбуржья всегда были такие энтузиасты, которые оставили воспоминания о жизни в нашем краю с конца XIX в. и кончая массовым выездом немцев на историческую родину в годы перестройки в 90 г. Прошло четверть века, но интерес к теме немецкой миграции не угас, поэтому целью статьи станет обзор кол-

лективного труда бывших односельчан-федоровцев, издавших книгу «Долгая дорога по кругу» в Германии.¹

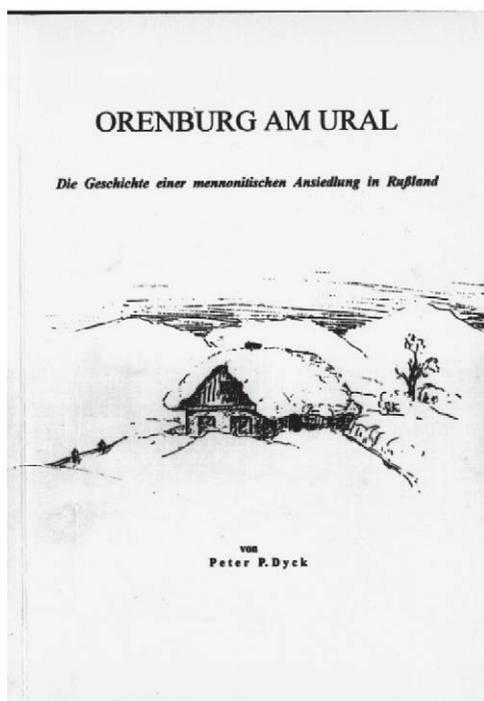
Давайте сначала обратимся к статистике, к национальному составу жителей. В 1897 г. по первой Всеобщей переписи населения Российской империи на территории Оренбургской губернии проживало всего 5.457 немцев, что составляло 0,3% от общего числа жителей в 1.600.145 чел.². Через сто лет по переписи 1989 г. в Оренбургской области всего проживало 2.170.700 чел., из них немцев – 47.600 чел. или 2,3%, они занимали четвертое место: 1. русские – 1.568.400 (1, 1%); 2. татары – 158.600 (2, 4%); 3. башкиры – 53.300 (3, 7%)³. По переписи 2002 г. число жителей в области составило всего 2.179.551 чел., немецкой национальности – 18.055 чел.; по Всероссийской переписи 2010 г. число жителей в области было всего 2.002.623, немцев – 12.165 чел.. По сравнению с переписью 1989г. число немцев к 2010 г., т.е. за 21 год, сократилось на 35.435 чел.⁴, а за 8 лет с 2002 г. по 2010 г. это сокращение составило 5.890 чел. Как видно из сопоставления данных, наиболее массовый отток немецкого населения падает на первые годы перестройки.

Книга «Долгая дорога по кругу» не является первой ласточкой по истории оренбургских немцев. В районных газетах области в 90-е годы прошлого века выходили серии статей, написанных жителями немецких сел, прежде всего учителями средних школ: М.Г. Энс, учительницы истории Ждановской средней школы⁵, Мартенса Нейфельда, учителя математики из с. Претория⁶ Переволоцкого района, воспоминания пенсионера И.И. Вальде⁷. В их статьях за основу брался труд историка П.М. Фризена «История староевангельского братства в России». Авторы давали широкую картину переселения меннонитов с Украины в степи Оренбургской губернии в конце XIX в.. Лидерами печатных источников воспоминаний стали меннониты на северо-востоке области – Красногвардейского, Александровского и Переволоцкого районов. Одной из первых вышла книга «Оренбург на Урале» или «История меннонитского поселения в России» Петера Дика в Канаде. Она родилась в результате встреч бывших оренбургских меннонитов летом 1946 г. в Абботсфорде, куда они приехали на очередную встречу из городов Канады и Парагвая. Готовый труд П. Дика, священника и учителя, издан в 1951 г. в Канаде с предисловием Якоба Ремпеля и его друзей, дополнившими текст фотоснимками. Более подробно с содержанием книги можно познакомиться в статье «Оренбургская земля и немцы: от прошлого к настоящему⁸». Следующим

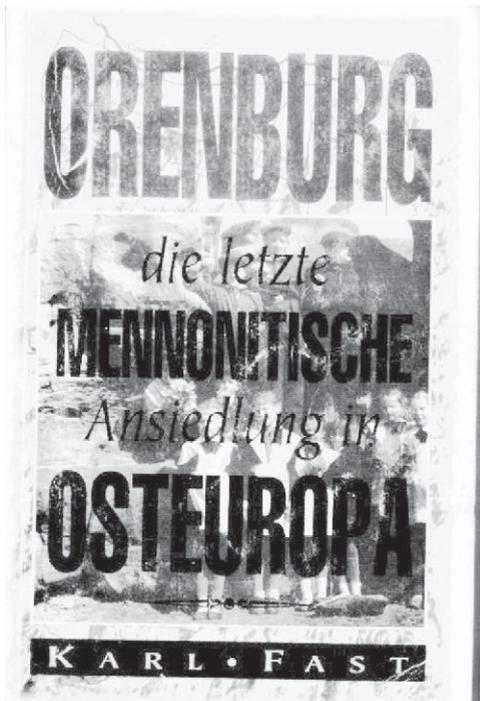

Воспоминания бывших односельчан с. Федоровки Акбулакского района. Вюрцбург, 1998.

крупным источником сведений о меннонитах является труд Карла Фаста «Оренбург: последнее поселение меннонитов на востоке Европы»⁹. Воспоминания состоят из введения, предисловия, первой части, включающей 11 глав, второй части с Приложением, третьей части, содержащей стихи, воспоминания односельчан, вернувшихся из трудармии, Указов Верховного Совета СССР, послесловия, списка дополнительных источников о меннонитах России и Украины. Книга богато иллюстрирована картами, фотографиями. Обзор книги «Карл Фаст. Оренбург: последнее поселение меннонитов на востоке Европы» был заслушан на научно-практической конференции в 1998 г.¹⁰.

Петр Дик. Оренбург на Урале, Канада, 1951 г. Переиздана в Мекенхайме (ФРГ) без указания года

Карл Фаст. Оренбург: последнее поселение меннонитов на востоке Европы. Канада, 1995 г.

Перечисленные источники касались жизни меннонитов на северо-западе Оренбуржья, но помимо их имелись еще немецкие евангелические села и хутора на юго-востоке области за р. Уралом. Единственным зарубежным источником служила статья немецкого историка Карла Штумппа «Немецкие поселения в районах Старой Самары, Новой Самары, Уфы/Давлеканово, Оренбурга, Актюбинска и Аркадака» в журнале для российских немцев, выходящим в Штуттгарте¹¹. Основатели зауральских колоний прибыли в основном из района Одессы и Бессарабии. Они основали в 1890 г. примерно 16 сел и хуторов, в которых к 1926 г. проживало 1417 чел. Самыми крупными селами были Ащебутак (300 чел.), Фриденсталь (350 чел.) и Планер (110 чел.)¹². И вот в 1998 г. в Вюрцбурге (федеральная земля Баден-Вюртемберг, ФРГ) вышла книга воспоминаний бывших жителей села Федоровка Акбулакского района «Долгая дорога по кругу» на двух языках. Издателем является школа Густава Вал-

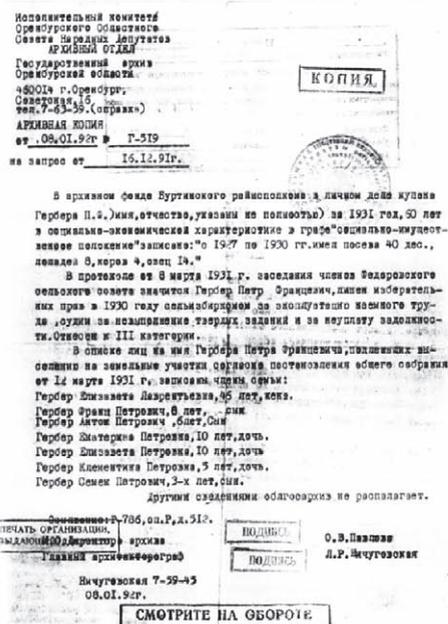
ле. Российских немцев в Германии называют «русскими», вызывая у них чувство национальной неполноценности, возмущения и тихого протеста. Они считают, что не заслуживают быть названными «русскими», поскольку они в течение 200 лет берегли и соблюдали национальный язык, обычаи и традиции предков. В первые годы эмиграции эта обида была чрезвычайно актуальна у всех немцев, переехавших в Германию. Вот что пишут авторы – «Цель этой книги – не делать героями жителей села Федоровки, а доказать, что среди многочисленных эмигрантов, въезжающих в Германию, есть такие, которые вдали от Родины в течении 200 лет берегли и соблюдали немецкие обычаи и традиции, и вернувшись сегодня, не заслуживают быть названными русскими». Название книги имеет особое значение – 200 лет тому назад предки переселились в Россию, а теперь их потомки возвращаются на историческую родину. Пока круг истории российских немцев не сомкнулся, о чем говорят последние статданные.

В книге приведены воспоминания Лины Бургерт, Петра Гербера, Евгения Гофмана, Ивана Мастио, Юлиуса Даршта, директора школы Эльвиры Комбейц и Розы Бланк. Книга иллюстрирована многочисленными черно-белыми фотоснимками разных лет, картой области, ксерокопиями документов, статей из районных газет советского времени и из газет земли Баден-Вюртемберга. В приложении даны списки жителей села с указанием даты переезда в Германию, указано количество детей в семьях и места проживания на новом месте. В основном односельчане осели в указанном регионе, но отдельные семьи попали по распределению в Берлин, Вормс, Оснабрюк, Ульм и др. Язык изложения близок к языку школьных сочинений. Презентация состоялась 22 декабря 1998 г. в средней школе Густава Валле в канун Рождества. На праздничное мероприятие пригласили спонсоров фирмы Сити-Друк в Вюрцбурге, представителей городского сбербанка и русского землячества, которое просили о содействии в распространении книги. Воспоминания открываются описанием села, окружающей природы, историей заселения. Федоровчане были потомками немцев, переехавших из Николаевской и Одесской областей в Оренбургскую губернию в степное Зауралье в 1910 г.. Село назвали в честь первого жителя Федора Крафта. За ним переехали семьи Бауэр, Кун, Мастио и др. С 1910 г. по 1990 г. люди обжили степное место, приспособились к климату. Вместе со всей страной пережили лихие годы революций, гражданской войны, кол-

лективизации, Великой Отечественной войны, голодные и урожайные годы. В книге много внимания уделено сталинским репрессиям, трудовой армии в годы войны. Сельчане в трудармии работали в соляных шахтах Соль-Илецка, в угольных шахтах г. Кемерово, строили аэродром, проложили за 8 месяцев железную дорогу от Ульяновска до Казани, трудились на лесоповале под г. Пермь (тогда г. Молотов) и находились в ссылке в г. Магадане. Кого-то из жителей расстреляли, а кто-то пропал без вести, только фотографии донесли до читателя их облик. В книге остались воспоминания о детских и школьных годах, обрядах и обычаях немецких семей, дается описание Оренбурга, как областного центра, и его история с 1743 г. по 1990 г. Авторы не забыли указать, что с 1938 г. по 1957 г. город носил имя летчика В. Чкалова, погибшего в 1937 г, также даются сведения о промышленности и культуре. Заключительные разделы связаны с миграцией немцев из России, когда экономика переживала глубокий кризис и резко ухудшилось благосостояние народа. Директор школы Эльвира Комбейц вспоминает, с каким упорством добивались введение родного немецкого языка в средней школе, это произошло только в 1990 г., как открылось общество «Возрождение», Дом культуры и церковь. В 1992 г. в село приехала из Германии с миссионерской целью сестра Регина и пробудила веру в Бога, немцы села были католиками по вероисповеданию. Выезд немцев в Германию, как бурный поток, захватил односельчан. Семья Мастио первой выехала в Германию в 1991 г. Эмигранты после регистрации сначала жили в лагерях для переселенцев в Эмпфингене, потом в Нюрнберге в пересыльном 16-этажном общежитии, затем в общежитии в Вюрцбурге, где им уже давали комнаты для временного проживания. Авторы отмечали, что везде проходили строгую регистрацию. Особенно тяжелыми были первые годы пребывания для всех возрастных категорий переселенцев, но особенно тяжело приходилось пожилым людям. Все переселенцы учились жить заново, привыкать к новому климату и природе, к поведению коренных немцев с их исконной культурой помноженной на современность, но особенно запомнилась бумажная бюрократия, когда за «неделю ставили столько подписей, сколько в России за 10 лет не расписывались». Бывшие федоровцы работали над воспоминаниями семь месяцев. В заключение они пишут о себе: «Мы не русские, мы – немцы! Мы, как могли, хранили и соблюдали немецкие обычаи и традиции. Сегодня мы вернулись на родину наших предков и просим принять

нас такими, какими мы есть». Если вдуматься в этот крик души, то многое станет ясным, сколько было пережито ими в начале новой жизни в Германии. С 1998 г. прошло 17 лет, пройдены трудности первых лет, жизнь наладилась, но память о жизни в России осталась. Книга «Долгий путь по кругу» не содержит злобы и ненависти к русскому народу, это теплые воспоминания, а историография пополнилась еще одним ценным источником о прошлом.

Viele Jahre später gelang es den Kindern, das folgende Dokument vom Arc bekommen.

Сведения из ГАОО о кулаке Петре Гербер за 1931 г., копия дела выдана 15 декабря 1991 г. Справа дан перевод этого документа на немецкий язык в книге. С. 52-53.

Слева - Фотография за 1954 г. справа - Свидетельство о рождении Карла Бауэра за 1936 г. С.46-47.

Примечания:

¹ «Долгая дорога по кругу» – «Ein langer Weg im Kreis». Herausgeber: Gustav-Walle-Schule Wuerzburg, 1998. Satz, Druck und Herstellung: CityDruck GmbH, Wuerzburg. – 182 с.

² Первая Всеобщая перепись Российской империи 1897 г., Т.28; Оренбургская губерния, СПб, 1904, С. 10

³ Этническая мозаика Оренбуржья в цифрах. Оренбург, 1994. Администрация Оренбургской области.

⁴ Национальный состав населения Оренбургской области. Статистический сборник. 2012. С. 12.

⁵ Энс, М.Г./М.Г. Энс.– География, экономическое и культурное развитие меннонитов с 1860 по 1910 гг. // Звезда (Александровский р-н). 1989. 27 апреля; она же. Переселение немцев в Россию //Звезда. 1989. 16 февраля; она же. Истории немеркнувшие строки //Звезда. 1989. 7 февраля; она же. Большое путешествие// Звезда. 1989. 25 июля.

⁶ Нейфельд, М.Я./ М.Я. Нейфельд.– Судьбы поколений. Из воспоминаний М.Я. Нейфельда. Оренбург, Издательско-полиграфический комплекс «Южный Урал», 1995, – 80 с.

⁷ Вальде, И.И./ И.И. Вальде.– Они были первыми // Красногвардеец. 1991. 5 декабря.

⁸ Бахарева, О.Я./О.Я. Бахарева. – Оренбургская земля и немцы: от прошлого к настоящему //Евразийское ожерелье. Альманах Общественного института истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля. Вып. 2. Изд-во ОГПУ, Оренбург, 2001. С. 32 –

45. – 214 с.

⁹ Karl Fast. /Karl Fast – Orenburg: die letzte mennonitische Ansiedlung in Osteuropa. Das bunte Fenster. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1995. – 230 с.

¹⁰ Бахарева, О.Я. / О.Я. Бахарева.– Карл Фаст. Последнее поселение меннонитов на востоке Европы // Оренбургские немцы: Этническая история и духовная культура . Оренбург. Печатный Дом «Димур». 1998. Вып. 11. (Серия Многонациональный мир Оренбуржья) С. 96 – 107. – 184 с.

¹¹ Stumpp, K. / K. Stumpp. – Die deutschen Siedlungen im Raum Alt-Samara, Neu-Samara, Ufa/Dawlekanowo, Orenburg, Aktjubinsk und Arkadak// Heimatbuch, Stuttgart, 1964. S. 23 – 30

¹² Бахарева, О.Я. / О.Я. Бахарева.– К. Штумпп и местная печать об оренбургских немцев //Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей по итогам научно-практической конференции, Оренбург, 1997 год. М.:1998. С. 109 – 123. – 170 с.

Кузнецова Ю. В. (г. Оренбург)

СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИЗ ОПЫТА КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Вероломное нападение Германии на СССР нарушило привычный ритм мирной жизни советских людей. В связи с тем, что работа тыла в сравнительно короткий срок была переведена на военный лад, деятельность культурно-просветительских учреждений приобрела наибольшую актуальность. 17 июля 1941 года центральный орган партии – «Правда» писала: «Интересам фронта, задачам организации отпора врагу должна быть подчинена вся партийно-политическая, массово-разъяснительная, культурно-воспитательная, агитационно-пропагандистская работа»¹.

Глубоко и всесторонне проводила указанную выше работу сельская интеллигенция Южного Урала. Наркомпрос РСФСР, опираясь на решения Центрального комитета партии, рядом приказов определил конкретные задачи для культурно-просветительской интеллигенции села (избачей, руководителей районных, сельских клубов, библиотекарей). Подобные решения принимались и местными органами власти. Так, Челябинский облисполком 18 июля 1941 г. вынес решение «О перестройке работы политико-просветительных учреждений в условиях военного времени»². Теперь идейно-политическая и культурно-просветительская работа имела целью прежде всего усилить в

людях чувства преданности, глубокой веры в победу над врагом и готовность к самоотверженной борьбе на фронте и в тылу.

Работа велась в трудных условиях: резко уменьшилась сеть массовых культпросветучреждений в сельской местности Южного Урала. По неполным данным в Челябинской и Чкаловской областях за годы войны закрылись 989 таких учреждений³. Уже в августе 1941 г. прекратили свою работу 236 сельских библиотек Челябинской области, а их фонды (354 тыс. книг) передали избам-читальням. Из 233 сельских библиотек Чкаловской области работали только 218, не имели помещений – 14 библиотек⁴.

Нередко учреждениям культуры не хватало зданий, поэтому они располагались в сельсоветах, школах, размещались в частных домах; другие требовали ремонта, как, например, колхозные клубы Варгашинского района Курганской области⁵, Андреевская, Дмитриевская, Ильинская, Новоникольская избы-читальни Белозерского района, Екатерининская, Ново-Алексеевская, Троицкая избы-читальни Державинского района, Ащебутакская, Елшанская избы-читальни Соль-Илецкого района Чкаловской области и др.⁶.

Из-за недостаточного финансирования действующим избам-читальням не хватало книг, периодических изданий, культинвентаря, оборудования, бывали и перебои с топливом, керосином⁷. В марте 1944 г. из 29 довоенных изб-читален Петуховского района Курганской области функционировали только 7. Подобное положение наблюдалось в Сафакулевском, Чашинском, Галкинском, Мостовском, Кетовском районах. Не всегда это можно было связать с объективными обстоятельствами военного времени. Недостатки объяснялись явной недооценкой важности функционирования сельских Домов культуры, библиотек, изб-читален, что приводило к широкому использованию их помещений для хозяйственных целей без острой на то необходимости. В Чкаловской области в июле 1942 г. 113 изб-читален, 14 сельских библиотек засыпали зерном⁸, например, в Белозерском и Гавриловском районах⁹.

Для улучшения культурно-просветительной деятельности в сёлах Южного Урала уже с первых дней войны привлекались широкие круги интеллигенции к деятельности изб-читален, библиотек, домов культуры. На совещаниях в наркоматах в 1941 – 1942 гг. подчёркивалось: «Каждый учитель, каждый сельский интеллигент может и должен стать агитатором, лектором, беседчиком, организатором художественной самодеятельности. Учитель, агроном, врач – первые совет-

чики колхозников по всем интересующим вопросам»¹⁰. Во всех республиках, областях и районах страны осенью 1941 – весной 1942 гг. прошли инструктивные совещания политпросветработников с участием широких масс сельской интеллигенции.

В октябре 1942 г. Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) направляет инструктивное письмо всем обкомам партии, где указывает на необходимость подобрать кадры избачей за счёт привлечения сельской интеллигенции к этой работе по совместительству¹¹.

24 февраля 1942 г. исполком Облсовета Чкаловской области предложил исполкомам райсоветов и заврайоно восстановить сеть политпросветучреждений, освободить здания изб-читален и клубов от зерна и других материалов, укомплектовать их кадрами, широко привлекая к этой работе учителей¹². В 42 районах заведующие РОНО пересмотрели кадры работников – зав.избами-читальнями. Многих из них освободили, как не обеспечивающих проведение политико-массовой деятельности на селе и заменили лучшими учителями по совместительству. Например, на 15 сентября 1942 г. 178 учителей области были заведующими избами-читальнями¹³. Например, заведующий школой Переволоцкого района – Г.Н. Байтемиров работал и избачём. За период уборки урожая выпустил 36 боевых листков, стенную газету. Организовал учащихся в группу по сбору колосьев, отражал на досках социалистическое соревнование, проводил вечера художественной самодеятельности¹⁴.

В 1944 г. на конезаводе № 25 Соль-Илецкого района Чкаловской области избачами работало 10 учителей, библиотекарями – 3¹⁵.

Врачи и сельские специалисты стали избачами и в Челябинской области.

При читальне Чинеевского сельсовета Юргамышского района Курганской области в 1942 г. действовал актив в составе 18 человек из молодёжи и интеллигенции. Силами этого актива до колхозников ежедневно, в устной и письменной форме, доводились сводки Совинформбюро, организовывались беседы о событиях на фронтах, о международном положении, коллективные чтения художественной литературы¹⁶.

Таким образом, выдвижение сельской интеллигенции на работу в избы-читальни, клубы и библиотеки позволило значительно укрепить кадры культпросветработников.

Сельскую интеллигенцию ввели и в состав постоянно действующих советов изб-читален, клубов и библиотек. В Чкаловской области

эти советы утверждались на бюро райкомов партии и райкомов комсомола. Их задачами были: составление календарного плана работы, создание временных красных уголков – места культурного отдыха колхозников во время посевной, организация социалистического соревнования за лучшее и быстрее выполнение производственных заданий, организация «досок» – «Как идёт весенний сев» – ежедневное наглядное освещение хода работы, политинформация путём громких читок, выпуск 2 раза в неделю стенгазет или боевых листовок в бригадах и Красных уголках, громкие читки сельскохозяйственных брошюр и газет, статей по агрозоотехнике на темы производственных работ, организация культурного досуга – неполные игры, массовые игры, вечера самодеятельности, танцы¹⁷.

Таким образом, широкое использование сельской интеллигенцией разнообразных форм и методов культурно-массовой работы, постоянная опора на колхозный актив повысили насыщенность и интенсивность культурно-просветительной деятельности клубов и изб-читален военного времени, усилили их мобилизующее воздействие на тружеников колхозной деревни.

Советы депутатов трудящихся решили использовать опыт лучших политико-просветительных учреждений для повсеместного налаживания эффективной работы. В Челябинской области распространился опыт Житниковской избы-читальни Чашинского района, где избач Т.Никитина ежедневно проводила политинформацию о положении на фронте, организовала коллективное прослушивание радио дважды в день, установила и оборудовала в колхозах района доски «Последних известий»¹⁸.

Тысячи музыкальных, театральных, танцевальных кружков были организованы в клубах и избах-читальнях за время проведённого зимой 1943 – 1944 гг. Всесоюзного смотра сельской художественной самодеятельности.

В Грачёвском районе Чкаловской области в 1943 году выделялась изба-читальня Ключёвского сельсовета, при которой действовали агротехнический, хоровой и драматический кружки. Здесь прослушали доклады и лекции о текущем моменте, международном положении, происхождении человека, грома и молнии, происхождении Христа и др. Докладчиками и лекторами выступали руководящие советские и партийные работники, учителя неполных средних школ¹⁹.

Совершенствованию многих сторон деятельности сельских учреждений культуры содействовали проведённые в октябре 1944 – январе

1945 гг. краевые и областные смотры. С помощью учителей, агрономов, врачей, вошедших в общественные комиссии, райкомы партии, местные Советы усилили внимание коллективов школ, больниц, колхозов и совхозов, МТС к нуждам и задачам работы культпросветучреждений. Ценный опыт работы этого направления освещался под специальными рубриками в местной печати и радиопередачах. Так, газета «Челябинский рабочий» в одной из подборок материалов сообщила: «Избач А.В. Кукушкина превратить избы-читальню в центр массово – воспитательной работы. Здесь организовали агрономический кружок, которым руководил председатель колхоза, проводились беседы о текущем моменте, коллективные прослушивания последних известий, книжные выставки и витрины. В избе – читальне постоянно подбиралась литература и оформлялись выставки по программе военного обучения. Актив избы-читальни оборудовал тракторные вагончики, где вывешивались плакаты: «Тракторист, выходи в поле, как гвардеец – танкист в бой», «Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится», «Каков тракторист, таков и трактор», «Где нет порядка, там не будет достатка» и другие.

Здесь же сделали витрины газетных иллюстраций на тему: «Замечательные победы наших войск», «Герои Советского Союза».

За время сева 1944 г. было выпущено 5 номеров стенной газеты, 35 «боевых листов» и 10 бюллетеней «Последние известия». Всё это принесло большую пользу. Колхоз провёл сев в лучшие сроки и на высоком агротехническом уровне.

В библиотеках, Домах культуры были организованы систематические выступления сельских специалистов с лекциями и докладами по полеводству и животноводству.

Таким образом, большинство учреждений культуры на селе стали постоянно действующими агитпунктами. Накопив большой опыт работы с людьми, пользуясь высоким авторитетом у сельских тружеников, интеллигенция превратила клубы и избы-читальни в центры культурно-просветительной работы с колхозными и совхозными кадрами.

Сельские учреждения культуры успешно выполнили в дни войны задачи патриотического воспитания широких колхозных масс.

Примечания:

¹ Правда. 1941. 17 июля.

² Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1385. Л. 27–28.

³ Подсчитано по: Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 888. Л. 41; Д. 891. Л. 118 об.; Ф. Р-1893. Оп. 2. Д. 20. Л. 2–2 об.; Д. 26. Л. 2; Там же. Д. 34. Л. 53; Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 10. Д. 135. Л. 12, 21; Там же. Оп. 10. Д. 138. Л. 36, 37, 58; Центр документации новейшей истории (далее ЦДНННН). Ф. 1294. Оп. 1. Д. 490. Л. 23; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 391. Л. 3 об.; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 161. Л. 21; Ф. 1697. Оп. 1. Д. 922. Л. 7.

⁴ Подсчитано по: ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 44; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

⁵ Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее ГАОПДКО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 159. Л. 15.

⁶ ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 8. Д. 626. Л. 3; Ф. 1428. Оп. 1. Д. 98. Л. 79–80; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 126. Л. 26 об.

⁷ Там же. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 8, 29, 46.

⁹ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 106. Л. 34; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 109. Л. 22.

¹⁰ Учительская газета. – 1942. – 19 марта. – С.3.

¹¹ Маин В.И. Сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (очерк партийной и советской работы). – Воронеж, 1985. – С.104 – 105.

¹² ЦДНННН. Ф.371. Оп.6. Д.257. Л.31.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф.1138. Оп.1. Д.121. Л.18.

¹⁵ Там же. Ф.371. Оп.8. Д.626. Л.3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Оп.6. Д.257. Л.7.

¹⁸ Корнилов Г.Е. Культурное развитие уральского села в годы Великой Отечественной войны // Развитие культуры уральской советской деревни (1917 – 1987 гг.): Сб.науч.тр. – Свердловск, 1990. – С.69.

¹⁹ Фёдорова А.В. В тылу как на фронте (Оренбургская деревня в годы Великой Отечественной войны) // Великая Отечественная и Южный Урал 1941 – 1945гг. : сб. статей и материалов / под ред. А.В. Фёдоровой. – Оренбург: Изд - во « Димур», 1995. – С.21.

Любичанковский А. В. (г. Оренбург)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕОГРАФИИ МЕНТАЛЬНОСТИ ГОРОДА ОРЕНБУРГА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Изменение пространства – естественный процесс его развития во времени. Если проанализировать динамику изменения городского пространства (на примере Оренбурга), используя современные теоретические схемы цивилизационного развития, то можно выявить закономерности в его развитии и дать прогноз будущих изменений.

Рассмотрим организацию пространства жизнедеятельности социума через теорию антропосистемы Г.Г. Ершовой,¹ в которой территория рассматривается как определяющий фактор развития антропосистемы. Согласно этой теории, именно средовой компонент (будь то жилье или территория) рассматривается в качестве основного для социума объекта охраны и разработки правовых норм. Организованное территориальное пространство формирует сложную триаду, в которой, с одной стороны, присутствует функциональная оппозиция: поселение и ритуальный (административно-духовно-научный) центр, а с другой, – необходим средовой компонент: хозяйственная территория как среда реализации функциональной оппозиции.²

В настоящее время получены интересные данные для создания единой модели цивилизационных процессов, а также для понимания многих феноменов, не имевших вплоть до последнего времени полноценной интерпретации. В том числе получена схема развития города как основного маркера цивилизационного процесса, поскольку именно городской центр в качестве объекта максимально прогрессивной артефактной деятельности коллектива является одним из наиболее полных воплощений идеологических и мировоззренческих представлений, социального и политического устройства, моделью организации пространства.³

Исследователи по-разному подходят к анализу древнейших этапов урбанизации. Чаще всего урбогенез рассматривается с позиции экономических и социальных предпосылок.⁴ Г.Г. Ершова берет за единицу отсчета развитие отношений внутри асимметричного биома: поселение и модель мира. Лучше всего подобный подход иллюстрирует пример различительного признака между селом и деревней на Руси: село отличается от деревни наличием церкви.⁵

Развитие протогородских и раннегородских центров – то есть ранних форм фиксации и организации территориального пространства коллектива – следует некой универсальной схеме. По пути от ритуального центра до современного мегаполиса он проходит несколько этапов изменений и роста информационного пространства. При этом некоторые характеристики в организации города свидетельствуют и о качественных изменениях в развитии всей системы – соотношение места административно-культурного центра и мест поселения, переход от круглой к квадратной модели построек, внутренняя реструктуризация, копирующая главную модель. Параметрами, обеспечивающими качественное преобразование характера города, являются

следующие: появление постоянного населения и изменение отношений с прилегающими общинами; выделение «главного» среди равных городов; подчинение населения с разными моделями мира (хотя бы в деталях), что меняет характер оперирования информацией в сторону универсализации коммуникационных систем и роста скорости коммуникации (обмена информацией). При этом происходит изменение информационного пространства города через наращивание все более абстрактных подсистем, сочетающих все уровни прогрессивной модели мира. Если же не происходит постоянного наращивания новых прогрессивных признаков, то система (в данном случае город - село) приходит в состояние стагнации и останавливается в развитии.⁶

Автор исходит из того, что антропосистемный подход, рассматривающий изменение структуры антропосистемы с момента ее зарождения, является аппроксимированием исторического развития. При его детализации можно рассмотреть все те же процессы в витальном цикле цивилизаций.

Л.Н. Гумилев выразил цивилизационное развитие (в его терминологии развитие суперэтнических целостностей) через последовательное закономерное прохождение фаз этногенеза к персистентному состоянию. Этногенез как эксцесс с последующим постепенным затуханием инерции завершается в реликте, когда этнос становится верхним завершающим звеном биоценоза и «численность населения лимитируется поголовьем оленей».⁷

Оренбургский регион, начавший складываться с XVIII века, может быть отнесен к субцивилизационному пространству. Опираясь на концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева, можно сформулировать критерий фрагментирования единого цивилизационного пространства на субцивилизации - одновременное вхождение пространства в цивилизационный массив. Иными словами, одновременность вхождения территорий в культуру цивилизации определяет специфичность ее субцивилизационного пространства. На языке пассионарной концепции можно сказать, что, в зависимости от географии пассионарного толчка, развитие пассионарности на разных участках территории идет с различной скоростью. Земли, непосредственно затронутые пассионарным толчком, опережают в прохождении фаз этногенеза территории, где освоение происходит за счет вытеснения вектора колонизации за пределы основного ареала расселения пассионариев под действием пассионарной энергии.

Выявим геодинамику Оренбурга, используя в качестве объективного свидетельства отображения цивилизационного развития географические карты и работы В.В. Дорофеева по исторической реконструкции городского пространства Оренбурга.

Мы исходим из того, что географическая карта, помимо своих очевидных функций отображения пространства, служит еще и неким историческим свидетельством, по которому можно судить о знании обществом окружающего мира на разных этапах его развития.

Планировка Оренбурга в XVIII веке была решена по радиально-кольцевой схеме, что соответствовало господствующему принципу регулярности. Крепостная ограда строилась на овале. Планировка внутри нее была решена по прямоугольной сетке. В проекте обращает на себя внимание особое расположение кварталов, благодаря которому сокращается количество сквозных улиц. По центральным осям кварталы, перекрывающие улицы, делят город на три довольно изолированные части. Крепостной вал на западе удален от склона в целях безопасности: нужно было увеличить простреливаемое пространство перед крепостью. Восточная же сторона передвинута, по-видимому, *ради симметрии, которую в те времена очень ценили.*⁸

Регулярность отражалась и в принципах заселения. Кварталы, расположенные вдоль главных осевых улиц – Губернской и Штабской (нынешние Советская и Ленинская), предназначались под застройку казенными зданиями и домами чиновников, офицеров, казачьих старшин. Места отводились, «кои пред прочими лучше построить могут». Казаки селились в восточной половине крепости, за исключением кварталов к югу от Проезжей улицы (М. Горького). Солдат, которые хотели иметь собственные дома, селили в западной половине; там же селились так называемые «своекоштные» - штатские поселенцы, жившие на собственные средства; рядом с ними селились также ссыльные поселенцы, имевшие разрешение жить своим хозяйством. Последние две группы селились преимущественно по обе стороны от Проезжей в ближайших к валу кварталах и рядом с мытным двором, находившимся около Чернореченских ворот. Ссыльные же колодники помещались в остроге, который был в Бердском бастионе. Застройка в общих чертах развивалась с юга на север и в непосредственной близости от ворот, исключая сакмарские, где долгое время были лишь казармы.⁹

Между 1752 и 1755 годами с восточной стороны крепости, начиная прямо от крепостного рва, стала застраиваться казачья Георгиевская слобода, хотя, как видно из проектного плана, ее должны были стро-

ить на некотором расстоянии, поскольку перед крепостью следовало оставлять эспланаду – свободное от застройки пространство. Такое решение, скорее всего, было принято, чтобы не только защитить слободу в случае нападения, что предусматривалось проектом, но и держать под контролем основную часть населения – новообращенных калмыков, записанных в казаки. Слобода имела, кстати, и другое название – Калмыцкая.¹⁰

В целом реконструируя пространство города Оренбурга XVIII века сквозь призму цивилизационного подхода, используя в том числе одно из первых картографических отображений Оренбурга - план Оренбурга 1760 г. капитана А. И. Ригельмана,¹¹ отметим круглую модель очертания города, раздельность расположения районов по функциональной значимости: административно-культурного центра и мест поселения. Отдельное расположение казачьей станицы свидетельствует о появлении постоянного населения и изменении отношений с прилегающими общинами (в том числе казачьего субэтноса), которое выразилось в размежевании селитбы по внутриэтническому признаку.

Общий вид поселения характеризовался круговой планировкой (состоящей из квадратных домов), где сакральная часть находилась в центре, а хозяйственное пространство могло менять свою фиксацию, в зависимости от характера и целей (поля – на периферии, большой гостиный двор – в центре).

В 1862 году упразднили крепость и к концу 1864 года срыли крепостной вал, город слился со слободами, кроме Форштадта, который к тому времени стал отдельной административной единицей – станицей, хотя его жители пользовались некоторыми благами города. Часть бывшей эспланады в виде площадей, на которых занимались торговлей, осталась свободной. Сейчас это парк Победы, стадион «Динамо», сад у областной администрации и прилегающая к нему площадь.¹²

После весенних пожаров 1879 года в центральной части Оренбурга запретили строить деревянные дома и распланировали к северу от Новой слободки «Новый план». Начался переход к другой планировочной схеме – прямоугольной сетке. В 1906 году Новый план был дополнен «Новыми местами», доходившими до линии современной ул. Шевченко.¹³

Анализируя карту Оренбурга с предместьями 1849 года,¹⁴ когда город уже выделился в качестве «главного» среди равных городов губернии, можно увидеть внутреннюю реструктуризацию, копирующую

главную модель. Очертания Голубиной, Новой слободок и казачьего форштадта, радиально расположенных от исторического центра, воспроизводят в уменьшенном варианте главную модель - центр города.

В подобных типах поселений функциональная (сохраняющая -изменяющая) асимметрия организации пространства строится по чрезвычайно устойчивой, но ограниченной схеме: центр-периферия, предполагая некую круговую симметрию формы. Вместе с тем, практически изначально эта круговая планировка маркирует свою симметрию за счет ориентации по странам света (научные знания в модели мира), что постепенно приводит к развитию внутренней асимметрии функций секторов пространства поселения.¹⁵

В дальнейшем, до Великой Отечественной войны, на европейской стороне к северу-востоку и востоку от центра города застройка проходила небольшими участками от Новостройки, как стал называться Новый план вместе с Новыми местами, в сторону современного проспекта Победы (тогда еще обычного шоссе) и с восточной стороны его. В 1940 году распланировали местность к югу от этой территории в сторону Форштадта, который в эти годы тоже стал расти, в то время как в первое двадцатилетие после революции оставался в пределах 1916-1917 годов. Распланированная местность стала застраиваться, главным образом, уже после войны. Основное направление расширения Оренбурга, согласно генеральному плану, было на северо-восток и восток. Это направление по существу не изменилось, только планировка и застройка стали идти в соответствии с новыми градостроительными принципами. Во второй половине 50-х годов к востоку от Форштадта началось строительство первого в Оренбурге большого жилого массива, получившего название Восточного поселка. За ним появился 2-й Восточный, где шло индивидуальное строительство. С 1961 года застройка города стала вестись большими массивами. В это время начали застраивать Северный жилой район, в 1971-1972 годах был изменен проект детальной планировки, по которому и стала дальше застраиваться эта часть Оренбурга.¹⁶

После 1917 года Оренбург начал активно расширяться, причем основной рост начался в послевоенные годы и главным образом пришелся на время, когда перешли к типовому серийному строительству, которое производилось и в историческом ядре Оренбурга, что, за редким исключением, способствовало обезличиванию его облика.¹⁷

Главный отрицательный «вклад» в ухудшение силуэта города внесла политика конца 20-х – начала 30-х годов по уничтожению бого-

служебных зданий, которые преимущественно придают населенным пунктам свой особый облик. Из 26 церквей всех христианских вероисповеданий, не считая молитвенных домов, в Оренбурге осталась одна действующая – Никольская церковь. Из семи мечетей тоже осталась одна. Но здания мечетей сохранились все, кроме одного, причем пять из них с минаретами. С архитектурной точки зрения особенно невосполнимой представляется утрата церковных доминант центральной части исторического города и собора женского Успенского монастыря, который стоял на возвышенности к востоку от современной улицы Выставочной и к северу от улицы Аксакова.¹⁸

Таким образом, со второй половины XIX века, видно подчинение населения с разными моделями мира (внутриэтнических групп региона), что меняет характер оперирования информацией в сторону универсализации коммуникационных систем и роста скорости коммуникации (обмена информацией). При этом происходит изменение информационного пространства города через наращивание все более абстрактных подсистем, сочетающих все уровни прогрессивной модели мира.

Восстановление церквей в настоящее время сыграло определенную роль в дело возвращения эстетически самобытного градоустройства.

Если исходить из предлагаемого Г.Г. Ершовой закона противоречия между функциональной асимметрией и морфологической симметрией применительно к антропосистеме, то город Оренбург можно будет определить как дополняющий элемент социотерриториальной пары, как дуальный оппонент поселенческой системы. Он возник как результат важного этапа моделирующего мышления, требующего гораздо более сложной модели мира, включающей в себя модели мира юго-восточных от России, прежде всего тюркоязычных народов.

Известный географ Б.Б. Родоман, посетивший Оренбург в июне 2012 года, в разговоре с автором отметил, что город, обдуваемый со всех сторон ветрами Азии, имеет физиономически ярко выраженные азиатские черты и неизбежно будет растворяться в этих чертах, учитывая современные этноконфессиональные процессы в регионе.

Оренбург - не просто «главное поселение общины», он – центр, обслуживающий несколько поселенческих общин (субэтнос казаков, этносы русских, татар, казахов, башкир, калмыков и т.д.). Поэтому функционально он связан с этническими и субэтническими целостностями региона (поселениями, кочевьями). Вместе с тем он качественно меняется при изменении характера связей между ним и дру-

гими поселенческими элементами. Оренбург – специально воспроизведенная вне поселенческой модели прогрессивная для данного субцивилизационного пространства модель мира. Подобная материально воспроизведенная модель отражает все актуальные для создающего ее коллектива знания о мире: научные представления, строительные материалы, материальные предметы, социальное устройство, объекты хозяйственной деятельности, уровень развития социума.

Монументальность построек – важный знак большей неразрывной связи с территорией (которого нет у общинных и прочих поселений), а также знак перехода в качественно новое состояние системы.

Город несет в себе «мужское» начало (изменение системы, связанное с властью), тогда как село – «женское» (адаптация и выживание). Сформировавшись как оппозиция поселенческой модели и притянув к себе поселение, город переходит в качественно новое состояние: он вбирает в себя оппозицию, которая выражается в противостоянии центра (административного, религиозного, научного) «спальным» и промышленным (хозяйственным) кварталам и районам.

Таким образом, жизнь в городе – это открытие доступа к прогрессивной модели мира, расширение образования его обитателей, то есть воспроизводство особей иного, более высокого уровня подсистемы. Город, по определению, является «рассадником прогресса», за которым эволюционно подтягивается село.¹⁹ В нашем случае это перевод исходного для региона этнического разнообразия в целеустремленное многообразие этнической истории субцивилизационного региона.

Опираясь на концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева, можно сделать вывод о том, что этническая мозаичность пространства Оренбургской губернии в XVIII веке характеризовалась цементированием вокруг славянского, тюркского и финно-угорского субстратов единой суперэтнической целостности, отсутствием строгой вертикальной иерархичности в обществе у большинства народов территории Оренбургской губернии (особенно у казахов), высокой степенью пассионарности у русских и башкир. Регион был ареной взаимодействия кочевых, полукочевых и оседлых культур, причем наблюдалась динамика обращения кочевых культур (казахов, башкир) к оседлости. Необходимое для цивилизационного развития этническое многообразие при положительной комплиментарности привело к началу складывания Оренбургского субцивилизационного пространства с вектором развития на юг и юго-восток от Оренбурга.

Используя теоретическую схему Г.Г. Ершовой, уложенную в цивилизационное развитие (идею которого выразил Л.Н. Гумилев), можно констатировать следующие особенности Оренбурга как основного маркера динамики цивилизационных процессов в Оренбургском субцивилизационном регионе.

В XVIII веке город был выразителем акматической фазы этногенеза, когда связь с вмещающим ландшафтом во многом еще строилась по принципам фазы подъема. Природой заниматься было некогда, так как все убивали друг друга ради чести, славы, богатства, ненависти, злобы, мстительности и других страстей и поэтому воспроизводились предшествующие модели, характерные для ранних этапов исторического развития.

В XIX в. – первой половине XX в. город проявил все черты фазы надлома (культурного расцвета на фоне больших потрясений в обществе).

Со второй половины XX века Оренбург стал типичным выразителем инерционной фазы этногенеза: накопленное предшествующими пассионариями в наибольшей степени поддерживает его функционирование, эстетически унифицирована большая часть селитбы и публичные пространства (следствие императива поведения: «будь таким как я», ориентации на общепринятый эталон для подражания; стремления к регламентации и отсутствию индивидуального самовыражения). Переход к инерционной фазе обычно выглядит как успокоение и начало созидательной деятельности после катаклизмов фазы надлома. Соответственно, господствующим в этой фазе становится характерный вид «золотой посредственности» — законопослушный, работоспособный человек. Это означает доминирование в этносе людей гармоничных и с низкими степенями пассионарности. Однако в силу наличия мощного централизованного руководства, усмиряющего внутренние конфликты, этнос в инерционной фазе производит грандиозную работу, что бывает полезно для культуры, но губительно для природы. Именно поэтому методы защиты окружающей среды, накопленные в области геоэкологического направления науки, должны быть особенно востребованы в современном пространстве Оренбурга.

Примечания:

¹ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Российск. гос. гу-манит. ун-т, 2003. 258 с.

² Там же. – С. 182.

³ Там же. – С. 186.

⁴ Сайко Э.В. Древнейший город: Природа и генезис. М., 1996.

⁵ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Российск. гос. гу-манит. ун-т, 2003. 258 с. С.187.

⁶ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Российск. гос. гу-манит. ун-т, 2003. 258 с. С. 207 - 208.

⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2008. 736 с.

⁸ Дорофеев В.В. Город на Яике. Изд-во «Южный Урал». 1993 – 47 с. – С. 7, 10, 16. *Курсив А.В. Любичанковского.*

⁹ Там же, - с. 18.

¹⁰ Там же, - с. 18-19.

¹¹ Из фонда РГВИА. Сайт Оренбургской областной библиотеки им. Н.К.Крупской. <http://dir.orenlib.ru/bd/kartigaoo.html>

¹² В.В. Дорофеев. Город на Яике. Изд-во «Южный Урал». 1993 – 47 с. – С. 21

¹³ Там же, - с. 21.

¹⁴ Дорофеев В.В. Оренбург Шевченковский. // Институту Тараса Шевченко – 10 лет., издательство Оренбургского университета. 2003. 177 с. – С.21

¹⁵ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Российск. гос. гу-манит. ун-т, 2003. 258 с. С. 194.

¹⁶ В.В. Дорофеев. Город на Яике. Изд-во «Южный Урал». 1993 – 47 с. – С. 23.

¹⁷ Там же, - с. 39.

¹⁸ Там же, - с. 39, 43.

¹⁹ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Российск. гос. гу-манит. ун-т, 2003. 258 с. С. 207.

**Ляшенко И.Э., Михайлова Е.А.,
Черепихина С.И., Желтова В.И.**
(г. Оренбург, г. Соль-Илецк)

ПОЗИТИВНАЯ МОТИВАЦИЯ ЗДОРОВЬЯ И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ФОЛЬКЛОРЕ СЛАВЯН

7 апреля в день официального утверждения Устава ВОЗ отмечается Всемирный день здоровья. Согласно демографическим данным этой организации на протяжении последних десятилетий в индустриально развитых странах свирепствует своеобразная «эпидемия повышенной смертности», ежегодно унося жизни миллионов людей [1]. В день здоровья, который с 1950 г. традиционно отмечается в 194 странах мира под эгидой ВОЗ, обсуждаются, намечаются планы и подходы реализации глобальных проблем, стоящих перед здравоохранением планеты. Здоровье – это прерогатива как личности, так и государства, именно поэтому в рамках Дня здоровья среди населения раз-

личных уровней социальной иерархии, проводятся мероприятия, позволяющие сформировать и закрепить среди населения понимание значимости, ценности здоровья и его сохранения для эффективного жизнеобеспечения.

В поисках способов сохранения здоровья и как следствия – длительной активной трудовой и общественной деятельности, человечество прошло многовековой путь. С древнейших времен в течение всего периода становления и развития человеческих цивилизаций были выработаны правила и приемы сохранения и поддержания здоровья. Изначально эмпирические – через наблюдение и эффективное сравнение, затем закрепленные во многих поколениях, в том числе благодаря народному фольклору, они стали одной из составляющих культуры этносов, в том числе славян. Проживающих на территориях Урало-Поволжского региона запечатленные в ярких, образных народных сказаниях, загадках, частушках, заговорах, пословицах и поговорках они не только дошли до наших дней, но и были задействованы и реализованы научной медициной и здравоохранением в программах, проектах и мероприятиях по охране здоровья населения. Именно поэтому, представляет интерес гносеологический аспект изучения пословиц и поговорок, славян трансформирующихся в медицинском толковании и проблемах здравоохранения.

Материалом для изучения фольклорных представлений о здоровье его поддержании и сохранении послужили работы В.Д. Даля [2], а так же другие источники из фондов публичной научной библиотеки им. Н.К. Крупской г. Оренбурга и научной библиотеки Оренбургского государственного медицинского университета [3,4,5].

Среди славян здоровье ценилось как оптимальное состояние организма, при котором он в целом и все его органы, способны полностью выполнять свои функции. *«Здоровью цены нет. Здоровье не купишь. Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье всего дороже»* - в тех или иных вариантах утверждалась мысль, зафиксированная в пословицах.

Уже с древних времен люди понимали, что только здоровье дает красоту, силу, способность ощущать радость жизни: любовь, труд, отдых, увлечения и др. Много позже великий русский ученый, лауреат Нобелевской премии И.И. Мечников писал: *«Желание жить, сохранить здоровье..... заставляет человека придумывать различные средства для устранения несовершенства своей природы»*. [6, с. 122]

Навыки восстановления и поддержания здоровья отдельного человека и сообщества в целом, были необходимы для выживания, тру-

да, охоты, ведения сельского хозяйства, животноводства, строительства жилья, организации производства, защиты от врагов и, наконец, воспроизведения здорового потомства. Эти знания и умения накапливались и совершенствовались, в том числе с изменениями социально-бытовых условий жизнеобеспечения, культуры, развития цивилизации.

Одним из важнейших факторов, стимулирующих здоровье, поддерживающих активность естественных защитных сил организма считалось движение. Не случайно, еще в V в. до н.э. в Греции на скале была высечена надпись: *«Хочешь быть сильным – бегай, хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть умным – бегай»* [5, с.198]. Физические упражнения, возведенные в культ греческой культурой, были знакомы и славянам: кулачные бои (до первой крови), перетягивание каната, санные гонки, борьба, активные игры – городки и другие виды активного движения, культивировались среди населения, особенно, проживающего в сельской местности. *«Сидит, раскис, по бокам отвис»*, *«Засел как гвоздь»* - со смехом и порицанием говорили славяне о тех, кто малоактивно двигался. Ленивый человек не получает необходимую для своего здоровья активность физических движений, благоприятных (иногда экстремальных) воздействий условий внешней среды: холода, солнечную энергию, дождь, ветер, которые так же надо преодолеть, воспитывая волю и характер *«Безвольный, что бездельник»*.

Одновременно с активным движением высоко оценивалось воздействие внешних факторов: пребывание на свежем воздухе, купание в холодной воде, плавание, при котором активные движения осуществляются в горизонтальном положении в обеспечивающей эти движения водной среде.

В 1899 г. выдающийся русский физиолог И.Р. Тарханов писал: *«К слову закалывание, или закал, в применении к организму русская речь прибегает по аналогии с явлениями, наблюдаемыми на железе, стали, при их закаливании, придающим большую твердость и стойкость»*. [7, с.38]

«В мороз и холод всякий молод» - утверждали славяне, передавая это наблюдение из поколения в поколение.

Славянам, особенно в сельской местности, приходилось много трудиться. Наблюдательность, природная мудрость через наблюдения и обобщения формирует и закрепляет в пословицах, переходящих из поколения в поколение, истину о том, что *«Труд не калечит, а лечит»*,

«Человек от лени болеет, а от труда здоровеет». Труд – важнейший фактор здоровой человеческой жизни и жизнеобеспечения, как личной, так и общественной. *«О добре трудиться, есть чем похвалиться»*, *«Чтобы рыбку съесть – надо в воду лезть»*, *«Дал бог руки, а веревки сам вей»*, *«Терпение и труд все перетрут».*

Бездействие осуждалось в народе: *«Без дела жить – только небо коптить»*, *«Кто много лежит, у того и бок болит»* [1], *«Труд человека кормит, а лень портит»*, *«Руки не протянешь, так и с полки не достанешь»*, *«У ленивой пряжи про себя нет рубахи»* [2]. Утверждала народная мудрость, порицая праздность как мать пороков.

Одним из важнейших условий здорового образа жизни, сохранения и поддержания функциональной и социальной активности является гигиеническая составляющая. *«Чистота – залог здоровья»* - заметили еще ранние славяне, организуя отхожее место за пределами места проживания. Очевидность этого наблюдения еще не означала простоту его осуществления, а навыки сохранения и поддержания гигиены в семье и обществе, к сожалению, до настоящего времени не всегда и везде находят свою абсолютную реализацию. Хотя претворение в жизнь даже простейших гигиенических мероприятий позволяет оптимизировать эффективное жизнеобеспечение, предупредить многие болезни и их распространение, на долгие годы обеспечит здоровье и долголетие. *«Опрятность – залог здоровья»*, *«Чистое к поганому не пристанет»*, *«Чистота здоровье сохраняет, а воздержанность разум укрепляет».*

Бесспорно, одной из важнейших гигиенических процедур в быту считалась русская баня. Еще в V веке до н.э. древнегреческий философ Геродот, путешествуя по территориям, где проживали скифы, писал о паровой бане, как неотъемлемой части народной гигиены. Русский фольклор содержит разнообразные сведения о воздействии бани на организм: *«Баня – мать вторая; Кости попаришь – все тело направишь, когда б не баня, все б мы пропали»*, утверждает народная мудрость славян.

Горячая вода, пар, душистый веник из березовых и хвойных веток, богатых фитонцидами, в контрасте с холодной водой, а зимой и снегом, создавали ощущения радости, силы, благополучия, здоровья. *«Когда б не баня, все бы мы пропали»*, *«Помылся, как вновь народился»*, *«Счастливый как из бани».* Баня была не только местом гигиенических ритуалов, но и мощным целительным фактором. В банях лечили простудные заболевания, вправляли вывихи, принимали роды.

Приведенные материалы содержат сведения фольклора славян об истоках формирования знаний о значении здоровья для жизнедеятельности и жизнеобеспечения, а так же его сохранения через закаливание, физические упражнения, гигиенические навыки, активную, в том числе трудовую, деятельность. Пословицы и поговорки, обряды и обычаи являются ценнейшим источником изучения ритуалов сохранения и поддержания здоровья. Дошедшие до наших дней они не противоречат научной профилактической медицине, поскольку содержание их разумно, заключения целесообразны, прикладные аспекты рациональны и составляют неотъемлемую основу культурного наследия славян.

Литература:

1. Материалы ВОЗ [электронный ресурс]. – Режим доступа www.regtime.ru (Дата обращения 15 июня 2015 г.)
2. Даль В.Д. Пословицы русского народа. / В.Даль. Сборн. – Москва, 1957. – 990 с.
3. Разумов А.А. Мудрое слово (русские пословицы и поговорки). Русское народное поэтическое творчество. – М., 1978. – 103с.
4. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Москва, 1979. – 78с.
5. Шабалин В.А. Мудрые мысли о здоровье. // СПб.: Политехника, 1998. – С. 221.
6. Мечников И.М. Эпизоды о природе человека. М., 1961. – 122с.
7. Тарханов И.Р. О закаливании человеческого организма. – СПб., 1899. – 68с.
8. Думка Н.С. О медицине скифов. – Киев, 1960. – С.21.

Ханаш С. А. (г. Оренбург)

ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В АНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

В данном исследовании рассматривается этнический транзит как одно из направлений мировой динамики этносов и классифицируются его формы.

Структурная линия предложенной статьи включает следующие разделы: блок теоретической рефлексии о явлении транзитарности в развитии этносов как социальном феномене и информационный блок о транзите конкретных этносов в мире, взятых в качестве интерактивных примеров.

Транзитарность — от лат. *tranzitus* — переход, прохождение. Транзитарность этносов, по мнению автора, — это медленное сложное движение этносов в мировом этническом пространстве, сопровождающееся глубокими связями с коренной этнической базой, располагающейся в конкретной стране в рамках ее государственности [6]. Этническая транзитарность представляет собой прежде всего социологическую категорию, отражающую реальную динамику переходных социальных статусов различных субъектов в обществе, их мобильность. Научное понятие этнической транзитарности или транзитивности недостаточно разработано. В изданиях словарно-справочного характера по этнологии [11] и политологии [9] дефиниция этнической транзитарности отсутствует. Косвенное упоминание в контексте транзитивных статусов содержится в некоторых социологических словарях и исследованиях [5].

Научная актуальность исследования этнической транзитарности детерминирована функциональным характером этого процесса и необходимостью его дистанцирования от миграционных потоков, резко возросших в конце XX и начале XXI века.

Рефлексивное поле дискурса по поводу системных качеств транзитарности этносов можно сформулировать в ряде кратких тезисов. Транзит имманентно присущ закономерному развитию этносов как динамических общностей; при этом транзит этносов, их движение в мире имеют различный социальный контекст. Наблюдается многовариантность транзитарности этносов: транзит может выступать в качестве постоянного, ведущего свойства этноса (цыганский этнос), проявляться в прикладной роли этнической мобильности.

Этнический транзит пересекается с миграционными процессами, но не отождествляется с ними. Принципиальное различие феноменов позиционируют их субъекты: в первом случае это этносы, во втором — классы, социальные, демографические группы, политические, религиозные круги общества и т.д., в том числе определенные части этносов [7].

Перспективы этнического развития: сохранение транзита как ведущего качества этноса; этнотранзит как сопровождающая характеристика, способствующая в определенной степени ассимиляции в большом этносе страны проживания; при наличии тесных связей с исторической родиной — сбережение собственной этнической культуры.

Далее в соответствии с заявленной логикой статьи излагается блок информационного сопровождения показанной выше теоретической

рефлексии: описание транзита татарского этноса в российском и мировом этническом пространстве.

Татары — тюркоязычный народ, живущий в центральных областях европейской части России, в Поволжье, Приуралье, в Сибири, Казахстане, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Численность татар в России составляет 5310,6 тыс. человек (перепись населения 2010 года) — 3,72% населения России. Структура расселения татар в России по регионам показана в таблице 1. Они являются вторым по численности народом в Российской Федерации после русских. Делятся на три основные этнотерриториальные группы: татары волго-уральские, сибирские и астраханские. Татары составляют более половины населения Республики Татарстан (53,15% по переписи 2010 года).

Таблица 1. Численность татар в регионах России

Регион	Общее число татар	Процент татар
Татарстан	2 000 116	52,92
Башкортостан	990 702	24,14
Челябинская область	205 087	5,69
Ульяновская область	168 766	12,20
Свердловская область	168 143	3,75
Москва	166 083	1,6
Оренбургская область	165 967	7,61
Пермский край	136 597	4,84
Самарская область	127 931	3,95
Удмуртия	109 218	6,96

Татарский язык относится к кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи языков и делится на три диалекта: западный (мишарский), казанский (средний) и восточный (сибирско-татарский).

По религиозному признаку татары в основном мусульмане-сунниты, а также православные, атеисты и др. [2].

По имеющимся весьма приблизительным данным, общая численность татар, проживающих за пределами Российской Федерации, составляет 1 миллион 100 тысяч человек, в том числе татарская диаспора в дальнем зарубежье насчитывает чуть более 40 тысяч человек и в количественном отношении представлена следующим образом: Тур-

ция — 25 тыс., Китай — 5 тыс., США — 1 тыс., Финляндия — около 1 тыс., Польша, ФРГ и другие европейские страны — 8 тыс., другие страны Азии и Австралия — около 1 тыс. человек [3].

Татары в дальнем зарубежье живут достаточно компактно и объединены в различные ассоциации, общества и землячества.

Численность татар в мире определяется около 8 млн. За рубежом татары в основном живут на территории бывшего СССР, в ближнем зарубежье, в Узбекистане — 324 тыс. (2002 г.); в Казахстане — 203,3 тыс. (2009 г.), на Украине — 73,3 тыс. (2001 г.), в Киргизии 45,5 тыс. (1999 г.), Азербайджане — 30 тыс. (2008 г.), Таджикистане — 19 тыс. в 2000 г. (в 1989 г. их было 79,4 тыс. чел.), в Белоруссии — 10,1 тыс. (1999 г.). В Литве в 2001 г. осталось лишь 3235 татар [3].

В Турции имеется довольно многочисленная татарская диаспора. Для них характерно не только стремление сохранить национальную культуру и обычаи, но и материально поддерживать нуждающихся членов своих общин, а также спонсировать литературно-издательскую деятельность.

В Соединенных Штатах Америки основу диаспоры составили татары, эмигрировавшие из Европы и азиатских стран по окончании Второй мировой войны. Ассоциация американских татар в США была создана на базе Татарского общества США, возникшего в 1950-х годах в Нью-Йорке. На западном побережье США существует Американская турко-татарская ассоциация (АТТА), которая также занимается культурно-просветительской деятельностью.

Как продолжение социологического анализа этнического транзита рассматривается другой вариант, который иллюстрирует динамика цыганского этноса.

Цыгане представляют собой составной элемент социо-этнической стратификации в мире в целом, различных странах (в том числе России) и Оренбургской области.

Более 12 миллионов цыган живут во многих странах мира. Подсчитать точное их количество невозможно, так как многие из них не зарегистрированы в общегражданских переписях. В России проживают около 220 тысяч цыган. На Оренбургскую область приходится 1793 человека, что составляет 0,09 % от национального состава области. Если посмотреть на динамику, то с 1959 и до 2010 годов заметна тенденция увеличения количества цыган в области, что нельзя сказать про город Оренбург. В 2002 году в Оренбурге насчитывалось 347 человек, а в 2010 году - 218, то есть расселение происходит по области, а не в городе [4].

Цыгане - этническое меньшинство, отличающееся рядом особенностей. В нашем исследовании выделяются социо-этнические особенности. Это, прежде всего, наличие цыганского языка индоарийского происхождения. Он имеет множество разговорных диалектов, но все диалекты содержат несколько общих слов, используемых всеми цыганами (присуще наличие наречий) [8].

К признакам цыганской социо-этнической общности можно отнести символику этого этноса:

- зелёно-синий флаг, который разделён на две горизонтальных полосы. Верхняя, синяя, символизирует небо; нижняя, зелёная - траву, поля. В центре флага располагается красное восьмиспицевое колесо, которое одновременно символизирует собой традиционное кочевье и «вечное кочевье духа». Кроме того, оно напоминает рисунок чакры, намекая на индийское происхождение цыганского народа;
- девиз: «Опре, Рома!», в переводе он звучит как «Цыган, воспрянь!»;
- гимн: «Джелем, джелем» («Еду, еду») [1].

К характеристике цыганского этноса необходимо отнести шкалу социально-нравственных ценностей.

Основной цыганской ценностью является семья. Трепетное отношение к такой ценности выражается в любви к детям, уважении к старшим членам семьи и признании интересов семьи выше личных.

Следующей по значимости ценностью является религия. Она для цыган важнее, чем обычно думают и рассказывают люди других наций. В этом контексте переплетаются элементы язычества и религий стран, где цыгане проживают. Важной чертой характеристики цыганского этноса является такой признак как не территориальная общность, то есть, отсутствие у них определенной закрепленной территории. В то же время следует отметить, что идет процесс расширения оседлости цыган в России.

Ведущий признак цыганского этноса наличие традиционного цыганского табора [10]. Представляется возможным определить цыганский табор как первичный микросоциум цыганского этноса - социальную общину, состоящую из цыганских семей, как исходных социальных единиц. Руководителя табора (цыганского барона, вожака) можно определить, как представителя управленческого процесса в рамках цыганской общины. Рычаг его управленческой деятельности - опора на общественное мнение табора. Вожак становится цыган, хорошо владеющий языком окружающего населения, способный отстаивать интересы табора, пользующийся абсолютным авторитетом.

Таким образом, цыгане как социально-этническая общность - реальный социальный факт развития современного российского общества, в том числе оренбургского социума. Данная общность имеет специфические особенности транзитного характера: нет чёткой территориальной закреплённости, в то же время расширяется процесс оседлости; языковые, религиозные и другие черты социального функционирования общности сопровождаются синтезом с культурой окружающих этносов.

Демократические процессы современной России стимулируют интеграцию цыган в систему плюралистического общества.

Проблематика, рассмотренная в статье в целом, позволяет сделать определенные выводы. Понятие транзитарности этносов представляется необходимым для анализа динамики этнических общностей.

Подобная категория способствует ранжированию развития в условиях роста этноса миграции, углубляет теоретические исследования этнических феноменов и практику разработки этнического менеджмента.

Список использованной литературы:

1. Бакленд Р. Цыгане. Тайны жизни и традиции [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/reimond-baklend/cigane-_076/l-cigane-_076.html (дата обращения: 07.04.2013).
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E0%F2%E0%F0>.
3. <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.phptitle>.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Город Оренбург. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenburg.ru/background/Itoqiperepisi/> (дата обращения: 07.04.2013).
5. Калиева А. Т. Этнос в ситуации социальной трансформации России. Сборник социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов: материалы международной научной конференции. – М.: Макс пресс, 2008. – С. 182-185.
6. Кусянкулова Р.Ф. Ханаш С.А. Транзитарный аспект развития этносов в кросскультурном контексте (социологический комментарий) // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья. им. М. Джалиля. – Оренбург: Издательство ОГПУ. 2013. – С. 106-113.
7. Миграция в России. 2000-2012. Хрестоматия: в 3 т. Т. 3. – М.: Спецкнига, 2013. – 376 с.
8. О цыганском языке и его диалектах // Российский центр исследований цыганской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulturom.ru/language.html> (дата обращения: 07.04.2013).
9. Погорелый Д. Е. Политология. – М.: Эксмо, 2008. – 320 с.
10. Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. Цыгане. Происхождение и культура. – М.: Paradigma, София, 2009. – 830 с.
11. Тавадов Г. Т. Этнология. Словарь-справочник. – М., 1998. – 688 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмадиева Наркас Вафиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна – доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Дубовицкий Виктор Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

Евгеньев Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Егоров Димитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Желтова Валентина Ивановна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург)

Зотиков Алексей Валерьевич – ассистент кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н.

Ульянова (г. Чебоксары)

Ишбулатов Фаниль Анварович – краевед, младший советник юстиции, помощник прокурора Промышленного района г. Оренбурга (г. Оренбург)

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета (г. Челябинск)

Кузнецова Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Любичанковский Алексей Валентинович – кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник Института Степи УрО РАН, доцент кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Ляшенко Ирина Эдуардовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург)

Михайлова Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, профессор кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Надршин Фарит Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Палкин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, научный сотрудник лаборатории исторического степеведения Института степи УрО РАН (г. Оренбург)

Проходцев Кирилл Александрович – аспирант кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Рзянин Николай Александрович – магистр Религиоведения, аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) (г. Москва)

Савинова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, библиограф Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт степи Уральского отделения Российской академии наук (г. Оренбург)

Семенов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Тептеев Александр Григорьевич – краевед (п. Фершампенуаз, Челябинская область)

Тугай Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Ханаш Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических учений Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Черепяхина Светлана Ивановна – заведующий терапевтическим отделением ГБУЗ «Областной Соль-Илецком центром медицинской реабилитации» (г. Соль-Илецк)

Черниенко Денис Аркадьевич - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, эксперт Распределенного научного центра международных и межрелигиозных проблем (г. Уфа – г. Ижевск)

Четвериков Сергей Алексеевич – аспирант кафедры «История» Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Шалагин Анатолий Владимирович – краевед, (г. Магнитогорск Челябинская область)

Шурбаев Кайрат Кимерканович – соискатель ученой степени кандидат исторических наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Ярошецкий Александр Борисович – краевед (г. Каргалы, Челябинской области)

СОДЕРЖАНИЕ

Федорова А. В. Полотенце в подарок	3
Кузнецов В. А. Татары, мещеряки и другие иноверцы края в военной истории страны	7
Семенов В. Г. Выдающиеся деятели из рода Середы	31
Тептеев А. Г. Страницы из истории Нагайбацкой станицы	40
Ярошецкий А. Б. Казачьи девицы-монашки	52
Дубовицкий В. В. Казачество как базовый этнокультурный элемент самоорганизации русского населения в Таджикистане (1991–2007 гг.)	64
Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Купеческая архитектура Оренбурга XIX – начала XX века как отражение вкусов провинциальных коммерсантов	69
Денисов Д. Н. Формирование татарского населения Оренбургского края (30-е гг. XVIII – начало XX вв.)	81
Шалагин А. В. Актер и учитель Альмяшев	95
Моргунов К. А. Социально-экономическое положение и правовой режим землепользования оренбургских казахов	104
Проходцев К. А. К вопросу о проекте земельного и административного устройства казахского населения Новолинейного района в 1860-х гг.	164

Лутцев М. В. Россия в Казахстане: цивилизатор или колонизатор?	172
Черниенко Д. А. История и локальные особенности этнокультуры украинцев на Южном Урале (на примере Альшеевского района Республики Башкортостан)	182
Егоров Д. В. Роль знахарей и колдунов в правовой культуре чувашей во второй половине XIX – начале XX в.	193
Рзянин Н. А. Мecenатство как один из путей образования монашеской общины на примере Оренбургского Успенско-Макарьевского общежительного мужского монастыря	206
Палкин А. Г. Роль старообрядчества в становлении уральской промышленности	212
Евгеньев А. А., Тугай Т. И. Член-корреспондент МАО Р.Г. Игнатъев (1818–1886) и проблемы Южноуральского археологического краеведения	219
Надршин Ф. М. Жизнь и политическая биография Ахмет-Заки Валиди	229
Ишбулатов Ф. А. Затмение Луны (о судьбах детей Муфтия ЦДУМ Ризаитдина Фахретдинова)	239
Ахмадиева Н. В. Проблемы этнокультурного развития башкирского этноса (на материалах БАСССР 1959 – 1989 гг.)	251
Зотиков А. В. Участие государственных крестьян Среднего Поволжья в картофельных бунтах (на примере Акрамовской войны 1842 г.)	261

Савинова Т. Н. Библиотеки для нерусского населения Оренбурга (конец XIX – 1919 г.)	267
Четвериков С.А. Ссылные ксендзы Мечислав Табенский и Иосиф Држевинский в Верхнеуральске в 1869–1871 годах	273
Шурбаев К. К. Военное духовенство Оренбургского края в Русско-японской войне 1904-1905 гг.	282
Бахарева О. Я. Воспоминания немцев о прошлой жизни в с. Федоровка Акбулакского района после эмиграции в Германию	288
Кузнецова Ю. В. Сельская интеллигенция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: из опыта культурно-просветительской работы	296
Любичанковский А. В. Идентификация географии ментальности города Оренбурга в контексте цивилизационного развития	301
Ляшенко И. Э., Михайлова Е. А., Черепихина С. И., Желтова В. И. Позитивная мотивация здоровья и здорового образа жизни в фольклоре славян	310
Ханаш С. А. Феномен этнического транзита в аналитическом дискурсе современной этносоциологии	314

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО
РЕГИОНА**

*Сборник материалов Всероссийской
научно-практической конференции*

ISBN 978-5-4417-0614-8

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 20,5. Тираж 200. Заказ 215.

Подписано в печать 10.12.2015 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

